

Аркадий
Шрифонов

Охота на бабочку

«...Что будет потом, утром,
когда настанет пора прощаться?
Она так долго мечтала об этом,
ждала встречи с ним...»

Она предпочла забыть свое имя, чтобы навсегда заглушить боль о прошлом, о несбыточных надеждах, и навсегда утерянной ЛЮБВИ. Теперь она МОТЫЛЕК, порхающий среди сутенеров и клиентов, дорого платящих за ее любовь.

Но единственный вечер в корне меняет ее жизнь.

Судьба дарит ей шанс. Шанс наконец-то обрести свое СЧАСТЬЕ...

— Are you ready or not, God damn it?!

— Что?..

Настя чуть замешкалась в дверях при входе, и он резко и грубо втолкнул ее в комнату. Она даже толком не успела сообразить, что ему надо. А он уже обхватил ее сзади за шею и другой рукой рванул платье у нее на спине, сверху вниз, мимоходом зацепив пальцем сразу жалобно лопнувшие на бедрах бикини, так что она почувствовала обжигающий след ногтя. Теперь на коже останется багровая болезненная полоска. Это ей очень не понравилось — что за манеры? Платье было совсем новое и обошлось ей почти в полторы штуки марок. И, черт побери, почему без презерватива, так они не договаривались...

Она, изловчившись, развернулась к нему лицом и лихорадочно соображала, что ей делать. Может, двинуть ему между ног? Момент подходящий... Но страшно, чертовски страшно. Она видела перед собой огромное гориллоподобное существо, нависавшее над ней всей своей массой. Успела она заметить и другое — его глаза. И похолодела. Зрачки крохотные, словно игольное ушко, вернее, как маковое зернышко. Наркоман! Этого еще не хватало. Нет, так она ничего не добьется, разве что лишь ухудшит свое положение... Может, поступить, как уже бывало раньше, — не сопротивляться, а там сориентироваться по обстоятельствам?..

Он сжал ее плечи и слегка отвел их назад, заставляя ее прогнуться. Парализованная страхом, она уже не сопротивлялась. Он свел ей плечи так сильно, что хрустнул какой-то позвонок. И вдруг она почувствовала холодное прикосновение, услышала тихий металлический звук и все поняла.

Она зашлась в крике. Все было подстроено с самого начала! Извращенец и наркоман — он сейчас ее задушит... или еще хуже! Хотя куда уж хуже... Он повалил ее на пол, прямо на руки, скованные наручниками, и это было больно, унижительно, но она почти не чувствовала боли, а только вопила изо всех сил, извивалась и лягалась, особо не целясь — лишь бы попасть. Все, что осталось от дорогого платья и белья, сползло и лежало рядом бесформенной грудой тряпья, она этого даже не заметила. Но так продолжалось недолго. Он поймал ее ноги, прижал их к полу и резким толчком с ходу вошел в нее. Она еще не была готова и потому невольно застонала от боли. Кажется, это его еще больше раззадорило, он зарычал от удовольствия и пустил слюну ей на грудь.

Ее вопли стали просто оглушительными, она кричала, как до смерти испуганное, загнанное в угол животное.

Не давая ей опомниться, он перевернул ее на живот, дернул за волосы, подтягивая ее ближе к себе, и опять грубо вошел в нее, но уже сзади. Она издала ужасный стон — и затихла. Силы покинули ее. Едва вынося все нарастающие толчки его огромной туши, она постаралась сосредоточиться на другом, постороннем.

В комнате тускло горел ночник. Номер какой-то убогий: кровать, холодильник, тумбочка, телевизор в углу... Как и большинство дешевых гостиничных номеров в этом городе, в которых ей пришлось побывать уже не раз.

Кто он такой, этот маньяк? Америкос, швед или бундес?.. Рафик подвел Настю к нему в баре и слегка подтолкнул навстречу, коротко шепнув: «На всю ночь. Двойной тариф». Теперь она знает истинную цену этому тарифу! Надо бежать отсюда, и как можно быстрее.

Только вот как?.. Надо усыпить его бдительность, не сопротивляться и не кричать.

Там, внизу, не успел Рафик отойти, как клиент без лишних церемоний схватил ее за локоть и, пока они шли сюда, сначала через холл, потом по лестнице на третий этаж, не проронил ни слова, продолжая сжимать ее руку своими цепкими клешнями. До чего же мерзким оказался этот розовощекий, пышущий здоровьем и уже заметно лысеющий господин лет сорока или около того, с бегающими глазками. Как же она не догадалась сразу в них заглянуть? Сама виновата, а коли так, терпи, крошка, знай свое дело и зря не суетись под клиентом...

Постепенно движения его угасали, и только пальцы все еще конвульсивно сжимали ее грудь и соски. Наконец и эти вспышки энергии прекратились. Без особых сложностей он довершил свое дело и, поддерживая девушку вокруг шеи и бедер, опустил вниз, лицом на ковер. Ворс был жесткий и обжег ей щеки, словно огнем.

— Ну ты и б....! — услышала она над собой фразу, произнесенную на чистейшем русском языке. — Настоящая сука, хоть и крашенная!..

В первую секунду звук родной речи вызвал у нее легкий шок. Затем она попыталась поднять голову, но у нее так ничего и не получилось. Ей просто не на что было опереться. Она лежала, уткнувшись в ковер лицом, с неестественно вытянутыми, сцепленными вместе руками, и только пальцы ее бессильно царапали перед собой грубый, пыльный ворс.

— Вставай!

Он наклонился, снял с нее наручники. Снизу, как сквозь призму, ей было видно, что он босиком прошел к холодильнику, повозился там какое-то время. Потом что-то зазвенело, хлопнула дверца. Она продолжала лежать. Он вернулся, держа в одной руке бутылку водки, а в другой стакан. Постоял, затем присел возле нее на корточки.

— На вот, глотни. Сразу полегчает...

Он чуть приподнял ее за волосы. Бутылку с водкой поставил на пол и почти насильно влил в девушку жидкость из стакана сквозь ее плотно стиснутые зубы. Водка сразу ударила ей в голову, привела в чувство. И он это понял:

— Подействовала?.. Вижу, что подействовала!.. Родная, отечественная, это тебе не шнапс керосинный хлебать. Три месяца с собой возил, с тех пор, как ушли в рейс. — Он ухмыльнулся. — Специально берег. Думал, как только на берег сойду и встречу первую русскую бабу, сразу ее трахну и водочкой побалую...

Она отодвинулась от него, невольно заслонила рукой, словно защищаясь.

— Ничего я приколотся под фирму? А ты поверила!.. — На лице у него заиграла самодовольная улыбка. — Мой, пожалуй, будет не хуже буржуйского, а?.. Хорошо мы поиграли, тебе понравилось?..

Она молчала.

— Как тебя зовут?

Все так же молча она подняла с полу скомканное платье, прикрыла грудь. Он понял это по-своему, усмехнулся:

— Не переживай. Завтра пойдем в магазин, подберешь там все, что тебе нужно.

— Заткнись! — Она смотрела на него с ненавистью и презрением. — Не нужны мне твои подарки, дрянь! А вот за это я тебя посажу!

Она нащупала браслеты наручников, потрясла ими у него перед носом.

Он с довольным видом ухмыльнулся, не спеша наполнил стакан. Выпил залпом, удовлетворенно кивнул головой и почти ласково проговорил:

— Ну ты чего, в натуре? Я ж три месяца безвылазно болтался в море. За это время ни одной живой бабы не щупал и даже не видал, понять должна. Раньше всяких довелось попробовать, и таек узкоглазых, и негритосок, и латинянок, а свои все ж ближе телу и душе. Ясно теперь?..

Она вдруг успокоилась. Теперь все понятно. Этот сукин сын Рафик подсунул ей сошедшего на берег российского моряка, изголодавшегося по сексу, да еще наркомана. Потому и содрал с него двойной тариф.

— Ясно, что ты — дерьмо! — сказала она. — Зачем притворялся, под фирму косил? Фильмов по видуку насмотрелся на корабле, представил себя ковбоем?

— Я не притворялся. Язык учу. Начальство требует, чтобы практика была. — На его лице вновь появилась самодовольная улыбка. — А с кем на судне по-ихнему базарить? Но твоему коту я зелеными отстегнул, как договаривались.

Она встала. На непослушных ногах попробовала подойти к кровати. Сил хватило лишь на это. Она в изнеможении опустилась на покрывало, затихла.

Морячок присел рядом. Взял ее за руку, притянул к себе. Потом достал из небрежно брошенного на стул пиджака смятую пачку сигарет и зажигалку. Прикурив, выпустил колечко дыма, затем поднес сигарету к губам девушки. Она брезгливо отстранилась.

— Брезгуешь? Ну-ну... Бери вот, закуривай целую, мне не жалко.

Он ухмыльнулся, протянул ей сигарету из пачки, дал прикурить. Какое-то время сидели молча.

— Так все-таки, как тебя зовут?

— А тебе что за разница? Мотылек я по-местному, так и зови.

— Но это кликуха. — Он поморщился. — А папа с мамой как в детстве нарекли?

Она помедлила с ответом, потом сказала:

— Настей.

— Настя... Анастасия, значит. Я, помню, во внутренних войсках служил, мы зону охраняли. Там зеки пидора одного так звали. Тихий был, никому ничего худого не делал, а вот пришили его невзначай... Анастасия... На это только откликался.

У нее вдруг словно все потемнело в глазах.

— Не смей меня так называть! Слышишь, не смей!.. — закричала она вне себя.

— Ты чего? — удивился морячок. — Обиделась, что с пидором тебя сравнил? Не стоит. И потом, вы, шлюхи, с опущенными одного роду-племени будете. Котюра твой тоже пидор знатный, за версту видать. Не долго ему еще на воле гулять осталось... — If you keep going West, young man, soon you will end up in Siberia! — как любит говорить наш чиф.

Он хлопнул себя ладонями по голым коленям и оглушительно захохотал.

— Слушай, — перебила она его. — Ты заплатил за ночь, так нечего время зря терять. Давай продолжим, но вот только меня больше так не называй.

— Как — так?

— По имени.

— А то что будет? — прищурился он. — Сдашь меня в здешнюю ментовку?

— Убью, — сказала она тихо, но твердо.

Анастасия — так ее называл когда-то только один мужчина. Было это так давно, что даже не верилось, что было. «Анастасия» — лишь звучало в ушах. А мысли уже «отматывали» назад пленку памяти...

Было ль, не было, травой поросло...

Настя Снежинская родилась в красивом южном городе, где прошло все ее детство. Она росла легким ребенком и никогда не создавала проблем родителям. Тихо играла со своими куклами, тихо читала книги и, кажется, больше ничем не занималась. Впрочем, она с шести лет изо дня в день ходила в секцию художественной гимнастики и всей душой возненавидела этот вид спорта. Чего-то она там добивалась, получала медали и грамоты, но все это было гораздо важнее для родителей, нежели для нее самой. В школе ее считали не то чтобы ленивой, скорее инертной, но она каким-то образом умудрялась быть лучшей ученицей.

В отношениях с мальчиками Настя преуспевала в «уловках разных женского кокетства». Но дурочкой не прикидывалась, наоборот — культивировала имидж умной, злой и красивой стервы. Такой, какими представлялись ей телевизионные дивы. Не понятно, являлась ли она стервой на самом деле, во всяком случае, мальчики реагировали по-разному: одни восхищались и носили ее портфель, другие злились, не давали прохода и этим же портфелем лупцевали. И так продолжалось до седьмого класса.

В седьмом классе, осенью — Насте исполнилось к тому времени четырнадцать лет, а выглядела она на полных семнадцать, — ей довелось испытать то, о чем лишь перешептывались, замирая, ее подруги. Свой первый сексуальный опыт.

Однажды после уроков парень из десятого «А», уже давно бесстыдно паливший на нее на переменках, затащил Настю в школьную раздевалку и там без лишних слов повалил ее на деревянную лавку. При этом он старался показать себя многоопытным и знающим любовником, хотя весь его опыт заключался в ежедневных занятиях онанизмом, в которых не последнюю роль играла книга «Акушерство и гинекология» 1964 года издания. Боли она не помнила. Хотя, наверное, боль была, потому что она кричала. А парень, этот белокурый херувимчик, зажимал ей рот потной ладонью и натужно сопел. При этом другой рукой пытался расстегнуть неподдающийся лифчик и почему-то, скорей всего от испуга, постоянно шипел ей на ухо: «Молчи, сука, молчи!» Опыт общения с научной книжкой и частые занятия рукоблудием сыграли над парнем злую шутку. За три минуты их неуклюжего общения он испытал преждевременную эякуляцию, что спасло Настю от потери девственности, однако испортило ей новую школьную форму.

На крики Насти сбежался почти весь остававшийся в школе персонал...

Потрясение было огромное, на всю жизнь. Но все, случившееся всего за каких-нибудь три минуты в школьной раздевалке, меркло перед тем, что пришлось испытать Насте в последующие дни. Школу будоражило в течение двух недель. Настя все это время продолжала ходить на занятия как ни в чем не бывало. Девчонки из ее класса ни о чем не спрашивали, но старались держаться от Насти подальше. А их красноречивые взгляды и перешептывания за ее спиной говорили о многом. Учителя словно не замечали Настю и не вызывали к доске. Парни из старших классов теперь смотрели на нее с особым интересом, ухмылялись и отпускали в ее адрес недвусмысленные выражения. Несколько раз в школу вызывали родителей, ей и тому парню устраивали очные ставки в кабинете директора, беседовали также с глазу на глаз, стараясь вытянуть при этом все подробности. И это было самое ужасное. Настоящий кошмар.

Школьное начальство и учителя сразу попытались замять дело, как говорится, «спустить на тормозах». Школа была в городе на хорошем счету, поэтому до широкой огласки и следствия не дошло, решили все закончить полюбовно, с примирением сторон. Ведь на случившееся можно было посмотреть и по-другому. А что, если Настя сама спровоцировала парня на ЭТО?.. Ходит в коротких юбках — а классная уже делала ей замечания, и не раз. Красится, строит мальчикам глазки, была замечена на городской дискотеке... Может, парень и не виноват. То есть виноват, конечно, что поддался на провокацию, но все у них произошло по обоюдному согласию...

Больше всего Настя страдала, видя, как переживают случившееся с ней ее родители. Особенно было жалко маму.

Она любила своих родителей. Маму — скромную, красивую женщину; очень домашнюю и мягкую. Папу — умнейшего человека, компанейского, веселого и активного. Она унаследовала черты характера обоих, и на всю жизнь, видимо, остался в ней этот гремучий коктейль — сильной воли отца и нежности матери. Казалось, что она вся соткана из противоречий. Тихая и безобидная, с одной стороны, бойкая и находчивая — с другой. Логика в ней сочеталась с диким безрассудством. Она умела аргументированно отстаивать свою позицию, но, случалось, тупо спорила, не приводя никаких доводов.

И когда назначили совет пионерского отряда класса, на котором одноклассники собирались обсудить ее недостойное поведение, Настя решила: этому не бывать никогда. В тот день она не пошла в школу, сославшись на недомогание. Когда родители ушли на работу, включила музыку на полную громкость, взяла на кухне самый острый нож, включила воду в ванной комнате и там заперлась...

Видно, мама сердцем почувствовала что-то неладное, прибежала с работы, с помощью соседа удалось взломать дверь в ванную. Все дальнейшее происходило с Настей словно во сне. «Неотложка», горестные причитания матери, беспомощно опущенные плечи отца. Настю не забрали в больницу. Врач «скорой помощи» посоветовал соблюдать дома полный покой, ограничить общение с кем бы то ни было и обратиться к опытному психотерапевту. А спустя неделю Настя уже училась в другой школе.

И вновь потянулись для нее однообразные, серые будни: скучные школьные уроки, унылые перемены, занудные наставления взрослых.

«Не ходи в коротких юбочках!.. Сними серьги!.. Не дурачься, посмотри на себя в зеркало, на кого ты похожа!.. Не строй глазки мальчикам!.. У нас в семье нет большого достатка, поэтому думай об учебе!.. Не будешь хорошо учиться — станешь подметать улицы или мыть окна в порту!» — все это она слышала, начиная с детского сада. И в школе, и в семье было принято любыми способами подавлять врожденную сексуальность советской девочки, внушать ей мысль, что быть женственной — это плохо. Она имела право и обязанность стать скромной девушкой, хорошей хозяйкой, заботливой матерью, но сексуальной женщиной — ни в коем случае!..

Время лечит. Так думали ее родители, тихо радуясь, что все плохое для дочери осталось позади. И в новой школе никто ни о чем даже не подозревает. Настя так не думала. Что-то не давало ей покоя, будоражило, мешало спать по ночам. Мысленно она то и дело возвращалась в школьную раздевалку, все еще испытывая ужас и омерзение и одновременно ощущая что-то несбывшееся, чего особенно желала сейчас. «Ну почему этот debil не смог тогда сделать все так, как надо?.. Уж коль опозорил на весь белый свет, то пусть было бы правдой то, о чем все говорят, а так... Что-то и случилось, и не случилось — какая глупая ситуация».

То первое испытанное ею ощущение, хоть и не доведенное до логического конца, продолжало мучить ее и до сих пор будоражило воображение.

Уже потом, спустя несколько лет Настя как-то в пылу откровения рассказала о том случае своей подруге. И спросила:

— Знаешь, я тогда ничего такого не почувствовала. Но это было странное ощущение, ни с чем другим не сравнимое. Даже с первым оргазмом... А что может быть лучше первого в жизни оргазма?

Кажется, подруга так ее и не поняла. Засмеялась и сказала, лениво потягиваясь:

— Все последующие!..

Потом наступила весна. Все вокруг расцвело, очистилось от зимней спячки и похорошело. Город готовился праздновать Первомай.

Настя любила праздники, особенно их ожидание. Они хоть что-то добавляли в ее однообразную жизнь. Каждый раз в предвкушении праздника она загадывала желание в тайной надежде, что оно наконец сбудется и все для нее изменится в лучшую сторону. Как именно все может измениться — она не представляла себе. Но жизнь без надежды казалась и вовсе невыносимой. Она любила свой город, который считала своей родиной. Город, где все улицы ведут прямо к морю. Где нет метро, но есть яркие трамвайчики. Где «бульвар Французский весь в цвету». Где креветок продают на каждом углу стаканами, как семечки. Где, как сказал Пушкин, «долго ясны небеса». Где пахнет морем и постоянно дует ветер. Где булыжная мостовая. Где по-сумасшедшему цветут акации. Где влажный воздух и блестящие глаза... Эх...

В школе неожиданно узнали о ее гимнастическом прошлом и выдвинули для участия в физкультурном параде. Настя хотела было отказаться, но, когда узнала, что по этому случаю ее на целых две недели освободят от школьных занятий, моментально согласилась. Все же какое-никакое, а развлечение. Возможность на законных основаниях освободиться от опостылевших школьных будней.

Тренировка физкультурников проходила на местном стадионе. Тогда к этому относились очень серьезно, готовились тщательно. Ведь идти предстояло по главной площади города, перед местным начальством. Поэтому на стадионе были собраны коллективы со всего города. Девочек подбирали по росту. Настю определили в старшую группу, вместе с выпускницами школ и первокурсницами института физкультуры. Ей это особенно льстило, хотя с первого дня опять пришлось вспомнить прежние навыки обращения с обручем и лентой.

Чтобы движения участниц выглядели синхронно, Настю и остальных девчонок с утра до вечера заставляли множество раз выполнять одни и те же упражнения. Командовала их группой энергичная женщина в спортивном костюме, велосипедной кепке, с мегафоном в руках. Была она постоянно чем-то недовольна, гоняла и ругала своих подопечных на чем свет стоит.

— Ну что вы, как дохлые мухи, двигаетесь?.. Вас что, дома не кормят?.. Образины! Уродины! И где вас только таких набрали на мою голову!..

Женщина требовала, чтобы к ней обращались по имени и отчеству, но девчонки между собой сразу окрестили ее Гидрой. За глаза иначе и не называли. Особенно от нее доставалось Насте. Она не сразу смогла освоить синхронные движения и делала все по-своему.

— Куда опять поехала? — кричала на нее Гидра в мегафон. — Ты портишь мне всю картину!.. А ну еще раз!.. И чтобы без отсебятины!..

— А я, как вы хотите, не могу! — отвечала Настя с вызовом. — Вот так у меня лучше получается... Давайте попробуем немного изменить это движение...

Женщина остановила занятия, подозвала Настю к себе и сказала уже без мегафона: — Ну вот что, милочка... Здесь команду я. Я знаю, что лучше, а что вовсе не годится. По принципу: не можешь — научим! Не хочешь — заставим!.. А будешь своевольничать, я

всем прикажу повторять эти упражнения до седьмого пота... Так вот, маленькая стерва! Посмотрим, как к этому отнесутся твои подружки...

Насте хотелось отказаться от выступления и вовсе не приходить на тренировки. Но одна мысль о том, что ей опять придется посещать занятия в школе, заставляла, сцепив зубы, являться на стадион в очередной раз и терпеть насмешки Гидры. У девочки разболелись ноги и спина, так что, приходя домой, она без сил валилась в кровать и моментально проваливалась в сон. Но продолжала терпеть.

И вот наступил день, когда должен был состояться первомайский парад. Физкультурников одели в яркие спортивные костюмы, выстроили на стадионе, и начались последние наставления. Гидра оглядела свою группу и вновь заставила девушек повторить упражнения. И тут, во время прыжка, Настя подвернула ногу. Она невольно вскрикнула от боли, захромала и бросила обруч.

Это не осталось без внимания Гидры.

— А ну подними, — угрожающе проговорила она.

— Не буду, — отрезала Настя. — Мне больно, нога...

Лицо женщины исказилось от гнева.

— Это ты специально! Я давно за тобой наблюдаю!.. Ты хочешь меня подставить! Не выйдет! Последний раз тебе говорю, бери обруч и становись в строй!..

— Да отстаньте вы!.. — Настя повернулась и, прихрамывая, зашагала прочь.

— Учти, Снежинская! — прошипела Гидра ей в спину. — Я это так не оставлю!.. Я сегодня же позвоню твоему директору, вылетишь из школы, как миленькая!..

Насте было уже на все наплевать. Она шла, превозмогая боль, и горькие слезы обиды застилали ей глаза.

— Но она и вправду ногу подвернула, — услышала Настя рядом с собой незнакомый голос. — Ей ведь больно.

Она подняла голову.

Парень в спортивном костюме стоял рядом, в его взгляде она прочитала участие. Настя вдруг покраснела, и отчего-то все поплыло у нее перед глазами. Она уже видела его раньше. Парень был из группы студентов какого-то местного института, и Настя то и дело ловила во время прошлых занятий его заинтересованные взгляды. Внимание его было ей приятно, взгляды волновали. Однажды он даже предпринял попытку с ней заговорить, однако Настю в это время подозвала Гидра.

Тем временем парень присел возле нее на корточки, ловкими сильными пальцами потрогал голеностоп.

— Сильно болит? — поинтересовался он.

Слова застряли у Насти в горле, она лишь отрицательно покачала головой.

— Не ври мне! Я же знаю, что болит... Тебя как зовут?

— Настя... — прошептала она одними губами.

— Анастасия, значит. А самой как больше нравится?

Настя молча пожала плечами. А парень поднялся во весь рост и теперь попытался заглянуть ей в глаза. Она упорно отворачивалась.

— Ну вот что, Анастасия... Только не надо тут изображать из себя Зою Космодемьянскую. Сейчас что-нибудь придумаем...

Уже протрубили общий сбор, но парень догнал Гидру и стал что-то ей доказывать. Та выслушала его, поджала губы и отрицательно покачала головой. Но парень настаивал, и

Гидра махнула рукой: дескать, мол, сам теперь поступай как знаешь...

Когда парень вновь подбежал к Насте, на его лице сияла широкая улыбка.

— Ну вот! — радостно объявил он. Все решилось очень просто. Я тебя понесу!

— Это как? От удивления у Насти даже прорезался голос.

— Молча, на своих руках! — парень засмеялся. — Моя партнерша заболела. Сможешь выполнить стойку в воздухе?

Настя молчала, настолько неожиданным показалось ей это предложение.

— Эй, Ботаник! — прокричали, пробегая мимо, товарищи парня, с интересом оглядывая Настю с головы до ног. — Ниче так персонаж! Бери ее с собой и давай в колонну!..

Парень отмахнулся от них и вновь повернулся к Насте:

— Давай решай скорей. Я ведь за тебя поручился.

— Ну... смогу, наверное... — прошептала она едва слышно, неуверенно, еще толком не понимая, о чем идет речь.

— Умница! — похвалил парень, беря ее за локоть и увлекая за собой. — Ты, главное, ничего не бойся. А я уж тебя удержу, будь спок!..

И он держал. Все время, пока колонна физкультурников шла через площадь, украшенную алыми транспарантами и цветами, под звуки марша, выкрики из репродуктора и неугасающий гул толпы на трибунах. Настя буквально летела над этой толпой, над трибунами, транспарантами и цветами. Она ничего вокруг не видела, все плыло перед глазами, как в ярком калейдоскопе, только чувствовала сильные руки парня, державшие ее снизу, как пушинку. Она летела, плыла куда-то в неизвестность, во что-то сладостное и обволакивающее, что-то недозволенное в том мире, в котором она до сих пор существовала, но властное и притягательное, по сравнению с чем вся ее прошлая жизнь казалась крохотной и никчемной. Она словно наполнилась свежими силами.

Что это было?.. Можно, конечно, пространно порассуждать о физиологии или, еще того хуже, найти аллегорические сравнения, такие, как «бесконечная музыка счастья» или «безумный водопад ощущений». Но все это ни к чему. Как сказал поэт, бессильно слово, бледен слог.

Когда он наконец опустил ее на землю, она чуть не упала — ноги как ватные.

— Ты как? — Парень ловко поддержал ее за локоть, затем опять поинтересовался: — Что совсем плохо? Тогда давай, я провожу тебя домой...

— Не надо!.. — выкрикнула она, вырвала локоть и побежала, еще не зная куда и не чувствуя боли в ноге.

Она спряталась за бетонную колонну возле входа в раздевалку, но уже через минуту осторожно выглянула оттуда. Она не сразу увидела его среди студентов. Те, весело переговариваясь, переодевались прямо на улице, под тентом. Ее парень натягивал на себя синюю куртку-ветровку с откинутым капюшоном. Кажется, о Насте он уже успел позабыть. И девочка вдруг заторопилась, рванулась в раздевалку, быстро переоделась, кое-как побросала одежду в сумку, стремительно выбежала на площадку за стадионом. Народ уже расходился, а парня с его товарищами нигде не было видно.

Прихрамывая, она выбежала за широкие ворота, на улицу, моля всех святых о том, чтобы только увидеть его еще раз. Настя двигалась навстречу толпе, сквозь нее, людской поток обтекал девочку со всех сторон. Ее то и дело толкали, на нее оглядывались удивленно, смеялись, делали замечания, она этого словно не замечала.

Вскоре она вышла на бульвар. Листья на каштанах, несмотря на прохладную погоду, уже успели распусться и отбрасывали на аллею густую тень. Бульвар до основания был запружен народом, все скамейки оказались заняты. Молодежь, забравшись на скамейки с ногами, дула пиво прямо из горлышек, попыхивала сигаретами. Девушки неестественно громко смеялись, парни великодушно похохатывали, обнимая своих подруг. Из урн торчали пустые бутылки.

Настя долго ходила по бульвару из конца в конец, всматривалась в лица сидящих на скамейках, стоящих возле пивных лотков или просто гуляющих, но того парня так и не встретила. Вернее, несколько раз ей казалось, что лицо его или спина в синей куртке мелькали в толпе, она тут же устремлялась к этому месту, но потом понимала, что обозналась. Скорее всего, поиски ее были напрасны. Он мог теперь находиться где угодно в этом большом и шумном городе, мог сидеть за столом в веселой компании. Однако Настя с завидным упорством продолжала его искать.

Она в очередной раз пересекла бульвар, затем направилась к центру, уже в потоке людей. На город опустились сумерки. Кое-где включили праздничную иллюминацию. К подземному переходу устремилась толпа, проваливалась под землю, чтобы вынырнуть на поверхность уже где-нибудь поближе к площади. Там уже скопилось довольно много народу, яблоку негде было упасть. Все ждали начала салюта.

Настя повернула в другую сторону. На прилегающих к центру улицах движение было перекрыто, и привычный городской порядок разрушался на глазах... Толпы людей заполнили проезжую часть, отвоевывая ее у редких, суетливо лавирующих автомобилей. Свистели гаишники, отмахиваясь жезлами от бесполезно сигналивших автомобилистов. Казалось, здесь смешалось все сразу: люди, машины, огни иллюминации, витрины, светофоры... Все двигалось, кипело, бурлило, переливалось красками и огнями.

На перекрестке компания подгулявших студентов, дурачась и не давая проехать, лезла прямо через капоты стоявших впритирку автомобилей. Водители ругались и грозили кулаками, студенты, не обращая на них внимания, продолжали лезть вперед, лавировали между машинами. Один из них залез на крышу автомобиля и принялся там отплясывать, но водитель тут же выскочил из салона и прогнал наглеца под неодобрительное улюлюканье и смех собравшихся.

— Ботаник! — услышала вдруг Настя неподалеку от себя. — Ну где ты там?.. Опять нам

тебя ждать приходится!..

Настя напряглась, вытянула шею, стала лихорадочно оглядываться. Море лиц. Бесчисленное количество голов. Она бросилась вперед, ныряла под локтями, стремительно протискиваясь сквозь толпу. Кто-то оттолкнул ее, кто-то наступил на больную ногу. Настя вскрикнула и, прыгая на другой ноге, едва доковыляла до ограждения газона. Здесь она остановилась, прислонилась к дереву и осмотрелась.

Синюю куртку с капюшоном она успела заметить несколько позже, когда ее обладатель вместе со своими приятелями уже сворачивал за угол соседней улицы. Куртка мелькнула и тут же исчезла в толпе.

Но это уже была удача.

Настю затрясло от возбуждения. Она бросилась следом, повернула за угол и, уже через минуту нагнав студентов, медленно пошла сзади.

Компания свернула в подворотню. Настя — следом, боясь снова потерять их из виду. На ее счастье, двор оказался проходной, но довольно узкий и длинный. Другим своим концом он выходил на соседнюю улицу, где народу было значительно меньше. Здесь компания остановилась, чтобы допить пиво и попрощаться. Подойти или пройти мимо она постеснялась. Еще не хватало, чтобы он ее тут увидел. Что он тогда подумает о ней?..

Студенты еще долго стояли на улице, смеясь и болтая, а потом, составив из пустых бутылок довольно живописную композицию, все же начали постепенно расходиться, по одному, парами или по трое. Среди них Настя успела заметить нескольких девушек, и сердце ее екнуло: а вдруг он тоже уйдет со своей девушкой? Тогда все, конец...

Но парень в синей ветровке ушел один. Забросил за плечо спортивную сумку и не спеша двинулся по улочке, круто уходящей вниз, к морю.

Здесь прохожих было совсем мало. В окнах еще не зажигали свет, но по отдельным звукам внутри домов угадывалась жизнь. Люди усаживались за праздничные столы, доносились их голоса, звук телевизора.

Настя кралась за парнем, то прижимаясь к стенам домов, то в месте, где улочка делала поворот, перебегая на другую сторону. Он словно почувствовал ее присутствие сзади, пару раз оглянулся, но она успела спрятаться за угол дома. А когда опять выглянула, парня нигде не было. Она растерялась. Сделала несколько шагов вниз, побежала, потом вновь остановилась, вернулась назад. Никого.

Настя вдруг почувствовала опустошение. Ну и правильно, ну и хорошо, что все так кончилось, дура, малолетка, губу раскатала, поделом тебе... Она что есть силы двинула сумкой о какую-то калитку близлежащего дома. Калитка вдруг распахнулась. За ней стоял парень, тот самый, и молча на нее смотрел.

— Я... — только и сумела вымолвить она.

— Что с тобой? У тебя все в порядке? — спросил он.

— Да, в порядке, — поспешила заверить его Настя. — А что?

— Тогда зачем ты прячешься и меня преследуешь?

— Я не преследую, с чего вы взяли? — вспыхнула Настя и вдруг почувствовала, что опять лицо ее заливают краской. Но ничего не могла с собой поделать.

— Не ври! Я тебя давно заприметил. А ну колись давай!

— Я не нарочно, я... просто так здесь гуляла, заблудилась немного... — Настя почувствовала, что сейчас у нее дольются слезы. И низко наклонила голову.

Парень, не отрывая от нее глаз, покачал головой:

— Хм... Странная ты, однако. Но раз так, заходи. Вместе подумаем, как тебе отсюда выбраться. — Парень распахнул калитку во всю ширину.

— Это вы мне? — произнесла она едва слышно.

— А кому ж еще? Вроде кроме нас с тобой здесь никого нет.

— Нет! — Настя замотала головой. — Я лучше здесь, на улице, салют посмотрю...

— Ну как хочешь, дело твое... — Парень кивнул, отступил на шаг и сделал вид, что собирается захлопнуть калитку.

— Ой! — Настя вскрикнула, ступив на больную ногу.

— Что там еще? — Он задержался в проеме.

— Нога!.. — жалобно простонала Настя. — Болит очень...

— А чего же ты шляешься по городу, домой не идешь, раз у тебя нога? — несколько грубовато спросил он. — Ну, давай посмотрим. Наверное, распухла...

Парень сделал движение к ней навстречу.

— Без вас разберусь! — испуганно отстранилась Настя. — Только вот постою здесь немного, отдохну и сама дойду. Вы идите, не беспокойтесь...

Парень посмотрел на нее задумчиво. Потом крепко взял за руку и молча повел за собой в глубь двора. Калитка захлопнулась. Настя, словно в сомнамбулическом сне, последовала за парнем. Сердце ее колотилось, казалось, у самого горла.

Он провел ее через мощный дворик мимо солидного одноэтажного дома. Никто не вышел к ним навстречу, не окликнул. Дом словно вымер. Они прошли дальше, через небольшой и сильно запущенный сад. В глубине сада притаился низенький дощатый флигель, выкрашенный когда-то зеленой краской. Сейчас краска облупилась и флигель имел необжитой вид. Но именно к нему парень повел свою гостью.

— Вот, здесь я живу, — сказал он, останавливаясь перед входом. — Вернее, снимаю эту хибару у хозяев. Хочешь посмотреть мою хижину?

— Нет, нет! — Настя, словно придя в себя, рванулась в сторону. — Давайте лучше... воздухом подышим. Здесь так интересно.

Парень усмехнулся, но руку ее не отпустил, повел дальше, в глубину сада. Возле невысокого забора из ракушечника лепилась небольшая оранжерея.

— Проходи, — парень откинул брезентовый полог.

— А что здесь?

— Заходи, увидишь...

Настя помедлила и шагнула за порог.

В оранжерее стоял густой, дурманящий запах цветов. Их здесь оказалось очень много, и, видимо, за ними тщательно ухаживали. Многие цветы Настя видела впервые, хорошо знакомы ей были только розы и тюльпаны.

— Это все ваше? — поинтересовалась она, с неподдельным интересом разглядывая цветы. — Здесь так красиво!..

— Я что, похож на плантатора? — усмехнулся парень. — Все это добро принадлежит хозяевам. Они владеют домом и участком. Я лишь ухаживаю за цветами, в качестве платы за жилье. И еще иногда реализую на рынке.

— Понятно...

Настя подошла к решетчатому окну оранжереи. Отсюда, в мягкой ложбинке между двумя пологими холмами, можно было увидеть море. Солнце медленно опускалось за горизонт. Лучи его отражались на зеркальной глади, светили прямо в глаза. На пыльном

стекле трепыхала, билась о него разноцветными мохнатыми крылышками бабочка. Настя протянула руку, осторожно взяла за крылышки красивое насекомое и с любопытством принялась его разглядывать.

— Эта бабочка — Поликсена, из семейства Парусников. Довольно редкий вид, вымирающий. Нам с тобой очень повезло, ее трудно отыскать, — услышала она голос за спиной.

— Правда? — Настя еще больше залюбовалась бабочкой. — Никогда не знала, что у бабочек есть имена... Она такая красивая. Можно, я ее возьму себе на память?

Она чувствовала за спиной его дыхание. Он осторожно положил руки ей на плечи. Она замерла, а сердце опять бешено заколотилось в груди. Наверное, сейчас все и произойдет. Ну и пусть, она этого сама хотела, только бы закончилось поскорей...

— Нет, — тихо произнес он за ее спиной. — Отпусти.

— Но почему? — удивилась Настя. — Вам что, жалко? Она ведь ничья...

Ни слова не говоря в ответ, парень осторожно взял у нее бабочку, чуть отодвинул в сторону стекло теплицы и выпустил на волю. Бабочка тут же исчезла, словно растаяла в лучах заходящего солнца.

— Но почему? — Настя отстранилась, повернулась к нему, капризно надула губки. — Вы всегда так... развлекаете своих гостей?

— Бабочки не созданы природой для развлечений, — сказал он серьезно. — Никто, в том числе и мы с тобой, не вправе ими владеть. Ты верно заметила — она ничья...

Настя хмыкнула и, может быть, впервые за все время их знакомства посмотрела на него открыто, без внутреннего трепета и волнения:

— Чудной вы какой-то. И говорите странные вещи. Объясните тогда.

Он немного помолчал, как бы раздумывая, стоит ли объяснять этой юной девушке такие серьезные вещи, потом все же заговорил:

— Я уже сказал... Эта бабочка принадлежит к очень редкому виду. Будет плохо, если она совсем исчезнет.

— Плохо — кому?

— Нам с тобой... Всем, кто сейчас живет на земле и будет жить после нас...

«Все-таки странный он какой-то, — разочарованно подумала Настя. — Вроде бы взрослый парень и я ему нравлюсь, а несет всякую чушь. Какие-то бабочки... Неужели он только ради этого меня сюда привел?» А вслух спросила:

— Какое значение имеет жизнь какой-то бабочки? И разве может ее исчезновение хоть что-то изменить в мире? Ее все равно кто-нибудь поймает, рано или поздно.

— Вполне может быть.

— Ну вот! Так зачем надо сохранять редкие виды? И почему, если она вымрет, то лично нам с вами станет хуже?

— Многие удивляются: зачем сохранять редкие виды? Они же редкие, их роль в природе не существенна. Но если умер один вид, потом второй, потом третий, в конце концов, наступает момент полного развала. Редкие виды — это как раз тот слой, который обеспечивает многократное дублирование экологических связей. Сохраняя редкие виды, мы обеспечиваем стабильность природных сообществ, а с ними и своего существования... Бабочки являются индикаторами, показателем благополучия сообщества. Если есть характерные для него виды бабочек, можно надеяться, что и мы тоже сохранимся...

Насте вдруг сделалось очень скучно. Она с трудом удержалась, чтобы не зевнуть.

— Понятно, — сказала она для приличия. — Спасибо. Благодаря вам я многое узнала о бабочках. А теперь мне пора. Было оч-чень интересно...

— Тебе и вправду пора? — спросил он, не двигаясь, впрочем, с места.

— Пора... Да и есть хочется. — Она сделала движение в сторону выхода.

— Тогда я тебя провожу, — согласился он, но вдруг спохватился: — Или вот что... я могу тебя накормить. У меня тут половина торта осталась. Хочешь?

Он нагнулся, достал из-под лавки коробку с тортом. Открыл, показал Насте.

Настя не кокетничала. Ей действительно очень хотелось есть. За весь день во рту она не держала ни крошки. Другое дело, что все это время она даже не вспомнила о еде, мысли ее были заняты иным. И еще ей было все-таки немножечко обидно, что он вот так, сразу, согласился ее отпустить. Она заглянула в коробку, откуда доносился заманчивый запах. Но виду не подавала и сказала совсем как взрослая жеманная девица:

— Ой, знаем мы эти ваши торты, пирожные... И чем все это заканчивается...

— Ты что, ненормальная? — Парень покрутил пальцем у виска.

— Нет, просто я не такая, как все. И с первого раза вам со мной не обломится.

— Ух ты какая! — он засмеялся. — Тогда мне придется пригласить тебя еще раз.

— Попробуйте...

— Это ты давай, пробуй торт. Садись вот сюда... Правда, у меня и запить нечем, только пиво. Но пиво с тортом как-то не того, не катит. А во флигель лень бежать за чаем... Или все же сбежать, а ты подождешь?

— Не надо никуда бежать. Так даже лучше, вкуснее.

Они уселись рядом на топчан. Он на правах хозяина нарезал торт небольшими кусочками. Насте опять стало с ним интересно. Глядя на то, как парень ест торт, и сама уплетая за обе щеки, она вдруг почувствовала себя здесь легко и просто.

— А почему вас ваши друзья называют Ботаником? Я днем слышала.

— А вот из-за этого, — парень обвел рукой вокруг. — Мы здесь иногда собираемся, кто-то назвал один раз, вот и приклеилось.

— А настоящее имя есть?

— Есть, конечно. Можешь звать меня просто Макс.

— Ой, как интересно!.. Просто Макс!..

Настя как будто забыла о времени, о том, что за окном темнеет, а родители уже, наверное, обзвонились ее подругам и мама полезла в шкафчик за валерьянкой.

— Вы в каком институте учитесь?

— В сельскохозяйственном. На энтомолога.

— А, теперь понятно...

— Что тебе понятно?

— Про бабочек.

— Да, это верно. Но я хочу бросить институт и уехать отсюда.

Настя едва не поперхнулась, перестала жевать.

— Почему бросить и уехать?

— Да надоело все, скучно учиться стало. Хочу в Москву, там сейчас настоящая жизнь начинается. Кооперативы, частные предприятия. Есть где развернуться.

— Зачем так далеко? Здесь тоже можно свое дело открыть.

— Какое? Цветами на рынке торговать?.. Нет, это не для меня.

Настя помолчала, обдумывая только что услышанное, потом опять спросила:

— И как скоро вы?

— Что?

— Ну, уезжать собрались.

— Наверное, уже скоро. Вот сессию сдам и уеду, чтобы потом можно было в Москве восстановиться. Хотя бы на заочном... А ты не хочешь, чтобы я уезжал?

— Не знаю, — Настя отвела взгляд. — Я об этом не думала...

— Да ты ешь, чего вдруг застеснялась? Мне нравится смотреть, как ты ешь.

— А как я ем? Обыкновенно. Что тут может понравиться?

— Ну не скажи! У тебя это получается... очень сексуально...

После этих слов Настя опять залилась краской. Хорошо, что в оранжерее стало уже почти совсем темно и он не мог видеть ее лицо.

— У меня руки липкие, — сказала она вдруг охрипшим голосом. — Есть чем вытереть?

— Есть. Иди ко мне...

Она не сопротивлялась. Его руки были гораздо более ловкими и умелыми, чем у того десятиклассника из школьной раздевалки. И то, как эти руки умело ласкали ее, потом раздевали и ласкали опять, ей нравилось. Она ни о чем не жалела, потому что знала — сама давно хотела этого, только боялась себе признаться. Но теперь, когда это случилось, сделалась покорной и предоставила ему полную свободу действий.

И она опять кричала. Два раза. Первый раз, когда он вошел в нее и стало больно, второй — когда испытала это ощущение. Вернее, это уже потом, разбирая всю ситуацию до тонкостей, малейших деталей, она поняла, что это было. А в тот самый момент она просто почувствовала себя словно на седьмом небе.

Вначале он тоже ничего не понял, подумал, что это обычные женские штучки. Но потом все же почувствовал — что-то не так. Оттолкнул ее от себя, принялся шарить рукой по топчану. Затем поднес ладонь к глазам, пытаясь рассмотреть ее при тусклом свете заката, проникавшем в оранжерею.

— Ты... Ты что же это, в первый раз?.. — прошептал он, еще как бы не веря.

Она, закусив губу, кивнула не поднимая глаз.

— И раньше... никогда и ни с кем?..

— Никогда и ни с кем, — сказала она с вызовом. — Ты доволен?

— Доволен ли я?.. Ты что, дура, что ли?.. Почему сразу не сказала?

— А ты не спрашивал, вот и не сказала...

— О боже... — прошептал Макс. — Мне только этого не хватало!..

И тут новая догадка поразила его:

— Тебе сколько лет? — спросил он срывающимся голосом.

— Пятнадцать... будет этим летом. А что?

— Да ты хоть понимаешь, что произошло? — закричал он вне себя. — Ты же меня... без ножа зарезала! Убила наповал!

— Правда? А я думала, тебе было со мной хорошо... Ну, извини, если что не так...

— О, черт!

Макс отчаянно замотал головой, завыл, ударяя себя кулаками по щекам. Так они сидели какое-то время. Оба молчали. На дворе уже почти совсем стемнело, в оранжерее протянулись причудливые тени.

— Ну, что молчишь? — Она дотронулась до него рукой. — Что случилось, то случилось. Все равно теперь уже ничего не изменишь.

Макс закурил, постепенно успокаиваясь. И тут его вдруг осенило:

— Знаешь что... Я на тебе женюсь. Конечно, не сразу, подождем, когда ты станешь совершеннолетней. Или, я слышал, есть такое положение в законе... нас могут зарегистрировать, потому что случай особый...

Насте стало вдруг очень смешно.

— Правильно. А куда ты денешься? — это она сказала нарочно, чувствуя теперь свое превосходство, да и хотелось немного его подразнить. — В тюрьму за развращение малолетних кому охота? Известно, что там с такими делают...

И, уже не сдерживая себя, она засмеялась в темноте.

— Да-а-а... — протянул Макс. — Далеко пойдешь... Наверное, загодя все рассчитала?

— Конечно. А ты разве только сейчас догадался?

Он вдруг вскочил, схватил ее за руку, потащил с топчана.

— А ну, вон отсюда! Чтобы духу твоего здесь не было!

— Мне больно, пусти!.. — вскрикнула она.

Но он уже не слушал:

— Вон! Убирайся!.. Да, я за все отвечу, в тюрьму сяду, но больше не хочу тебя здесь видеть! Выметайся к чертовой бабушке!..

Настя выдернула руку. Стояла, смотрела на него снизу вверх. Потом обняла за шею, прижалась к нему всем телом. Он замер. И невольно тоже обнял. Почувствовал, как она вся дрожит, и обнял сильнее. Так они постояли какое-то время, успокаиваясь.

Потом она чуть приподнялась на цыпочках и прошептала ему в самое ухо:

— Я сама этого очень хотела... И я никому ничего не скажу. Ни одной живой душе... Только сейчас не прогоняй меня.

Больше она его не видела. Просто не приходила к нему, а он не знал ни ее адреса, ни номера ее школы. Наверное, ей тогда было достаточно того, что это случилось один раз. Она боялась, что такое уже не повторится. А может быть, просто не хотела, чтобы из-за нее у него возникли неприятности. Летом он уехал, как и обещал. Она даже толком не успела запомнить, как его зовут. Имя Макс постепенно стерлось из памяти, запомнилась только кличка — Ботаник и то необычное, жутко-позорное и одновременно столь волнующее, сладостное чувство, от которого все начинает плыть перед глазами и кругом идет голова. И еще почему-то бабочка, трепыхавшаяся в лучах заходящего солнца на тусклом стекле теплицы...

Странно, но ей удалось сохранить это в тайне, не только от матери, но и от близких друзей. Хотя близких друзей, кому можно доверить свою тайну, у нее на тот период не было. А в ее жизни все оставалось по-прежнему...

«Будешь уметь варить борщ — муж любить будет!» — неременная фраза всех ее воспитательниц. По всему выходило, что кроме борща восхитить мужчину ей нечем... Но ей почему-то не очень хотелось варить борщ. Она часами сидела перед зеркалом и училась наносить макияж (о эти голубые тени и ленинградская тушь!). Тайком надевала мамины платья, туфли на высоких каблуках и важно прохаживалась по комнате, то и дело подворачивая ноги. Однажды, уже в выпускном классе, надушилась французскими духами. Классная учуяла запах и сказала, что, если подобное повторится, вызовет родителей... Лишь за одно это у нее было право, хоть в ту пору и бессознательно, ненавидеть «совковую» систему воспитания. Именно «совковую», хотя «совок» тоже закончился внезапно, распался, когда она еще училась в школе, и ее родной город стал частью другой страны. Но в голове у нее и в головах окружающих людей все оставалось по-прежнему. Вот только родители неожиданно состарились, отец потерял стабильную работу, и в семье с трудом сводили концы с концами...

Она окончила школу и уехала в Москву. Там для нее началась новая жизнь.

Нет, она ехала не к нему, не к Ботанику, пусть в глубине души и надеясь, что там может произойти их встреча.

Изначально у нее не было конкретной цели для поездки в столицу, кроме как вырваться из-под навязчивой опеки родителей и других воспитателей. Объявила всем, что едет поступать в институт, а сама, едва очутившись в большом и незнакомом городе, тут же пустилась во все тяжкие. Ей необходимо было самоутвердиться, и она делала это единственным понятным ей способом — нарушала запреты. Что и кому она доказывала? Никогда у нее не было такого количества случайных связей и безрассудных поступков. Не ради денег. Вернее, не только ради денег. Она отчаянно стремилась к независимости и взрослой жизни и была готова платить за это чем угодно...

Настя подала документы в Плешку, все более входивший в моду Плехановский институт. Подруги ей завидовали, а родители радовались: хорошую специальность получит их дочка, очень нужную по нынешним временам. Мысль о том, что любимое чадо может туда не поступить, отвергалась сразу — как же, одна из лучших учениц в школе, совсем чуть-чуть не дотянувшая до медали.

Настя благополучно завалила первый же экзамен по математике. Но несколько об этом не жалела. Потому что в ее жизни появилась Катька.

Катька — это что-то. Оторва, каких еще свет не видывал. Во всяком случае, Насте такой она показалась с первого взгляда. Крутой прикид, мини-юбка, рыжая грива на голове, после химической завивки рассыпавшаяся на тысячи кудряшек, а главное — полная независимость во взглядах и в поведении. Казалось, что для Катьки вообще не существует запретов — девочка без комплексов! Немного позже Настя поняла, что все это далеко не так. Но поначалу она Катьку именно такой и считала — деловой, самостоятельной, сильной личностью. Ведь сама Настя и девочки, с которыми она дружила у себя в городе, были совсем другими. Да и мама пришла бы в ужас, если бы увидела Катьку.

Но обо всем по порядку.

С Катькой Настя познакомилась, как потом выразилась ее новая подруга, «не отходя от кассы», то есть в аудитории, прямо на экзамене. Настя получила листок с экзаменационным заданием и тупо смотрела на формулы, ничего в них не понимая. Таких примеров в их школе они не решали.

Вначале она попробовала взяться за первое уравнение. Исчеркала формулами листок черновика, но решить не сумела. Приступила к другому уравнению — результат все тот же. Настя занервничала, потом рассердилась, а потом успокоилась, решила — будь что будет. В конце концов, на этом институте свет клином не сошелся, времени пока достаточно, а в Москве есть еще десятки вузов, куда можно успеть подать документы. Правда, не столь престижных, как Плешка, но ей в принципе все равно, лишь бы зацепиться хоть за что-нибудь. И Настя, время от времени возобновляя тщетные попытки довести решение до конца, начала разглядывать сидящих в аудитории товарищей по несчастью. В столицу она приехала всего пару дней назад, только и успела, что устроиться в общежитие, еще ни с кем и не познакомилась. Даже трех своих соседок по комнате она увидела лишь мельком утром, когда те красились наспех перед зеркалом и куда-то стремительно убегали. А появлялись они потом только поздно ночью, когда Настя уже крепко спала.

Справа от нее сидела рыжая девица с крутым химическим перманентом, которая большую часть времени рассматривала свои ногти — ярко-красный лак на них наполовину облупился. Сначала она Насте не понравилась — терпеть не могла нерях. А девица, наоборот, то и дело старалась привлечь к себе ее внимание, несколько раз даже пыталась заговорить. Но Настя игнорировала эти попытки, потому что перед экзаменом всех строго предупредили: за разговоры, шпаргалки и тому подобное можно сразу вылететь из числа абитуриентов.

В аудитории было душно, и рыжая соседка сняла с себя кожаную «рокерскую» куртку, оставшись в оранжевой маечке с короткими рукавами. На левом предплечье девушки Настя увидела цветную татуировку — бабочку с распластанными крылышками. Рисунок словно приворожил Настю, глаз не могла от него отвести.

Девица перехватила ее взгляд и, улучив момент, когда ассистент профессора, наблюдавший за абитуриентами и все время ходивший по проходу между рядами, отошел довольно далеко, наклонилась к Насте и прошептала:

— Тебе нравится?

Настя помедлила и кивнула.

— Клево, правда? — девица ей заговорщически подмигнула. — А теперь гляди...

Она подцепила ногтем край татуировки и отделила ее от кожи. Потом и вовсе сорвала. У Насти глаза полезли на лоб, а девица, наслаждаясь произведенным эффектом, поинтересовалась у нее:

— Что, раньше никогда не видела?.. Это такая наклейка, одноразовая. У меня их много, могу подарить...

Настя не успела ответить, потому что послышался голос ассистента:

— Барышни! Вам не терпится обменяться впечатлениями?.. Могу поспособствовать и проводить вас за дверь. Там вам уже никто не станет мешать.

На какое-то время приятное общение пришлось прервать. Но стоило ассистенту удалиться, рыжая вновь наклонилась к Насте и зашептала:

— Ты в этом что-нибудь просекаешь? — Она постучала по листку с формулами.

Настя отрицательно покачала головой и показала свои куцые записи.

— Жаль, — опечалилась девица и почесала свою роскошную гриву. — Думала, я одна здесь такая, лапоть всмятку, и ты мне поможешь... времени, еще до фига. Но вижу, не судьба. А может, глянешь все-таки?..

— Для меня это тоже темный лес, — честно призналась Настя. — Мы в школе даже не проходили такие уравнения.

Девица подумала, мельком, оценивающе, оглядела ее еще раз, а потом вновь зашептала:

— Тогда какого хрена мы здесь сидим?

«А ведь она права, — подумала Настя. — Что толку терзаться в этой духоте еще битых три часа, когда это уже ничего не изменит».

— Что ты предлагаешь? — так же шепотом спросила она девицу.

— Сваливать отсюда, и как можно быстрее!.. Там, на воле, нас с тобой ждут гораздо более интересные места...

— Милые леди! — послышался у них над головой голос ассистента. — Я вам делаю второе предупреждение. Последнее.

Рыжая решительно поднялась с места.

— А мы уже! — сказала она, кое-как складывая листочки в одну стопку, а сама

незаметно толкнула Настю ногой под столом.

— В смысле? — не понял ассистент.

— В смысле уже написали работу. Вот, держите... Теперь можно нам сказать «спасибо» этому дому и тихо удалиться?

— Вы что же, писали одну работу на двоих? — поинтересовался ассистент, мельком просматривая ее каракули на листочках.

— Нет, каждая за себя...

— А почему тогда — мы? Почему так уверенно расписываетесь за нее? Мне вот кажется, что девушка еще не готова сдать работу.

— Так мы же вместе с ней в одной математической школе учились, — не моргнув глазом соврала рыжая. — Мы такие задачки на всех олимпиадах, как семечки... И каждый раз брали первые призы. Это она боится, на всякий случай.

И опять двинула Настю ногой, уже сильнее.

— Ну, пусть она сама об этом скажет, — не сдавался ассистент.

— Да, пожалуйста, возьмите и мою работу... — сказала Настя, вылезая из-за стола.

Они вышли из института без определенной первоначальной цели, свернули к Садовому кольцу. На ходу успели познакомиться.

— Зови меня Катькой, — сказала рыжая. — А тебя как?

— Я Настя. А почему Катька? Можно ведь просто Катя. Красивое имя...

— Можно, но я так привыкла, — отрезала новая знакомая, давая понять, что дальше спорить на эту тему с ней бесполезно.

У них на пути возникло летнее кафе. Столики под зонтиками, бар с растворимым кофе и другими напитками. В этот час посетителей здесь было немного.

— Мама родная! — сказала рыжая Катька, оглядываясь по сторонам. — Что-то мне с утра так есть хочется, что и переночевать негде... Шучу, — добавила она, однако же чуть покосилась в сторону Насти, рассчитывая на ее ответную реакцию.

— У меня есть деньги. — Настя суетливо полезла в сумочку, достала кошелек. — Я тоже проголодалась, могу тебя угостить заодно.

— Нет, нет, — остановила ее Катька. — Так не пойдет. Другое дело, если бы ты была парень, тогда я еще могла бы подумать, а у тебя у самой, видать, денег в обрез...

— Что ты, — простодушно откликнулась Настя. — Я только два дня как приехала. Меня родители на дорогу снабдили и на прожитие. Вот, гляди...

Катька мельком заглянула в ее кошелек, потом сказала, словно все еще пребывая в нерешительности:

— Ну, хорошо, это я утром всегда без денег, а вечером у меня будут обязательно. И я тебе отдам. Или ты мне не веришь?..

— Да ладно тебе! — отмахнулась Настя. — Давай зайдем вон тот столик...

Они сидели за столиком в кафе, ели пирожки с мясом и запивали их пепси прямо из горлышка бутылок.

В баре им дали пластмассовые стаканчики для напитков, но Насте больше нравилось из горлышка. Катька попросила взять для нее еще большую чашку двойного кофе без сахара.

— Не могу день начинать без кофе, — призналась она, облизывая пальцы после того, как съела пирожок. — Голова и так тупая с детства, а без кофе она у меня вообще отказывается что-либо соображать...

Настя с интересом рассматривала свою новую знакомую. Только сейчас она разглядела, что в ее нос с правой стороны продета маленькая перламутровая штучка, похожая на бусинку. Настю так и подмывало спросить о назначении этого украшения, но она сдерживала себя до поры, опасаясь, что после этого будет выглядеть в Катькиных глазах совсем уж дремучей.

— Что ты сделала со своими волосами? — поинтересовалась она для начала.

— Нравится? — Катька с удовольствием тряхнула своей роскошной гривой, давая возможность Насте полюбоваться ею с разных сторон. — Это я сама придумала. И даже название — «Золотое руно».

— Потрясно, — сказала Настя, скорее для того, чтобы сделать приятное своей новой подруге.

— Ты не подумай, это мой натуральный цвет, — продолжала Катька. — Я однажды

пробовала покраситься в другой, так потом пришлось наголо остричься.

— Ты серьезно? Наголо? — удивилась Настя. — Как же ты ходила, и вообще?

— Молча! — Катька засмеялась. — Знаешь, как прикольно было? Мне один пацан, он художник, сказал, что у меня античный профиль. Даже просил ему позировать.

После этого Настя решилась задать вопрос, который мучил ее уже давно:

— А вот эта шгучка у тебя в носу?..

— А, это... — Катька непроизвольно потрогала свой нос. — Вообще-то это называется гвоздик. Гвоздик с шариком, если точнее... Одна из разновидностей пирсинга. Сейчас очень модно за границей, и у нас начинают делать.

— Больно было, когда это делала?

— Нет, совсем не больно. Я знаю один подпольный кооператив, у них там пушка такая. Раз — и готово!.. Потом через нос такую проволочку пропускают, тянется, как сопля, — Катька слегка поморщилась. — Но зато теперь смотрится отпадно! Хочешь, я тебе тоже устрою? К твоему фейсу гантелька бы подошла...

— Спасибо, не надо! — поспешно отказалась Настя. — Мои родители как увидят этот... персиг, так сразу меня из дому выгонят.

— Пирсинг, — поправила Катька. И посмотрела на нее более пристально. — Но ведь родители твои сейчас далеко. Ты из провинции, верно?.. Хотя можешь не отвечать, и так за версту видно, что не московского разлива.

— Что, сильно видно? — расстроилась Настя. — По какому признаку определила?

— Да по многим признакам... — Катька улыбнулась. — Да ты не расстраивайся, из провинции все лучшее в Москву собирается, только потом здесь портится, как свежее мясо под солнцем. Привыкнешь за пару месяцев, станешь настоящей москвичкой.

— Да, если смогу здесь остаться... — Настя вздохнула.

— А хочется?

— А кому же не хочется жить в Москве? Такой большой, красивый, интересный город... Я бы, конечно, хотела.

Настя задумалась, подняла левую руку поправляя волосы на голове.

— А это что у тебя там? — спросила вдруг Катька.

— Где? — Настя сперва не поняла, о чем это она.

— Шрамы на запястье?.. А ну покажи...

Настя хотела было спрятать руку, но Катька уже перегнулась через стол, взяла ее руку в свою и начала пристально разглядывать ее запястье.

— Ты что, резала себе вены?

— Было дело...

— Несчастливая любовь?.. — Катька подняла глаза и с неподдельным интересом посмотрела на нее снизу вверх

Насте вдруг стало очень неловко под ее взглядом. Она вообще не любила, когда вот так бесцеремонно вторгаются в ее личную жизнь. Тем более не хотелось вспоминать ту давнюю историю. Поэтому она ничего не ответила, только отдернула и спрятала руку.

— Понимаю, — сказала Катька, значительно наморщив лоб. — Только мужики не стоят того, чтобы из-за них так убиваться. Все они — козлы!..

Настя вдруг увидела, как в ее глазах, дотеле лучившихся безмятежностью, сверкнули огоньки злости.

В это время в переулок рядом с кафе свернула подержанная иномарка, и ее водитель

просигналил несколько раз.

— А вот и деньги приехали! — засуетилась вдруг Катька и вскочила со стула. — Легок на помине... Ты, вот что, сиди здесь, никуда не уходи, жди меня. Я скоро...

Настя проследила взглядом, как ее подруга торопливо засеменила на высоких каблуках к машине, наклонилась к боковому стеклу, где, небрежно откинувшись, сидел какой-то парень. Она о чем-то оживленно разговаривала с ним какое-то время. Потом иномарка уехала, а Катька вернулась за столик, чем-то очень расстроенная. Сидела мрачная, ни слова не говоря и думая о чем-то своем.

— Эта твой парень или, может быть, просто знакомый? — осторожно, чтобы не обидеть ее, поинтересовалась Настя.

— Был когда-то мой, теперь общественный... — Катька, словно прогоняя мрачные мысли, вновь тряхнула своей рыжей гривой и невесело ухмыльнулась. — Я ж тебе говорила уже — все они козлы!

Тут она опять посмотрела на Настю. Долгим, изучающим взглядом. И, видно, какая-то новая идея пришла ей в голову.

— Ты что делаешь сегодня? — спросила Катька.

— Еще не знаю, — Настя пожала плечами. — Хотела Москву посмотреть, Кремль, Красную площадь, вообще по городу погулять. Я ж здесь ни разу еще не была... Ну, еще по магазинам прошвырнусь, купить надо кое-чего, пока деньги все не истратила...

— А много у тебя еще денег? — поинтересовалась Катька как бы невзначай.

— Мало, — простодушно призналась Настя. — Дня на три еще хватит, чтобы прожить. Но мне родители обещали перевод прислать, до востребования...

Катька задумалась, но только на секунду.

— Кремль, магазины — все это успеется, никуда не денется, — сказала она, решительно поднимаясь с места. — А сейчас вставай. Едем со мной.

Катька привезла Настю куда-то на окраину Москвы, к черту на рога, как она сама выразилась. Район состоял сплошь из многоэтажных, однообразных новостроек и назывался Бибирево. В один из таких домов она и привела Настю, в трехкомнатную квартиру, не совсем опрятную и довольно убого обставленную. По пути, когда ехали в метро с одной пересадкой, Катька успела коротко поведать Насте свою историю.

История, правда, была очень короткая. Или Катька просто не хотела выкладывать до поры новой знакомой свою личную жизнь.

Она родилась и жила с родителями в дальнем Подмосковье, ничего особо примечательного в своей жизни не повидала, а когда окончила школу, влюбилась в местного парня. Парня звали Костя, у них закрутился с Катькой, как она сказала, жуткий роман. Так продолжалось месяца три, а потом Костя бросил ее и уехал в Москву.

Но Катька оказалась девочкой упорной, навела справки среди общих знакомых и спустя полгода разыскала Костю в столице. Но лучше бы она этого не делала... Катька вдруг замолчала, оборвав свой рассказ на полуслове. И Насте пришлось самой домысливать ее историю.

— Он что, тебя избивал? — спросила Настя, холодея от ужаса.

Катька усмехнулась:

— Думаешь, когда мужик бьет женщину, это самое худшее в жизни?..

— Я не знаю... но я бы, наверное, не стала такого терпеть. Ушла бы от него или пожаловалась в милицию...

Катька посмотрела на нее с сожалением и откровенно расхохоталась:

— Вот что, подруга, расслабляйся на здоровье и ни о чем не думай. Тебя это пока не касается. А вечером мы с тобой оттянемся по полной программе...

Они сидели в креслах, уже в квартире, слушали музыку, доносившуюся из кассетника, и потягивали какую-то бурду со льдом из высоких стаканов, которую Катька быстро смешала на кухне.

— А куда мы поедем? — поинтересовалась Настя. — Если в кафе или ресторан, то у меня с собой не так много денег, как тебе могло показаться. Может не хватить...

— Пусть тебя это не волнует, — вяло отмахнулась Катька. — Теперь нас будут угощать... Кстати, а ты бы хотела заработать?

— Было бы неплохо. А что надо делать?

— Я тебе потом все расскажу...

Чуть ближе к вечеру приехал Костя, Катькин парень. Оказалось, это он был утром за рулем иномарки. Квартира тоже принадлежала ему. Вернее, Костя ее снимал, а Катька делила с ним эту жилплощадь. Она познакомила Костю со своей новой подругой, потом позвала его на кухню и минут десять о чем-то с ним говорила.

Когда они вернулись в комнату, Костя еще раз бегло оглядел Настю с головы до ног, вращая на указательном пальце брелок с ключами от машины, потом заторопился.

— Я буду через час, — объявил он, перед тем как уйти. — Так что не скучайте...

Когда дверь за ним захлопнулась, Катька принялась настраивать Настю. Делала она это очень осторожно, чтобы сразу не спугнуть, не ошеломить.

— Понимаешь, — говорила она, — у Кости сегодня выдался тяжелый день, поэтому мы никуда не поедem, останемся дома... Это даже лучше... Он, наверное, привезет своего приятеля, чтобы ты тоже не скучала. Ну, выпьем, послушаем музыку, потанцуем, словом, неплохо проведем время...

— А кто он, этот его приятель? — насторожилась Настя.

— Ну, парень как парень, — ответила Катька уклончиво. — Вернее, уже взрослый мужчина. Он иностранец. И кстати, при деньгах. Нормальный мужик, и, как все мужики в таких случаях, может проявить настойчивость... Ты понимаешь, о чем я. Но без всяких грубостей и садомазо... Ты как к этому относишься?..

— Я должна буду с ним переспать... ну, с этим иностранцем? — спросила Настя, удивляясь своему спокойствию.

Катька испытующе посмотрела на нее, потом сказала:

— А что такого? Поди не девочка, не впервой. Главное, чтобы все было без напряжения и по взаимному согласию. Расслабишься, получишь удовольствие. А если будешь себя правильно вести, он хорошо заплатит...

И добавила, обняв Настю за плечи:

— Ничего не бойся. Пробьемся, я с тобой.

Настя сама не могла понять, почему она согласилась остаться. Скорее всего, повлияли впечатления первых дней пребывания в Москве, самостоятельной жизни и стресс, полученный на экзамене. А может быть, она не захотела выставлять себя перед Катькой полной дурой, провинциалкой. Или просто решила испытать небольшое приключение. В душе ее созрел тот самый азарт, который однажды толкнул ее в объятия Ботаника. Как бы там ни было, но она осталась...

Костя приехал с мужчиной лет сорока, восточного вида. Тот оказался турком, по-русски не знал ни единого слова, только улыбался. Поначалу Настя чувствовала себя с ним скованно, но турок был обходителен, от выпитого вина голова у нее чуть-чуть закружилась, и вскоре она уже приняла условия игры. Танцевали, опять пили, пытались объясняться жестами или тем минимальным запасом английских слов, который Настя вынесла из школы. Турок даже понравился Насте. Он был одет в элегантный дорогой костюм, от него пахло какими-то неизвестными ей ароматами.

Насте сделалась вдруг очень легко. Во время танца она положила голову на грудь своему партнеру, прикрыла глаза...

Потом Катька ушла со своим Костей в другую комнату, и там они врубили музыку на полную громкость. По пути как бы ненароком погасили свет. Партнер продолжал вести Настю в медленном танце, пока они не коснулись дивана, уже разложенного и застеленного. Турок поцеловал ее в губы, потом в шею, при этом начал медленно, но со знанием дела снимать с нее одежду. Настя не сопротивлялась. Она думала, что ей будет неловко, но ничего, получилось даже очень неплохо. Удивило то, что он кончил пять раз подряд. Потом захотел анального секса, но Настя испугалась. Он уговаривал ее, что заплатит сверху еще пятьдесят долларов, однако Настя не согласилась. Выпросталась из его объятий и в темноте, на ощупь, прошла в ванную.

В ванной лилась вода, там уже была Катька. Они вместе, не стесняясь, стали под душ. Здесь Настя дала волю слезам.

— Ты чего, глупенькая? — Катька гладила ее мокрые волосы и плечи, успокаивая. — Что случилось? Он тебя чем-нибудь обидел?..

— Он хотел, чтобы мы... чтобы я повернулась к нему задом и... ну, ты понимаешь... — шептала Настя, прижимаясь к ней и сглатывая слезы вперемишку с водой.

— В попу, что ли? — догадалась Катька. — Ну а ты что же?

— Я... я испугалась, вот... и убежала от него сюда, под душ...

— Вот урод! — сказала Катька, впрочем, не сильно при этом удивившись или возмущившись. — Я же Костика проинструктировала накануне, чтобы он его предупредил. Да, видно, запомнил... Ну ничего, перебьется. Вообще, это еще хороший клиент, не какая-нибудь скотина. Чистый, следит за собой, в Турции у него семья, трое детей, он их любит, прямо сходит с ума... С иностранцами вообще все легко и просто. А самые ужасные клиенты — это наши, отечественного разлива. С ними лучше не связываться...

Настя молчала, вновь переваривая только что услышанное.

Катька восприняла ее настроение по-своему.

— Ты правильно сделала, что мне все это рассказала, — сказала она, слегка ущипнув Настю за талию. — В дальнейшем так же поступай. Положись на меня, я тебя никому в обиду не дам. А там — пробьемся!..

Утром они вчетвером пили кофе за столиком на кухне, а когда турок ушел, Костя поздравил Настю с почином и вручил ей заработанные деньги — сто баксов единой купюрой. Такой огромной суммы Настя раньше не видела. Но почему-то не обрадовалась внезапно свалившимся на нее деньгам, а почувствовала страшное опустошение. Дальнейшее происходило с ней таким образом, словно управляла собой не сама Настя, а какая-то

неведомая сила со стороны.

Весь день они с Катькой отсыпались, а вечером опять приехал Костя и повез девушек в гостиницу «Космос». К тому времени Настя чувствовала себя уже совсем плохо, у нее начался насморк, то ли действительно от простуды, то ли на нервной почве. А при ней не было ни аспирина, ни даже носового платка. Сумочку свою она впопыхах оставила у Катьки в квартире. Настя сморкалась в туалетную бумагу, у нее слезились глаза и раскалывалась голова. Девушка была так подавлена, что даже толком не поняла, кто был тот мужчина, с кем она провела ночь в гостиничном номере.

Она вышла из гостиницы утром, спустилась по ступеням широкой лестницы к проспекту. Словно во сне, двинулась на противоположную сторону, к метро, хотя совсем рядом находился подземный переход. Настя его просто не заметила.

Очнулась она лишь тогда, когда в нескольких сантиметрах от нее резко затормозила машина. Настя отпрянула и тут же едва не попала под колеса другой машины, мчавшейся с противоположной стороны.

Визг тормозов, искаженные злобой лица водителей, проклятия в ее адрес — все это привело Настю в чувство. Она почти бегом устремилась к метро, остановилась, запыхавшись, возле киоска, где продавались пирожки и напитки. В горле пересохло. Настя поняла, что, если сейчас чего-нибудь не выпьет, ей станет совсем плохо.

Она пошарила в нагрудном кармане блузки. Извлекла две стодолларовые купюры. Клиент оказался щедрым. Костя накануне предупредил ее, что всю ночную выручку она должна отдавать ему, а уж он потом выплатит девушке гонорар. Таков порядок. Однако Настя уже об этом не думала. Быстро разменяла доллары в обменном пункте, купила бутылочку пепси. Пила жадно, прямо из горлышка, глядя на толпу, валившую из метро в сторону ВДНХ, и размышляла о том, как ей быть дальше.

Она живо вспомнила все то, что с ней случилось за последние два дня, и теперь ее жег стыд за происшедшее. Твердо решила — на квартиру к Катьке больше ни ногой. В институтскую общагу тоже ехать опасно. Вдруг туда за ней нагрянет Костя вместе с Катькой? Тогда что остается?.. Домой. Немедленно. Денег на билет у нее хватит с лихвой, и черт с ними, с вещами, родителям скажет, что ее обокрали...

На вокзале Насте повезло. Были свободные места на поезд, который уходил через четыре часа. Она взяла билет в купейный вагон, пообедала в кафе, послонялась рядом с вокзалом, зашла на рынок, купила себе небольшую сумку в дорогу, кое-что из белья, фрукты и уже совсем успокоилась.

Настя сидела в купе у окна и сквозь запыленное стекло смотрела на суетящихся на перроне людей. Прощай, Москва, прощайте мечты о красивой столичной жизни. Что ж, видать, не судьба. Приедет домой, осмотрится, а там... пройдет этот год, и следующим летом можно будет попытаться начать все сначала.

И тут она увидела Катьку. Отшатнулась от окна. Но было поздно, Катька ее уже заметила и через какое-то мгновение была в купе. Настины соседи вышли на перрон прощаться с родственниками, и девушки оказались совсем одни.

— Ты... ты не смеешь меня преследовать! — Настя испуганно сжалась, забилась в угол. — Я сейчас крикну... позову милицию!..

— Дура, — ответила на это Катька и устало опустилась на противоположную лавку. — Я тебя полдня искала, весь город объездила... а ты милицию...

И тут случилось уже совсем непонятное. Из глаз Катьки полились слезы, она зарыдала почти в полный голос, лицо исказилось, плечи мелко затряслись.

— Ты чего?.. — опешила Настя, не ожидавшая такого поворота событий. — Да говори же толком, что стряслось?..

— Вот, — только и смогла произнести Катька сквозь рыдания и положила на столик перед Настей вчетверо сложенный листок.

Это была телеграмма. Еще только разворачивая ее, Настя нутром почуяла недоброе. А когда стала читать, буквы запрыгали у нее перед глазами. Дальняя родственница сообщала, что Настины родители погибли в автокатастрофе. Похороны были назначены на двадцатое число. Настя быстро прикинула в уме даты и поняла, что двадцатое было позавчера. Все поплыло у нее перед глазами.

Теперь они рыдали уже вдвоем, сидели, обнявшись, на нижней полке. Соседи по купе стояли в дверном проеме и молча, недоуменно смотрели на них.

— Что тут такое? Что случилось? — в дело вмешалась проводница. — До отправления пять минут. Девушки, вы обе едете?.. Я вижу только один билет.

— Нет, едет она, я провожающая, — повернула к ней Катька заплаканное лицо.

— Тогда прошу покинуть вагон, — безапелляционно заявила проводница.

Катька покорно поднялась, поцеловала Настю и направилась к выходу.

— Стой! — рванулась к ней Настя. — Не бросай меня...

— Настя, мне пора, поезд сейчас отправится. — В голосе Катьки прозвучало искреннее сочувствие. — Ты мне напиши... или нет, лучше позвони, как приедешь...

Состав дернулся, но еще пока не двинулся с места.

— Девушка, — напомнила проводница.

Катька кивнула головой и исчезла. Настя сидела подавленная, не замечая ничего вокруг. Поезд еще раз дернулся и чуть сдвинулся с места. И тогда Настя вдруг поднялась, выскочила в коридор, потом в тамбур, где в открытом проеме стояла проводница. Поезд уже медленно шел вдоль перрона, замелькали лица, а среди них Настя увидела Катьку.

— Катька! — закричала она что есть мочи. — Стой!.. Я с тобой!..

Катька остановилась. А Настя оттолкнула проводницу, зажмурилась...

— Куда?.. Сумасшедшая!.. — услыхала она голос за своей спиной.

Но в следующее мгновение Настя уже прыгнула вниз, как в бездну. Она упала, больно ударившись коленкой, ошалевшая, вскочила на ноги.

И тут же оказалась в объятиях Катьки.

— И все-таки, как ты меня нашла? — спросила Настя, уже немного успокоившись, когда они вместе ехали в такси.

— Подумаешь, загадка для Штирлица, — покосилась в ее сторону Катька. — Когда ты не явилась утром, Костик сильно ругался. А я сразу поняла, что ты решила слинять... Ну и поехала в общагу. Как-никак, там у тебя вещи... Мне твои соседки суют эту телеграмму, говорят: наверное, она домой отправилась. Я — на вокзал, интуиция сработала.

— Интуиция... — как эхо повторила Настя.

Потом прижалась к подруге, крепко ее обняла:

— Кать, а Кать? Знаешь, что я подумала?

— Что?

— У меня теперь в жизни больше никого не осталось, кроме тебя...

— Вот и хорошо, Насть, вместе пробьемся. — Катька погладила ее по голове.

Так началась для Насти новая, взрослая жизнь. А Катька сделалась ее задушевной подругой. Может быть, действительно потому, что в этом огромном чужом городе не было у Насти ни одного близкого человека. Именно Катьке она теперь поверяла все свои сокровенные мысли, рассказала свою историю, вначале про десятиклассника, потом про Ботаника. Новая подруга понимала Настю буквально с полуслова. Советовала, как одеваться, как себя вести, и главное — нисколько ей не завидовала, ни разу не подвела.

Косте Настя тоже пришлась по душе, и однажды вечером он пригласил ее в ресторан. Катька с ними не пошла, осталась дома. У нее начались месячные, а она всегда плохо переносила эти дни.

В ресторане за их столиком собралось несколько мужчин, они что-то обсуждали, и Настя не понимала, зачем Косте понадобилось брать ее в эту компанию. Она чувствовала себя не в своей тарелке и от нечего делать смотрела по сторонам. Вскоре Настя заметила, что с нее глаз не сводит какой-то красивый парень, сидящий за соседним столиком.

После ужина Костя попрощался с приятелями, посадил в машину Настю и вдруг исчез. Вернулся он через пару минут. Рядом с ним шел тот парень, который весь вечер смотрел на Настю.

Насте он понравился. Внешне чем-то напоминал французского актера Алена Делона, был чрезвычайно обходителен, учтив и не позволил себе, пока они не улеглись в постель, ничего лишнего. Настя терялась в догадках — зачем такому красивому молодому мужчине нужно кого-то снимать на стороне и платить за это деньги? Да она бы бесплатно согласилась провести с ним не одну ночь.

В постели он оказался умелым и ненасытным любовником. Настя уже не чувствовала той скованности, которую она испытала с первым клиентом. Правда, до анального секса в этот раз дело не дошло, но в остальном парень оказался не лишенным фантазии, и к утру Настя чувствовала себя на вершине блаженства. Еще недавно она даже и представить себе не могла, сколько сказочного удовольствия могут доставить сексуальные игры. На прощание он подарил Насте свою фотографию и дал сто долларов — помимо той суммы, которой позже расплатился с ней Костя. Это было целым состоянием. Деньги так легко шли к ней в руки...

Случалось, Костя привозил на квартиру в Бибирево других девушек, тоже работавших на него. Катьке это сильно не нравилось, и она всякий раз наутро закатывала своему котяре грандиозный скандал. Впрочем, Костик на это реагировал довольно спокойно, не обращал внимания на ее истерики, и вскоре все повторялось в том же духе.

Однажды, после очередного такого скандала, Катька зашла в комнату, где Настя в это время отдыхала после бурно проведенной ночи. Настя слышала все, что происходило за стеной в соседней комнате, но делала вид, что спит, тихо себе лежала, накрывшись с головой одеялом.

— Ладно, не придуривайся, — сказала Катька, бесцеремонно стягивая с нее одеяло. — Я же знаю, что ты не спишь.

И присела на край кровати.

Настя увидела ее заплаканное лицо, покрасневшие от слез глаза с размазанной тушью, и ей стало жалко свою подругу.

— Я знаю, это не мое дело, — сказала она после небольшой паузы. — Но почему ты это терпишь? Не проще ли все бросить и уйти от него? А я с тобой...

— Не могу, — сказала Катька, прикуривая сигарету.

— Почему?

— Нас с ним слишком многое связывает. Да и легко сказать — уйти. Куда?

И тут Настя услышала продолжение Катькиной истории.

Костя, приехав в Москву, подрядился в один левый кооператив, оказывающий своим клиентам подпольные сексуальные услуги, — возил на машине девочек по вызову. И зашибал бешеные деньги. Катька со своими чувствами сделалась для него дополнительной обузой. Но Костя быстро смекнул, что из этой ситуации тоже можно извлечь толк, и, не долго думая, приобщил к делу свою подругу. То есть поставил ее на конвейер секс-индустрии. Конечно, поначалу он схитрил, сказал, что должен кому-то большую сумму денег, вот и обязан отрабатывать ее сутенерством. Катька, дура, поверила, была вынуждена спать с клиентами, которых он поставлял. Костя ее успокаивал, говорил, что хочет быстрее заработать денег, а как соберется нужная сумма, они с Катькой поженятся. Он так вошел во вкус, что бросил руль, нашел еще нескольких девушек и сделался их «папиком», или «котом». Это уже потом Катька поняла, что к чему, а до поры верила каждому его слову и отдавала ему все заработанные деньги. Катьке некуда было деваться. Она попыталась обрести самостоятельность и подала документы в институт. Но после неудачи на экзамене окончательно поняла, что обратная дорога в нормальную жизнь для нее закрыта, — и смирилась со своей участью.

Настя была потрясена услышанным до глубины души.

— Я вот только одного не пойму, — сказала она, нарушая молчание. — Ты ведь продолжаешь с ним жить, значит, вы и спите вместе... Как же он может с тобой спать и одновременно подкладывает тебя другим?

— Ой, я тебя умоляю!.. — Катька поморщилась. — Уже давно ничего такого между нами нет, в смысле постели. Больше года.

— А мне казалось...

— Что там тебе казалось?.. — перебила Катька. — Он ведь голубой. И это каждому понятно, кто его хоть немного знает, а тебе все кажется. Наивная ты еще у меня.

Для Насти ее слова явились очередным потрясением.

— Но я видела, он спал с этой девушкой... ну, та, которая новенькая. Во всяком случае, я слышала ее вопли из комнаты.

— Ну и что из этого следует?.. Он — двустволка.

— Как это? — не поняла Настя.

— А так... — Катьке было лень объяснять, и делала она это крайне неохотно. — Он, конечно, может спать с женщинами, когда захочет, но с мужчинами ему больше нравится. А ту девушку он пробовал, на что она способна...

— Я не знала, что так может быть, — призналась Настя.

Она вынырнула из-под одеяла в одной прозрачной коротенькой сорочке. Прошлепала босыми ногами к столику, чтобы налить себе соку в стакан.

— Ну вот, теперь будешь знать... — Катька последила за ней взглядом. И вдруг что-то непонятное, какое-то странное выражение промелькнуло в ее глазах.

Она как бы заново увидела ее красивые руки, плавную линию плеч, маленькую упругую грудь, просвечивающую сквозь ткань сорочки. А тонкая талия и роскошные бедра

смотрелись очень эффектно. Правда, она уже один раз видела Настю в ванной, но там все было как-то по-другому.

Настя выпила сок и вернулась, присев рядом с Катькой на кровать.

— Слушай, — сказала Катька, продолжая все так же смотреть на нее. — А у тебя когда-нибудь был секс с женщиной?..

— Нет. Мне мужчины больше нравятся.

— Неужели?

— А тебе разве нет?

Катька не ответила. Призадумалась, словно на что-то решаясь.

— Ты что там пила? Сок? — спросила она Настю.

— Сок.

— А шампанского хочешь со мной выпить?

— Да вроде бы рано еще для шампанского...

— Кто сказал, что рано?.. Мы здесь сами себе нормы устанавливаем.

С этими словами Катька пружинисто поднялась с кровати, нашла в укромном уголке комнаты припрятанную бутылку шампанского. Ловко открыла ее, разлила по бокалам пенящуюся жидкость. Один бокал она взяла себе, а другой протянула Насте:

— Пей, и пусть все плохое сгинет без следа, как эти пузырьки...

Насте не хотелось пить, но она подумала, что от вина Катьке должно стать немного лучше, и поддержала компанию. Они чокнулись, выпили шампанского. Захмелев, Катька сразу повеселела.

Она закружилась по комнате, подошла к шкафу и достала оттуда несколько свечей. Затем расставила их по всей комнате и зажгла, задернула шторы на окне и включила медленную музыку. Комната озарилась призрачным, мерцающим светом. А Катька продолжала кружиться в медленном танце, расстегивая при этом блузку. Она медленно сняла сначала ее, потом лифчик. Далее повела руками по своей упругой груди, потом руки скользнули вниз, к юбке, стягивая и ее. На Катьке остались только маленькие кружевные трусики, почти прозрачные. Она медленно подошла к ошарашенно смотревшей на нее Насте, глядя ей в глаза.

От волнения у Насти перехватило дыхание.

— Катька!.. — только и смогла выдохнуть она.

— Тс-с-с!.. — Катька чуть придавила указательным пальцем ей губы.

— Я не знаю, что надо делать... — прошептала Настя, вся дрожа, как от озноба.

— Я тоже не все знаю, — усмехнулась Катька. — Значит, будем экспериментировать. Как в том фильме, который вчера смотрели...

Когда все закончилось, примерно через полчаса, обе почти в изнеможении рухнули на кровать и какое-то время продолжали так лежать, молча и не шевелясь.

— Катька, ну ты даешь! — Настя первой нарушила молчание. — И дверь не заперта, а у Костика гости. Вдруг бы кто-нибудь сюда вошел?

— Ну и что? — Катька повернула голову и посмотрела на нее. — Мужикам нравится смотреть, когда женщины ласкают друг друга. Мне даже жаль, что никто из них не зашел. Пусть бы узнали, что не только они одни могут доставить женщине удовольствие.

Она вскочила с кровати, погасила свечи, собрала с пола свою разбросанную в беспорядке одежду и принялась неторопливо одеваться.

В дверях она чуть задержалась, подмигнула Насте, сказала, как уже когда-то:

— Не грусти, подруга. Мы еще с тобой пробьемся!..

Обычно Костя всегда сам находил для девушек богатых клиентов. Но однажды в ресторане, когда он отошел минут на десять, Настя решила сама проявить инициативу. Она опять сидела за столиком одна в мужской компании. Это были в основном турки, работавшие в Москве на строительстве по контракту. Мужчины, казалось, не обращали на нее внимания и, оживленно жестикулируя, что-то обсуждали.

Насте стало скучно, и она попыталась заговорить по-турецки, какие-то слова уже успела выучить в результате прошлых частых общений. Видимо, в ее устах это прозвучало довольно забавно. Мужчины сразу заулыбались, принялись наперебой угощать ее вином и сигаретами. Потом один из них вызвался ее проводить, чтобы продолжить знакомство.

В этот момент к столику подошел Костя. Оказалось, он уже нашел для Насти клиента на вечер и, хоть собравшиеся были его хорошими знакомыми, выразил неудовольствие тем, что Настя самостоятельно «сняла» клиента. Он отошел с турком в сторону, какое-то время они о чем-то серьезно разговаривали, даже заспорили. Но, видимо, турок сумел его убедить, потому что Костя согласно кивнул и опять вернулся к столику.

— Ладно, поезжай с ним, потом поговорим, — процедил он Насте сквозь зубы.

Настя поехала с новым знакомым на квартиру, которую тот снимал на время в Москве. Она специально заранее не договаривалась с турком о причитающейся ей сумме, просто он ей понравился, и она решила с ним переспать. С самого начала он был немного неловок и порвал Насте колготки. Казалось бы, пустяк, но случившееся привело турка в сильное замешательство. Он долго извинялся, и Насте пришлось приложить много усилий, чтобы направить его энергию в нужное русло.

Утром он сварил для нее кофе и принес прямо в постель, а когда прощались, сунул ей в сумочку конверт и сказал, что это деньги на новые колготки. Когда Настя вышла из дому и заглянула в сумочку, то увидела, что там хватит не на одну пару колготок, а на кое-что еще.

Но радость ее была преждевременной. На квартире ее встретил Костя, злой как черт, и сразу приступил к нравоучениям.

— Послушай, сучка, ты что это себе возомнила?.. Это я тебя нашел и определил в люди. Я тебя кормлю и пою, слежу за тем, чтобы у тебя был нормальный прикид и богатые клиенты. А ты меня так кинула вчера!.. Решила от меня слинять?

— А если и решила, то что? — ответила Настя с вызовом. — Он мне понравился, я просто захотела с ним переспать, вот и все дела. Хотя на это я имею право?..

Глаза у Кости сузились, в них мелькнула ярость.

— Право? У тебя есть право, я не ослышался?.. — Он подступил к ней на шаг и со всей силы влепил пощечину.

Настя охнула, не удержалась на ногах и с размаху плюхнулась на диван. А Костя подошел к ней, грубо навалился сверху и принялся срывать с нее одежду, приговаривая:

— А ну повтори, что ты сказала?.. Право... Я вот покажу тебе сейчас право!..

Настя отчаянно отбивалась, царапалась, визжала, а потом уже закричала во весь голос. Но напрасно, в квартире они были одни, и Костя не особенно с ней церемонился. Он был гораздо сильнее Насти, изнасиловал ее грубо, в том числе и анально. От невыносимой боли Настя кричала.

Потом он встал, пыхтя и отдуваясь, нашел на столе Настину сумочку, выгреб оттуда все

деньги, которые ей подарил турок, швырнул сумочку к ней на диван и сказал напоследок, застегивая молнию на джинсах:

— Теперь поняла, кто здесь хозяин?.. Так вот, сучка, запомни раз и навсегда. Здесь решаю я, а не кто другой. Еще раз сделаешь мне поперек, на хор пушу.

Настя ничего не сказала Катьке, но та, придя к вечеру домой, сама все прекрасно поняла, увидев синяки на ее теле и разорванное платье. Катька успела сильно привязаться к Насте за то время, пока они находились вместе. Она попыталась устроить Косте очередную истерику, но тот лишь отмахнулся и исчез на целых три дня. А потом явился, как ни в чем не бывало принес угощение, шампанское, и все началось сначала...

Настя была упрямая девушка и, тайком от Кости и даже Катьки, продолжала встречаться с турком. Он ничего не знал о ее прошлом и настоящем, наивно считал Настю своей девушкой и даже влюбился. Только ревнивый был очень, особенно когда они вместе посещали рестораны и Настя танцевала с его приятелями. Но до поры умел себя сдерживать. В какой фирме он работал, Настя так толком и не узнала, да ее это мало интересовало. В Турции у него была семья, дети. Он показывал фотографии и однажды, в порыве откровения, признался Насте, что жена у него толстая и неопрятная, всегда засыпает, когда они с ней занимаются сексом. И только с Настей он чувствует себя полноценным мужчиной. Так они встречались около месяца. Потом поссорились, опять же из-за его ревности. Турок ее ударил, потом извинялся перед ней, даже встал на колени, умоляя о прощении, но Настя ушла. Просто вышла из подъезда дома, где он снимал квартиру, и больше там не появлялась. Турок не знал, где она живет, номер телефона она тоже ему не давала в целях конспирации. На этом их скоротечный роман и закончился.

А вскоре исчезло и все остальное...

Однажды вечером Костя позвонил и велел девушкам ждать его в центре возле кафе «Макдоналдс». Сказал, что приедет на машине, для них есть срочная работа.

Моросил дождь, мелкий и противный, какой всегда бывает осенью. Настя и Катька зябко жались у входа в кафе под одним зонтиком, рассеянно поглядывая по сторонам на вечернюю городскую жизнь. Много машин, много людей, много огней. Город большой, а они маленькие. Ветер налетал порывами, трепал им волосы, бросался в лица дождевой пылью. Им хотелось туда, внутрь, где играла музыка, посетители сидели за столиками, переговариваясь и не спеша потягивая свои коктейли. Но Костя строго наказал, чтобы ждали его только на улице и ни капли спиртного, так как дело срочное.

Они ждали. Переминаясь с ноги на ногу и проклиная все на свете — город, погоду, Костю, свою незавидную участь. Костя сильно запаздывал к назначенному часу.

— Черт бы его побрал! — выкрикнула Катька, пританцовывая на одной ноге. — Не могу больше терпеть...

— Сходи в туалет, — посоветовала Настя. — Я пока одна постою.

— Ладно, жди, я мигом...

Катька исчезла за дверью кафе, а Настя осталась дежурить возле входа. Какой-то мужчина, в кепке, надвинутой на глаза и в сером пальто с поднятым воротником, проходя мимо, вдруг остановился и пристально посмотрел на нее.

Настя отвернулась.

Мужчина подошел ближе, схватил за руку, в которой она держала зонт:

— Замерзла, крошка?.. Идем со мной, вместе погреемся.

Настя попыталась выдернуть руку, но мужчина держал крепко.

— Ну, давай, не упрямься. Тебе понравится, — настаивал он.

Только теперь Настя почувствовала, что от него несло перегаром.

— Убирайся!.. — Она поморщилась и добавила: — Пойди проветришься...

— Ах ты сука!.. — Он вплотную приблизился к Насте, схватил ее за воротник куртки, прижал к стене, заговорил, бешено вращая глазами и дыша перегаром прямо ей в лицо. — Да ты хоть знаешь, кто я?.. Я те такое устрою, родители пожалеют, что тебя на свет воспроизвели!.. Последний раз говорю, идем подобра!..

Насте удалось нажать кнопку на рукоятке зонта. Зонт свернулся, и она, не раздумывая, стукнула им мужчину по плечу. А сама отпрянула, отскочила на несколько шагов по направлению к двери кафе.

Мужчина опешил от неожиданности. Стоял, потирая ушибленное плечо.

В это время из кафе вышла Катька. Она с первого взгляда оценила обстановку, схватила Настю за руку и потащила за собой, успев шепнуть на ходу:

— Бежим!.. Я его знаю. Это мент, только переодетый...

— Куда бежать?..

— Все равно, только подальше отсюда...

Они рванулись к краю тротуара, едва не налетев на резко затормозившую машину. Из нее вышел Костя и направился к ним.

— Вы че, обкурились, дуры? — спросил он, переводя взгляд с одной девушки на

другую. — Или хлебнули лишнего? Я же сказал быть в форме!..

Вместо ответа Катька молча указала ему на приближающегося к ним мужчину в кепке. Костя оглянулся, увидел его и все понял.

— Юрик! — Костя изобразил на лице улыбку. — Здоров, давно не виделись!.. А ты чего же в штатском? Или сегодня выходной?..

— Отдай ее мне!.. — Мужчина ткнул пальцем в направлении Насти. — Пусть отработает со мной субботник!..

— Тише, Юрик, тише, — попробовал урезонить его Костя. — Только не надо привлекать внимания... Мы же на днях с тобой обо всем договорились?..

— Ну, — тупо кивнул мужчина. — Она моя...

Кажется, он не слышал Костю или не хотел слышать. Тому пришлось его опять терпеливо уговаривать:

— Ты свое получил?.. Получил. Чего тогда шумишь? Девочки сегодня заняты, им тяжелая работа предстоит, на всю ночь. Если очень хочется, можем опять договориться. Она твоя. Но только в другой раз...

Костя отвернулся, посчитав инцидент исчерпанным. Но не тут-то было. Мужчина вдруг вынырнул у него из-под руки, рванулся к Насте.

— Сука!.. — Он попытался ударить ее кулаком в лицо, но спяну промахнулся.

Удар пришелся Насте в плечо. Но все равно был такой сильный, что ее отбросило на капот машины.

— А вот так мы не договаривались! Костя перехватил его руку, уперся грудью ему в грудь и начал потихоньку теснить назад, к стене дома. — Я тебе не дам зазря девочку уродовать!.. — Он был выше и сильнее, ему удалось прижать мужчину к стене. — Ну, что zenки вытаращил? — Второй, свободной рукой Костя похлопал его по подбородку. — Говорил тебе, успокойся. Не нарывайся зря. Имей терпение!.. Говорил. Теперь придется твоему начальнику жаловаться... Вот так!

Костя отпустил мужчину и не спеша, небрежной походкой направился к машине. Настя и Катька видели, как мужчина стоял, слегка покачиваясь, потом отлепился от стены и быстро сунул руку за борт своего пальто.

— Костя, берегись!.. У него пистолет!.. — истерически заорала Катька.

Но было уже поздно. Костя даже обернуться не успел, как один за другим прозвучали три выстрела. Костя медленно осел сначала на колени, а потом рухнул лицом в лужу. Темная струйка выползла из-под него, растеклась по мокрому асфальту, постепенно смешиваясь с водой.

После всего, что случилось, им нужно было срочно сматываться с квартиры. Во-первых, обе проживали в Москве без вида на жительство. Во-вторых, уже шло расследование убийства, Катьку и Настю допросили по горячим следам. Рано или поздно сюда нагрянет следователь. Да и платить за жилье без Костика нечем. Теперь они лишались основной статьи дохода — клиентов, а путанить в одиночку было опасно, могли запросто пришибить или изувечить многочисленные конкурентки. Такое уже не раз случалось с «одиночницами».

Перед девушками встала дилемма: что теперь делать, как жить дальше?.. Катька, как всегда, первая оправилась от шока. Она обегала едва ли не весь город, прочитала объявления в рекламных газетах и нашла работу для себя и Насти.

В одном из тихих районов Москвы, расположенных не в центре, но и не совсем уж на

окраине — он назывался Городок Моссовета, — требовались дворники. Предоставляли также комнату в общежитии трамвайно-троллейбусного парка. Конечно, это все временно, месяца на два или три, главное, осмотреться, обрести хоть какой-то, но угол. А потом, глядишь, удача им опять улыбнется.

— Ничего, пробьемся!.. в очередной раз повторила Катька свою любимую фразу.

Наступила осень. Потянулись серые, однообразные дни, с дождичком и пронизывающим ветром. Особенно неприятно было выходить утром под этот проникающий до костей ветер и противный, накрапывающий дождик, чтобы мести пространство вокруг дома с помощью тяжелой метлы, складывать в кучи опавшие листья, а потом дожидаться мусоросборщиков и помогать им грузить эти кучи в машину.

Работали Катька и Настя вдвоем, в основном до полудня. Потом спали несколько часов, зато вечера у них были, как правило, свободны. И они отправлялись куда-нибудь оттянуться. Хотя это «куда-нибудь» мало чем напоминало их прежнюю жизнь с роскошными ресторанами, дорогими угощениями и напитками.

То было смутное постперестроечное время. Подругам теперь пришлось курить отечественные сигареты без фильтра, пить дешевый портвейн и заниматься любовью с парнями из соседних общежитий, тоже приехавшими в столицу в поисках лучшей жизни. Бегали на дискотеки, одалживали друг у друга наряды. Денег почти всегда было в обрез. Питались зачастую всухомятку, о мясе и колбасе даже и не мечтали, в основном жарили картошку на подсолнечном масле или варили макароны. Донашивали старые платья Катькиной тетки, которая жила в Москве. Перекраивали, перешивали их кое-как. Каждая мечтала найти мужчину, который заботился бы о ней.

Случалось, им удавалось найти себе покровителей на короткое время. Да, но каких покровителей? Кавказцев с рынка или жмотов-кооператоров. Но они хоть как-то помогали, покупали какие-никакие наряды, водили в кафе.

И это было благо. Настя и Катька уже не стеснялись после вечера, проведенного со своими кавалерами в кафе или в каком-нибудь заштатном ресторане, собирать со стола оставшуюся нетронутой закуску, фрукты или напитки. Все это они тащили с собой в общагу и там, сидя ночи напролет, трепались о жизни, допивая и доедая принесенное. И мечтали о счастье. Настя даже начала втайне вести дневник, куда писала о том, что хочет иметь мужа с квартирой, машиной, дачей и видеомэгнитофоном.

Единственной отрадой, светлым лучиком для них были ночные беседы один на один. Порой разговоры затягивались до самого рассвета, когда уже надо было выходить на улицу и приступать к уборке территории.

А потом наступила зима. Снегу навалило много, до самого вечера приходилось расчищать дорожки от сугробов. Наутро опять шел снег, и все надо было начинать сначала. Тут уж стало не до развлечений и бдений по ночам. Хорошо, когда удавалось поспать часов пять и немного просушить одежду.

Катька за это время заметно сдала, сделалась мрачной, неразговорчивой и сильно пристрастилась к спиртному. Пила она в основном дешевый портвейн или самопальную водку вместе с парнями из трамвайного депо. С ними же занималась любовью, не брезгуя особенно и не выбирая партнера, порой где-нибудь на подстилке, в трамвае, загнанном в тупик. Однажды Настя застала ее за этим делом прямо в подъезде.

Поначалу она старалась хоть как-то приструнить свою непутевую подругу, ругала ее, стыдила, говорила всякие неприятные вещи, пытаясь воздействовать на самолюбие. Но все мимо. Катька только усмехалась в ответ и вновь пускалась во все тяжкие. Иногда, правда, на

нее снисходило раскаяние:

— Настя, прости меня! Ну хочешь, я на колени встану?.. Только ты мне поверь, это временное, к весне я завяжу со всем этим и стану опять прежней Катькой.

Обычно ее мольбы не отличались разнообразием. «Одолжи денег до получки... Можно, я надену твою красную куртку?.. А что там у тебя кипит? Супчик?.. Оставь мне на доньшке чуть-чуть, мне много не надо...» И тому подобное.

Иногда у Катьки случались романы на стороне. Обычно это происходило в день зарплат. Она со всеми деньгами отправлялась в какой-нибудь бар или в кафе, находила там бедного студента и поила его, пока не иссякали наличные. Заканчивалось все это плохо. Катьку уже не раз избивали до полусмерти или же забирали в местное отделение милиции. Там грозились выдворить ее из Москвы, но дворников катастрофически не хватало, и Катьку отпускали с последним строгим предупреждением.

Но однажды вечером Настя пришла в их комнату и застала там Катьку необычайно тихой и даже почти трезвой. Вскоре все прояснилось. Катька накануне подцепила в баре какого-то студента и влюбилась в него без памяти. Они провели чудесную ночь на его общаговской продавленной кровати где-то на другом конце Москвы. Утром он показал ей из окна дорогу к трамвайной остановке и, отводя глаза, сказал: «Ну, ты это... заходи как-нибудь». Что делает нормальная девушка в таком случае? Плует и забывает. Но то нормальная... А Катька на полном серьезе намылилась к нему в гости. Мало того, она и Настю принялась уговаривать, чтобы та ехала вместе с ней.

— Слушай, я тебе дам немного денег, только отстань, — попыталась отбояриться от нее Настя. — Можешь платье мое надеть по такому случаю.

— Ты понимаешь, он с другом живет, — захныкала Катька. — А я стесняюсь. Поэтому будет более естественно, если он с другом, а я с подругой. Посидим, пообщаемся, чаю попьем... Ну, я тебя очень прошу!

Катька умоляюще сложила руки на груди и уже собралась встать на колени.

— А ну прекрати! — пригрозила Настя. — Я кому сказала?.. Не смей!

Катька моментально выпрямилась. Но во взгляде ее по-прежнему читалась мольба.

— Ну хорошо, Настенька, как скажешь. Только не бросай меня одну!

— Не понимаю, зачем на интимное свидание необходимо еще кого-то тащить? — продолжала удивляться Настя.

— Но это же не свидание...

— А что тогда?

— Просто встреча, и ничего такого. Человек в гости пригласил, а мне одной неловко... Мы же с ним практически незнакомы, — доходчиво объяснила Катька.

Настя покачала головой:

— Странная у тебя логика. Ты хоть имя его запомнила?

— Конечно! Валера... Или Виталик... Да это неважно. Тебе-то он представится, а я услышу и тогда запомню... Настя, пойми — он мне очень понравился.

— Ну так и иди к нему сама. Я для чего нужна?

— Да страшно мне одной туда идти!

— Почему страшно? Он же тебе нравится, сама только что говорила.

— Говорила... Но я не помню, что было вчера. Может быть, я чего-то не то натворила. Поэтому стыдно. Неловко. Я умираю от ужаса!

— А я не умираю? Представь мое положение — приду к незнакомым людям чай пить.

Он же тебя одну приглашал. И явно не для чаепития.

Катька жалобно всхлипнула.

— Валерьянки хотя бы выпей, чтоб не так страшно было, — посоветовала ей Настя.

— Ой, у меня успокаивающие таблетки есть! — Катька бегом ринулась к шкафу. — Куда же я их сунула?..

Она принялась лихорадочно рыться в шкафу, пытаясь найти в одном из ящиков таблетки. А у Насти тем временем опустились руки. Все, попала! Придется ехать к этому Валере-Виталику, куда ее такую отпускать?.. Стыдно ей, видите ли! Прежняя, бесшабашная и наглая Катька за короткое время сделалась невероятно застенчивой.

— Вот! — Катька протянула ей упаковку с таблетками.

— «Клофелин», — прочитала Настя на этикетке. — Слушай, а ты точно уверена, что эта дурь успокаивающая и у нее не вышел срок?

— Сто процентов! — Катька при этом зачем-то перекрестилась.

— Ну, гляди! Тогда и я за компанию выпью одну.

— Бери две, мне не жалко, — расщедрилась Катька. Они по очереди выпили таблетки и присели за стол.

Молча стали ожидать, когда лекарство подействует. Так прошло, может быть, минут пять.

Первой не выдержала Катька:

— Ну что, ты успокоилась?

— Я и без того спокойная была, — проворчала Настя. — Ты как себя чувствуешь?

— Да вроде не подействовало, — сказала Катька неуверенно. — Какие-то они маленькие... Может, бахнем еще по одной?

— Давай!

Они выпили еще по таблетке. Потом еще и еще. Посмотрели друг на друга.

— Сколько мы их с тобой выпили? — поинтересовалась Настя.

— А я их считала?.. Но толку — чуть.

— Ладно, мы так до утра будем эту гадость жрать, а уже темнеет. Забирай их с собой, может, в дороге подействуют...

Таблетки подействовали в трамвае. Только подружки устроились на заднем сиденье, как вдруг глаза у Катки стали дикими и она начала валиться всем телом на Настю. Катька была тяжелая. Насте сперва показалось, что подруга продолжает дурачиться, и она со всей силы отпихнула Катку от себя.

Та отодвинулась к окну, а потом опять начала сползать на Настю.

— Настя, — прошептала она. — Началось...

— Что у тебя началось?

— Успокоение...

— Какое успокоение? Что ты мне голову морочишь? — рассердилась Настя. — Сядь ровно, на нас смотрят!..

— Началось, — повторила Катька и хлопнулась головой ей на колени.

— Ну ладно, поспи пока. — Настя вытащила из-под ее головы свою сумку и попыталась повесить ее на компостер. Но тут сама начала испытывать странные ощущения. Как будто ее затягивало в какую-то бесконечную дыру, реальность теряла четкие очертания. Процесс шел по нарастающей.

Дальнейшее Насте представлялось довольно смутно. Словно сквозь туман она видела,

как к ним подсел какой-то парень и назвался контролером. Катька принялась с ним кокетничать напропалую, а Настя пыталась найти проездной. Но так и не нашла.

Наконец трамвай прибыл на конечную остановку. Сделал круг и замер. Подруги вышли последними, когда вагоновожатый не выдержал и сделал им замечание, пригрозив сдать в милицию.

Район был им совсем незнаком.

— Где эта чертова общага? — спросила Настя, озираясь по сторонам.

— Не знаю...

— А думаешь, я знаю? — покосилась на подругу Настя. — Пошли поищем!

— Я не дойду, — обреченно вздохнула Катька,

— Дойдешь! Ты же хотела увидеть Виталика...

— Какого Виталика? Его зовут Валера...

Настя не возражала. В этот вечер абсурд становился нормой. Ош лишь схватила Катьку за руку и повела за собой, как больную. Прохожие на них оглядывались. А вокруг было много домов, и все казались одинаковыми.

— Катька, так где все-таки проживает твой кавалер?

— Там... Нет, там... Или вон там... — Катька тыкала пальцем каждый раз в новом направлении. — Ой, я совсем запуталась...

Они брели, как в кошмарном, бесконечном сне. Каждое движение — словно замедленный кадр. Перекресток. Надо перейти дорогу. Светофор успевал несколько раз поменять цвет. Водители истерично сигналили. Катька вяло демонстрировала им вытянутый средний палец. Силы таяли, как мороженое в жаркий день...

Им удалось доползти до какого-то дерева в сквере на противоположной стороне улицы и там прислониться к стволу. Вокруг темно. Местность незнакомая. Осторожно, пригнувшись, к ним подошла бродячая собака. Катька протянула ей горсть таблеток. Псиная вежливо обнюхала ее ладонь и обиженно попятилась. Катька выбросила таблетки и вытерла о куртку ладонь. Потом вдруг икнула и жалобно простонала:

— Давай ляжем тут и немного поспим...

Однако Настя человек ответственный. Подругу ни за что не бросит в беде. «На честном слове и на одном крыле» она снова потащила Катьку, преодолевая усталость и силу земного притяжения в сторону трамвайной остановки.

— Едем домой!

— А Виталик? — равнодушно поинтересовалась Катька. — Он может обидеться...

— В следующий раз сходим к нему. Обязательно. А сейчас ты неважно выглядишь, тушь потекла. Виталик может не так понять...

— Валера... — прошептала Катька из последних сил.

Трамвай уже ушел, а следующего в ближайшее время вроде не предвиделось. Катька задремала на скамейке под фонарем. Очевидно, их путешествие несколько затянулось, потому что улицы совсем опустели. Отчаяние надвигалось, как туча. Настя уселась возле подруги и с наслаждением вытянула перед собой затекшие ноги.

Мягкими хлопьями начал валить снег. Он неслышно ложился на землю и на плечи, обволакивал, навевал сон. Настя словно провалилась в эту белую пелену...

Сначала сквозь сон она услышала грохот музыки. С трудом открыла глаза. Прямо перед ней, приткнувшись к бровке тротуара, стояло огромное, сверкающее огнями авто. Музыка доносилась изнутри салона. Мерцали приборы на панели. Из-под колес и от радиатора валил пар. Насте показалось, что это рядом с ними опустился с небес межпланетный корабль. Интересно, на каком языке разговаривают инопланетяне?..

— Эй, Снегурочка! Заблудилась, крошка?..

Голос прозвучал на русском. Это уже не так интересно. Настя окончательно проснулась и с удивлением огляделась по сторонам. Где это она?.. Потом обнаружила рядом с собой мирно посапывающую, съезжившуюся от холода Катьку.

И сразу все встало на свои места, только следовало разобраться с обстановкой.

В салоне автомобиля два силуэта. Один на месте водителя, другой рядом. Выключили музыку. И тот же голос опять поинтересовался:

— Куда ехать, крошка?..

— Туда, — она неопределенно махнула рукой. Главное, чтобы отвязались.

— Отлично! Бери подругу, и загружайтесь!..

Настя уже хотела послать сидевших в машине куда подальше, но вдруг передумала. А почему, собственно, и не принять приглашение?.. В салоне тепло, это главное. А кто они такие — не суть важно. Ну что они им могут сделать?.. Предложат секс на заднем сиденье? Так с дорогой душой! Это они с Катькой уже проходили, и не раз. Но только на добровольных началах и без насилия. Вариант с насилием сразу отпадает. Главное, чтобы не повезли куда-нибудь за город, на дачу! Там все что угодно может произойти. Настя помнила несколько холодящих душу историй, когда девушек вот так увозили с собой неизвестные, измывались над ними, а трупы потом расчленяли и выбрасывали на мусорку. Тут ухо надо держать востро, сначала следует убедиться, что за типы такие.

Настя поднялась с лавки, отряхнула с себя снег и на плохо слушающихся ногах подошла к машине. Заглянула внутрь салона. При ближайшем рассмотрении это оказалась не иномарка, а отечественная «девятка». И это Настю почему-то сразу успокоило. В салоне она различила лица двух симпатичных молодых людей. У того, что сидел рядом с водителем, была маленькая, аккуратно подстриженная бородка.

— О, да ты красотка! — улыбнулся ей тот, что с бородкой. — Так что, едем с нами или будем тут глазки строить?

— Едем, — согласилась Настя, потому что при беглом осмотре молодые люди ей тоже понравились. — Вот только подругу на ноги поставлю...

— А что с ней? — Поинтересовался водитель. — Птичья болезнь?

— Какая болезнь? — сразу не сообразила Настя.

— Ну, знаешь такую птичку? Перепил называется!..

— Нет, она просто устала. Мы с ней сегодня много танцевали...

Настя отправилась к скамеечке, где мирно посапывала Катька.

— Может, помощь нужна? — крикнул ей вслед тот, что с бородкой.

Она отмахнулась и принялась тормошить Катьку за плечи:

— Вставай, графинюшка. Карета подана!..

К ее удивлению, подруга восприняла идею прокатиться в машине сразу и без обычного

своего выпендрежа. Но уже в салоне, когда Катька немного освоилась и пригrelась на заднем, сиденье, ее опять понесло в светлую даль.

— А что эта у вас так воняет? — спросила она, недовольно потянув носом.

— Это освежитель воздуха, — обиделся на нее водитель.

— Дерьмо это, а не освежитель, — срезала Катька. — У нас в сортире и то лучше пахнет. И вообще, кто вы такие? Куда нас везете?.. Нам совсем в другую сторону...

Сидящие впереди парни переглянулись.

— Ну что, покажем девушкам, кто мы такие? — спросил тот, что с бородкой.

— Они пьяные. А может быть, даже наркоманки, — сказал водитель с сомнением.

— Там, на месте разберемся...

— Ну, тогда покажем, — согласился водитель. И добавил газу.

Машина на большой скорости мчалась по ночной Москве. Настя еще не успела как следует узнать город и не соображала, где они находятся и куда их везут. Катька мирно посапывала у нее на плече, парни тоже больше не проронили ни слова.

Мелькнет освещенный пост ГАИ, развязка, и Настя сообразила, что они выехали на Кольцевую автодорогу. Ей сделалось нехорошо.

— Ребята, а действительно, куда мы едем? — срывающимся от волнения голосом спросила она.

Молчание.

— Послушайте, может быть, вы нас здесь высадите?.. Мы как-нибудь сами доберемся. У нас есть деньги, немного, но есть. Хотите, мы вам их отдадим?..

Молчание.

— Ну пожалуйста!.. — заныла Настя... — Нам рано на работу. Правда. Если мы не выйдем, то нас спохватятся и обязательно начнут искать...

В ответ опять мертвая и даже, как показалось Насте, зловещая тишина. Только щелкают дворники по стеклу и шины шуршат по наледи.

— Вы нас убьете? — упавшим голосом спросила она через небольшую паузу.

— Нет, только изнасилуем! — хохотнул тот, что с бородкой.

— В извращенном виде! — поддержал его водитель и поглядел на Настю через зеркальце заднего вида.

— Но вам понравится! — добавил тот, что с бородкой. — А не понравится, тогда пеняйте на себя!..

— А мы не по этому делу! — сказала Настя с вызовом, поняв, что уже нечего терять.

— А по какому? — тот, что с бородкой, оглянулся и посмотрел на нее. — Зоофилия, садомазохизм, нарциссизм... Или вы играете в Госпожу?..

При тусклом свете мелькавших на обочине фонарей Насте удалось различить выражение его глаз. Глаза эти лучились смехом. И она сразу успокоилась, поняла, что все не так страшно.

— Нет, до этого еще, слава боту, не дошло... Мы просто лесбиянки.

— О, это нам подходит! — засмеялся тот, что с бородкой. — Значит, не все потеряно. Нас ждет грандиозное гала-представление!..

Теперь уже Настя сочла за благо промолчать. «Ладно, — подумала она. Не все так плохо, как казалось. А там, на месте, разберемся».

Эстакада. Мелькнул указатель: «Ленинградское шоссе», «Шереметьево, аэропорт». Но они продолжали ехать прямо, по Кольцевой. А спустя еще минут пять машина свернула

направо и вскоре въехала на территорию совсем еще нового микрорайона с возвышавшимися в темноте многоэтажными башнями.

Возле подъезда одного из этих домов водитель затормозил.

— Ну что, Снегурочка, — вылезая из машины, позвал Настю тот, что с бородкой. — Пошли со мной. На словах ты бойкая, теперь посмотрим, какая в деле.

— Я без подруги с места не сойду! — решительно заявила Настя.

— За подругу не беспокойся, — подал голос водитель. — Упакуем, а завтра получишь ее в целости и сохранности.

— Ну, иди же, — тот, что с бородкой, распахнул заднюю дверцу с той стороны, где сидела Настя. — Зря только время теряем.

Однако насильственных действий не последовало. Он терпеливо ждал, когда Настя сама вылезет из машины.

— Я лучше здесь побуду!.. — продолжала упорствовать Настя.

— Иди давай! — Настя вдруг услышала Катькин шепот.

Она повернула голову и с удивлением уставилась на подругу. А та толкнула ее кулаком в бок и снова зашептала:

— Иди, иди!.. Он же втюрился в тебя с первого взгляда. Я это сразу поняла. Так что не теряйся, может, хоть здесь тебе повезет. А за меня не бойся, как-нибудь справлюсь с обязанностями, не ударю в грязь лицом... Пробьемся!

Тот, что с бородкой, подал Насте руку, когда она выбиралась из машины. Вновь заработал мотор, «девятка» мигнула фарами и скрылась за углом дома, увозя с собой Катьку. Теперь уже навсегда. Правда, Настя тогда об этом еще не знала.

— Как тебя зовут? — спросил тот, что с бородкой, когда они поднимались в лифте.

— Настя, — сказала она.

— Очень приятно... а меня Валера.

Настя прыснула, закрыла рот рукой, едва не задохнувшись от смеха. Господи, еще один Валера!.. Прямо прут косяком. Не многовато ли для одного дня?..

— Ты чего? — не понял он.

— Так, ничего... а может быть, все-таки Виталий?

Он покачал головой. Сказал, глядя на нее серьезно:

— Нет, все-таки Валерий. Запомни это имя. И больше не путай меня ни с кем.

Так в Настиной жизни появился новый мужчина — Валера.

Он учился в аспирантуре института стали и сплавов, родом был с Урала, а в Москве снимал на время однокомнатную квартиру в новом и весьма отдаленном от центра микрорайоне Митино. Уже с той, первой ночи, которую они провели вместе, Настя почувствовала, как сильно привязалась к нему. А спустя какую-нибудь неделю она даже не представляла, как же это раньше могла вообще существовать без Валеры. Как будто они вместе прожили всю прошлую жизнь.

Их отношения были обычными для молодых людей нашего времени. Он — полудруг, полулюбовник, в какой-то мере даже полуучитель (Валера был старше Насти почти на восемь лет) — обращался с ней, как с маленькой девочкой, как со щенком, покровительственно отмечая ее прошлое, ее прежние романы, ее знакомства, ее маленькие обманы. И в то же время, казалось, не мог прожить без нее ни минуты, тосковал, страшно сердился, когда она опаздывала, задерживалась, например, в парикмахерской или в магазине. Ей же особенно нравилось смотреть, как он работает над диссертацией за компьютером. Настя могла часами молча сидеть в торце письменного стола, положив руку на ладонь, и наблюдать, как он хмурится, когда что-то не получается, или радоваться его одержимости в минуты посещавшего его творческого порыва.

Ему тоже было очень хорошо, когда она находилась рядом, буквально под рукой. Когда, дурачась и побуждая его к ответным действиям, со стула пересаживалась к нему в кресло возле компьютера или когда шла рядом по улице, держа его под руку и прижимаясь к нему грудью, когда делилась своими мыслями и переживаниями. Он любил ее запах, забавные, едва уловимые интонации ее голоса с неистребимым южным акцентом, ее волосы, тело. Она сопровождала его всегда продолжительные ласки всхлипываниями и похныкиванием, оставаясь в эти минуты такой беззащитной и близкой.

Насте до сих пор неясно, что он в ней нашел. Но она никогда не задавалась вопросом, зачем ему это? Наверное, он ее просто любил. Он учил ее ничего не бояться. Себя, своего тела, своей чувственности, мнения окружающих. Ведь при всей внешней раскованности внутри она оставалась все той же зажатой девочкой. Тот, который любил ее, был бесконечно нежен и терпелив. Она научилась не прятать свои желания и уже не боялась проявлять инициативу, хотя до этого играла пьесу на тему «мужчина — завоеватель, а я как бы и не хочу». Благодаря Валере она научилась любить, а не просто трахаться.

В ней, неожиданно для нее самой, проснулась домашняя хозяйка. До Настиного появления однокомнатная квартира, в которой обитал Валера, представляла собой типичное прибежище молодого, неженатого и крайне беспечного мужчины. Словно подчеркивая это, на двери в комнату косо висела на гвоздике табличка — «Берлога». Что соответствовало действительности.

Постель здесь никогда не убиралась, по углам были рассованы гантели, обувь, не подходившая к сезону, на полу лежали кипы научных журналов, книги, компакт-диски и видеокассеты. На кухне в раковине скопилось гора немытой посуды, плита была залита чем-то липким непонятного происхождения.

В первые дни Настя почти не обращала на это внимания, полностью отдаваясь любовным утехам. Однако спустя какое-то время, когда немного освоилась и как следует

осмотрелась, решила: дальше в таком свинюшнике жить нельзя. Она дождалась дня, когда Валера до вечера уехал на консультацию в институт, сходила в хозяйственный магазин, накупила там моющих средств и порошков, используя советы навязчивой телевизионной рекламы, и целый день мыла, терла, скребла, выгребала мусор. Настежь распахивала окна, приводила в порядок каждый закоулочек, а в довершение побрызгала повсюду освежителем воздуха, словно, разгоняя призраки прошлой жизни, заново размечала территорию, привнося в нее свой дух. И испытывала при этом неведомую дотоле радость от содеянного собственными руками.

К вечеру квартира преобразилась почти до неузнаваемости. Валера был сражен наповал. Настя этим же вечером решила попробовать соблазнить возлюбленного каким-то новым, необычным способом и предстала перед ним в одной короткой маечке, скромно при этом улыбаясь и опустив глаза долу. Валера сумел по достоинству оценить Настину фантазию...

Успех в наведении порядка вдохновил Настю на последующие революционные преобразования, связанные с усовершенствованием интерьера квартиры. Фантазия ее, казалось, была безграничной. Книжки, конспекты и журналы вставляли на полки, тесно, как в трамвае, каждая вещь обретала свое законное место в платяном шкафу. Постель теперь была аккуратно заправлена и укрыта клетчатым пледом, холодильник на кухне предварительно разморожен, вымыт и загружен продуктами.

Квартира, столь волшебным образом преобразившаяся благодаря неустанным стараниям Насти, теперь обрастала приятными мелочами — чашками, блюдцами, ложками, сахарницей со щипцами. Грязные граненые стаканы из раковины, алюминиевые вилки, тарелки и блюдца, когда-то позаимствованные аспирантом в кафешке на углу, были самым безжалостным образом отправлены в мусоропровод. Картина дополнилась разноцветными салфеточками с трогательными надписями и рисуночками, а также занавесочками, крючочками, ковриками, подставочками и прочими милыми атрибутами, с виду и по отдельности казавшимися незначительными, но в сумме создававшими ту неуловимую атмосферу, что в обиходе называется домашним уютом.

Каждая вещь в доме теперь обретала свое законное место, дополняя общую картину интерьера мазок за мазком. Единственное, на что по обоюдному согласию было наложено табу, это рабочий стол Валеры. Беспорядок на нем ревниво оберегался хозяином, а когда Настя однажды все же решилась покуситься на святая святых, между ними едва не вспыхнул первый скандал. Поэтому ей пришлось несколько умерить свой пыл и ограничиться вытиранием пыли с доступных поверхностей стола.

Надо было, конечно, сделать ремонт и приобрести кое-какую мебель — Настя все время подумывала об этом. Но денег у них едва хватало только на самое необходимое, и пока приходилось мириться с тем, что имелось.

Наконец, по-детски яркой палитрой на столе в розочках вспыхивали абрикосовое, клубничное, яблочное, грушевое — приворотное... И ложка превращалась в кисть, и яркая акварель разговора ложилась на тишину мазок за мазком.

Настя как-то сразу привыкла к такой жизни, окунувшись в нее с головой. Ей уже казалось, что так будет продолжаться вечно, о будущем она не задумывалась. Большую часть времени проводила на кухне. Здесь было тепло и уютно. За стеной Валера корпел над диссертацией, на плите на одной конфорке варился борщ, на другой жарилась картошка с азу. А сама хозяйка, давась от смеха, втолковывала по телефону какому-то непонятливому Славику, пристававшему накануне к ней в супермаркете, которому она, чтобы поскорее отстал, дала

номер телефона, что от сегодняшнего вечера и на ближайшие сто лет она будет занята.

С наступлением лета Валера брал у своего друга машину, и они уезжали за город, далеко, в глухую, полузаброшенную деревушку, за символическую плату снимали дом у какой-нибудь бабушки, где надолго могли остаться только вдвоем...

Ах, как ей было хорошо с Валерой. Ах, какое это было замечательное время. Они называли его — наш медовый месяц...

И как быстро, в одночасье, все это кончилось...

Наверное, ее истомившаяся в поисках спутника душа ошиблась, выбрав этого мужчину. Постоянное общение с ним будоражило сознание и ломало прошлые ценности, жизненные установки, что, рано или поздно, должно было пройти, надоест. Однако Насте не пришлось естественным путем достигнуть предела.

Валера первый заговорил о супружестве. Настя приняла предложение спокойно, без эмоций, как должное. Хотя внутренне возликовала. Они решили, что никакой свадьбы не будет, просто распишутся, посидят с друзьями, а потом приедут к его родителям на Урал. Пусть это будет неожиданный, но приятный сюрприз.

Вдвоем ходили выбирать свадебное платье. Дурная примета. Об этом Настя узнала много позже, от одной старушки, — нельзя вместе с женихом покупать свадебное платье, иначе быть беде. Но тогда они об этом даже не задумывались, настолько были поглощены друг другом и предстоящими переменами в жизни.

Платье было куплено загодя и висело на дверце шкафа, а белые туфельки стояли рядышком, как зайчики. За несколько дней до регистрации брака Валера собрался ехать в Карелию, на соревнования по гребле в экстремальных условиях. Это было его единственным хобби, к которому Настя его сильно ревновала. Валера ее успокаивал: всего-то на одну неделю. Но они расставались впервые, и Насте этот срок показался бесконечным.

Валера уехал, даже не разрешил ей проводить его на вокзал, лишь крепко поцеловал на прощанье. А ровно три дня спустя в дверь их квартиры позвонили. Сердце у Насти екнуло, что-то недоброе почудилось ей в этом звонке.

На пороге стоял Коля, Валерин друг, тот самый, который подвозил их зимой, когда они с Валерой познакомились, и у кого потом одалживали машину для поездок за город. Отводя глаза, он сообщил, что Валера погиб. Что-то произошло с байдаркой на крутом спуске. Она перевернулась и пошла ко дну. Напарника Валеры удалось спасти благодаря вовремя сделанному искусственному дыханию. А Валеру отнесло ниже по течению, и, когда его нашли, было уже поздно...

Все последующее происходило для Насти как в тумане. Поначалу она даже толком не могла понять, что на самом деле случилось. И это конец прежней, такой безмятежной, налаженной собственными руками жизни. Она даже не смогла попрощаться с Валерой — тело его сразу отправили к родственникам, на Урал.

Настя туда не поехала. Не было денег на самолет, да она плохо представляла себе, как бы представилась его родне.

Кто знает, как повернулась бы ее дальнейшая жизнь, если бы Валера благополучно вернулся в их гнездышко, так любовно взлелеянное Настинными руками. Наверное, они бы поженились, строили планы на будущее, Валера продолжал бы ходить в магазин за картошкой, а она бы жарила ее да стирала ему рубашки и носки...

Теперь она осталась без любимого человека, жилья — без Валеры она была вынуждена съехать с квартиры — и совсем без средств к существованию. К тому же Настя являлась гражданкой другого государства, без вида на жительство, а в Москве это сулило большие неприятности. И денег не хватало даже на билет в родной город...

Впервые за долгое время она вспомнила о Катьке. Так получилось, что с того вечера, как они распрощались в машине возле подъезда Валериного дома, Настя больше не видела свою подругу. С Колей, Валериным другом, Катька после проведенной с ним ночи тоже больше не встречалась.

Однажды Настя приехала в общагу за своими вещами. В комнате она Катьку не застала. Никто не видел ее уже в течение двух дней и на самом объекте. Видно, загуляла опять с каким-нибудь очередным студентом. Начальник жилищной конторы, оформлявший Насте расчет, твердо пообещал, что уволит Катьку без выходного пособия, стоит той только попасться ему на глаза.

Настя вернулась в комнату, где оставила для Катьки на столе записку с номером телефона и просьбой сразу же ей позвонить. Но звонка от Катьки так и не последовало. Настя тогда решила, что подруга обиделась на нее и первая никогда не пойдет на примирение. Такой уж у нее характер. Потом Настя несколько раз, вспоминая о Катьке, порывалась ее навестить, да все откладывала. Время шло, и за хлопотами она постепенно начала Катьку забывать.

Теперь Настя опять приехала в общагу, но Катьки здесь давно и след простыл. На их месте сейчас работали новые люди, в жилищной конторе был другой начальник. По документам выходило, что Катька сама уволилась, а куда девалась потом — того никто не ведал. Где теперь ее бывшая верная подруга, с кем живет, в Москве или уехала к себе домой, Настя так никогда и не узнала.

Выход для Насти теперь был один — ехать в родной город. Там ее никто не ждал, разве что пустая квартира и неизвестное будущее. Впрочем, будущее ее тоже мало интересовало. Сейчас перед ней стояла более важная проблема: надо было раздобыть деньги на билет. Пусть даже в жестком вагоне поезда, но только бы побыстрее уехать из Москвы. Настя уже всеми фибрами души стала ненавидеть этот город, принесший ей столько боли и разочарования.

Ей удалось продать кое-что из вещей, прямо с рук, на импровизированном рынке, который стихийно возникал по выходным неподалеку от дома, где они с Валерой раньше снимали квартиру. Настя была рада и этому. Ей тогда казалось, что вырученных денег вполне должно было хватить на билет в плацкартном вагоне. И еще какая-то небольшая сумма оставалась на то, чтобы поесть в дешевом кафе.

Была уже осень, сентябрь. Люди возвращались с юга из отпусков, студенты приезжали в Москву после каникул. Из столицы выехать было теперь гораздо проще, нежели в нее вернуться. Настя подошла к окошечку кассы на Киевском вокзале, твердо уверенная, что уедет уже сегодня вечером. Здесь ее ждал новый, непредвиденный удар. С первого числа МПС утвердил новые тарифы на железнодорожные пассажирские перевозки. Цены выросли на тридцать процентов, и Насте в общей сложности не хватало более двухсот рублей даже на билет в жестком вагоне.

С затуманенными от слез глазами она отошла от железнодорожной кассы, пересекла привокзальную площадь и бессильно опустилась на скамейку в небольшом скверике. Ей не хотелось больше жить, вообще ничего не хотелось.

И тогда к ней подошел он, тот, которого звали просто Рафик. Присел рядом.

— Хочешь заработать сто долларов? — спросил он без предисловий.

— Что? — Настя подняла голову, словно очнувшись от своих мрачных мыслей.

Она посмотрела на сидевшего рядом с ней. Молодой кавказец, довольно прилично одет. В нем не было ничего отталкивающего, пошлого, скорее наоборот, он ей с первого раза показался даже привлекательным. Стильным. Правда, и нагловатым в то же время. Тут Настя вспомнила, что уже видела его недавно. Мельком, когда обращалась в билетную кассу на вокзале. Держался он тогда чуть в сторонке и как бы приглядывался к ней. Да, точно, теперь вспомнила, это был он. Но что ему надо конкретно?..

И, словно отвечая на ее немой вопрос, парень улыбнулся ей и сказал, указывая рукой в направлении привокзальной стоянки автомобилей:

— Видишь, вон на той стоянке тачка навороченная?.. Ее владелец готов выложить сотню баксов за то, чтобы мило провести с тобой время!

Настя задумалась. Она не считала себя законченной шлюхой, готовой переспать когда и с кем угодно, хотя бы и ради денег. И чтобы к ней прямо на улице посмел с таким предложением обратиться совсем незнакомый человек! Может быть, в другой ситуации она ответила бы ему крайне резко или даже позвала на помощь милиционера, который дежурил в это время на площади перед вокзалом. Но она не сделала ни того, ни другого. В голове у Насти запечатлелась сумма, которую он назвал. «Сто баксов! — подумала она. — Сейчас для меня это целое состояние... Сто баксов... Хватит с лихвой на билет и еще на многое другое... Сделать то, что он просит, получить деньги и уехать! Уехать навсегда и забыть все,

что с ней было в этом городе. Как кошмарный сон...»

Она посмотрела ему прямо в глаза и сказала совсем неожиданно для себя:

— А двести?..

Он засмеялся с явным удовольствием от того, что она согласилась:

— О, ты уже торгуешься!.. Молодец! Ну, пошли, там разберемся.

Она двинулась за ним следом как сомнамбула, с пакетами и чемоданом в руках.

С этого дня Настя стала работать на Рафика, проще говоря, сделалась его рабыней на долгое время.

Тот мужик в машине, которого ей сосватал Рафик в первый день знакомства на привокзальной стоянке, сильно торопился. Вечером он с женой должен был лететь в отпуск на Канарские острова, и дело закончилось довольно быстро, на заднем сиденье его машины, в безлюдном парке где-то на южной окраине Москвы.

Он действовал умело и не причинил Насте особого неудобства. Только попросил ее снять с себя все, кроме туфель на высокой платформе, объяснив это тем, что так он сильнее возбуждается.

Но обещанной суммы она от него так и не получила. Он вообще ей ничего не заплатил, ни рубля. Только довез до ближайшей станции метро, высадил там и сказал на прощание, что деньги у Рафика, тот должен с ней расплатиться.

Настя была вне себя от бешенства. Рушились все ее планы. Надо же быть такой недотепой, дать себя обвести вокруг пальца. На глаза ее навернулись слезы. Она полезла в сумочку, чтобы достать зеркальце и посмотреть, не растеклась ли тушь на ресницах. И тут увидела сложенный вдвое листок из блокнота. Вспомнила — Рафик, когда прощались, оставил ей номер своего сотового телефона.

Настя купила в киоске жетон, нашла автомат у входа в метро, набрала номер.

— Приезжай вечером, — коротко бросил Рафик в ответ на ее бессвязную, истерическую тираду. Он назвал ей место и сразу же отключился.

Они встретились вечером в самом центре Москвы, на Пушкинской площади. Рафик подкатил на иномарке с тонированными стеклами. Открыл заднюю дверцу справа от себя и велел Насте сесть в машину.

Настя сразу потребовала у него деньги.

— Куда так спешишь? — улыбнулся он. — Вечер только начинается. Давай покатаемся немного, хочу тебе кое-что показать...

Они проехали по Ленинградке за кольцевую. Там, не доезжая Химок, напротив сверкающего голубыми стеклами магазина «Гранд», Рафик свернул на обочину и остановил машину. Уже стемнело. Однако, несмотря на поздний час, здесь было довольно-таки многолюдно. Настя с удивлением наблюдала, как по обе стороны шоссе начали возникать компании ярко накрашенных девиц в вызывающего вида одеяниях. Они собирались небольшими группами возле обочины и явно чего-то или кого-то ждали.

«Так ведь это же... проститутки!» — мелькнуло у нее в голове.

Заприметив иномарку, от одной из групп отделилась дамочка лет тридцати, не столь вызывающе одетая, как остальные, и засеменила в их сторону.

Рафик чуть приоткрыл боковое стекло машины.

— Забейся в угол и сиди там тихо, как мышка, — успел он шепнуть Насте. — Чтобы ни звука от тебя, поняла?..

Тем временем дамочка подошла к машине и наклонилась к боковому стеклу.

— Вечер вам добрый, — произнесла она певучим голосом. — Хотите приятно отдохнуть?.. Могу предложить девушек от тысячи двухсот рублей до ста долларов. Секс в

машине стоит пятьсот рублей, французский секс — двести. Как видите, цены у нас вполне приемлемые. Что вас интересует?

Настя забила в угол салона, как ей велел Рафик. Оттуда она могла спокойно наблюдать за происходящим. Тонированные стекла и сгустившаяся темнота делали ее невидимой для находившихся снаружи. Она сразу догадалась, что женщина — это так называемая «мамочка», предлагающая клиентам свой живой «товар». И голос ее звучал примерно так, как у лоточников, торгующих в метро или в электричках всякой мелочью.

— А что конкретно у тебя есть? — спросил Рафик.

— Хотите посмотреть?.. Это можно. — «Мамочка» выпрямилась, повернулась к стоявшим в отдалении девушкам. — Так, девочки!.. А ну, построились! Живо!..

Подчиняясь ее команде, девушки сошли с обочины и выстроились перед иномаркой Рафика в одну шеренгу. Так, чтобы их можно было получше рассмотреть. Из нескольких стоящих неподалеку машин тоже повыползали девицы и пополнили строй. Всего их набралось около двадцати. Некоторые девушки, видимо помня «домашние установки», повыше оголяли ноги, другие силились улыбнуться. Но получалось у них не очень, не впечатляло с первого раза, как было задумано.

— Вон та, что слева, маленькая, за сколько поедет? — поинтересовался Рафик.

— Эта?.. За две с половиной тысячи... Оксана, подойди ближе!

Девушка сделала шаг вперед из общей шеренги и выжидательно остановилась, так чтобы ее было хорошо видно из машины.

— А давай за две? — Рафик принялся торговаться с «мамкой».

— Ну что вы!.. — «мамка» обиженно поджала полные губы. — Посмотрите, какая девочка... Чистая, ухоженная, многое умеет и всего третий день работает... Нет, меньше, чем за две с полтиной, не уступлю.

Рафик покачал головой:

— Нет, такую мне и задаром не надо... А есть настоящий товар? Чтобы за сто баксов, но только без халтуры?

«Мамка» повернулась и с сомнением окинула взглядом свой «контингент»:

— Вы поздно приехала, — сообщила она. — Были у меня две настоящие топ-модели, прямо с конкурса. Но их уже забрали... Может, чуть попозже объявятся...

— А ты сама? — Рафик уже начал откровенно издеваться. — За сто баксов сойдешь, пожалуй. Давай, соглашайся.

«Мамка» не заметила иронии в его голосе, кокетливо заулыбалась:

— Нет, я свое уже отработала, хватит! Теперь вот молодежи опыт передаю. Но я когда-то именно на такую сумму тянула, вы угадали...

— Сама откуда такая будешь шустрая?

— Я? Из-под Киева. В студии народного танца занималась...

— Ну, продолжай и дальше танцевать, — Рафик включил мотор. — А я тут посмотрю, что дальше происходит. Если ничего стоящего не обнаружу, опять к тебе вернусь...

Проехав чуть вперед, Рафик развернул машину в обратную сторону, прямо через сплошную осевую линию.

— Ну, ты все поняла? — спросил он Настю, не оборачиваясь, когда они мчались по шоссе в обратную сторону, по направлению к Москве.

— Что я должна была понять? — ответила Настя. — Проституток я и раньше видела. А

сейчас хочу получить свои деньги.

— Нет, видно, ты плохо училась в школе. Туго соображаешь.

— При чем тут школа? — удивилась Настя.

— А при том, что я сейчас могу тебя здесь посадить, прямо на шоссе. Сдам вот этой самой «мамке» или другой, мне без разницы... Получу с нее за тебя бабки и забуду, как звать. Катись к едрене-фене! Хочешь такой финал?..

Настя помолчала. Перспектива нарисовалась перед ней довольно отчетливо. «А ведь он запросто может это сделать, — подумала она. — Не зря сюда привез... Но ведь не сдал сразу, только показал, чтобы напугать. Значит, я ему еще зачем-то нужна».

— Но почему? — сказала она вслух. — Я ведь честно сегодня отработала свое. Выполнила твою просьбу, клиент остался доволен... За что ты меня так кидаешь?

— Мы за сколько с тобой договаривались? — уточнил Рафик.

— Сто баксов...

— Это для тебя большие деньги?

— Большие или не большие, а мне положено. Вполне хватит.

Рафик подумал еще, а потом неожиданно спросил:

— А хочешь еще заработать?.. Ты ведь тогда, на вокзале, двести хотела? Ну вот, две сотни и получишь. Прямо сегодня.

— Я тебе не верю, — сказала Настя. — Ты меня уже один раз кинул. Заплати, сколько обещал, и разойдемся красиво.

— Ну, ты упрямая!.. — Рафик покачал головой. — Допустим, я тебе заплачу... А куда пойдешь? На вокзале ночевать будешь, с сотней зелени?

— Мое дело, где я буду ночевать. Главное, заплати...

Они уже подъезжали к центру Москвы. Рафик повернул направо возле Белорусского вокзала, ехал по направлению к Тишинскому рынку.

— Куда ты меня везешь? — поинтересовалась Настя. — Не хочешь платить, черт с тобой!.. Но только высади меня здесь, дальше я сама дорогу найду.

— О'кей! — вроде бы согласился Рафик. — Не бойся, я не жлоб какой-нибудь и не кидала. Заплачу тебе, как договаривались. Только у меня с собой нет зелени. Подождешь меня пять минут? У меня тут знакомый бармен, у него одолжу...

Он припарковал машину возле французского ресторана.

— Я мигом... — сказал он, выходя из машины и захлопывая дверцу.

Рафик зашел в ресторан. Но вместо обещанных пяти минут его не было целых, полчаса. Настя уже начала терять терпение, как он появился. Плюхнулся на водительское сиденье и повернулся к ней с чуть виноватым выражением на лице:

— Извини, подруга... Полный облом сегодня получается. Давай вот что... встретимся завтра днем на том же месте. Я с тобой расплачусь, обещаю.

— Да врешь ты все! Настя уже не верила ему. Ей хотелось только одного — поскорее выбраться из его машины и остаться наедине с собой.

Она нащупала ручку справа от себя, распахнула дверь.

— Значит, все-таки решила уйти? — услышала она голос Рафика.

— Решила... — Настя подхватила с сидения свои пожитки, шагнула на тротуар. — Пока, милый! Ты был так добр со мной. Я буду тебя еще долго вспоминать!..

— Ну-ну! — произнес Рафик со своего места. — Только потом не обижайся!..

Настя не придавала его словам значения. В сердцах захлопнула дверцу и пошла вперед, не

зная, куда именно несут ее ноги. Плохо, что сейчас рядом с ней не было Катьки, ее Катьки. Та обязательно что-нибудь да придумала бы. Ну ничего, она сама тоже не лыком шита. Пробьемся...

Она слышала, как сзади заработал мотор. Видно, Рафик уехал тотчас же после ее ухода. Она шла темной улицей по направлению к Садовому кольцу и сейчас жалела лишь об одном — зря потраченном времени. В конце концов, оставались друзья Валеры, тот же Коля. Она могла бы одолжить деньги на билет у него. Не такая уж астрономическая сумма ей нужна, триста рублей, не больше. Потом она ему их пришлет, главное — поскорей добраться домой. Завтра надо будет так и сделать, а пока следовало подумать о ночлеге...

Яркий сноп света вспыхнул за ее спиной. Машина неслась на бешеной скорости, и Настя инстинктивно отшатнулась вправо. Завизжали тормоза. Машина замерла как вкопанная шагах в пяти впереди нее.

Два человека одновременно вышли из машины и метнулись к Насте. Один вырвал у нее пожитки, отбросил их в сторону и скрутил ей руки. Другой зажал ей рот. Настя не успела толком сообразить, что происходит, как ее запихнули на заднее сиденье машины, которая тут же сорвалась с места и набрала высокую скорость.

Оба похитителя уселись по обе стороны от Насти, так что она очутилась в центре сиденья между ними. Тот, что слева, продолжал зажимать ей рот огромной ладонью. Впереди она различила еще двоих. Один за рулем, другой в качестве пассажира.

Поначалу Настя продолжала биться, извиваться всем телом, даже попробовала укунить сидящего слева за ладонь. Но тут же получила от него сильный удар под ребра и затихла. Они мчались по пустым улицам города, сворачивали куда-то, пока не оказались за пределами Москвы, на каком-то совсем темном шоссе.

Тот, что слева, отвел ладонь от ее лица.

— А-а-а!.. — закричала Настя что есть силы. — Пустите меня!.. А-а-а!..

— Успокойся, деточка, — сказал тот, что справа от нее. — Здесь тебя все равно никто не услышит. Будешь хорошо себя вести, мы тебе ничего плохого не сделаем. Даже личико не попортим. Только поиграем немного...

Они неслись по темному шоссе в полном одиночестве. Ни сзади, ни спереди не было видно даже проблеска фар других машин. И она решила пока не сопротивляться, только съежилась еще больше, зажатая с двух сторон внушительными телами похитителей.

— Умница, — похвалил ее тот, что слева. — Люблю, когда сразу все понимают. А то кусаться вздумала. Так можно и зубки потерять...

— А ротик у нее ничего, — пригляделся к Насте тот, что справа. — Самоигральный... Может быть, с него и начнем, прямо здесь?..

— Пожалуй, начнем, — согласился сидящий слева. — Пробовала есть мороженое на полном ходу?..

И они приступили к делу. Сначала один пригнул ей голову до боли в шее и так держал, пока его приятель не кончил. Потом они поменялись местами. Настя задыхалась, отплевывалась, но конвоиры не давали ей шевельнуться.

Машина свернула с шоссе на проселочную дорогу. Потом заехали во двор какой-то дачи с темными окнами. Настю, полуживую, выволокли из салона и втащили в дом. При вспыхнувшем свете люстры она смутно успела разглядеть комнату, стол, уставленный закуской и разнокалиберными бутылками. Ее швырнули на диван, с которого она тут же попыталась вскочить. Но ей не позволили этого сделать. Пока один держал ее руки, другой

вскрыл ампулу с какой-то прозрачной жидкостью, не спеша наполнил шприц и, держа его вверх иглой, подступил к Насте.

— Сейчас, милая, сейчас тебе станет совсем хорошо, и ты успокоишься...

Она не почувствовала, как игла вошла в вену. Поначалу она вообще ничего не поняла. А потом ей вдруг и на самом деле сделалось хорошо, даже весело. Лица мужчин, окружающие предметы вдруг исказились совершенно странным образом, вытянулись, будто она смотрела сквозь выпуклую линзу. Настя хохотала, перекатываясь по дивану, до хрипоты, до икоты и не могла удержаться. Кто-то из мужчин открыл бутылку с коньяком и начал лить содержимое ей в рот прямо из горлышка. Настя едва не захлебнулась, сцепила зубы, замотала головой. Жидкость растеклась у нее по щекам, подбородку, залила блузку, которую, впрочем, тут же с нее сорвали. Как сорвали и другую одежду.

Хохоча до безумия, Настя, совершенно голая, носилась по комнате, натываясь на стулья, задевая руками и сбрасывая на пол какие-то предметы. А четверо мужчин в это время выпивали, закусывали и с интересом наблюдали за ней.

Потом они ее насиловали, по очереди. Все четверо. Пока один насиловал, остальные сидели за столом, пили, закусывали, смотрели.

Потом менялись местами. И так по многу раз.

Все четверо слились для Насти в одно лицо. Вернее, в рожу, чем-то напоминавшую голову дикого кабана, висевшую на противоположной стене комнаты. И движения их тоже были одинаковые, механические, словно все они работали отбойными молотками. Но ей уже стало все равно. Она почти ничего не чувствовала, даже своего тела, которое вдруг сделалось чужим и совершенно перестало ей принадлежать. Странная апатия овладела ею. Сознание постепенно начало меркнуть, потом перед глазами все закружилось самым невероятным образом, вспыхнуло и погасло. Она провалилась в какую-то черную дыру.

Очнувшись, Настя долго не могла понять, вспомнить, где она и как здесь оказалась. Она даже не способна была пошевелить рукой или ногой. Голова у нее словно распухла и стала вдвое больше в размере, все тело невыносимо ныло.

Какое-то время она лежала неподвижно, с открытыми глазами, пытаясь восстановить в памяти картину прошлой ночи. С трудом сознание ее начало проясняться. Первое, что поняла, это то, что сейчас она лежит на диване, совершенно голая и укрытая сверху тонким покрывалом. Потом она различила стол с наполовину опустошенными бутылками и беспорядочным нагромождением посуды с недоеденной закуской. Голова ее продолжала раскалываться на части, но из этих частичек уже начали, как вспышки, прорисовываться отдельные картинки, постепенно складываясь в одно целое.

Настя вдруг вспомнила все сразу, от ужаса хотела закричать, но у нее перехватило горло, и оттуда вырвался только хриплый, булькающий стон. Как ужаленная, она вскочила с дивана, прикрывшись покрывалом, заметалась взад-вперед, словно ища выход. И вдруг застыла на месте.

В дверном проеме, скрестив руки на груди, стоял Рафик и молча на нее смотрел. Пауза длилась секунд десять. Потом он, все так же ни слова не говоря, исчез за дверью. Но вскоре вернулся, неся в руке стакан с какой-то мутной жидкостью.

— Лежи, — Рафик насильно толкнул ее в плечо свободной рукой.

Настя была настолько слаба, что даже от этого движения села на кровать, а потом и вовсе прилегла на подушку. Рафик присел рядом с ней.

— На вот, попей. Станет легче. Он ладонью при поднял ей голову и поднес к ее губам стакан. — Потом я приготовлю тебе кофе.

Настя хотела было оттолкнуть его руку, но он насильно влил в нее эту мутную терпкую жидкость. И она сразу почувствовала, как по всему телу разлилось приятное тепло. Действительно, ей стало намного лучше.

— Ну, — сказал Рафик после небольшой паузы, надеюсь, теперь ты поняла, с кем имеешь дело?

Настя молчала.

— Это у нас называется прописка, — продолжал он. — Вообще-то я не сторонник крайних мер, но иногда приходится их применять. Для особо строптивых и непонятливых. Шоковая терапия. Зато потом наступает полное выздоровление. И никаких проблем.

Настя молчала.

— Запомни, правило первое... Я не люблю, когда меня не слушают, перечат мне и пытаются сделать все по-своему. Если такое иногда происходит, я становлюсь нервным и непредсказуемым в своих поступках. И тот, кто меня хорошо знает, старается не доводить дело до греха.

Настя молчала.

— Второе правило... Моя контора — одна из самых престижных в городе, поэтому никакого риска. Таких контор всего с десяток на всю Москву, и я дорожу своей репутацией. Мои девочки не работают с «мамками» на улице, а скромно сидят дома, чистят перышки и ждут, когда я сам им найду клиента. И не какого-нибудь там оборванца или бандита, а солидного господина, готового за все услуги щедро заплатить. Ты мне сразу понравилась.

Будешь умницей, вести себя хорошо, слушаться меня во всем, — мы с тобой поладим. Это пока все, что от тебя требуется. В обиде не останешься.

Он говорил с ней, как старший брат, журивший любимую, но слегка непутевую сестричку-школьницу, тайком повадившуюся стрелять у него сигареты и потихоньку курить их прямо на кухне. Словно воспитывал на свой лад, чтобы, не дай бог, не узнали родители. Настя молча слушала его, то и дело отхлебывая из стакана мутный навар.

— У меня есть еще правила, — заканчивал свою тираду Рафик, одновременно поднимаясь с кровати. — Их немного, и они совсем простые. Ты их быстро усвоишь, но об этом чуть позже...

Он опять исчез за дверью. Вернулся, неся в руках спортивную сумку. Вытащил оттуда объемистый целлофановый пакет и швырнул его Насте на кровать.

— Здесь все, что тебе нужно на первый случай. Самое необходимое из шмоток и косметики. И еще, — он достал из кармана конверт и положил его на покрывало рядом с Настей. — Здесь триста баксов. Ты их честно заработала, можешь с ними делать все, что хочешь. Но я тебе советую зря их не тратить, а походить по магазинам и присмотреть то, что тебе нравится. Мои девушки всегда должны выглядеть хорошо — это третье правило. Одевайся, а я пока сварю нам кофе...

В городе Рафик поселил Настю в трехкомнатной квартире, в которой уже жили еще три девушки — Оксана, Люда и Аурика. В одной комнате девушки спали, другая, самая большая, была предназначена для встречи гостей и милых бесед под музыку, фрукты и шампанское, а третья — для интимных общений.

У каждой из новых Настиных подруг была своя, горькая история, из-за которой они и начали заниматься этим древним ремеслом. Но все истории оказались похожими одна на другую.

Оксана и Люда приехали в Москву с Украины, из одного небольшого городка, с единственной мыслью — подзаработать немного денег, потому что на родине для них работы не нашлось. Вначале устроились торговать на рынке, но это было далеко не сахар, потому что владельцы ларьков, в основном выходцы с Кавказа, без лишних церемоний заставляли девушек с ними спать, угрожали и даже били. К тому же девушки не имели вида на жительство, и в любой момент их могли просто выдворить из Москвы.

Оксана — эффектная натуральная блондинка, с широко распахнутыми голубыми глазами, Люда чуть попроще. Там же, на рынке, они и познакомились с Рафиком. Он пришел покупать зелень для салата к плову и, увидев синяк под глазом у Оксаны, заинтересовался его происхождением. Поговорил немного с девушками, оставил свой телефон, посулив им «более чистую» работу.

Какая это будет работа, они узнали лишь потом, когда Рафик отобрал у них паспорта, запер девушек на квартире, где первое время они обслуживали клиентов практически бесплатно — только за еду и самые необходимые предметы быта.

Аурика приехала из Молдавии. Она была старшей в многодетной семье. Ее мать воспитывала детей без отца и, видно, надорвалась от такой жизни, тяжело заболела. Ей потребовалась дорогостоящая операция, на которую денег не было. И Аурика отправилась в Москву за деньгами. Слухи о баснословных заработках московских проституток быстро распространились по всей необъятной территории бывшего СССР, девушки из провинции косяками повалили в столицу в надежде на легкий заработок.

Вначале Аурика работала на улице под опекой одной из «мамок». Рассказывала жуткие вещи, например о том, как ее однажды заставили пропустить через себя за одну ночь бригаду иностранных рабочих из Югославии. А бригада та была не маленькая, двадцать шесть человек. К Рафику девушка попала случайно, когда уже совсем было собралась уезжать домой, ушла от «мамки», но решила напоследок подработать самостоятельно в дорогом ресторане. Там у нее возник конфликт с местными путанами, Аурику едва уже не начали избивать, но тут, как сказочный принц, перед ней возник Рафик и без лишних церемоний предложил поработать на него.

Потом все объяснилось просто. Один из его клиентов любил экзотику, а Аурика была девушка красивая, чернобровая и темноглазая, с длинной косой ниже пояса — большой редкостью по нынешним временам, когда девушки в основном стригут волосы. А волосы у Аурики были роскошные и вились от природы. Когда она расплетала косу, целый водопад причудливых завитков ложился ей на плечи и спину. Как ни странно, Аурика сама очень любила «это дело», особенно если клиент ей нравился. Тогда она отдавалась ему со всем пылом и страстью, присущим любовнице, единственной и неповторимой. За это и еще за

поразительную неутомимость ей присвоили кличку Батарейка. Кажется, Аурика своей кличкой очень гордилась. К Насте девушки отнеслись просто и довольно дружелюбно, постарались как можно скорей ввести ее «в курс дела». Как она потом узнала, такое задание они получили от Рафика. Хотя все равно в свободное время им надо было как-то общаться между собой. А, как известно, женское общение — это в основном сплетни да пересуды.

— На самом деле не все так мрачно, — успокаивала Настю Оксана. — В нашей профессии, как ты знаешь, бывает всякое, так что упаси Господь, но иногда случаются просто феерические истории... Как-то раз, а дело было в одном закрытом клубе для бизнесменов, подводит ко мне Рафик мужика. Ну, знакомимся, как обычно, пьем в баре шампанское, трали-вали... Ничего мужик, солидный, лет сорока, в дорогом прикиде. Когда немного обнюхались с ним, начал он мне жаловаться на жизнь. Дескать, свой бизнес у него, работы невпроворот, вкалывает с утра до вечера. И никакой личной жизни. То, что дома жена и двое детей, не в счет... Поехали мы с ним, переспали, он мне щедро заплатил. А когда я уже собралась уезжать, задержал он меня в дверях и спрашивает так серьезно: «Послушай, а ты могла бы полюбить такого, как я?» Я, не придав тогда его словам особого значения, говорю: «А вы приходите через месяц туда же, в клуб, там посмотрим». Он проводил меня, не сказав больше ни слова. И что бы ты думала?.. Ровно через месяц, день в день, появился он в заведении. «Ну, что ты решила?» — спрашивает. И вот мы с ним встречаемся уже почти год, регулярно, раз в две недели.

— А Рафик не против ваших... отношений? — удивилась Настя. — Вдруг у него в это время появляются совсем другие виды на тебя?

— Почему он должен быть против, если тот мужик ему за это щедро платит?.. И мне перепадает всякий раз, грех жаловаться. У Рафика все четко расписано, для моих встреч с другими клиентами он просто выбирает остальные дни... Если ко мне вдруг серьезно начинает клеиться мужик, я ни в коем случае не подаю вида, что он мне неинтересен и наши с ним отношения только на одну ночь. Наоборот, всячески стараюсь его привязать к себе. А потом говорю что-то типа: «Ах, милый, тебя не было целых два дня... или две недели. Я так истосковалась. Понимаю, у тебя жена, детки, но ведь ты сам говоришь, что любишь меня. Может быть, ты уже успел меня забыть?..» Действует безотказно. Клиент просто ручной становится. И вот тебе рецепт на будущее: «Поговори со мною, мама!..» Это неправда, что все мужчины — молчуны. Если ты хочешь завладеть его вниманием, прояви к нему интерес. Попроси его рассказать как можно больше о себе, любимом. Это всего лишь та малость, которая нужна для того, чтобы завоевать мужскую симпатию, а заодно развязать ему язык и приблизить к себе.

— А меня больше всего коробит презрительное отношение к нашей работе, — подхватывала тему Люда. — Ну, если тебе это так противно — не приходи, не пользуйся нашими услугами, храни верность жене и по ночам не шастай в злые места, а спи спокойно возле ее сиськи... Пошла я как-то в театр. Одна. Выдался редкий спокойный вечерок, когда у меня были месячные. Вижу, неподалеку сидит парочка: мой недавний клиент и его девушка. Они что-то оживленно обсуждают, косясь в мою сторону. Он начинает шептать ей о чем-то на ухо, чуть ли не показывая на меня пальцем. Меня это сильно задевает, и я в свою очередь начинаю строить ему глазки. Потом в антракте увидела их сидящими за буфетным столиком. Подошла, присела к мужику на коленки, обвила его шею руками и доверительно сообщила, что он в прошлый раз забыл у меня свои носки. Вы бы видели истерику его девицы! Покруче, чем показывают в кино. А мужик вроде даже не

обиделся. Видно, понял, за что я так с ним поступила.

— Я, конечно, по жизни не подарок, — вступала в разговор Аурика. — Но вот у одной дамы было на этот счет другое мнение. Зашла как-то в бар семейная пара откуда-то из Прибалтики. Обоим лет под сорок. Меня подзывает женщина и начинает объяснять, что у ее мужа сегодня день рождения и она хотела бы сделать ему подарок. В виде меня. Мол, ей понравилась моя цыганская внешность. И мужу, конечно, тоже. Я долго отнекивалась и повторяла как заведенная: «Я не подарок, я не подарок!..» Дама в итоге так расстроилась! А я ей в ответ: «Не бери меня на понт!» Люди часто выдают себя за тех, кем бы им хотелось быть. Мужчины любят примерять маску крутых парней. Подсел ко мне один такой из Германии и давай выкобениваться: «Да ваш клуб против моего в Берлине — полный детский сад. Да ваши девочки по сравнению с нашими — просто коровы!» Я обозлилась и сказала: «Слушай, если тебе так не нравится, у...вай в свой Берлин!» Заизвинялся. Отсюда мораль: главное — всегда говорить с мужчиной на его языке...

Настя слушала, мотала на ус. Советы подружек ейгодились.

Первая древнейшая профессия начала постепенно выползать из подполья в нашей стране лет пятнадцать назад. Посмотрев телевизор, почитав статьи в прессе, наши граждане вдруг поняли: и у нас «это» тоже есть. Именно в ту пору стали, не стесняясь, вслух произносить такие «термины», как «путана» или «интердевочка». В народе образ «ночной бабочки» начал обрастать романтическим флером, что вкупе со слухами о баснословных доходах, которые якобы имели путаны, делало ремесло проститутки притягательным, особенно в глазах части подрастающего поколения.

Вскоре значительная часть населения уже перестала относиться к проституции как к чему-то безусловно порочному, грязному и недостойному. Смена устоявшихся в советские времена оценок коснулась как женщин, так и мужчин.

Теперь услугами проституток в той или иной мере пользуется довольно значительное количество мужского населения страны из числа так называемых «простых россиян». Контингент этот весьма пестр и разнообразен. Участники криминальных структур, мелкие и крупные предприниматели, «челноки», работники коммерческих фирм, госслужащие и представители еще десятка социальных групп, для кого общение с проституткой стало частью жизненного уклада. Уже сформировался массовый спрос на современных представительниц древней профессии. Начался качественно новый этап, «в колхозы пошел середняк». А спрос, как известно, рождает предложение...

Для того чтобы стать проституткой, особого таланта и большого ума не требуется. Намного труднее при этом получать моральное и физическое удовлетворение. Если насчет морали все более или менее просто — каждая решает этот вопрос в меру своей индивидуальной испорченности, — то в физическом плане намного сложнее.

О каком удовольствии может идти речь, когда «работницы горизонтального труда» в день пропускают через себя от трех до двенадцати клиентов? Они вынуждены «работать» просто на износ, их так и называют — «подшипники». Это своего рода «первый вид» проституток, безликая масса которых составляет подавляющее большинство. Он постоянно пополняется за счет жительниц российской глубинки и девушек из ближнего зарубежья, стремящихся попасть в столицу любыми путями.

Второй вид «ночных бабочек» — это те, кто работает «ради любви к искусству», помимо денег, разумеется. Они занимаются проституцией от случая к случаю, только с понравившимся им клиентом.

Третий, почти не доступный для постороннего глаза «вид», в разряд которых попала и Настя, — это «индивидуалки по вызову», элитарная и малочисленная группа. Их не пускают «на поток», а приберегают, словно изысканное блюдо, для самых богатых и влиятельных клиентов.

Подбирать клиентов для «индивидуалок» непросто. Поиск с помощью объявлений таил в себе много неприятных и даже опасных моментов. Очень часто звонили случайные люди либо маньяки. К тому же номер телефона, прилагаемый к тексту, служил хорошей наводкой для братвы, стремящейся определить сутенера и его девочек под свою «крышу», либо для милиции, хоть и редко, но вынужденной устраивать «зачистки» на территории подведомственного района.

Такой вид торговли девочками более похож на любительство. Поэтому Рафик избрал

другой путь. Вернее, их было у него несколько. Либо он, как это делал когда-то Костя, привозил девочек в бар, клуб или ресторан, где приятно развлекался, а своим рабыням предоставлял возможность знакомиться с мужчинами. Но держал все под контролем. Либо он сам находил клиентов на стороне и доставлял их прямо на квартиру. У Рафика в подчинении был водитель, Слава, бывший спецназовец, уволенный за пьянство. Он же исполнял обязанности охранника, когда нужно было по желанию мужчины отвезти девушку на территорию заказчика.

Слава всегда первый заходил в квартиру клиента, досконально осматривал ее, проверял, нет ли там подозрительных личностей, способных пустить девушку «на хор» либо причинить ей другие неприятности, платежеспособен ли сам клиент. И лишь когда убеждался, что все в норме, допускал к нему девушку. Затем, по истечении времени сеанса, забирал подопечную и отвозил опять на квартиру.

Клиентами были, как и обещал Рафик, в основном состоятельные мужчины из числа местных и заезжих бизнесменов, богатых иностранцев, а также спортсменов, представителей попсы и другой столичной элиты, способных всегда хорошо платить и вести себя при этом учтиво с девушками.

Насте нравилось самой выбирать себе клиента. Она даже придумала для себя такую игру — заранее старалась угадать, как поведет себя впоследствии тот или иной мужчина. И ошибалась крайне редко. Бизнесмены, как правило, сначала поскорей желали приступить к делу, но потом, расслабившись, пускались в откровения. Дескать, вкалывать приходится по двадцать пять часов в сутки, постоянно на нервах, от такой жизни впору схватить ранний инфаркт или инсульт. Поэтому, объясняли они, секс является одним из необходимых атрибутов их напряженной деятельности, способствует поднятию общего тонуса организма. И всегда дарили Насте какую-нибудь дорогую побрякушку, заранее для этой цели припасенную: золотые часики, браслет или цепочку.

Попса или спортсмены обычно ничего не дарили. Им нужно было поскорей сбросить запас накопившейся энергии, поэтому действовали они довольно прямолинейно, без фантазии, как автоматы, словно все время куда-то торопились, и порой даже не удосуживаясь узнать, как девушку зовут. Поэтому Настя редко шла с ними на контакт, разве что попадалась крупная знаменитость. Тогда Настю начинало разбирать любопытство: а вот каким он окажется в постели?.. Не раз ее после этого постигало разочарование — звезда не оправдывала надежд, оказывалась порой обычным мужиком, довольно неумелым и даже грубым, как животное. Но она никогда не жалела о своем выборе, мысленно занося новое имя в свою уже довольно большую коллекцию.

К иностранцам она относилась довольно равнодушно. Среди них ей больше не попадались турки с их неумным темпераментом; видимо, места, которые Настя теперь посещала, простым рабочим были просто не по карману. В основном ее клиентами становились богатые выходцы из Западной Европы. Сначала такой клиент угощал ее в баре, а потом, уже в номере, прежде чем приступить к делу, заводил какой-то разговор. Ничего особенного, банальный треп. Но при этом старался оставаться джентльменом, не унижал, во всяком случае, как это порой делали соотечественники.

Поэтому Настя ничего не имела против того, чтобы провести ночь с каким-нибудь иностранцем. Но все они казались ей на одно лицо, и она их немножечко презирала. Например, вот этот фирмач, делающий в России свой маленький гешефт. Голодный, похотливый самец, вырвавшийся на волю от семьи, в нелепо сидящем, как на пугале, хоть и

дорогом костюме, с бегающими глазками. Дорвался, ублюдок! Будет теперь взахлеб рассказывать друзьям, как в первый же день трахнул русскую девку. Наверняка в своем забугорье еще утром обнимал в аэропорту курицу-жену. Целовал сыновей-отличников. Говорил им разные сю-сю. А они млели от счастья. Как же, папа летит в командировку! В загадочную и непонятную Россию! Привезет оттуда экзотические подарки... триппер, например. Радости не оберешься...

Случалось, хоть и редко, ей приходилось обслуживать довольно необычных клиентов. Однажды Рафик минут пятнадцать инструктировал ее, прежде чем отправить со Славой за город к очередному заказчику. Дескать, тот человек пожилой, инвалид, живет один безвылазно в своем домике. Получает скромную пенсию и из нее скрупулезно откладывает, чтобы два раза в год получить удовольствие. Такие минуты для него — праздник воспоминаний о былом. Поэтому Настя должна по отношению к нему проявить такт и понимание ситуации.

Дедушка оказался довольно бойким для своих шестидесяти семи лет и в достаточной мере «работоспособным». После того как они с часок поупражнялись в его постели, он усадил Настю за стол, предложил ей чаю с вареньем: «Не побрезгуй, из собственного садика!..» За чаем клиента вдруг потянуло на откровения.

Из его слов Настя узнала, что является он полковником в отставке, всю жизнь проработал на зоне, охранял зеков. Жена бросила отставного полковника ровно через год после его выхода на пенсию и уехала жить в Сибирь с каким-то геологом. И вот он теперь остался один как перст, ноги плохо слушаются его, руки дрожат, глаза почти не видят. И радости в жизни — почти никакой.

— Сука она! — с откровенной злостью прошипел бывший полковник. — И чего ей не хватало со мной?.. Свой домик, сад, огородик. Пенсия у меня хоть и маленькая, но прожить можно, другие ведь живут. И человек я, как ты сама давеча могла убедиться, все еще пребывающий в мужской силе. Так чего ей было еще надо, скажи мне, а?..

Настя пожала плечами.

— А может быть... — Тут он пристально на нее посмотрел, словно решаясь. Потом поднялся, отыскал на полке какую-то книжку, положил на стол.

Настя очень удивилась, прочитав название на обложке: «Камасутра».

— Ты вот погляди... — отставник перелистывал книгу. — Позы любви, а?.. Ты вот так пробовала?.. А вот так?..

— Кое-что пробовала, — призналась Настя, почему-то при этом краснея. — Но далеко не все... Наверное, это зависит от фантазии партнеров, что кому нравится...

— Фантазии, — пробормотал он. — У нее тоже были фантазии... гуляла напропалую, мне обо всем доносили, но я терпел, потому что любил ее. И все догадки строил, чего я такого делал с ней в постели не так?.. А теперь попалась мне в руки эта книжонка, я и подумал. Вот, значит, как было можно... и так... и этак... А я всю жизнь продолжал ее обихаживать единственным мне известным способом. Эх!..

Прошлое постепенно начинало забываться, Настя стала привыкать к своему новому статусу и даже находила такую жизнь по-своему интересной. Новые люди, разнообразные впечатления, деньги, наконец.

Но в самом конце зимы произошло ужасное — убили Оксану.

В тот вечер она познакомилась в баре с каким-то парнем, и тот увез ее на своей машине. Никто тогда ничего особенного не заподозрил. Обычное дело, клиент оставил адрес, по которому Слава потом должен был заехать и забрать девушку.

По этому адресу они и приехали втроем. Слава за рулем, Настя с Аурикой — на заднем сиденье. Из машины не выходили — холодно. Время, на которое клиент «арендовал» Оксану, уже истекло. Слава подождал еще минут десять, а потом просигналил несколько раз, давая понять, что девушку пора отпускать.

Никто на этот сигнал не откликнулся. Слава уже начал терять терпение и готов был отправиться на квартиру клиента, как внезапно дверь подъезда распахнулась и на пороге показалась Оксана. Несмотря на мороз, из одежды на ней были лишь колготки и лифчик. Пройдя нетвердой походкой еще два или три шага, девушка упала. Из ее спины торчал кухонный нож. Он был всажен ей между лопаток по самую рукоятку.

Когда девушки подбежали к ней, чтобы оказать помощь, Оксана была уже мертва. Аурика закричала и что есть сил вцепилась в Настю. Настя же продолжала стоять неподвижно над телом подруги. Ее колотила мелкая дрожь.

«Скорая» уже не требовалась, поэтому Слава первым делом вызвал милицию. Оказалось, что в подвале дома была организована подпольная сауна. В ней находилось еще человек пять крепких парней, все пьяные. Тот, что привез Оксану, был им что-то должен и захотел таким способом откупиться. Но девушка была одна на всех, поэтому возникла ссора. В пылу потасовки кто-то и вонзил Оксане нож в спину, которым перед этим резали колбасу на закуску.

Гибель Оксаны потрясла всех, даже Рафика. Он объявил девушкам трехдневный перерыв в работе, чтобы те хоть немного успокоились. Но все равно никто из них еще долго не мог прийти в себя.

А по весне засобиравшись домой Аурика. Она полагала, что за год с лишним накопила уже достаточно денег, их должно было хватить матери на операцию. Аурика вообще была самая веселая и отходчивая из всех. Перед отъездом радовалась, как ребенок, рассовывая по карманам и пряча в интимные места доллары.

— Все! Теперь свободна!.. И с «этим» покончено навсегда!..

Своим младшим братишкам и сестренкам Аурика накупила целый чемодан подарков. А мама как обрадуется, когда увидит ее...

Посидели на прощание, немного поплакали, выпили вина. Только Рафик не пришел проводить Аурику, хотя звали и его. Для Насти вообще оставалось загадкой, как это он так легко согласился ее отпустить. Ведь Аурика, благодаря своей экзотической внешности, приносила ему все это время неплохой доход, он то и дело даже ставил ее в пример другим девушкам. Попыталась было расспросить саму Аурику, но та ловко ушла от прямого ответа, отделавшись шуткой.

Аурика уехала, и целый месяц от нее не было никаких вестей, хотя она обещала

подругам позвонить из дому. Потом вдруг распространился слух, что ее вычислили в поезде какие-то барыги, жестоко избили, отобрали все баксы и сбросили под откос, как только состав пересек границу России. Аурика чудом осталась жива, но к маме она так и не попала, была вынуждена вернуться в Москву. Чуть подлечилась и ушла работать к «мамке» на «точку». Девушкам рассказал об этом Рафик. Он якобы случайно повстречал Аурику на Ленинградке. Но, как только Настя заикнулась о том, что она хочет найти Аурику, Рафик вдруг сильно рассердился. Категорически запретил Насте это делать, даже пригрозил:

— Только посмей!.. Саму отправлю туда насовсем...

Настя все же решила послушаться его, несколько раз тайком от всех съездила на Ленинградку, в места, где обычно собирались уличные путаны, но Аурику так и не нашла. Спустя какое-то время, когда Настя узнала Рафика чуть получше, она стала догадываться, что, возможно, это он сам и направил по следу Аурики тех громил.

А потом тяжело заболела Люда, слегла в больницу, надолго. Когда наконец ее выписали месяца через три, ни о какой «работе» уже не могло быть речи — девушка казалась похожей на призрак. Правда, место у Рафика никогда не пустовало, появились новые девушки. Но из прежнего состава осталась одна Настя.

Как-то днем Настя вышла из дому без видимой цели. Просто решила немного прогуляться, проветриться. По пути она зашла в кафе-стекляшку, чтобы выпить чашечку кофе. Не успела сесть за столик и вытянуть из пачки последнюю сигарету — к тому времени успела пристраститься к куреву, — как некто, сидевший позади нее за соседним столиком, протянул ей зажигалку. Настя поблагодарила и подняла глаза на учтивого незнакомца. Высокий брюнет, спортивный, зеленые глаза, милая улыбка, лет тридцати пяти, золотая зажигалка Dupont, дорогой парфюм. Одним словом — настоящий плейбой, словно сошедший с обложки модного журнала.

Вежливо спросив у Насти разрешения, плейбой перешел за ее столик. Разговорились. Его так и распирало от счастья, ведь утром он успел запихнуть свою жену с многочисленными нарядами, лыжами и ракетками в самолет, улетающий на Женеву. Он ее не увидит до самого Нового года! Теперь у него образовалась масса свободного времени. Он как раз собрался посетить теннисный турнир, организованный известной нефтяной компанией. Одному скучно, поэтому не составит ли очаровательная девушка ему компанию? Девушка согласилась.

Они сели в его машину и отправились в спортивный VIP-клуб, принадлежащий какому-то олигарху. При входе стояла гигантская скульптура, в холле находился огромный аквариум с океаническими рыбками, всюду мрамор, никель. В распоряжение гостей предоставлены теннисные корты, боулинг, бильярдные столы. В теннис играли в основном немолодые дядечки с откровенно выпиравшими из-под спортивных маек животиками.

Народу было немного — мужчины в дорогих костюмах, их спутницы в вечерних платьях — вот и весь бомонд. Пока ее спутник болтал о чем-то со своими приятелями, Настя играла в бильярд.

Насладившись отдыхом в клубе, они вдвоем поехали на Новый Арбат, в «Метелицу». За ужином плейбой прочел Насте лекцию о пользе коньяка, в результате чего была выпита бутылка Hennessy XO. Когда они вышли из заведения, их уже ждал его водитель, на другой машине. В руках у водителя был огромный букет цветов, который он преподнес Насте. Она впервые ехала в большом новом «Мерседесе», обитом внутри салона голубой кожей, с телевизором, баром и телефоном. Минут десять по Кутузовскому и Рублевке — и они оказались в «Роял Зените». Ценитель дорогих алкогольных напитков позаботился обо всем заранее с помощью сотового телефона. Когда зашли в номер, там уже стояла ваза, бутылка Hennessy и фрукты. Здесь плейбой без лишних церемоний предложил Насте «дать волю инстинктам». Настя снова не возражала. Упившись до состояния, когда им показалось, что знают они друг друга уже очень давно, решили вместе расслабиться в джакузи. Дальше все было похоже на сон, в котором снится такое, что хочется, чтобы оно снилось и не кончалось. Насте ее новый приятель понравился. Не часто при ее образе жизни ей попадались эстеты в деле секса. Обычно клиенты, «дорвавшись до тела», все делали так, как будто у них что-то сейчас отнимут, без души и фантазии. Здесь же она получила целый букет удовольствий. И, что самое главное, он не стал ее ни о чем расспрашивать — ни где она живет, чем занимается, часто ли подобным образом знакомится с мужчинами и проводит с ними время. Только имя узнал еще тогда, когда они сидели в кафе, и на том ограничил свое любопытство.

Настя не помнила, сколько времени они провели в ванной, но, когда вышли оттуда, за

окном было уже почти светло. О том, что Рафик наверняка ее уже ищет, думать сейчас не хотелось. Еще немного выпив, они продолжили сводить друг друга с ума уже в постели, и длилось это до тех пор, пока оба не почувствовали сильную усталость.

Настя не заметила, как уснула. Наверное, это было так же неожиданно, как внезапный обморок. А когда проснулась, часы на стене показывали за полдень. В номере она была совсем одна, плейбой успел куда-то исчезнуть. На столике лежал конверт с тысячей баксов, голубая визитная карточка с номером телефона и записка, где говорилось, что деньги — на такси и на прическу, которую он девушке накануне испортил. Когда Настя вернулась на квартиру, там ее уже поджидал Рафик с недовольным выражением на лице. Другие девушки почли за благо на какое-то время исчезнуть.

— Ну что, настала пора напомнить тебе первое правило? — Он как будто не повысил голос, но в интонации Настя почувствовала скрытую угрозу

Вместо ответа девушка протянула ему конверт вместе с визиткой. Рафик удивленно повертел конверт в руках, потом заглянул внутрь. Увидев доллары и пересчитав их, он, кажется, удивился еще больше, но теперь посмотрел на Настю уже с интересом:

— Как это понимать?

Настя присела на стул и без предисловий, честно все ему рассказала. Опустив при этом лишь некоторые малозначительные подробности.

Выслушав ее, Рафик задумался. Отложив в сторону конверт, он принялся изучать визитку. Наконец сказал:

— Ты правильно сделала, что принесла мне деньги и обо всем рассказала... И ты меня с ним познакомишь, — он постучал ногтем по визитке. — Но в следующий раз смотри, без самодеятельности.

Из принесенной суммы Рафик оставил ей триста долларов. А на следующий день велел Насте перебираться на новую квартиру. Двухкомнатную, в самом центре. В ней Настя должна была жить уже совсем одна.

С тех пор Рафик начал заботиться о Насте, как о дорогой скаковой лошади, которая всегда брала для него главный приз. Никогда больше не позволял себе грубости или хамства, старался как можно лучше обустроить ее быт, оградить от лишних хлопот. Рафик через своих многочисленных знакомых помог Насте оформить российское гражданство, и она теперь могла жить в Москве на легальном положении. Паспорт, впрочем, после регистрации он у нее все-таки отобрал. За все время их знакомства он ни разу так и не потребовал, чтобы она с ним переспала. Даже малейшего намека на это не было. Правда, чуть позже она узнала, что он голубой и ничего, кроме денег и себе подобных, его в жизни не интересовало.

Настя продолжала оставаться для Рафика лучшей из лучших, и это тешило ее самолюбие. В свободное время она посещала дорогие косметические салоны, покупала наряды в лучших магазинах. Квартира ее постепенно заполнилась дорогой мебелью, электроникой и другой современной техникой. Но все равно это была золотая клетка, откуда без разрешения она не смела и шагу ступить. Каждый ее день был строго регламентирован все тем же Рафиком.

Обычно «работа» приходилась на вечерние и ночные часы, после чего Настя отсыпалась до полудня, потом завтракала и приводила себя в порядок. Знакомых в Москве у нее почти не было, свободное время она коротала, читая модные журналы либо просматривая по видеку кассеты с любимыми фильмами. Или просто гуляла в одиночестве.

Однажды, скуки ради, Настя попросила, чтобы ей сделали татуировку. Бабочка с розовыми крылышками внизу спины. Первое время Настя часто любовалась в зеркале этим трепетным существом на своем теле, теперь ей казалось забавным носить платья с глубоким вырезом на спине. Вспоминала ли она при этом своего Ботаника?.. Да, вспоминала. И почему-то надеялась, что обязательно встретит его еще раз. Зачем ей это было надо, Настя и сама не понимала. Ведь прошлого не вернешь, это она уже твердо усвоила.

Платье с глубоким вырезом сзади теперь напомнило ей юность, когда она мечтала ходить с полуобнаженной спиной, чтобы мужчины оглядывались ей вслед, ловя каждую восхитительную деталь ее телосложения. А клиентам очень понравилась ее новая кличка — Мотылек. Были среди них и постоянные. Особенно те, что в нее влюблялись. А иные так буквально до умопомрачения.

...Настя очнулась с невыносимой тяжестью в голове. В чужой кровати, под чужим одеялом. Раздетая. Толстый, огромный мужчина лежал рядом с ней на спине и отчаянно храпел. От него исходил неприятный запах пота, перегара и еще какой-то дряни. Вся комната казалась пропитанной этим удушливым запахом. Сначала она долго лежала, уставившись в потолок, и пыталась припомнить, как она сюда попала. Свое скомканное, разорванное платье на полу она заметила не сразу. И тогда вдруг отчетливо вспомнила все, что накануне здесь с ней произошло.

«Анастасия...» Эта потная, жирная скотина, что сейчас валялась на кровати, посмела коснуться ее, назвать ее по имени так, как делал раньше только один человек во всем мире... Настю даже передернуло от омерзения.

Она приподнялась на локте, огляделась. Убогий номер, дешевая мебель, замусоренный ковер на полу, пепельница, полная окурков, пустые бутылки из-под водки, одноразовый использованный шприц...

Телефон, вот что ей сейчас нужно.

Осторожно, стараясь не потревожить спящего, Настя перебралась через него, прошла в другой конец комнаты, к аппарату. Но в трубке она не услышала гудка. Телефон не работает или заблокирован. И теперь игрушкой валяется на подоконнике.

Что же делать?.. Этот страшный человек может в любой момент проснуться, а она даже не способна отсюда выбраться без одежды. Полная потеря во времени и дезориентация в пространстве. Ловушка для бабочки...

Словно в подтверждение ее мыслей, храпевший на кровати морячок заворочался, открыл глаза, но еще не совсем проснулся. Настя замерла на месте, потом лихорадочно огляделась.

Что-то блеснуло на ночном столике. Наручники!.. Она на цыпочках подошла к столику, взяла наручники, одно кольцо продела за спинку металлической кровати, а другое защелкнула на вытянутой из-под подушки руке спящего. Тот поднял голову, вытаращил на Настю совершенно безумные глаза:

— Эй! Ты чего?.. Иди сюда!..

Как же, размечтался!..

Настя надела туфли, подхватила платье. Бегло осмотрела его, и руки у нее опустились. Хлам, безобразная груда материи. Дальше порога в этом тряпье она не сможет ступить, увидит кто-нибудь из obsługi и тут же вызовет полицию. Тогда ей конец...

Морячок тем временем постепенно приходил в себя.

— Ты куда собралась?.. Ширнуться хочешь еще?.. Эй!..

Он сделал движение в сторону Насти и только сейчас сообразил, что намертво прикован к спинке кровати собственными наручниками.

— Вот сучка, — сказал он почти без злобы в голосе, а даже как бы с некоторым удивлением. — Обокрасть меня решила, обчистить и слинять?.. А ну стоять!..

Он свесил на пол босые ноги. Попытался встать, но наручники не пускали. Одеяло соскользнуло с него. Он сидел перед Настей совершенно голый и бессмысленно дергал рукой. Потом напрягся, потащил сильнее, увлекая за собой кровать, которая, словно нехотя, но все же ему подчинилась, сдвинулась с места. Настя в панике отпрянула, а морячок

продолжал тащить за собой кровать и одновременно тянулся к Насте свободной рукой. От страшного напряжения лицо его перекосилось, налилось кровью. Морячок медленно, но верно придвигался к Насте, уже почти достал ее кончиками пальцев. Но она увернулась, и его рука повисла в воздухе.

— От меня так просто не уйдешь!.. Я тебя достану!.. Стой на месте, а то хуже будет!.. — ему удалось перенести тяжесть тела и дотянуться до пиджака, брошенного на спинку стула.

Настя, затравленно оглядываясь, пятилась к окну.

— Сейчас, погоди, я сейчас... — разгоряченно шептал морячок.

Он лихорадочно принялся шарить рукой сначала в одном кармане пиджака, потом в другом. Нашупал и вытащил наружу ключ от наручников. Но пальцы его при этом сильно дрожали, ключ выскользнул из них, жалобно звякнул и завалился под тумбочку. Морячок замысловато выругался, встал на колени, пригнулся, высоко оттопырив зад, и начал водить ладонью под тумбочкой, тяжело дыша и что-то сердито бормоча себе под нос.

Настя продолжала пятиться к окну. Оно было плотно зашторено двумя желтыми кусками пыльной материи, спускавшимися сверху до самого пола. Решение созрело у нее мгновенно. Настя вначале потянула одну половину шторы на себя, потом резко рванула ее вниз. Затрещали петли на крючках, с грохотом обвалился карниз.

Суетившийся у тумбочки морячок замер, повернул в ее сторону потное, злое лицо. Бугристая плешь с налипшими на нее волосами отсвечивала фиолетовым в луче утреннего солнца, брызнувшего в комнату из окна.

— Стоять! — рявкнул он, пытаясь приподняться.

В следующее мгновение Настя, протаскивая за собой волочившуюся по полу штору, в один прием перепрыгнула через толстый зад своего мучителя, повернула защелку на двери и выскочила в коридор.

— Сука! Тварь! Воровка!.. Все равно найду!.. Достану из-под земли!.. — были последние слова морячка, которые она слышала за своей спиной.

Настя торопливо закуталась в штору и побежала по коридору.

В последние полгода Макса Калугина начали донимать приступы головной боли. Под вечер, если выдавался особенно тяжелый день, или во время долгих напряженных переговоров, или вовсе без видимых причин — может быть, из-за перемещений воздушных потоков в атмосфере.

«Кажется, опять начинается», — подумал Калугин. Он был в своем кабинете совсем один. Те редкие минуты, когда можно не заботиться о делах, не выслушивать претензий какого-нибудь дотошного заказчика, а просто побыть одному. В его жизни такое случалось не часто, а когда случалось, Калугин не знал, чем себя занять.

Такой вот замкнутый круг.

Он включил телевизор. Очередное ток-шоу. Но сначала блиц-опрос на улицах. Корреспондент выуживал кого-нибудь из толпы и задавал вопросы. Вначале Калугин слушал рассеянно, вполуха, а потом невольно заинтересовался.

Речь в программе шла о проблеме проституции в нашей стране. И вопрос к опрашиваемым на улицах был один и тот же: «Как вы относитесь к проституции как к явлению вообще и проституткам — в частности?»

Открылась дверь. В кабинет заглянула секретарша:

— Максим Афанасьевич! Там к вам Лоцилин просится на прием...

— Я же сказал, что меня нет! — досадливо повернулся к ней Калугин.

— Но он каким-то образом узнал, что вы у себя. Настаивает.

Калугин обреченно вздохнул:

— Пусть заходит...

Он выключил телевизор. И тут же боль, о которой он, казалось, на время забыл, опять подступила к голове. Он за несколько часов чувствовал приближение этой боли. Сначала ощущал ее теплое, липкое прикосновение, потом длинные тонкие пальцы, словно щупальца спрута, ползли от затылка через виски к бровям и начинали сдавливать голову, отчего темнело в глазах и рот самопроизвольно распахивался, как у выброшенной на берег рыбы. Страшна была не только сама боль, но и ее предчувствие.

Зная, что приступ приближается, Калугин замирал, вытянувшись в кресле, как перед оскалившейся собакой, чтобы не спровоцировать ее на прыжок неосторожным движением. При этом он напрягал лицо, на котором возникало подобие радушной, предупредительной улыбки. Ох, как он тогда начинал себя презирать!..

Вот с этой дурацкой улыбкой он и смотрел теперь на маленького лысоватого человека, сидящего за столом напротив в его громадном кабинете. Человек этот нервничал, постоянно то сжимал, то разжимал в потной ладони золотой «Паркер» и что-то горячо пытался ему доказать. Калугин почти не слышал его, морщился, тер большим пальцем висок, стараясь все-таки хоть немного сосредоточиться.

— Максим Афанасьевич! — сидевший напротив человек умоляюще прижал руки к груди. — Я же не украл эти деньги, не ради собственного блага их использовал... Меня подставили! Дайте мне хоть немного времени. Я заключу новый договор и все верну. Иначе хоть по миру иди, а у меня семья, трое детей...

— Это не моя головная боль, ясно вам? — бесцветным голосом отвечал Калугин. — В

следующий раз будете знать, с кем иметь дело...

— В следующий раз... — как эхо повторил посетитель. — А ведь следующего раза может и не быть, потому что и меня может не быть. Скорее всего, так оно и случится... — он горестно покачал головой. — Что такое для вашей фирмы эта жалкая сотня тысяч баксов? Тьфу, капля в море при ваших-то оборотах. Здесь уже не о деньгах речь идет, о простом человеческом сострадании, милосердии к ближнему, в конце концов!..

— Если бы у меня была жена и вы с ней вдруг переспали, я бы вас, наверное, понял и простил, — сказал Калугин уже ровным голосом. — Потому что моя жена обязательно должна быть красавицей, перед которой никто не устоит... Но жены у меня нет. Нет и лишней, как вы тут изволили выразиться, жалкой сотни тысяч баксов. Вы попытались обмануть даже не меня лично, а мою фирму, мое дело, в которое я вложил всю душу...

Боль становилась уже совсем невыносимой, и он поднялся, давая понять собеседнику, что на этом их разговор окончен.

— Мой адвокат свяжется с вами. Прощайте.

Посетитель тоже встал. Торопясь, дрожащими руками собрал разложенные по столу листки бумаги и кое-как запихал их в папку.

— Я вам от души желаю, — сказал он дрожащим голосом, одновременно боком пятясь к двери. — Я вам желаю, Максим Афанасьевич, чтобы и вас когда-нибудь... что-то ударило... очень больно... Но чтобы при этом что-нибудь человеческое в вас все-таки проснулось... Всего вам самого наилучшего...

Он вышел, оставив дверь открытой.

В кабинет сразу же заглянула секретарша. Одного беглого взгляда на шефа было достаточно, чтобы она все поняла. Быстро прошла к холодильнику, достала оттуда упаковку с таблетками. Налила в стакан воды.

— Выпейте, Максим Афанасьевич....

— Да ну их к черту, — Калугин вяло махнул рукой. — Уже столько этой дряни перепил, все равно не помогает.

— А вы бы пили регулярно, тогда бы помогло, — настаивала секретарша. — А то за вами не проследишь, так сами всегда забываете.

Калугин с отвращением проглотил таблетки. Запил водой. И уже после этого что-то вспомнил, велел секретарше:

— Поищи там Лежнева, пусть он ко мне зайдет.

— Хорошо, пообещала секретарша.

Но его компаньон по бизнесу, легок на помине, уже собственной персоной стремительно входил в кабинет. Как всегда, лощеный, излучающий энергию и здоровье, с золотой цепочкой на вороте белоснежной сорочки. «Ну, просто тебе бизнес-мальчик с обложки журнала», — невольно подумал Калугин.

— Привет, Макс, — с ходу поздоровался Лежнев и тут же с удовольствием уселся в кресло напротив. — Я тут по пути к тебе нос к носу столкнулся с этим... ну как его... Лощилиным, вот! Он что, опять тебя достает?

— Уже достал, — поморщился Калугин.

— А ты?

— А что — я?.. Послал его куда подальше.

— Ну и правильно, фраеров только так и учат.

— Да никакой он не фраер, — возразил Калугин. — Просто из другого поколения. Их

всю жизнь учили, что торговать или иметь собственное дело — это плохо. Но работать при этом им предлагали почти задаром. Ведь не в деньгах счастье... Вот они всю жизнь и делали вид, что работают. А потом, когда времена изменились, но в головах осталось все то же, они с этим багажом и рванули в бизнес. Как когда-то Матросов на амбразуру...

— Проклятый гололед! — хохотнул Лежнев.

— Что?

— Да ничего, это я так. Анекдот старый вспомнил, мне его отец в детстве рассказывал. Очень смешной... Ты, Макс, прав насчет денег. Счастье не в них, а в их количестве.

Калугин в очередной раз поморщился, и потер виски.

— Опять голова? — посочувствовал компаньон. — Вижу, вижу можешь не рассказывать. И энергетика у тебя на полном нуле.

— А ты погляди, какая на дворе погода, — Калугин кивнул на окна, небо за которыми заметно потемнело. — По всему видно, быть грозе. Вот меня и скрутило...

— Отдохнуть бы тебе надо, господин президент!.. Ты не маши рукой, заранее знаю, что скажешь. Некогда, мол, дела не пускают... Главное, Макс, это здоровье. Все остальное мы купим за деньги!

— Или украдем, да?.. Кстати, Витя, я опять насчет этих денег... Лощилин мне тут жаловался, что его подставили. Случаем не знаешь, кто именно?

— Мы же и подставили, — простодушно доложил Лежнев. — Тебе, правда, не успели сказать. Ты как раз в командировке был... ну, помнишь, в Страсбурге?.. Вот. А его надо было срочно убирать. Он мог перехватить у нас этих самых французов, с которыми у тебя сегодня переговоры.

— Что, другого способа не нашли? — Калугин нахмурился. — Не могли как-нибудь иначе его... подвинуть в сторонку?

— Нет, Макс, не могли... — Лежнев вздохнул и покачал головой. — Помнишь одно из первых правил бойцов карате?.. Что надо делать, если нельзя избежать схватки?

— Надо первым вступить в бой и постараться закончить его одним ударом, — произнес Калугин хорошо известное ему изречение. И вдруг предложил: — А что, может, попробуем?

— Прямо здесь? Давай! — согласился Лежнев.

Оба встали в боевую стойку и одновременно бросились друг к другу, завозились посреди кабинета. Калугину удался захват. Он медленно, но верно клонил противника вниз, пока спина того не оказалась на столе.

— Сдаешься? — спросил он.

— Сдаюсь, сдаюсь, — сдавленно прохрипел Лежнев.

— То-то же, — сказал Калугин, отпуская его. — В следующий раз будешь знать, с кем связываться и как при этом изрекать прописные истины.

— А твоя победа лишний раз доказывает, что я был прав, — нашелся Лежнев.

— Хитер ты, Витя! Всегда отыщешь способ, как выкрутиться.

— А ты, черт, здоровый еще, — Лежнев потер свою руку. — И все-таки, Макс, я тебе советую серьезно задуматься о своем здоровье... Мы с тобой одногодки, нам еще нет и тридцати, но выглядишь ты, прямо скажем, неважнецки...

— Я сам хорошо знаю, как я выгляжу. Что ты предлагаешь?

— Я тебе предлагаю уехать за город, хотя бы на пару дней. И там просто отдохнуть. Ничем конкретно не занимаясь. Кроме, естественно, красивых девушек. Там их всегда бывает — ну просто пруд пруди. Вот ими можешь заняться, но больше ничем другим.

«За каким хреном ему надо, чтобы я туда поехал? — подумал Калугин. — Загородный отдых, девочки, эка невидаль в наше время да при моих деньгах. Что-то Витя начал сильно суетиться и тянуть одеяло на себя. Потому поехать все же стоило бы, чтобы самому все увидеть, разобраться на месте. И если дело нечисто, просто дать ему по рогам, чтобы место свое знал».

Но вслух он спросил совсем о другом:

— И где же ты обнаружил этот рай? Или гарем?

— А помнишь того профессора?.. Маленький такой и очень противный. Все матом крыл... Мы ему проектировали обустройство ландшафта рядом с коттеджем, типа «Живой средиземноморский стиль». Вспомнил?.. Ну вот, там как раз и находится этот рай.

— Я подумаю, — сказал Калугин. — А пока... Вот, Витя, документы. Здесь все, что касается этой нашей последней сделки с французами. Пожалуйста, просмотри их еще раз. Возможно, я из-за своей чертовой головы чего-нибудь недоглядел.

Дождь буквально обрушился на город. Не дождь — а цунами, вселенский потоп, будто на небесах прорвало гигантскую невидимую плотину. Пенные потоки мутной воды неслись по мостовой, по тротуарам, выхлестывались из водосточных труб, как из брандспойтов, скручивались в водовороты на перекрестках. В тоннеле под Новым Арбатом беспомощной вереницей вытянулись заглохшие машины.

Улицы вымерли. Толпы застигнутых врасплох прохожих набились в подворотни, под козырьки витрин, в чужие подъезды, только автомобили с включенными фарами еще каким-то чудом, словно на ощупь, двигались в мутной пелене.

Черный «лексус», досадливо ворча мощным мотором, продвигался в общей веренице авто. «Дворники» перед лицом Калугина летали взад-вперед по стеклу, но уже не справлялись с дождем. Красные огни и силуэты машин возникали на мгновение и тут же расплывались в серой мгле.

Шофер притормозил у магазина и тут же вопросительно покосился на шефа. Калугин неопределенно повертел пальцами в воздухе и вяло махнул рукой:

— Как всегда...

Шофер понял, пригнулся, словно ему предстояла дорога на эшафот, натянул на голову прорезиненную куртку и выскочил под дождь. Вернулся он через минуту, промокший до нитки, передал Калугину букет алых роз на метровых стеблях, коробку конфет и бутылку шампанского.

Они проехали еще квартала три, свернули в неприметный тихий переулок и там остановились у подъезда пятиэтажного «дворянского» дома — с эркерами вместо балконов и лепными вензелями под крышей. Шофер предварительно вышел из машины, распахнул над головой открывшего дверцу шефа зонт.

— Будь через два часа, — коротко бросил ему Калугин, перехватывая зонт.

И, тщательно обходя лужи и потоки воды, направился к подъезду.

Юля открыла дверь в черном вечернем платье, которое он сам ей выбирал и очень любил, в туфельках «от Рикель» на высокой шпильке — и радостно распахнула глаза:

— Макс, ты?..

Она потянулась к нему для поцелуя. Но он шагнул мимо нее в прихожую и сказал с невольным раздражением в голосе:

— Глупый вопрос!.. Глупее может быть только ответ: «Да, дорогая, это я...» Но, может быть, я не вовремя?.. Ты ждала кого-то другого?..

Обида вспыхнула у нее в глазах, но она сдержалась, постаралась не подать виду:

— Нет, но... я не думала, что ты выберешься в такой ливень... Ах, какие розы! Боже, прелесть какая!.. А как пахнут, с ума можно сойти!..

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ее ахи и восторги были совсем не к месту и раздражали его еще больше, учитывая, как сегодня для него начался день. Он знал, что она искренне радуется его приходу, что ей приятно оказываемое им внимание. Но при этом в голосе ее всякий раз, когда он делал ей подарки, чувствовалась какая-то наигранная фальшь. Откуда это у нее?.. Неужели нельзя как-нибудь иначе выразить свое отношение?.. Он давно хотел ей об этом сказать, но боялся

обидеть. А сегодня она попала под горячую руку.

— Послушай, — досадливо произнес он, окончательно складывая зонт и бросая его в угол. — Почти два года я дарю тебе одно и то же. И каждый раз ты делаешь изумленные глаза, ахаешь, как будто большего сюрприза в жизни у тебя не было!..

— Но мне действительно приятно тебя видеть...

Она вновь сделала попытку его обнять, но он и на этот раз оставил ее жест без внимания. Прошел в комнату, плюхнулся в кресло перед журнальным столиком и заговорил, словно хотел выплеснуть за один раз все, что накопилось ранее.

— Юля, мы, как в кино, играем одну и ту же сцену — сто раз подряд!.. Сто раз одно и то же!.. И каждый знает наперед, что будет дальше, какие слова будут сказаны и в какой момент... Неужели тебе это не противно?..

Она присела перед ним на корточки, провела ладонью по его волосам:

— Что с тобой, милый?.. Опять голова?..

— Да что вы все заикнулись: «голова, голова»!.. — В нем постепенно закипала ярость. — Моя голова тут ни при чем... Два года! Дубль сто первый!.. Начали!.. Знаешь, мне иногда хочется...

Он вдруг схватил ее за плечи. Юля давно ждала этого и с готовностью потянулась навстречу, но он грубо притянул ее к себе, повалил в кресло, давя ногами выпавшие у нее из рук и рассыпавшиеся по полу цветы.

И, уже не помня себя, рванул платье у нее на груди. Тонкий шелк с треском разошелся на две половины.

— Отпусти! — вскрикнула она.

— А чего ты волнуешься? Я тебе еще такое же подарю! Еще десять, на десять лет вперед... на сто...

— Мне больно! — сквозь слезы выкрикнула она.

Калугин словно очнулся, разжал пальцы.

— Извини... — он мучительно сжал ладонями виски.

Юля вскочила, запахивая на груди разорванное платье.

— Я знаю... давно догадывалась, что нужна тебе как... как шлюха! — заговорила она, глотая слезы. — Ничего другого ты во мне не видел. Приехал, когда захотел, сделал свое дело, расслабился и — отдыхай, девочка! Наверное, у тебя есть еще такие, но они требуют больше, с ними сложности. А я же дура, я всегда под рукой... Я знаю, чего ты боишься, — покушения на твою свободу. Что я в один прекрасный миг припру тебя к стенке и скажу: все, милый, поиграли, теперь добро пожаловать в загс. Это для тебя самое страшное. А то, что я устала быть при тебе девочкой по расписанию, тебя не волнует!..

«А ведь она права, — подумал вдруг Калугин. — Сказала то, о чем я уже думал, только боялся сказать вслух... Не надо ее больше мучить. Лучше сразу и навсегда...»

— Извини, — он встал и направился к двери. — Я не знаю, что со мной происходит в последнее время... Но... Давай сегодня расстанемся, а там будет видно...

— Не уходи!.. Не бросай меня!.. — услышал он отчаянный крик за своей спиной.

Калугин сбежал по лестнице, распахнул дверь подъезда. Перед глазами возникла густая завеса дождя. «Черт, мобильник остался в машине!..» Он посмотрел на «Ролекс» у себя на запястье. Так и есть, его водитель всегда соблюдал пунктуальность, а ждать оставалось больше часа. Сегодня ему определенно не везло. Но торчать здесь, в подъезде, и вовсе глупо. Калугин раскрыл зонт и решительно шагнул под дождь.

Он шагал по совершенно безлюдному бульвару мимо мокрых скамеек, время от времени отбрасывая с лица лезшие в глаза мокрые пряди волос. Туфли безнадежно промокли и беспомощно хлюпали при каждом шаге. В детской песочнице, как в бассейне, кружились забытые игрушки. В теремке укрылась застигнутая стихией парочка.

Калугин забыл уже, когда в последний раз ходил по городу пешком. Все время из офиса в машину, из машины в офис или в аэропорт, в котором он тоже словно прописался. И теперь он вдруг ощутил сладкую неприкаянность на пустынном бульваре, как бывало когда-то в детстве, в родном городе у моря. В ту пору ему не раз случалось возвращаться поздним вечером после занятий в институте. И стены спящих домов, стеклянно-зеленые при свете фонарей, дробно отражали одинокий звук его шагов...

Вдруг он заметил, что на бульваре не один. Впереди шла девчонка, простоволосая и без зонта. Не мчалась, вжав голову в плечи, а неторопливо шлепала по лужам босыми ногами, держа в руках туфли и подставляя лицо навстречу дождю. Калугин невольно прибавил шаг и очень скоро почти ее догнал.

Насквозь промокшее платье прилипло к телу. Мокрые русые волосы косицами спадали на лицо, открывая маленькие крепкие уши с дешевыми сережками. Девчонка обернулась, словно почувствовала его сзади, но не испугалась, а только фыркнула, сдувая капли с губ. И неожиданно подмигнула.

— Привет! — весело сказала она.

— Привет, — в тон ей ответил Калугин.

Он вдруг почувствовал необъяснимую симпатию к этой девочке под дождем.

— Забыла дома зонт? — спросил он, чтобы как-то поддержать разговор.

— Ненавижу зонты! — Она затрясла головой так, что брызги полетели в сторону Калугина. — Люди под зонтами одинаковые все, как... грибы. Толпа сыроежек...

Она прыснула, метнув в его сторону лукавый взгляд:

— И ты тоже похож на сыроежку!..

— Почему? — невольно опешил Калугин.

— Потому... В костюме, при галстук и под зонтом.

— Да, наверное, — согласился он, почувствовав легкое смущение.

— А я всегда здесь гуляю, когда дождь, — продолжала девчонка. — Это мой любимый бульвар. Летом каждый день погоду слушаю по радио, жду, когда объявят дождь.

— Объявят?.. А смысл?

— Какой смысл в дожде?.. А в солнце или в траве?.. — Девчонка засмеялась. — Это не передать словами. Попробуй сам, тогда поймешь. Слабо?..

Она остановилась и смотрела на него. И всем своим видом словно дразнила, призывала к поступку. Калугин помедлил, а потом решился. Сложил зонт, стоял перед ней, морщась от бьющих в лицо холодных струй.

— Ну как? — деловито поинтересовалась девчонка.

— Пока не понял... — Калугин поежился.

Вода затекала ему под воротник рубашки, костюм окончательно промок, да и выглядел он сейчас наверняка полным идиотом.

Но девчонка думала иначе.

— Это с непривычки, — успокоила она его. — Ты чего встал? Идем...

Да, видел бы его сейчас Лежнев, умер бы со смеху. Или решил, что у его компаньона вовсе крыша поехала...

— Жаль, скоро это чудо кончится, — вздохнула девчонка, подняв вверх лицо.

И действительно, из-за туч уже проглядывало солнце. Небо быстро очищалось. И глаза у спутницы Калугина при этом сделались ярко-голубыми.

— Тебя как звать? — спросил он.

— Настя...

Калугин невольно вздрогнул при звуке этого имени. Опять! Да что же такое сегодня происходит?

— Анастасия, значит?.. — спросил он.

— Нет, Настя, — упрямо тряхнула головой девчонка. — Анастасия — это по паспорту, мне его год назад выдали. А все знакомые Настей зовут...

Они дошли уже до памятника Гоголю в конце бульвара. Здесь она остановилась.

— Ну, мне в метро, — сказала она. — Дальше не провожай.

— Почему? — невольно вырвалось у него.

— А потому... — Она вдруг зло прищурилась. — Слушай, ты что ко мне привязался? Ну? Что тебе от меня надо?.. Думаешь, закадрил девчонку и она уже все, растаяла, готова прыгнуть к тебе в постель... А не боишься, что я малолетняя?.. Или заразу какую подцепить?.. А, не боишься?.. Тогда пойдем. Ну, что же ты закис?..

Калугин оторопело смотрел на нее. Такого поворота событий он явно не ожидал. Сентиментальный идиот. Еще не хватало влипнуть с ней в историю...

А девчонка продолжала на него смотреть. И вдруг прыснула смехом:

— Ну и видуха у тебя — полный атас! Чмо в костюме и при галстуке! Сам с зонтом, а мокрый! Еще с тобой в ментовку загребут!..

Смех ее еще продолжал звенеть у него в ушах, а она уже пересекла проезжую часть и вскоре оказалась на противоположной стороне. Калугин невольно шагнул следом, но так и не решился ступить в стремительно несущийся возле ног поток. И только смотрел на нее со своего места.

Девчонка словно почувствовала этот взгляд. Оглянулась, помахала рукой:

— Приходи еще, когда будет дождь!.. Погуляем...

И уже бежала к станции метро, позабыв о Калугине.

Он наконец пришел в себя. Тоже засмеялся, покачал головой. И, раскрыв над головой ненужный уже зонт, двинулся дальше, в направлении «Праги».

...Макс Калугин стоял у окна в своем кабинете. Насупившийся, чуть сторбленный, с руками, глубоко засунутыми в карманы брюк, он рассеянно смотрел, как на небе опять сгущаются темные тучи. Сверху машины и люди казались ему суетливо-маленькими, а далекий горизонт уже и вовсе скрылся в мареве.

Над городом опять собиралась гроза.

За его спиной слышались голоса собравшихся за длинным столом людей, но Калугин лишь улавливал их краем уха, особо не вникая в смысл. Переговоры в офисе шли уже второй час, пробуксовывая буквально на каждом пункте.

— Почему вы не хотите, чтобы мы поставляли вам оборудование в комплексе, вместе с нашими проектами и нашей технологией?.. Мы так привыкли работать с зарубежными партнерами, это удобно.

Это говорил один из французов. Лежнев, выслушав переводчицу, ответил ему:

— Для вас это удобно, для нас — головная боль.

Переводчица произнесла эту фразу на французском.

— Почему? — допытывался француз. — Ведь так принято во всем мире...

— То в мире, а мы здесь, на месте должны учитывать специфику нашей страны, — возражал Лежнев. — Психологию наших заказчиков... У нас заказчик специфический, со специфическими запросами. У него на участке специфические камни, трава, холмы, даже воздух, которым вы сейчас дышите, тоже специфический...

— О да, мы это почувствовали, — согласился француз.

— Ни хрена ты не почувствовал! — буркнул Лежнев и обратился к переводчице: — Это можете не переводить... — и продолжил: — О'кей. Поэтому нам выгодно получать от вас оборудование и сопутствующие материалы и уже самим, на месте, разрабатывать технологию и готовить проекты с учетом местных условий.

— Я смотрел все. Эскизы вашего агентства снова не совсем те, о которых мы договаривались раньше, — гнул свое француз.

— Прошу прощения, но в прошлый раз мы оговаривали с вами именно эти эскизы, — держал оборону Лежнев. — Вот здесь у меня все записано, хотя мы и не согласны абсолютно с вашей концепцией видения...

И так продолжалось до бесконечности.

— А почему все время молчит месье Калугин?.. — вдруг поинтересовался француз. — Когда мы с ним подписывали у нас протокол о намерениях, то никаких вопросов о специфике не возникало. Нам интересно услышать и его мнение на этот счет.

Калугин отошел от окна, сел в свое кресло во главе стола, по привычке откинув голову на спинку. И вновь ощутил липкое дыхание приближающейся боли. Первое, вкрадчивое прикосновение ее пальцев-щупальцев.

Он по-прежнему с трудом улавливал суть разногласий, его раздражали французы, особенно лысый коротышка, совсем без шеи, с крепким, собранным в тугие складки над воротником рубашки загривком, сидящий напротив, через стол. А тот с готовностью улыбался ему во все свои тридцать два белоснежных зуба, словно искал возможность объясниться в любви. Но при этом твердо стоял на своем.

Компаньон лысого и вовсе сидел, насупившись, с индифферентным видом, и не

проронил за все время ни единого слова.

Калугин глянул поверх полированной лысины француза в окно. Крупные капли дождя уже забарабанили по стеклу, разбиваясь на мелкие шарики, которые тотчас начинали искать друг друга, находили, сливаясь снова в одну тяжелую каплю и медленно сползая вниз.

— Давай на этом прервемся, — наклонился он к Лежневу. — Голова раскалывается... Перенесем все на завтра.

— С ума сошел? — зашипел на него Лежнев. — Еще даже до главного не добрались... И завтра суббота, ты что, забыл?.. Потерпи хотя бы полчаса...

Но Калугин уже поднялся. Изобразил улыбку на лице, виновато развел руками:

— Господа... Я вижу, все мы немножечко устали. У вас задержка рейса, у нас, как сами видите, гроза... Мы, русские, все немножечко суеверны. Потому давайте перенесем окончание наших переговоров на тот день, когда на небе опять засияет солнце!..

Прослушав перевод, французы переглянулись, заулыбались и удовлетворенно закивали головами. Лежнев нашел его в комнате отдыха.

— Макс, что происходит?

— Ничего.

— Тогда чем объяснишь всю эту волынку?

— Чем?.. Он мне не нравится.

— Кто?

— Да француз. Особенно его лысина.

— При чем тут его лысина?

— Просто не люблю лысых...

Лежнев еще пристальней посмотрел на компаньона, и странное выражение появилось у него на лице:

— Макс, хватит темнить. Ты сам нашел этих французов. Два раза летал к ним на переговоры. Мы вместе составили документы, подписали протокол о намерениях. Я их еще раз посмотрел по твоей просьбе. В чем тогда проблема, я не пойму?..

— А проблема, Витя, в том, что он не главный, второе лицо. Я хочу дождаться, когда прилетит первое, его шеф, президент фирмы.

— Ты же сам сказал, их президент прилетит, когда мы тут обо всем договоримся и будет готов протокол. Чтобы его лишь подписать в торжественной обстановке.

— Да, говорил... Но ты же видишь, что они блефуют. Испытывают крепость наших нервов. Давай мы тоже их испытаем. Попробуем, у кого они крепче... Поторговаться с партнером всегда полезно — чьи слова?..

— Не знаю, Макс, — Лежнев с сомнением покачал головой. — Это перетягивание каната может плохо кончиться. Для нас в первую очередь. Вдруг они слинянут?

— Витя, я тебя не узнаю... Ты такой же владелец фирмы, как и я. Подумай, как обеспечить нашим французским друзьям отдых в эти дни. Организуй им маршрут... Кстати, неплохая идея. Твоя, между прочим. Я бы тоже хотел немного проветриться. Утром ты мне говорил о каком-то загородном гареме?.. Так действуй, черт тебя побери!..

Лежнев смотрел на него, все еще не веря тому, что сейчас услышал:

— Ладно, Макс, будь по-твоему. Но запомни, это в последний раз. Больше я свою задницу подставлять не буду.

— И не надо! — лучезарно улыбнулся ему Калугин. — Она тебе еще пригодится!..

Трехэтажный коттедж, с виду напоминавший небольшой замок, особняком примостился на берегу озера, в глубине довольно обширного участка. От стоянки автомобилей через фруктовый сад к нему вела узенькая, мощенная камнем дорожка. Земля между деревьями засеяна ровной травкой. Вряд ли эта трава выросла сама, уж слишком она была ровненькая, травинка к травинке. Композиция дополнялась теннисным кортом и небольшим фонтаном. В парадной половине участка располагалась живая изгородь, невысокая терраса с палисадником и цветниками из многолетних растений. Другая его часть и проезд к гаражу сопровождалась низкими цветниками и бордюрами из кустарника. Еще один зеленый ковер перед входом. Барбарисовый бордюр...

На веранду вышел встречать гостей сам хозяин, невысокого роста упитанный розовощекий толстячок. Калугин сразу вспомнил и этот коттедж, и его хозяина. Ох и попортил он им тогда нервы!.. Это был один из первых их самостоятельных проектов по стилевому оформлению участка. От успеха зависела дальнейшая репутация фирмы, ради этого пришлось попотеть, угождая малейшему капризу заказчика, у которого были явные нелады со вкусом. Но все обошлось, и их фирма «Зеленый ящик» именно с тех пор начала процветать.

Они миновали веранду и прошли в довольно-таки просторный и уютный зал. Здесь играл джазовый квартет, по паркету скользили вымуштрованные официанты с бокалами на подносах. Публика подобралась респектабельная, среди гостей было много молодых женщин из завсегдатаев элитарных тусовок, в вечерних платьях или экстравагантных нарядах от дорогих модельеров.

К этому времени на импровизированной сцене началось эротическое шоу. На первое подали молоденьких полуобнаженных девушек. Те прошли по подиуму, виляя аппетитными ягодицами и посылая в зал воздушные поцелуи. Следующим по программе был пародирующий известных певцов трансвестит, публика встретила его одобрительными аплодисментами. Далее выскочили двое, парень и девушка, в одних, мягко выражаясь, плавках — две полоски синей ткани — и начали изображать половой акт.

У французов плотоядно заблестели глаза. Лежнев, снисходительно улыбаясь, велел им «быть попроще и ничего не стесняться». Зарубежные гости восприняли это как призыв к действию и первым делом направились к бару. Заправившись там коктейлями, стали приглашать дам танцевать. Словом, все как всегда в таких случаях...

Калугин взял с подноса проходившего мимо официанта бокал с вином и отошел в сторонку. Ему сделалось скучно. Он не любил такие компании, чувствовал себя здесь чужим, а время, проведенное в таком обществе, — безвозвратно потерянным. Он уже пожалел, что напомнил Лежневу о его инициативе. Витька мог бы и один успешно справиться с поиском развлечения для французов. Да и сам оттянуться был не промах, делал это по любому поводу и даже без повода.

Вот и сейчас Витька Лежнев чувствовал себя здесь как рыба в воде. Он обнимал за талию сразу двух девиц, одинаково длинноногих, с одинаковой ослепительной улыбкой, словно приклеившейся к их губам, и одинаковыми повадками. Они стояли по обе стороны Лежнева, как зеркальное отражение друг друга. Заметив взгляд Калугина, Лежнев развернул девиц и направился в его сторону.

— Это Марина, — чуть дурашливо представил он одну из них. — А это, как ни странно, тоже Марина!..

Девушки заученно улыбнулись и присели в легком, тоже зеркальном книксене.

— Правда? Калугин тоже невольно усмехнулся. — Как же ты их различаешь?

— Легко!.. Вот эта Марина — «Мисс района», какого, я еще не успел выяснить... А эта — «Мисс Золотое кольцо». Осенью проведем новый конкурс. Как на твой вкус, кому из девушек отдадим корону?..

— Думаю, обе достойны, — пробормотал Калугин, чтобы поскорей отвязаться.

Лежнев посмотрел на друга с сожалением. Кивнул девушкам и отвел его в сторону:

— Ты чего опять такой кислый?.. Классные девочки, готовы на все... Если не нравятся, оглянись вокруг. Посмотри, сколько женщин, красивых и разных!.. Умных, глупых, на любой вкус... Вон та, начинающая певица, можно сказать, восходящая звезда. Ей спонсор нужен... Вот, держи, — Лежнев что-то незаметно сунул Калугину в руку.

Тот посмотрел — на его ладони лежал ключ.

— Зачем? — удивился он.

— Макс, ты что, только вчера родился? — покачал головой Лежнев. — Мы ведь сюда с ночевкой приехали. Комнаты расписаны на всех этажах. Девочек каждый выбирает по вкусу. Полный сервис и демократия!.. Не теряйся...

Он хлопнул друга по плечу и вернулся к терпеливо ожидающим его девушкам.

Калугин остался на месте и невольно принялся разглядывать женщин. То, что их привезли сюда не случайно и многие из них не являли собой запретный плод, не было для него новостью. Дорогие куртизанки, призванные «по контракту» развлекать богатых гостей. Некоторых он узнавал, поближе к ним присмотревшись. Видел раньше в элитарных клубах. Наверняка здесь же крутились их сутенеры. Одного он, кажется, тоже узнал. Темноволосый кавказец, за которым, словно табун, проследовало несколько вызывающе одетых девушек. Даже имя его припомнил — Рафик. Они однажды уже пересекались накоротке, в одном из клубов. Лежнев их тогда знакомил.

А французам русские девушки, кажется, пришлись по душе. Поворковав какое-то время возле стойки бара, французские гости, на прощанье помахав Калугину рукой, вышли из зала вместе с девушками и Лежневым. Калугин видел через окно, как они проследовали по освещенной аллее в сторону автостоянки. Наверняка укатили продолжать «контакты» уже в более интимном месте. Витька умел это устроить, как никто другой. Талант у парня на такие вещи, просто мастер. После их отъезда Калугин облегченно вздохнул...

А веселье в зале между тем набирало обороты.

Калугин перевел взгляд в сторону и вдруг увидел девушку, только что подошедшую к стойке бара. Невольно пригляделся. Что-то екнуло у него внутри.

«Нет, не может быть, — подумал он. — Просто похожа. Бывает в жизни такое поразительное сходство, я обознался, столько лет прошло...»

Но уже не сводил с девушки глаз.

Ее несколько раз приглашали танцевать. Она никому не отказывала, а когда танец заканчивался, неизменно возвращалась на свое место у стойки, где ее дожидался очередной бокал с каким-то напитком. И новые кавалеры. Она пользовалась здесь успехом.

Девушка как будто тоже почувствовала его взгляд. Удивленно оглянулась, посмотрела на Калугина. Но тут же равнодушно отвела взгляд.

«Нет, не она», — подумал Калугин. И у него сразу сделалось очень тоскливо на душе.

Он продолжал наблюдать, как она танцует с очередным партнером. И вдруг подумал, что ведь он тоже может ее запросто пригласить...

Все происходило в тот вечер, как обычно. Рафик привез Настю и еще трех своих девушек на вечеринку в загородный коттедж. С девяти вечера они пили что-нибудь легкое, для настроения, болтали о всяких пустяках и к полуночи стали заводить уже «теплую» публику танцами, иногда переходящими в легкий стриптиз. Возле девушек, как правило, роились постоянные обожатели.

Настя хорошо знала, зачем ее сюда пригласили, и играла свою роль в зависимости от настроения. Никто ее не принуждал специально развлекать гостей, но иногда запудрить голову какого-нибудь владельца тугого кошелька сам бог велел. Бог в лице того же Рафика, который постоянно крутился где-то рядом, напоминая о себе без слов.

Настя окинула беглым взглядом зал. Опять одни и те же лица. Опять — «привет-как дела-пока». Какие-то девушки крутились то тут, то там. Обычная суета. И — приятная неожиданность. Настя увидела Веронику, новую девушку Рафика. Та сидела на коленях молодого человека и весело с ним о чем-то щебетала. Как всегда, прелестна. Загоревшая, в коротком, в обтяжку, платьице. Таком коротком, что невольно взгляд мужчины устремлялся в запретные места. Вероника поймала Настин взгляд и помахала ей издали рукой. Потом прыгнула с колен своего ухажера и небрежной походкой подошла к Насте.

— Привет, подруга!..

— Привет...

Приглашенный ди-джей начал привлекать внимание публики. Потом погасили верхний свет, вспыхнули светильники на стенах, и девушек принялись упрашивать потанцевать на столе. Настя с Вероникой поднялись на столешницу. Вокруг них плотным кольцом сомкнулась толпа. Время — полночь. Их время... Напротив — огромное зеркало. У Насти в голове — шум от выпитого вина. Они начали танцевать, и толпа вокруг них стала постепенно заводиться. Энергичный ди-джей выкрикивал что-то ободряющее.

Они танцевали очень близко друг к другу. Мужчинам нравилось, от этого зрелища они еще больше возбуждались. Вероника обвила Настину шею руками. Все было естественно и красиво. Публика корчилась в экстазе... Они закончили свой танец под громкие аплодисменты. Настя, не обращая на это внимания, быстро прошла на веранду. Хороший повод, чтобы о ней забыли. Прохладный вечерний воздух немного ее отрезвил, и прежнее игривое настроение исчезло.

Она немного постояла на веранде и вернулась в зал. Прошла к стойке бара, заказала себе глинтвейн. Было немного прохладно и горячее вино очень кстати.

А вокруг Вероники уже начался торг. Двое сильно подвыпивших бизнесменов соперничали за право ею обладать. Кто больше?.. Начальная ставка была определена в тысячу долларов. Дальше все происходило, как на обычном аукционе. Один повышал ставку на несколько сотен долларов, другой ее оспаривал и добавлял сверху. На этот раз дело дошло до четырех с половиной тысяч. Победитель под аплодисменты увел Веронику с собой, вечер продолжался.

Настя выпила, сколько смогла. Стало легче. Возле нее все вертелся какой-то старик и рассказывал что-то, по его мнению, смешное. И Настя смеялась. Потом он как-то незаметно ее обнял и положил свою лапу ей на задницу. Насте это было безразлично. Они стали целоваться прямо у стойки. Потом подошли еще какие-то придурки, оттеснили старика и

стали по очереди приглашать Настю танцевать. В ее голове уже закружился целый хоровод. Она пила, пила еще, смеялась и танцевала опять.

Его она заметила чуть позже. Вернее, почувствовала на себе взгляд. Он ничем особым не отличался от других собравшихся здесь мужчин. По одежде она сразу определила, что он из их круга. Только вот держался особняком, ни с кем не знакомился и даже не разговаривал. Вообще за все то время, как она начала за ним наблюдать исподтишка, он, кажется, не сдвинулся с места. Вначале это ее просто забавляло, а потом она почувствовала жгучее любопытство. Кто он, этот загадочный незнакомец?..

Он подошел к ней, когда она закончила танцевать с очередным кавалером и вернулась к стойке бара, чтобы выпить глоток сока. Она не увидела его, а почувствовала его за своей спиной. И он спросил совсем тихо:

— Вы позволите?..

Во время танца он не проронил ни слова, лишь крепко сжал ее пальцы в своей ладони и все старался заглянуть в глаза. Мужчины на нее «западали», это было в порядке вещей. Но этот с самого начала повел себя как-то странно, будто бы робел в ее присутствии. Она тоже рядом с ним вдруг почувствовала необычное волнение, никак не могла понять, что происходит, и потому держалась немного скованно.

— Может быть, еще один танец?..

— А вы не хотите отдохнуть? — Она подняла к нему лицо, открыто посмотрела прямо в глаза. — Я, например, устала танцевать весь вечер. Где ваш ключ?

Он, видимо, не ожидал столь откровенного приглашения. Замешкался. Потом суетливо принялся шарить по карманам, ища ключ. Нашел, протянул Насте.

— Идите за мной, — сказала она.

Они поднялись на второй этаж. Настя открыла дверь ключом и прошла в комнату не оглядываясь, так как знала, что он войдет следом. Так было всегда.

В комнате она включила торшер под розовым абажуром и подошла к бару-холодильнику. Открыла дверцу, исследуя приготовленные там напитки.

— Что вы будете пить? — спросила она, оглядываясь на него. — Я вам налью.

Не дождавшись ответа, выбрала на свой вкус бутылку виски. Достала ведерко со льдом, стаканы и все, это понесла к маленькому столику, стоявшему возле кровати.

Он стоял в дверях, не двигаясь с места и продолжая молча на нее смотреть. Буквально впился в нее взглядом, так что ей в какой-то момент стало не по себе.

— Что-нибудь не так? — опять спросила она. — У вас проблемы?

Он продолжал молчать. И это уже становилось более чем странным. «Он извращенец или маньяк, — подумала Настя. — Мне определенно везет на таких типов».

А вслух сказала с некоторым даже вызовом:

— Если вам не нравится мое общество, я не настаиваю. Через секунду меня здесь не будет. Вам пришлют другую девушку, так что не расстраивайтесь...

Он проглотил комок в горле и вдруг спросил:

— Ты помнишь бабочку на стекле?.. Во время заката солнца?..

— Что? — у Насти сразу опустились руки.

— Кажется, тебя Настей зовут?.. Анастасия?..

Теперь у нее все плыло перед глазами:

— Ботаник? Ты?.. — едва слышно прошептала она. — Вот, значит, как опять встретиться довелось...

Уже под утро, когда он задремал, она уткнулась подбородком ему в плечо и смотрела на водную гладь, расстилавшуюся за окном. День только занимался. Облака были окрашены светом восходящего солнца. Золотая дорожка по воде. В детстве она любила вот так же смотреть на дорожку в море, мечтала доплыть по ней до самого солнца. Свет в глаза, жмуришься, плывешь не глядя, все время сбиваясь с пути. До буйка. А потом становится страшно, и поворачиваешь обратно. Берег такой маленький, далекий и нереальный, а ощущение при этом — я одна во всей Вселенной!..

Настя закрыла глаза. Но почти сразу же вновь их открыла. Она почувствовала, как он водит перышком от подушки у нее по спине. Сделалось щекотно, она повернулась:

— Что ты там нашел?

— Бабочку. Ты это специально сделала? — Он осторожно провел ладонью в том месте, где у нее была татуировка. — Я навсегда запомнил эту бабочку. Мне кажется, что только благодаря ей у нас тогда все случилось?..

Она слышала за своей спиной его тихий смех. Однако он сентиментален! Кто бы мог подумать?.. Настя перевернулась на спину и тоже засмеялась от щекотки. А он крепко обнял ее, глубоко зарылся лицом в ее волосы. Ей были приятны его ласки.

— Мне уже давно не было так хорошо, — услышала она его голос.

Он широко раскинул руки по кровати. Она видела его припухшее от сна лицо, сонный прищур глаз, его умиротворенность. Она могла поверить, что ему сейчас хорошо. А хорошо ли ей?.. И что будет потом, утром, когда настанет пора прощаться? Она так долго мечтала об этом, ждала встречи с ним. Ей даже не верилось, что такое могло произойти. Вот, встретила, дождалась, ну и что?.. Как ей дальше жить с этим?..

«И все-таки странные вещи иногда происходят в нашей жизни», — подумала она в очередной раз.

Максим Калугин приехал в Москву с твердым намерением начать здесь свое дело. Но, покрутившись в столице месяц-другой, поговорив со знающими людьми, он быстро сообразил, что все не так просто, как казалось издалека. Маленькие и большие фирмы возникал и тогда, словно грибы после дождя. И так же быстро исчезали. Надо было определиться с конъюнктурой, а главное — понять, к чему приспособлены его мозги и руки.

Какое-то время Макс мыл посуду в коммерческом ресторане. Он раньше слышал, что будто все американские миллионеры именно с этого и начинали. Но даже подняться на следующую ступень, то бишь стать официантом, ему не пришлось. Заведение прикрыла санитарная инспекция. Он еще попробовал стать рекламным агентом, продавал с рук газеты и книги, потом приобрел фотокамеру и занялся фотографированием граждан прямо на улице. Недели две бизнес шел успешно, Макс уже подумывал о том, чтобы снять за вырученные деньги небольшое ателье, но тут его избили конкуренты. Он перешел в другое место. Там его опять поколотили, особенно жестоко. И разбили камеру.

Кто-то посоветовал Макс уехать за город, там якобы больше возможностей и меньше конкуренции. Он вспомнил свою оранжерею, нанялся к одному отставному полковнику — выращивать и продавать цветы. Но отставник откровенно обманывал своего наемного рабочего, а когда прошел сезон, и вовсе прогнал его из дома, где предоставлял ему временный ночлег. Тут Макс подвернулась бригада рабочих, которые строили в Подмоскovie дачи и коттеджи. Хозяева роскошных подмосковных вилл и особняков жаждали утереть нос конкурентам не только внешним обликом строений, но и оформлением приусадебного участка.

В свободное от работы время Макс почитал кое-какую литературу, проявил фантазию и стал предлагать заказчикам не просто «вид на море и обратно», а более оригинальные несовременные решения по планировке участков. Он втолковывал недоверчивым и прижимистым хозяевам, что дизайнер при благоустройстве участка необходим не меньше врача в больнице или механика в автосервисе. И что без совета специалиста даже самый роскошный вид перед домом можно загубить, сделав его бессмысленным нагромождением дорогой безвкусицы.

Ландшафтный дизайн, или, как его еще называют, ландшафтная архитектура — это организация внешнего пространства на участке. Понятие «дизайн ландшафта» включает проектирование и воплощение замысла дизайнера.

Прилегающая к дому территория — не просто участок земли и конечно же не огород. Каждое стилевое решение конкретного дома требует такого же конкретного решения окружающего ландшафта. Например, достаточно странно будет выглядеть английский коттедж в окружении картофельных грядок. Дизайнер, учитывая пожелания заказчика, осуществляет планировку участка таким образом, чтобы тот находился в гармонии с домом, наилучшим образом используя особенности существующего рельефа и окрестностей. В результате можно иметь свободную ландшафтную композицию с преобладанием газонов в стиле пейзажного парка — этот прием хорош для большого участка. Если позволяет рельеф, можно создать систему террас с помощью подпорных стенок из различных материалов: камня разных сортов, кирпича, бетона, задекорированных зеленью. Можно использовать

национальные мотивы японского сада камней или китайского сада, построенного на основе водоемов и причудливых горбатых мостиков. Всегда эффектно выглядело сочетание нескольких приемов, когда, например, перед главным фасадом дома может быть разбит классический партер или розарий, а остальная территория решена в пейзажном стиле. Маленький участок может быть решен в виде фрагмента ландшафтной композиции — лужайки с красивой группой деревьев или кустарников. Центром композиции хорошо сделать альпинарий из нескольких больших камней в сочетании с декоративными растениями и цветами. Но в любом случае Макс советовал заказчику начинать строительство своего загородного дома с дизайн-проекта, тем самым в комплексе решая и внешний вид дома, и окружающее его пространство.

Дела фирмы «Зеленый ящик», а заодно и Калугина быстро шли в гору. По всем направлениям на него работали специалисты высокого класса, настоящие профессионалы в своем деле, прошедшие стажировку во Франции, Англии и Германии — странах, где издавна высоко развита культура парковой и садовой архитектуры. От клиентов также не было отбоя. Заказы поступали от бизнесменов, ведущих политиков, звезд шоу-бизнеса и прочих граждан, обладавших тугим кошельком и высокими амбициями.

Макс заматерел, обзавелся нужными связями и, казалось, жил в свое удовольствие. Не хватало ему только одного — «той самой, единственной, и на всю жизнь». Времени на личную жизнь тоже было в обрез. Все его романы, как правило, были скоротечны и заканчивались на удивление одинаково. Вначале женщина, с которой он знакомился, старалась его привязать к себе. Она готовила обеды, подбирала ему костюмы, стирала и гладила его рубашки, старалась угадать его малейшее желание или каприз. Макс тоже старался оказывать возлюбленной знаки внимания. Водил ее в модные клубы и в театры, преподносил цветы и дорогие подарки. И первое время все было между ними, как в сказке. Потом такая жизнь начинала Максиму надоедать. Не то чтобы он стал поглядывать по сторонам и похаживать «налево», Макс не был ловеласом. Просто его охватывала тоска, он начинал скучать. Он вдруг понимал, что это совсем не та женщина, которая ему нужна в жизни. Это пугало его, он начинал испытывать угрызения совести и все оттягивал объяснение, пока разрыв не наступал внезапно и, случалось, даже не по его вине. Обычно женщина чувствовала, что ею уже тяготятся, и, когда находила другого мужчину, на ее взгляд, более надежного, уходила к нему от Макса. На какое-то время для него наступало облегчение, но потом появлялась другая женщина и все начиналось сначала. Вот также у него произошло и с Юлей. С некоторых пор он поддерживал с ней отношения как бы по инерции, нужен был лишь удобный повод, чтобы их разорвать. В те редкие часы отдыха, когда он оставался совсем один, Макса охватывало ностальгическое чувство, связанное с девушкой, которая пришла когда-то к нему в оранжерею, а потом исчезла навсегда...

Настя слушала его, сидя на кровати и поджав ноги по-турецки. Было начало лета. Тополиный пух летел из открытого окна, гонимый сквозняком, кружился в воздухе, неслышно ложился на пол и ей на волосы и плечи. Могло показаться, что идет снег.

— Я вот тут треплю языком все утро, а по-прежнему ничего не знаю о тебе, — произнес Макс извиняющимся тоном. — Чем ты занимаешься?

Настя пожала плечами. Ответила коротко:

— Живу...

— А еще?

— Спрашивай, что тебя конкретно интересует.

— Ну... ты учишься или работаешь?

— А ты как думаешь?

— Это нечестно, отвечать вопросом на вопрос.

— И все-таки?..

— Думаю, учишься... Ты похожа на загулявшую студентку третьего курса. Занятия уже как бы по фигу, а денег на жизнь и наряды катастрофически не хватает. И девочка решила на время пуститься во все тяжкие...

— Уже теплее, — сказала она бесцветным голосом. — Хотя и не совсем так, как на самом деле. Продолжай.

— А где учишься? На дневном или на заочном? — пытался угадать Максим.

Настя вздохнула:

— На вечернем факультете ночных бабочек. Впрочем, я его уже закончила. Экзамены сдала успешно. Теперь вот работаю по специальности. В основном по ночам... Ты что, действительно еще ничего не понял или решил поиздеваться?

Макс осекся на полуслове и замер так с открытым ртом. Он, конечно, догадывался о ее ремесле, но до поры отказывался верить, что она профи.

— Выходит, ты...

— Путана, — подтвердила она. И засмеялась: — Богатые тоже плачут, три тыщи первая серия... Не волнуйся, дорогой. Твоя совесть чиста. Ты был у меня первым, это правда. Как правда и то, что это ровным счетом ничего не значит. Я сама так решила, выбрала себе такую жизнь и ни о чем не жалею... Ну, ты доволен?

Какое-то время он сидел потупившись и как бы размышляя. Потом вскочил на ноги и решительно приказал:

— Одевайся!

— Зачем? — Она удивленно вскинула глаза. — В доме еще все спят, до завтрака почти два часа. И твое время тоже еще не кончилось. Мы можем продолжить наши игры...

— Вставай! — Он сдернул с нее одеяло. — Поедешь со мной.

— Это еще зачем? — Она не двинулась с места.

— Зачем?.. Потому что я так хочу! Я увезу тебя отсюда!..

— Но ты забываешь, что я здесь на работе. Мое время стоит денег. Строго по счетчику, как в такси.

Он уставился на нее. Понял, что она не шутит. И тогда сказал:

— Хорошо, я заплачу. Сколько надо?..

Она покачала головой:

— Это не только от меня зависит. У меня есть сутенер, все расчеты с ним. Но он, скорее всего, вернется сюда только после обеда. И прежде чем оформить ваш союз, поинтересуется, насколько ты кредитоспособен.

Макс заморгал. Потом на его лице расплылась самодовольная улыбка:

— Можешь не сомневаться. Я известный бизнесмен. И потому я буду диктовать условия, а не какой-то там грязный ублюдок!..

Он вдруг запнулся. Понял, что сказал лишнее, совсем не те слова, которые были сейчас нужны. Но Настя, кажется, не придавала этому значения.

— Выходит, ты меня покупаешь?.. — сказала она, помолчав. — Это в корне меняет дело. Но есть еще одно обстоятельство...

— Какое?

— Ты вот хочешь меня забрать. Но только забыл спросить... хочу ли этого я.

Он замер. Наконец спросил дрогнувшим голосом:

— А ты разве... не хочешь?

Какое-то время они молча смотрели в глаза друг другу. Наверное, в эту минуту все для них и решилось. Потому что взгляды порой говорят больше, чем слова.

Впрочем, он их все-таки произнес:

— Я тебя всегда любил... А потом очень долго искал и не мог встретить... Больше я тебя никуда не отпущу!

Настя медленно, словно нехотя, сползла с кровати.

— Сначала я должна принять душ, — сказала она.

Было еще рано. Высокие редкие облака висели в высокой голубой глубине, и все вокруг было зеленое, чистое и такое яркое. Дорога прямая, видно далеко. Макс у нравилось это время, когда еще не очень жарко. В такое утро хорошо оказаться где-нибудь в соседнем лесу, бродить между деревьев и, выйдя на полянку, слушать, как шуршит под ногами трава. Хорошо выйти к лесному ручью, раздуть костерок и присесть у огня...

Слева замелькали избы. Деревня была погружена еще в рассветный туман, но уже не спала. Во дворах отворялись ворота и калитки, хозяева выгоняли скотину в стадо. Где-то хлопал кнут и неразборчиво покрикивал пастух. А чуть поодаль от деревни, на взгорочке, одиноко лепилась церквушка.

Макс ее сразу узнал. Сразу что-то вспомнил, и решение созрело почти мгновенно. Он мягко переложил руль, свернул с заасфальтированного шоссе на проселок.

Машину закачало на ухабах. Настя, до того дремавшая на сиденье, открыла глаза, удивленно посмотрела вокруг и спросила сонным голосом:

— Мы заблудились?

— Мне надо... это недолго. А ты пока поспи.

Макс остановил машину возле церкви. Главки храма и один из приделов были облеплены лесами. Слева от входа, на поддоне, уложены крупные кирпичи от старой кладки. На обитой железом двери — огромный амбарный замок. По всему было видно, что работы по восстановлению хоть и продвигаются, но весьма медленно.

Макс увидел этот замок еще из машины. Распахнул дверцу и, перед тем как выйти, спросил у Насти:

— Ты со мной или здесь побудешь?

— С тобой. Одной мне будет скучно.

Он кивнул и не оглядываясь направился к двери. Подергал рукой замок. Потом что есть силы несколько раз ударил в дверь кулаком. Створки были массивные и удары прозвучали глухо, но все же в ответ сверху слышалось:

— Кого там еще черт принес в такую рань?

Из узкого, как амбразура, окна высунулась физиономия, бородатая и взлохмаченная.

— Привет, антихрист! — задрал голову Макс. — В храме Божьем дьявола не поминают! Особенно с утра.

— Привет, — проворчал взлохмаченный. — А что делать, если они, черти, ни поспать, ни поработать как следует не дают? Заходи слева, я спущусь.

Макс вернулся к машине. Прихватил из багажника какой-то сверток, завернутый в грубую холщовую материю. И вместе с Настей двинулся в обход церкви.

Внутри храма было сумрачно, лишь под самым куполом, на лесах, да над широким деревянным столом тускло мерцали лампы.

— Вот так встреча! — сказал Макс, всматриваясь в лицо мастера. — Жив, значит, курилка!.. Ты что же тогда пропал? Я, понимаешь, звоню по тому номеру, который ты мне оставил, а мне отвечают — таких, мол, больше здесь не проживает. Выходит, обманул?

— А, теперь и я тебя вспомнил, — ответил тот. — Хоть и пару лет прошло с тех пор... И

никакого обману с моей стороны не было. Просто нечем было за квартиру платить, вот и съехал я. Теперь вот при храме живу... Чего ж сразу не наведалься?

— Да кто ж тебя знал, что ты здесь поселился навсегда? Мы в городе договаривались о встрече. А тащиться зазря в такую даль себе в облом...

— Ну, дело прошлое, — кивнул мастер. — Чаю хочешь? Или, может, барышня твоя желает? У меня свой, на мяте настоящий...

Он по очереди переводил взгляд с Макса на Настю.

— Угощай, — согласился Макс.

Вздохмаченный, при ближайшем рассмотрении оказавшийся высоким, плотным мужчиной уже в летах, включил плитку, поставил старенький чайник и улыбнулся.

— Я, знаете ли, нервничаю с некоторых пор. Шумновато стало, как вокруг эти коттеджи понастроили... А так, особенно ночами, сидишь, снимаешь слой за слоем, а под ними — время.

— А ты философ, — усмехнулся Макс. — Мастерство не утратил еще?

— Мастерство, оно от Бога, его не пропьешь... А ты ко мне опять по делу или так? Ежели по делу, говори.

— Да вот, посоветоваться хочу, — Макс развернул сверток, под которым тускло блеснула позолота иконы. — Таскаю ее за собой в машине уже полгода, а все времени нет заняться как следует. Да и мастеров хороших не знаю, кроме тебя, конечно...

Он положил сверток на расстеленную на столе старую газету.

— Ну-ка, ну-ка... — Мастер нацепил очки и приблизил бороду к иконе. — Хороша... И писана мастером. Где взял, не спрашиваю. И так видно, что из частной коллекции.

— «Спас Иммануил», — заулыбался Макс.

— Вижу, что «Спас», — мастер взял икону в руки, осмотрел, даже обнюхал доску со всех сторон. — Письмо греческое... век четырнадцатый... Афонская школа?

— Она самая.

Мастер осторожно положил икону на стол и снял очки.

— Ну, и чего ты хочешь?

— Видишь — утраты, — Макс показал пальцем. — Часть плеча, рука... И лик придется подновить. Нужен аналог. Я помню, ты мне в прошлый раз хвалился английским изданием по Византии.

— Ишь, памятливым какой, — удивился мастер. — Вроде есть где-то, надо пошукать. Сможешь наведаться ко мне завтра или послезавтра?

— Проблематично со временем, но я постараюсь ради такого дела, — кивнул Макс.

— Он что, заказчик твой, один в один хочет?

— Ну да...

— Значит, уйдет и этот «Спас» за бугор, — огорчился мастер. — Не жалко тебе?

Макс помолчал, словно решаясь. Потом сказал:

— Не уйдет. Заказчик этот — я.

Мастер остро глянул на него исподлобья:

— Ну, коли не врешь, то я бы, пожалуй, мог тебе подсобить... Ежели, конечно, доверишь мне в руки такую красоту.

— Доверю, если опять не исчезнешь без следа, — обрадовался Макс. — Сколько возьмешь за работу? Ты не мелочись, назови настоящую цену...

— О цене потом, а сейчас пейте чай...

Мастер снял с плитки закипевший чайник, разлил по кружкам. Пододвинул гостям банку с вареньем:

— Я сам пью без сахара и вам советую. И осторожно, руки не обожгите...

И пока гости прихлебывали обжигающий напиток, вновь склонился над иконой. Пожевал губами:

— Да-а, левкас хреноватый, намучаешься с ним...

— Мне важно, чтобы икона жила, — сказал Макс. — Чтобы ты ее с душой сделал. Такой заказ, поди, не часто у тебя бывает?

— А я так вообще заказов на стороне не беру, — возразил мастер и указал поднятым пальцем куда-то вверх. — Мне бы с этой работой, дай Бог, управиться...

— Раскрываешь потихоньку? — Макс проследил взглядом за его пальцем.

— Раскрываю... Как же у нас любят лепить штукатурку! По десятку сантиметров нарастает за годы. И все гнилые цвета. Короче говоря, не краска, а дерьмо на клею. А вот уж там, поглубже, она самая, темпера...

— Покажи, — не удержался Макс.

— Смотри, коли не торопишься. Я только вчера откомпрессовал...

Он включил рубильник, и под лесами вспыхнула мощная галогеновая лампа. В кругу света проявилось расчищенное от штукатурки пятно. А в центре пятна — бледный, в трещинках-морщинках, лик, с которого спокойно и несуетливо смотрели два словно живых глаза.

— Неплохо сохранился, а? — ревниво спросил мастер. — Дам еще чуток оживку, пробела и засияет... Спасибо штукатурам, а то б не выжил.

— Да, — похвалил Макс. — Не напрасно тут ковыряешься.

— Не напрасно, — согласился мастер. — Уж это от нас никуда не уйдет, не денется...

Макс опустил голову, обернулся. Настя стояла за их спинами и тоже смотрела.

— Нравится?

Она молча кивнула.

Когда они выехали на Кольцевую, Настя спросила:

— Зачем тебе эта икона?

Уже был день, солнечный, прозрачный. Машины шли тесной стаей в оба конца. Перегруппировывались в шахматном порядке. Шустрый «жигуленок» подрезал машину Макса прямо перед его носом, отчаянно завихлял впереди. Макс рванул руль влево, выровнял ход машины и только тогда ответил:

— Она должна принести мне счастье... Нам с тобой.

— Ты веришь в Бога?

— Раньше я сомневался, а теперь знаю, что Бог есть. И я в него верю.

Он настиг «жигуленка», несколько раз требовательно мигнул фарами дальнего света. «Жигуленок» испуганно отпрянул в сторону, уступая дорогу «лексусу». Не встречая уже препятствия, Макс погнал машину вперед, выжимая из мотора все силы.

Все так же, не снижая скорости, они неслись по залитому солнцем городу. Здания, люди, машины завораживали взгляд. Широта и великолепие улиц заставляло сердце Насти биться быстрее. Руки Макса лежали на руле, но так хотелось к ним прикоснуться, таким теперь родным, ласковым. Она с трудом сдерживала себя. Чтобы не отвлекать водителя своим изучающим взглядом, Настя смотрела в окно. Ей хотелось спрятаться, чтобы никто ее

не увидел, но чистые прозрачные стекла не оставляли такой возможности. Она вся сжалась в кресле и только разглядывала проносящиеся мимо картинки жизни давно знакомого города. Рекламные вывески, подземные переходы, зеркальные витрины шикарных магазинов. Чужие улицы теперь сопровождали ее по-праздничному. Она чувствовала себя так, как будто зависла между прошлым и будущим, и эти часы для нее — из совсем другой жизни. Это ощущение появилось в ней со вчерашней ночи. Она почти не ориентировалась, куда они сейчас едут, полностью доверив себя Макс, что было естественно в ее положении. Сложила руки на коленях и молча ждала, когда они придут к ней домой. Или к нему... Они решили заранее, что Макс увезет ее к себе. Они так договорились — чтобы не трепать нервы, воспринимать происходящее спокойно, как будто в их жизни ничего другого нет и не было. Расслабиться и погрузиться в изучение друг друга.

У Пассажа Макс прижал свой «лексус» к тротуару и, медленно лавируя между других машин, тесно сгруппировавшихся на стоянке, начал искать свободное место.

В магазине, несмотря на календарный выходной день, было довольно многолюдно. Настя поначалу даже удивилась такому наплыву покупателей. Но все объяснялось просто. Лето, время отпусков. А что еще можно делать летом в Москве одуревшим от жары выходцам из провинции, кроме как посещать достопримечательности столицы или шататься по магазинам?

Макс сразу, только они вошли под своды Пассажа, взял Настю за руку, как ребенка. И так вел ее по магазину, не отпуская ни на миг, словно боялся, что ее уведут или она потеряется в толпе. Он ждал, когда Насте вот-вот что-нибудь понравится, и был готов тут же купить эту вещь. Однако Настя, к его удивлению, оставалась почти равнодушной. Переходя от секции к секции, она лишь мельком окидывала взглядом модный товар на витринах и шла дальше, так ничего для себя и не присмотрев.

Насте действительно было сейчас не по себе. Наверное, если бы она зашла сюда, имея конкретную цель, она бы повела себя более естественно, как и любая женщина на ее месте. Стала бы подолгу задерживаться у витрин и прилавков, рассматривать или даже примерять милые сердцу дамские аксессуары. Но сейчас она попала сюда не по своей воле. Макс, сам того не сознавая, повел себя, как обычный клиент, для которого посещение дорогого магазина с девушкой входило в перечень оплаты за услугу.

Насте очень хотелось поскорее уйти. Все эти товары в витринах были ей давно знакомы, до мелочей. Она даже увидела знакомую продавщицу в отделе косметики, которая ей привычно улыбнулась. Настя остановилась и тоже с ней поздоровалась.

— Твоя подруга? — с невольным удивлением спросил Макс.

— Просто знакомая... Жили когда-то в одном доме, — ответила Настя первое, что пришло в голову, лишь бы не вдаваться в подробности.

Но все же, чтобы он окончательно не расстроился, она задержалась у прилавка и выбрала для себя «Boucheron». Ей всегда нравились эти духи, а еще флакон, золотистого цвета, с фиолетовой крышечкой конусом.

— И это все? — Макс выглядел разочарованным.

— А мне здесь больше ничего не нравится, — сказала она, чтобы хоть как-то его успокоить и увести из магазина. — Все остальное такая безвкусица...

Макс, казалось, был несколько озадачен таким ответом.

— А, ну тогда пошли... — он вновь ухватил Настю за руку и почти силой потащил за собой. — Я знаю, что тебе должно понравиться...

На них даже оглянулись несколько раз.

В ювелирном бутике Макс увлеченно перебирал украшения, показывал их Насте. Она только пожимала плечами, равнодушно перекатывая во рту резинку. Но Макс не терял надежды, снова и снова требовал у продавщицы показать другой товар.

— Может быть, это? — продавщица с терпеливой улыбкой открыла бархатный пенал с аквамаринным кулоном внутри. — Под цвет глаз вашей дамы, и почти невесомый...

Макс тут же надел кулон на шею Насте. Подвел ее к зеркалу:

— Нравится?

Она посмотрела на свое отражение. Вначале равнодушно, а потом со все более нарастающим интересом. Кулон очень шел ей, эффектно смотрелся в вырезе на шее.

— А тебе как? — робко спросила она, поворачиваясь к Макс.

— Класс! Он как будто специально создан для тебя!.. — Макс сразу просиял лицом и отправился рассчитывать в кассу.

В машине он спросил, покосившись в сторону Насти:

— Ты как будто не рада?..

— Я рада... — она наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Но я же вижу.

— Что ты видишь?

— Твое настроение...

— У меня отличное настроение, — возразила Настя. И вдруг какая-то мысль пришла ей в голову: — Слушай, а если я сейчас тебя о чем-то попрошу — сделаешь?

— Попробую...

— Нет, мне надо точно знать!

— Какой-нибудь дамский каприз?

— А ты привык отказывать дамам в их капризах?

— Смотря в каких, — невольно усмехнулся он, но тут же спохватился: — Да что все вола тянешь?.. Говори, я согласен.

— Если согласен, тогда поехали!

— Хорошо, но мне надо знать — куда?

— Тут совсем рядом. На Сретенку.

В одном из сретенских переулков Настя отыскивала небольшой магазинчик с товарами секонд-хэнд. Макс не мог понять, зачем она его сюда притащила, но вопросов до поры задавать не стал, а только с удивлением оглядывал довольно убогое заведение.

— Иди сюда! — теперь уже Настя тащила его за собой. — Примерь вот это...

Она сделала знак продавцу, и тот выложил на прилавок полинявшие от времени голубые джинсы, видимо до этого успевшие побывать во многих переплетах.

— Зачем? — брови Макса от удивления поползли вверх.

— Делай, что тебе говорят, ты обещал!.. — Настя почти силой затолкала его за ширму примерочной кабинки.

Когда Макс, наконец, вышел оттуда, озабоченно осматривая себя со всех сторон, его уже поджидал новый сюрприз.

— Нет, эти не пойдут, — Настя бегло оценила на нем обновку. — Потом подберем для тебя что-нибудь получше... А пока снимай с себя пиджак, галстук, рубашку и надень, вот это, — потребовала она, протягивая ему выцветшую ковбойку.

— Послушай, что ты задумала?.. К чему этот маскарад? — попробовал было сопротивляться Макс.

Но Настя приложила палец к его губам и прошептала:

— Тс-с-с!.. Это сюрприз... Обо всем узнаешь потом...

Ею уже овладел азарт. С горящими глазами она таскала его от одного прилавка к другому, заставляла мерить выцветшие рубашки, какие-то куртки синего цвета и тертые джинсы. Макс поначалу вяло, но потом с нарастающим энтузиазмом включился в

придуманную ею игру. Он словно менял кожу, из солидного господина на глазах превращался в несколько грузноватого, но все еще спортивного парня, каким он был всего несколько лет назад.

А Настя, уже не стесняясь, сама приносила ему вещи в кабинку, где он переодевался, заставляла их примерять по множеству раз и либо одобряла выбор, либо безжалостно отбрасывала в сторону то, что ей не нравилось. Она так вошла в роль, что даже попыталась помочь ему расстегнуть брюки. Он, смеясь, дурашливо отбивался от ее тонких рук.

— Что ты делаешь, бесстыдница?..

Только раз он заартачился, когда Настя выбрала для него обувь — желтые полусапожки с металлической окантовкой.

— Это не мой стиль! — твердо заявил он. — Лучше я выйду отсюда босиком!..

Настя подумала, согласилась, махнула рукой:

— Хорошо, тогда кроссовки... Ну, хотя бы вот эти...

Когда они вышли из магазина, Макс сразу направился было к машине, но Настя удержала его за рукав синей куртки.

— Ну, что еще? — повернулся он. — Кажется, я уже исполнил твой каприз...

— Не совсем... Иди сюда, — Настя поманила его пальцем.

— Но я хотя бы вещи заброшу в машину, взмолился он.

— Потом. Успеешь, и они тебе не помешают... — она провела его через улицу, к подъезду старого дома, который был предназначен на снос. Во всяком случае, жильцы уже покинули свои квартиры, окна сиротливо зияли осколками выбитых стекол.

— Куда ты меня ведешь?..

— Молчи...

Настя потянула на себя дверь. Они оказались в полутемном подъезде, наполненном старыми запахами былой жизни и новыми — запустения. Наверх вела широкая лестница с выщербленными ступенями. Они поднялись по ней, держась за руки и стараясь не споткнуться. На площадке между этажами Настя остановилась.

Здесь было окно, смотревшее в противоположный двор тусклыми от пыли стеклами, с широким деревянным подоконником. Настя повернулась к Макс. Несколько мгновений смотрела ему в глаза.

— Ты хочешь? — прошептала она.

— Хочу... — также шепотом ответил он. — Но почему именно здесь, сейчас?..

— А ты до сих пор не понял?..

Она подалась к нему всем телом, прижалась, принялась лихорадочно срывать с него рубашку, нашла его губы своими губами. И тогда он понял.

— Сейчас, — он обнял ее, приподнял, усадил на подоконник, не переставая при этом лихорадочно целовать ее лицо, шею, опускаясь все ниже. — Сейчас...

Он обхватил ее за бедра, поцеловал в затылок, под волосы. А она продолжала срывать с него одежду, пока не почувствовала, как он входит в нее и они сливаются в единое целое. И она закричала. Впервые за эти три года она кричала не тогда, когда ее били или жестоко насиловали, а когда она занималась любовью с мужчиной. С тем, кого любила...

Нет, все было у них не так, как в тот первый раз, в оранжерее. Так вообще ни у нее, ни у него не было еще никогда.

Потом они захотели пообедать в каком-нибудь шикарном ресторане. Настя выбрала

«Метрополь», Макс с ней согласился. Он не стал переодеваться, даже не додумал об этом: его мысли теперь были заняты совсем другим. Припарковал машину на стоянке, и они направились к массивным дверям с бронзовыми ручками.

При появлении Насти швейцар открыл дверь и почтительно ей поклонился. Макса же решительно оттеснил животом:

— Ты куда в таком виде?.. Ступай через переход в ЦУМ, там купишь себе пива и пирожков.

Настя оглянулась, сразу все поняла и рассмеялась.

— Это мой водитель, — кокетничала она со швейцаром. — И охранник в то же время. Мне нельзя без охраны... Я все устрою. Попрошу, чтобы ему накрыли столик где-нибудь в сторонке. Ну пожалуйста...

Она вытащила из сумочки и сунула в ладонь швейцару двадцатидолларовую бумажку. Тот сразу отвел глаза, отступил, давая Максу пройти.

— Однако у тебя и замашки!.. — подивился Макс, беря ее за локоть перед входом в ресторан. — Эдак ты меня и впрямь скоро заставишь тебе прислуживать...

Потом, уже у него дома, они не выходили никуда и не открывали никому целых двое суток. В течение этого времени их только несколько раз побеспокоил телефон, который Макс поначалу забыл отключить. Потом все-таки дотянулся и выдернул шнур из розетки. Мобильник он по привычке оставил в машине.

После этого их уже больше ничто не беспокоило, разве только голод. Тогда они босиком и совершенно голые вдвоем пробирались на кухню. Там, не зажигая света, доставали из холодильника первую попавшуюся под руку еду, открывали бутылку вина и тащили все это в комнату. По пути он тайком попытался сделать глоток прямо из горлышка. Но она увидела, дурачась, стала отнимать у него бутылку. Он не отдавал, вино расплескивалось, лилось им на руки, на грудь, они смеялись и целовались. Потом, уже в комнате, она неожиданно споткнулась, упала на ковер, следом увлекая и его. Он отбивался одной рукой, другой же пытаясь удержать бутылку, и все повторял:

— Настя, ну подожди... Давай хотя бы доберемся до кровати...

Бесполезно. Она, лежа на полу, обхватила руками его шею и потянула к себе. Бутылка выскользнула у него из рук, вино лилось, а он все повторял, словно заклинание:

— Боже, что ты со мной делаешь!.. Настя... Настя...

Потом они почти одновременно провалились в счастливое царство снов.

Когда за окнами чуть рассвело и в отдалении послышался шум первой электрички, они сидели на кровати, радостные, утомленные, и разглядывали друг друга, словно впервые увиделись только сейчас.

— Ты хоть меня вспоминала?

— Вспоминала.

— Часто?

— Раньше часто...

— Почему только раньше?

— Но ведь ты меня бросил. Уехал из города и — с концами.

— Да. Но сначала ты от меня ушла.

— Я не по-настоящему. Я боялась тогда...

— Кого ты боялась?

— Тебя.

— А сейчас?

— Что — сейчас?

— Не боишься?

— Боюсь... что это со мной только во сне. А когда я проснусь, тебя опять не будет рядом. И мне больше не захочется жить без тебя...

— Прости меня...

— И ты меня прости...

Настя лежала у него на груди и водила пальцем ему по животу считала квадратики, оставшиеся от прошлогоднего загара.

— Почему почти у всех мужчин ближе к тридцати начинает расти живот?

— Дался тебе мой живот...

Он попытался укрыться одеялом. Но она не пускала, стаскивала с него одеяло, и живот снова обнажался.

— Нет, ты мне ответь... Вот он какой у тебя, кругленький, аккуратненький, но жирком уже начал обрастать. Зачем он тебе? Для солидности?

— Где ты там увидела жирок? — Он был, кажется, задет ее исследованиями, приподнялся на локтях, стараясь тоже получше рассмотреть свой живот.

— А вот здесь... здесь... и вот еще... — Она ущипнула его несколько раз.

— Ах ты, значит, так!.. — Он перехватил ее руки, перевернул, отшлепал. — У мужчин живот, а у женщин другое достоинство... Вот оно!..

И тоже ее ущипнул.

— Ай, ты что?!.. Останутся же синяки...

— Ну и пусть остаются... Мне нравятся синяки на этом месте, пусть будут как украшение рядом с бабочкой... Или ты кому другому их боишься показать?..

— Ну пусти же, медведь!.. Мне надо в ванную...

Она вырвалась из его рук, соскользнула с кровати и босиком прошлепала в прихожую. Он слышал, как стукнула дверь в ванную и как полилась вода.

Макс вошел в ванную комнату, когда Настя уже принимала душ. Она молча протянула ему гибкий шланг и сразу отвернулась. Он добавил напор воды и медленно повел упругую струю сверху вниз по ее телу. Сначала по шее, потом по лопаткам, бедрам. Она обернулась. Струя ударила ей в грудь и в живот.

Он хотел ее поцеловать, но она вывернулась у него из-под руки.

— А теперь давай я тебя... — Настя взяла у него шланг, а когда он повернулся к ней спиной, она добавила холодной воды и до отказа прикрутила кран с горячей.

— Негодница! — заорал он от неожиданности, когда ледяная струя воды окатила сзади его тело. — Значит, так, да?.. Ну, погоди у меня!..

Он вырвал у нее шланг и окатил водой сразу с ног до головы.

— Пусти! Ой, моя прическа!..

Настя визжала, отбивалась, как могла. Они возились в ванной комнате еще некоторое время, вырывая из рук друг у друга шланг, щедро поливая из него друг друга, и в результате устроили на полу настоящий потоп.

— Вот что получилось! — Макс стоял по щиколотку в воде и беспомощно озирался вокруг. — Наверняка мы с тобой залили соседей снизу. Сейчас прибегут...

Соседи не прибежали. Видно, дом этот строили на совесть. Они еще немного поиграли шлангом, пообливали друг друга, но уже не так азартно. Истерически смеясь, Настя наконец выбралась из ванной, мокрая, шлепая босыми ногами, убежала в комнату. Там бросилась в постель, укрывшись одеялом с головой.

Он прибежал следом, увидел ее на кровати, с разбегу нырнул туда, торопясь и срывая с нее одеяло.

— Боже... Боже... Боже... — стонала она.

Они спали весь день, до тех пор, пока опять не начало темнеть.

А когда совсем наступила ночь, они сидели на подоконнике у раскрытого окна. Июньская светлая ночь, сонный огромный город, кругом ни души, чистые, политые мостовые, Замоскворечье, беспорядок крыш, колоколен, тихие дворики соседних старых домов. А прямо перед ними, красный и чинный, казавшийся тоже пустым в это время

Кремль. Запах сирени с набережной, на небе тихие сиреневые тучки, гладкая густая вода в реке. Они сидели и молча смотрели друг на друга...

За окном бушевала гроза, а Настя танцевала. Для него. Он смотрел на нее во все глаза, а губы его при этом неслышно шептали. «Пусть так будет всегда, — думал он. — Останься, не уходи, не оставляй меня. Останься этот миг, эта ночь, эта беспредельная глубина твоих глаз, тепло твоих рук, жар твоих губ, не останавливайся в танце своем... Не надо, чтобы было так, как есть, пусть будет лучше. Я хочу, чтобы ты и дальше горела, как звездочка на нашем с тобой сегодня небе, как твои глаза... Я хочу, чтобы мы горели с тобой вместе, одним огнем, именно огнем, потому что я не хочу, сгорая, превратиться в тлеющие угли. Пусть это будет наше пламя! Я хочу вознестись в твоих нежных объятьях к небу, хочу пронести тебя сквозь грозу богов, желающих не разделять небесных безбрежных просторов ни с кем. Омытую этой водой, хочу уложить тебя в тающую белизну его облака... Подняв глаза на тебя, хочу утонуть в томном блеске глаз твоих зеленых зрачков... Нежная моя... Я хочу быть твоим рабом. Пусть теперь и впредь мы будем неразделимы, как небо и звезды. Я готов принимать весь огонь твоих губ и жар твоего сердца, огонь сотен тысяч звезд в их просторах и глубинах. Пусть от твоей улыбки расцветают самые прекрасные в мире цветы, как от лучей солнца, по всей земле, они будут твоим отражением на твоем лице. Я хочу раствориться с тобой в этом океане страсти и бесконечной любви, в твоей ненаглядной красоте, в пылких твоих губах, в нежности твоих рук, в каждом изгибе твоего тела и замирать от счастья при каждом ударе твоего сердца, передающегося мне от тебя, разливающегося по всему моему телу. В ударах, которые растекаются по нему бурлящими, прозрачными и до головокружения бездонными потоками... Я хочу, чтобы было так. Чтобы от одного твоего взгляда у меня замирало сердце...

Как небо. Тихое, уютное и светлое, под которым рождается, просыпается каждое утро земля. Жаркое, томящее и прозрачное. Страстное, грохочущее и ревущее, обрушивающее потоки живой воды. Тихое, уютное и нежное, светлое. Пусть так будет...»

И только в понедельник, уже под вечер, Макс опять включил телефон. Аппарат, словно кто-то ждал этого на другом конце провода, сразу же зазвонил.

— Тебе звонят, — сказала Настя.

— Я слышу, — ответил он, не двигаясь. — Меня нет дома.

Звонки прекратились. А через минуту начались опять, и уже больше не прекращались. Звонивший неизвестный человек оказался настырным.

Макс снял трубку и тотчас услышал голос Витьки Лежнева.

— Ты куда пропал?! — задребезжало в мембране. — Два дня тебя искали по всей Москве и не могли найти!.. С тобой все в порядке?..

— Не волнуйся, — ухмыльнулся Макс. — Я дома. Меня никто не похитил, и выкуп тебе за меня платить не придется!..

— Он еще шутит! — возмутился Лежнев. — С какого хрена ты все это устроил?.. И ты хоть представляешь, как все это может выглядеть со стороны?..

— Не представляю... А как?

— Макс, на тебя это совсем не похоже... Я тебя не узнаю! Французы тоже в полном отпаде от твоей дикой выходки. Да что французы, всю нашу фирму целый день лихорадило, никто толком ничего не мог понять...

— Конечно! Ты привык, что я, словно раб на галере, сутками сижу прикованный к своему креслу, да еще и за все отдуваюсь, — вяло огрызнулся Макс. — А мне такое положение уже порядком поднадоело.

— Но ты президент фирмы!..

— Ты, между прочим, тоже. Сам мог инициативу проявить.

— Я и проявил...

— И что? Каков результат?

— Французы согласны на все наши условия!.. Я их достал!.. В проект договора мы уже внесли изменения. Осталось его заново перепечатать, и завтра он будет у тебя на столе... Что молчишь и дышишь в трубку? Ты хоть доволен?

— Вполне, Витя!.. Ты делаешь успехи!.. И я всегда в тебя верил!

— Да, но остались еще кое-какие нюансы. Без тебя их не решить.

— Я буду завтра в офисе ровно в полдень. Так французам и передай. Кстати, как они проводят сегодняшний вечер? С тобой или без тебя?

— Со мной, конечно. Я их ни на минуту от себя не отпускал. А сегодня веду в Большой театр. Там какой-то балет... или опера...

— А вот это, Витя, уже с твоей стороны огромный прокол... спутать оперу с балетом. Ай-я-яй!.. Что наши гости могут подумать о твоём культурном уровне?

— Да ладно тебе, шутник чертов!.. Тоже мне, нашел козла отпущения... Так ты завтра будешь или это тоже шутка такая?

— Буду, Витя, буду!.. Когда это я нарушал данное слово?

— Да вроде пока ни разу... Но хоть расскажи, где пропадал? И главное, с кем?.. Неужели удалось зацепить в коттедже красотку, которая так тебя ухайдокала?.. Ах ты, тихоня наш!.. Делаешь успехи, хвалю!.. Она, что же, тебя к кровати привязала?.. Колись, давай!..

Макс поморщился, покосился в сторону Насти и прикрыл трубку рукой:

— Завтра, Витя, все будет завтра... Ты получишь от меня полный отчет.

Не дожидаясь реакции Лежнева, Макс бросил трубку на аппарат. И повернулся к Насте.

— У тебя на работе неприятности и это все из-за меня? — спросила она.

Вместо ответа он притянул ее к себе, прижал всем телом и крепко поцеловал. Поцелуй этот длился долго, до изнеможения.

— Знаешь, о чем я думаю? — спросил он, откидываясь на подушку.

— О чем?

— Я думаю, что лучше всего целовать только одну женщину в своей жизни.

— Почему?

— Потому что дальше уже идет повторение...

— Я в какой-то момент представила себе, что ты, может быть, вот так же совсем недавно целовал другую, — произнесла она задумчиво. — И меня стала мучить ревность. Но ты должен знать, что я сама постоянно делаю то же самое. Я живу со многими мужчинами и целую их едва ли не каждый день... Ты готов признать меня такой?

— Не думай об этом. То было давно, в прошлой жизни. Теперь все у нас будет по-другому. Я тебя больше никому не отдам!..

— Так не бывает...

— Так бывает, поэтому судьба и свела нас опять.

Настя помолчала, потом прошептала, глядя куда-то в темное окно:

— Я вспомнила... Мне в детстве шар подарили, вот такой, громадный... Целыми днями в обнимку с ним ходила, но не играла, потому что боялась, что он лопнет. И никому из подружек тоже играть не давала. А он все равно съезживался, съезживался, пока совсем не исчез... Я сейчас боюсь, что и эти мгновения вот так же исчезнут...

Макс обнял ее, поцеловал, прижал к себе.

Утром Настя проснулась внезапно, как от толчка. Прислушалась. Такое уже не раз случалось с ней за последние несколько лет — внезапные пробуждения с чувством непонятной тревоги и бешено колотящимся сердцем. Всегда в таких случаях она ощущала себя совершенно разбитой, униженной. Ведь перед каждым таким пробуждением следовала, как правило, бессонная ночь в чужой и холодной постели. Но сейчас все было иначе — она была не одна, тепло, исходящее от лежащего рядом дорогого человека, было тому подтверждением. Она почувствовала его дыхание у себя на щеке, и сразу на душе у нее стало спокойно и уютно.

Он спал очень крепко, тем безмятежным здоровым сном, каким обычно спят дети. Она облокотилась на руку и долго, с тихим удивлением смотрела на него. Он был совсем близко, и у нее появилась возможность беспрепятственно разглядеть его черты, насколько это позволял свет, проникавший из зашторенного окна. Такого прилива нежности она не испытывала уже давно, хотя столько раз в мечтах уже целовала его глаза, губы, удивленно изогнутые брови. Вот и сейчас она едва сдерживала желание дотронуться до него, такого родного и близкого...

Макс Калугин стоял у окна в своем кабинете. Сейчас он был совершенно один, насупившийся, чуть сгорбленный, с руками, глубоко засунутыми в карманы брюк. Макс рассеянно смотрел на ревущий моторами далеко внизу столичный проспект, на людей, спешивших куда-то по тротуарам, сидевших под тентами за столиками кафе. Сверху эти машины и люди казались ему маленькими, незначительными...

Макс вынужден был отвлечься от своих мыслей и обернуться, потому что двери его кабинета распахнулись, и пестрая разнородная группа людей, на ходу переговариваясь, шумно заполнила кабинет.

Впереди всех, в официальном костюме, шел темнокожий гигант, заметно выделявшийся в толпе не только своим ростом, но и повадками человека, привыкшего повелевать, а также принимать решения. Увидев Калугина, он шагнул к нему с распростертыми руками и белозубой улыбкой на лице.

— О, Макс!.. — Он обнял Калугина, так что голова того оказалась у гиганта где-то под подбородком, похлопал по спине. — Как это говорят у вас... Надо ковать железо, пока оно горячо... О! Я для этого прилетел!..

— Добро пожаловать в Россию, Фабьен, — ответил Макс, стараясь поскорее высвободиться из его клешней. — Как прошел полет?

С застывшими улыбками на лицах за встречей двух президентов со стороны наблюдали Лежнев, оба француза, переводчица, референты.

— Ничего, хорошо, — продолжал улыбаться гигант. — Только у меня до сих пор, как это сказать... немножечко стреляет в ушах!..

— Ну, это мы быстро поправим, — пообещал Макс. — Надеюсь, ты еще не забыл вкус русской водки?..

— Как это можно забыть?.. — у гиганта чуть затуманились глаза. — Мы ведь когда-то учились с тобой в одном институте, жили в одной, как это... общаге! Но сначала будем делать дело. Хотя бы чуть-чуть!..

— Будем, — согласился Макс. — Прошу сюда... И вас тоже, господа!..

Он широко обвел пространство в воздухе рукой, приглашая всех рассаживаться.

За столом, в центре которого стояли российский и французский флажки, Макс и темнокожий гигант по очереди подписали бумаги в раскрытых папках. Потом оба встали, обменялись экземплярами договора, улыбками и пожали друг другу руки. Присутствующие при этом тоже поднялись со своих мест. Прозвучали аплодисменты. Замигали вспышки фотокамер. На этом официальная часть была исчерпана.

Неофициальная продолжилась в банкетном зале. Обычный в таких случаях а-ля фуршет, с бутербродами и салатами на столах, с бокалами на подносах, которые держат специально приглашенные официанты. Гости постепенно разбрелись по залу, стояли группами или по двое, рассказывали что-то смешное или обсуждали какие-то проблемы. Словом, все, как обычно в таких случаях.

Макс нашел повод, чтобы отлучиться ненадолго, а появился в зале опять, ведя под руку Настю. Она была одета в довольно скромное, открытое платье, специально предназначенное для приемов. Волосы уложены в обычную прическу. Шею ее украшал аквамаринный кулон,

накануне подаренный Максом.

Макс, чтобы не смущать Настю и не ставить ее в неловкое положение, предпочел обставить свое с ней появление на публике довольно непринужденно, согласно последним веяниям моды. Он не стал Настю специально кому-либо представлять, а делал это естественным образом. Переходил с ней от одной группы гостей к другой, заводил какой-нибудь малозначительный разговор, и знакомство происходило как бы само собой.

Однако ее появление не осталось незамеченным. Женщины сразу зашептались, мужчины стали многозначительно переглядываться. Впрочем, Настю это не задевало. Она привыкла к подобного рода приемам, на которых успела побывать уже множество раз. Правда, тогда она находилась в статусе «приглашенной девушки» для «сопровождения» какой-нибудь важной персоны и не принадлежала себе. Теперь же она пришла с Максом, пусть даже не в качестве его законной супруги. Он вел себя с ней так, что публика по каким-то неуловимым признакам сразу почувствовала — для уважаемого президента фирмы она не случайная девушка, взятая им «напрокат» для мимолетной интрижки, а все у них, наверное, очень серьезно.

— Вы — настоящая русская красавица! — расточал перед Настей комплименты темнокожий гигант Фабьен, чокаясь с ней бокалом на высокой ножке. — Макс, я тебе завидую. Раньше я всегда только подозревал, что у тебя имеется отменный вкус насчет женщин. А теперь я в этом убедился!..

Подошел засвидетельствовать свое почтение Насте и Лежнев.

— Привет! — поздоровался он с ней непринужденно, как с давней знакомой. — Правду говорят, что мир становится все более тесен. Иногда настолько, что можно столкнуться с самим собой!..

Макс отметил для себя, что, отвечая на приветствие, Настя вспыхнула и быстро отвела взгляд. Он не успел удивиться, спросить, давно ли они знакомы, потому что Лежнев, продолжая улыбаться и обмениваясь с Настей несколькими дежурными фразами, взял его под руку и увел в сторону.

— Я похищаю вашего кавалера, — подмигнул Насте Лежнев. — Не скучайте, это всего лишь на минуту... — Так, значит, вот она, причина твоего загула?.. — заговорил он, когда остался с Максом один на один. — Хороша девочка, ничего не скажешь...

— Я тоже так подумал!.. — засмеялся Макс. — Кстати, не знал, что вы с ней знакомы. Какими судьбами?

— Да так, встречались случайно на одной тусовке, — уклончиво ответил Лежнев.

Макс все еще пребывал в состоянии эйфории, поэтому почти не обратил внимания на его слова, издали с удовольствием продолжая наблюдать за Настей.

— Она тебе нравится? — ревниво спросил Макс. — Ты посмотри, все так и выются вокруг нее и ею восхищаются.

— Нравится... Только зачем ты ее сюда притащил, на всеобщее обозрение?..

— Что ты имеешь в виду?.. — не понял его Макс.

— Хорошо, попробую объяснить более популярно, — кивнул Лежнев. — Когда ты платишь деньги и покупаешь какую-нибудь милую побрякушку чтобы поиграть, ты же с ней забавляешься наедине, в укромном месте, а не на глазах у всех. Иначе тебя могут не так понять, ты станешь посмешищем, на которое показывают пальцами.

— Витя, послушай, — у Макса сразу пропало хорошее настроение. — Моя личная жизнь — это моя личная жизнь. И никто не вправе совать туда нос дальше положенного предела.

Тем более в таких выражениях. Это и тебя касается.

— Да пойми же ты, Макс! Я всего лишь хочу, чтобы ты нормально работал, не отвлекаясь на пустяки, которые могут испортить твой имидж. И чтобы у нашей фирмы, в лице ее президента, и в дальнейшем оставалась добрая репутация...

— Нет, не пойму, Витя. Чем же это Настя может повредить моей репутации?

Лежнев вздохнул:

— Насчет личной жизни — ты прав. Там можешь делать все что угодно. Живи с ней, возьми ее на содержание, найми ей гувернантку, чтобы обучилась хорошим манерам и не сморкалась в занавески. Но только больше не води ее сюда. Пока обо всем знаю только я, остальные могут лишь догадываться, но это, как говорится, к делу не пришьешь. Пусть твой каприз так и останется всего лишь капризом.

— Знаешь, Витя, с твоей колокольни, может, оно так и выглядит, но хочу сказать тебе пока одному... Я ее люблю.

Лежнев посмотрел на него с сожалением, как на полоумного:

— Я не смеюсь только потому, что я человек воспитанный... Протри глаза, друже! Кто она есть?.. Обычный товар, который покупается и продается. Да видел я ее раньше в разных тусовках и всегда с разными... Кто-нибудь дает сверху — она к тому и прилипнет. А ты, как маленький, уже слюни распустил — люблю, люблю...

— Витя, так не надо!.. — Макс придвинулся к нему вплотную и крепко ухватил за лацкан пиджака. — Я не хуже тебя знаю, кто она есть. Но за такие слова морду бьют!..

— Спокойно, Макс, спокойно... — Лежнев попытался освободиться. — Только не здесь, на нас смотрят...

Макс невольно оглянулся. И отпустил его:

— Ладно, гуляй пока...

Лежнев встряхнул плечами, приводя в порядок пиджак. Поправил галстук:

— Перенял уже плебейские замашки... Хорошо, Макс, можешь мне не верить, но я тебе все докажу, как дважды два. Только чтобы потом без обиды.

Он отошел, оставив Макса в одиночестве.

Настя подошла к нему сама, сказала, как бы предупреждая его вопрос:

— Макс, давай сейчас не будем об этом... я потом тебе все расскажу.

Все эти дни, проведенные с Максом, Настя была почти счастлива. Минуты, а теперь и часы общения сделали его, ранее являвшегося ей только в мечтах, близким, любимым и очень много значащим в ее жизни. Она потихоньку занималась устройством их гнездышка, делала разные покупки и вообще была довольна своим положением «замужней женщины». Но одновременно наслаждалась почти забытыми для нее ощущениями и чувствами физической близости с любимым мужчиной. Она любила его. Ни тени сомнения не закрадывалось по отношению к нему самому и его действиям. Они договаривались, что она будет ждать его после работы в каком-нибудь маленьком уютном баре или в кафе. Он приезжал туда на машине, какое-то время они катались по вечернему городу, просто так, без видимой цели. Им было просто хорошо вдвоем. Потом подъезжали к его дому. Она ждала, пока он замкнет машину, дернет ручку и повернется к ней. Они оба знали, что будет дальше. Потому что уже делали это много раз. Теперь следовало это только вспомнить и заново повторить...

Поднимаясь по лестнице, они держались за руки. Перед тем как войти, Настя пропустила его немного вперед, чтобы он открыл перед ней дверь. Почти безмолвно они вошли в спальню и повернулись друг к другу лицом. Он потянулся к ней и поцеловал ее. Сразу же по ее телу пробежал ток, и она страстно ответила ему. Он присел на край кровати и прижал ее ноги к себе. Она легонько отстранилась, знакомым движением сняла часть одежды. Она смотрела сверху вниз на то, как он целует ее соски, гладит руками и мнет мягкую кожу. С ним Настя чувствовала себя не просто желанной, но еще и очень красивой, что нечасто случалось с ней, когда она была с другими. Осторожным движением он положил ее поперек кровати и продолжил целовать. Почти одновременно у них возникла мысль снять с себя остальное. И через несколько минут два обнаженных тела лежали рядом. Безумие, блаженство, уже становящееся для них привычным, снова завладело ими. В минуты отдыха они разговаривали и бесконечно долго смотрели глаза в глаза. Настя осторожно пальцами гладила кожу на его лице, водила по губам, по плечам. Все нравилось ей, абсолютно все ласкало взгляд и руки. Она впитывала в себя любовь, все эти слова, прикосновения, жадные поцелуи. Но счастье продолжалось недолго...

Однажды утром, Макс только что уехал на работу, а Настя еще продолжала нежиться в постели, раздался телефонный звонок. Она подумала, что это Макс забыл, наверное, что-то ей сказать перед уходом, и схватила трубку.

В мембране она услышала хорошо ей знакомый голос Рафика.

— Приезжай, — коротко бросил он, и вслед за этим раздались короткие гудки.

Настя какое-то время продолжала лежать неподвижно, с открытыми глазами. Сон кончился для нее. В один миг, с пробуждением, прошлое вновь догнало ее, стало реальностью, приобрело отчетливые, даже зловещие черты.

«Неужели это конец? — думала она, глядя в высокий потолок над собой. — Что мне делать теперь?.. Рассказать обо всем Макс, пусть он спрячет меня, увезет, уедет вместе со мной очень далеко, туда, где мы будем только вдвоем и нас никто не найдет?.. Как же, найдут! У Рафика длинные руки. Найдут, и будет еще хуже. Да и как Макс уедет? Бросит работу, свой бизнес?.. Чушь, на что мы тогда будем жить?.. Нет, не сейчас, не сразу. Надо выждать какое-то время, а там решить, как быть дальше...»

Рафик встретил ее без улыбки, но и не пустил в ход обычные свои угрозы, что несколько успокоило Настю. Он был человек неглупый, понимал, что работа проститутки быстро изматывает. Поэтому девочка иногда должна устраивать себе перерыв, как говорится, для тела и души. У него было несколько других девочек, чтобы зарабатывать на них бабки на обычном «конвейере». Кроме того, Рафик и Настя с некоторых пор отлично ладили между собой, понимали друг друга с полуслова.

У Насти имелись собственные сбережения. Часть из них она теперь и отдала Рафику — плата за все дни, которые она провела с Максом. Так она поступала и раньше, когда исчезала на несколько дней, а то и недель с богатым клиентом, бравшим ее на содержание на какое-то время. Рафика почти никогда не интересовало, кто этот клиент, откуда, лишь бы платил в срок и по установленной таксе. Так случилось и в этот раз.

— Есть работа на сегодня, — произнес Рафик будничным тоном, небрежно пересчитав деньги в конверте, который вручила ему Настя. — Клиент приедет через час, будь готова...

— А нельзя как-нибудь... в следующий раз? — выдавила она из себя.

Рафик, углубившись в какие-то расчеты на калькуляторе, лишь покачал головой:

— Нет, клиент солидный, платит щедро. Но при этом требует, чтобы и обслуживание было по высшему классу. Потому я тебя и позвал.

— А это... только на один вечер? — спросила Настя опять.

Рафик на секунду оторвался от своих расчетов, посмотрел на нее более внимательно и сказал с легким раздражением в голосе:

— Странные вопросы задаешь... Что с тобой? Заболела?

— Нет, я... мне надо вечером... я уже договорилась... — она запнулась на полуслове.

— Что такое? — взгляд Рафика сделался еще более пристальным. — Тебе не нравятся мои условия? Хочешь на улице поработать?

— Нет, ничего, — сказала она. — Просто... устала немного. Но это пройдет.

Она встряхнула головой, уже готовая ко всему, даже самому худшему.

На выходе из подъезда Настю встретил молодой высокий парень в безукоризненно сидящем на нем черном костюме с галстуком. Под пиджаком угадывались хорошо развитые плечи спортсмена, а левая половина пиджака едва заметно оттопыривалась. Парень приоткрыл перед Настей дверцу стоявшего здесь же черного цвета «Мерседеса» с тонированными стеклами и вежливо предложил ей сесть на заднее сиденье. Подождав, когда она устроится поудобней, сел рядом, справа от нее. Шофера Насте разглядеть не удалось, только его затылок. Он даже не обернулся при ее появлении, а сразу, по знаку парня, включил мотор, и машина резко рванула с места.

Они выехали на Кутузовский, миновали гостиницу «Украина», а когда слева обозначился памятник в парке Победы, парень вынул из кармана черный платок и все так же вежливо объявил, что придется завязать ей глаза.

— Так надо, — терпеливо ответил он на ее недоуменный вопрос. — Это всего лишь временная мера, вы не испытаете особых неудобств... И, на всякий случай, прилягте на сиденье... вот так.

«Совсем как в дурном детективе», — подумала Настя. Но возражать не стала, а выполнила покорно то, что от нее требовалось.

Ехали они так примерно час, не меньше. Сначала по каким-то оживленным магистралям — Настя то и дело слышала звук проносящихся мимо машин. Потом свернули на куда более спокойное шоссе, а затем, кажется, на проселок, потому что машину мягко закачало. Наконец они вновь выехали на асфальт или даже на бетон и вскоре остановились. Только здесь с глаз Насти сняли повязку.

— Прошу вас. — Парень подал ей руку при выходе из машины.

Настя ступила на землю и огляделась.

Было еще достаточно светло. Основательное, с небольшими окошками трехэтажное кирпичное здание; пустынное, насквозь просматриваемое пространство небольшого, но тщательно ухоженного парка. Высокий бетонный забор по всему периметру и никаких признаков другого человеческого жилья в ближайшей округе. При свете меркнувшего дня все это выглядело таинственно и даже немного зловеще. Насте стало не по себе, захотелось поскорее уехать отсюда, но отступить было поздно, да и некуда. Она даже приблизительно не могла себе представить, куда ее привезли, что это за место.

Не говоря больше ни слова, вежливый парень провел ее в дом. Внутри дарил полумрак, очертания предметов казались размытыми в сумрачном свете дня, проникавшем откуда-то сверху. Другие источники освещения отсутствовали. Это, однако, ничуть не мешало парню свободно ориентироваться внутри дома. Он уверенно вел Настю за собой.

Вдруг в одном из проемов с круглой аркой из темноты перед ними возникла человеческая фигура. От неожиданности Настя едва не вскрикнула.

— Не пугайтесь, это наш швейцар, — пояснил ее спутник.

Впервые за все время Настя увидела, как по его лицу проскользнула тень улыбки. Парень тем временем повернулся к встречавшему их человеку и негромко произнес:

— Передай, что мы прибыли.

Человек в проеме молча кивнул и удалился, неслышно ступая мягким звериным шагом по ковровой дорожке. Только сейчас Настя смогла убедиться, что одет он был в самую

настоящую ливрею.

— Прошу вас, сюда...

Все так же уверенно парень провел Настю еще по нескольким коридорам, освещенным мягким светом бра. Шаги их скрадывал мягкий ворс расстеленной на полу дорожки. Остановились они возле неприметной двери в конце коридора.

— Проходите... — Парень чуть приоткрыл перед ней дверь и сразу же отступил.

Настя вошла в небольшую комнату с наполовину покрытыми кафелем стенами, ширмой и умывальником. Все остальные находящиеся здесь предметы обстановки даже непосвященному говорили о том, что это хоть и небольшой, но оборудованный по последнему слову техники медицинский кабинет.

При виде Насти сидевшая за маленьким столиком у окна женщина в белом халате поднялась с места и подошла к ней. И сразу перешла к делу.

— Раздевайтесь, — приказала она, даже не поздоровавшись. — Вам предстоит пройти небольшой медосмотр...

Настины робкие возражения и объяснения того, что она совсем недавно проходила уже подробное медицинское обследование в клинике, она сразу же отмела в сторону.

— У нас здесь свои правила, — пояснила женщина, надевая на руки резиновые перчатки. — Тесты на ВИЧ, Вассермана когда сдавали в последний раз?..

Рафик дорожил репутацией своей фирмы и строго следил за тем, чтобы все его девушки раз в месяц проходили обязательный медосмотр. Для Насти это уже давно стало рутинным делом, она относилась ко всему спокойно, как к обычной повседневной гигиене. Но сейчас она вдруг почувствовала себя униженной. Настю охватило чувство брезгливости, когда женщина осматривала ее сначала в кресле, а потом лезла инструментами в полость рта, в уши и нос, обследовала волосы у нее на голове, щупала живот, придирчиво оттопыривала каждый палец на ногах, стараясь убедиться, нет ли там грибка.

Когда Настя, наконец, оделась и вышла из-за ширмы, в кабинете ее ждала уже другая женщина, одетая в строгий серый жакет и юбку. Волосы ее были скромно зачесаны назад и скреплены на затылке. Настя успела подумать, что так одеваются секретарши в кабинетах важных государственных чиновников.

— Идите за мной, — коротко приказала она Насте.

Они опять шли по коридорам, поднялись по узенькой лестнице на второй этаж. Там женщина провела ее в комнату, представлявшую собой нечто среднее между гримуборной в театре и костюмерным цехом, только совсем миниатюрным.

— Вам следует переодеться, — сказала женщина тоном, не терпящим возражений.

Она отодвинула дверцу вмонтированного в стену шкафа, где на плечиках висела, а на полках лежала самая разнообразная одежда, вплоть до нижнего белья. Женщина порылась там, выбрала нужные, на ее взгляд, вещи и положила их на диван.

— Вот это вам подойдет...

Настя подошла к разложенным на диване вещам — это было полупрозрачное кружевное белье. Стала с удивлением и одновременно с любопытством их рассматривать, трогала, мяла пальцами прозрачный, почти невесомый нейлон-полиамид.

— Зачем все это? — повернулась она к женщине. — Я привыкла пользоваться своими вещами, и потом... объясните мне все-таки, для чего нужен этот маскарад...

— Так надо, — бесцветным голосом перебила ее женщина. — Здесь вопросы обычно не задают... Снимайте с себя все и ступайте сперва в душ.

Душевая кабинка находилась здесь же, за небольшой и малоприметной дверкой. Когда Настя вышла из душа, женщина сама растерла ее тело полотенцем, намазала свои пальцы кремом с приятным ароматом и втерла его девушке в кожу.

После этого женщина заставила ее надеть прозрачную накидку-тунику, обшитую лебяжьим пухом и идущую в комплекте с крохотными трусиками. Спереди небольшой черный полупрозрачный треугольник, сзади ягодицы совсем открыты. За этим последовали красный кружевной пояс с резинками для чулок и такого же цвета чулки с бантиками. На ноги — черные туфли на невысоком каблуке.

Женщина удовлетворенно оглядела Настю и затем подвела ее к туалетному столику с зеркалом, укрепленным на стене, и настольной лампой. Здесь на полочках аккуратно были разложены баночки, тюбики, флакончики с кремами и другой косметикой. Настя сразу определила, что здесь представлена продукция самых известных и дорогих фирм. И уже не смогла удержаться, чтобы не потрогать, не понюхать самой.

Однако женщина не дала ей вволю насладиться прелестями косметики, сама принялась укладывать ей волосы, наносить макияж. Опять же соображаясь с собственным вкусом и не обращая внимания на робкие протесты Насти.

Она заставила Настю надеть парик белого цвета, слегка взъерошенный и больно сдавивший девушке голову. Глаза слегка подкрасила коричневыми тенями. Ресницы ей оставила свои, но обильно накрасила тушью, проведя небольшие стрелки. Тени наложила синие, под цвет глаз своей подопечной. На губы Насти легла алая губная помада, а на пальцы рук — такого же цвета накладные ногти.

После того как все было закончено, женщина предложила Насте посмотреть на себя в зеркало. Оно висело в дальнем углу комнаты огромный прямоугольник от пола до потолка. Настя подошла к зеркалу и сперва чуть не ахнула, а после едва сумела сдержать смех. Сначала она себя даже не узнала. На нее смотрела вульгарно накрашенная красотка, почти голая и с алой розой в искусственных волосах.

«Ну вот, теперь я настоящая шлюха», — подумала она с горечью.

— Идемте, — напомнила женщина за ее спиной. — У вас мало времени...

И опять коридор. Поворот направо. Двустворчатая дверь, ведущая неизвестно куда.

Здесь женщина остановилась, повернулась к Насте и спросила:

— Мне говорили, вы танцуете и немного делаете стриптиз?

— Вот именно, что немного, — усмехнулась Настя. — Стриптиз — не мой профиль, я этим специально никогда не занималась. А танцую я довольно прилично...

— Этого вполне достаточно, — кивнула женщина головой и продолжила свои инструкции. — Запомните, сейчас вы останетесь одна. Ничему не удивляйтесь, делайте, что велят. Не задавайте никаких вопросов, только отвечайте, если о чем-нибудь спросят вас. Но совсем коротко, не вдаваясь в подробности. Сначала, как только услышите музыку, сразу начинайте танцевать. И больше никакой самостоятельности!..

После этих инструкций женщина распахнула одну из створок и слегка подтолкнула Настю.

Внизу под ними, на первом этаже, Настиному взору открылся довольно просторный зал, погруженный в полумрак. Широкие окна были плотно задернуты шторами, так что свет снаружи сюда вовсе не проникал. Она начала медленно спускаться по ступенькам широкой лестницы с перилами, сходящей к подножию полуovalом. Когда ее глаза немного привыкли к освещению, она увидела, что в двух противоположных концах зала горели два торшера,

излучая приятный розовый свет. Из мебели ей удалось рассмотреть диван, два массивных кресла рядом с журнальным столиком и несколько кадок с пальмами, выглядевшими в этом интерьере довольно нелепо. Пол был устлан коврами. В дальнем углу зала имелась еще одна лестница, почти неприметная — винтовая. Кроме Насти в зале больше никого не было, и она, едва сойдя с верхней ступеньки, остановилась, чувствуя себя здесь не совсем уверенно и не зная, что ей делать дальше.

Тут из невидимых глазу динамиков полилась музыка — «Пинк Флойд». И вместе с мелодией на потолке в причудливой гамме замечались разноцветные пятна света. Все вокруг сразу преобразилось, стало таинственным, почти нереальным.

— Начинайте же! — услышала Настя голос женщины откуда-то сверху. — И помните, что бы здесь ни происходило, ваше дело — танцевать...

Настя вышла в центр зала, принялась ритмично двигаться в медленном танце. Одна мелодия без перерыва сменяла другую, музыка обволакивала, и Настя постепенно вошла во вкус. Пятна света на потолке тоже постоянно менялись, смешивались друг с другом, придавая телу девушки самые немыслимые оттенки.

На журнальном столике, рядом с коробкой с сигарами, бутылкой виски и двумя стаканами, она увидела свечу. Несмотря на строгий запрет заниматься самодеятельностью, Насте вдруг непреодолимо захотелось полюбоваться сиянием живого огня. На столике она обнаружила зажигалку, зажгла свечу и поставила ее между стаканами и бутылкой, любуясь произведенными световыми эффектами. Затем подошла к винтовой лестнице, плавно провела рукой по металлическому стержню, на котором крепились ступеньки, согнула ноги и медленно, как будто стекая, опустилась на пол. Так обычно делали танцовщицы в стриптиз-барах, выступая возле шеста. Настя видела эту программу много раз, а сейчас вспомнила и стала невольно подражать, привнося при этом в движения собственные фантазии.

Сидя на корточках, она своими тонкими пальцами обхватила колени и медленно провела руками до талии. Туника под пальцами сложилась складками и поползла вверх, еще больше обнажая ноги в красных чулках. Потом ее руки, скрещенные в локтях, плавно задвигались по ее талии, поднимались все выше и выше над головой, там плавно сплетались и вновь расходились.

Прикрыв глаза и медленно привставая, она покачивала бедрами из стороны в сторону и одновременно перемещалась к центру зала. Полы туники, закрепленные ленточкой у самого ее горла, то и дело невесомо распахивались, разлетались, обнажая грудь. Руки ее скользили по груди, по бедрам и животу и опять плавно взмывали вверх. Настя, казалось, уже не помнила, как сюда попала и зачем, и самозабвенно отдалась музыке.

Внезапно она не столько увидела, сколько почувствовала, что в зале кроме нее еще кто-то есть. Настя открыла глаза и в полумраке различила мужчину, сидящего в кресле метрах в пяти от нее, рядом с журнальным столиком, на котором продолжала гореть свеча. Он сидел неподвижно и молча на нее смотрел. Это было так неожиданно, что в первый момент Настя замерла, продолжая стоять с поднятыми вверх руками.

Пауза длилась недолго. Мужчина в кресле пошевелился, взял из коробки сигару, понюхал, поднес ко рту, сплюнул ее кончик на пол и прикурил прямо от свечи. Это послужило для Насти сигналом. Ее танец продолжался, она вновь плавно задвигалась в такт музыке. Руки заскользили по телу, поглаживая его, рот чуть приоткрылся. Одновременно, кося глазом, она попыталась лучше рассмотреть таинственного незнакомца в кресле, для

чего, не прекращая двигаться, немного приблизилась к нему.

Ей показалось, что он только что явился сюда с какого-то важного приема. В дорогом черном костюме, с торчащими из рукавов манжетами, на которых поблескивали запонки, при галстуке, с дымящейся сигарой во рту и стаканом в руке. Лицо его Насте не удалось рассмотреть, оно по-прежнему было скрыто в полумраке. Только черные волосы, гладко уложенные и зачесанные назад, чуть отсвечивали на фоне стены. Мужчина сидел совершенно неподвижно и неотрывно смотрел на нее.

Парик мешал ей, то и дело во время танца сползая на глаза. И Настя решилась на дерзкий, почти отчаянный поступок — сорвала с головы парик и отбросила его в сторону, к ногам сидящего в кресле мужчины. Рука его при этом чуть вздрогнула, он быстро поднес к губам стакан и сделал из него большой глоток.

А Настя танцевала. Движения ее сделались еще более грациозными, мягкими, сексуальными. Вырвавшись из плена, волнистые темные волосы теперь свободно упали на плечи. Она повернулась к зрителю спиной, немного наклонилась и прогнула спину, затем ее руки медленно поползли вниз по ногам, она же в это время медленно приседала. Добравшись до коленей, руки ее опять заскользили вверх. Сидя на корточках спиной к нему, она раздвинула ноги. Потом вдруг резко перевернулась на живот, лицом к клиенту, прогнула спину и, уже не таясь, посмотрела прямо на мужчину.

Клиент оставался неподвижен в своем кресле, лишь вновь коротко отхлебнул из стакана. Тогда она растрепала свои волосы, облизала губы язычком. Затем медленно поднялась и двинулась прочь от него, к центру зала. Она шла, вульгарно покачивая бедрами, а руками гладила грудь. Сейчас это уже был танец похоти и страсти.

Она почувствовала, как за ее спиной мужчина выбрался из кресла и подошел к ней сзади. Она вся напряглась, подумала, что сейчас он начнет ее трогать или раздевать, как это уже не раз бывало в подобных случаях. Но мужчина, так и не прикоснувшись к Насте, лишь несколько раз обошел вокруг нее, бесцеремонно разглядывая ее ноги и грудь, даже втянул носом исходящий от нее парфюмерный аромат. А Настя в свою очередь теперь сумела вблизи хорошо рассмотреть его лицо. Оно ей показалось на удивление знакомым. Тут Настя вспомнила, что видела его много раз в телевизионных новостях, по разным программам и каналам. На совещаниях, во время деловых встреч, правительственных приемов или интервью, которые часто раздавал этот респектабельный и влиятельный господин. И даже на встрече с заметно уже стареющим президентом. Теперь она его узнала...

Тем временем мужчина вернулся к столику. Поставил на него стакан, опустил в массивную пепельницу дымившуюся еще сигару. И вновь подошел к Насте. Он еще раз внимательно осмотрел ее всю, с головы до ног. Придвинувшись к ней вплотную, взял ее за руки, завел их ей за спину и там соединил, держа оба ее запястья в своей правой руке. А левой высвободил из-под туники ее грудь, стал мять, сильно сжимая соски, просовывая толстые волосатые пальцы все дальше и дальше.

Потом все произошло очень быстро и без единого слова. Мужчина повалил ее на диван, раздвинул ей рот для поцелуя своим языком и тут же грубо вошел в нее со всего маху. Он придавил Настю своей массой, так что ей сразу стало трудно дышать. Казалось, он хотел вдавить ее в диван, при этом даже не потрудился снять с себя пиджак, лишь немного приспустил брюки. Булавка его галстука больно царапала ей щеку, но Настя не то чтобы отвести ее от себя рукой, вообще пошевелиться не могла и только молила, чтобы это поскорей закончилось. Перед глазами у нее все плыло. Ноги немели, и она их уже не

чувствовала. Ей казалось, еще немного и она потеряет сознание или задохнется. Так продолжалось минут десять, которые показались Насте вечностью. Мужчина вдруг коротко застонал на ней и почти сразу обмяк. Он задом сполз с дивана, встал на ноги, подтянул брюки и застегнул молнию. Одернул пиджак. Поправил галстук. При этом он даже не взглянул в сторону Насти, так и не сказал ей ни слова, как будто ее вовсе здесь не существовало. Он словно только что посетил туалет, закончил там свои дела и быстрым, уверенным шагом направился к боковой двери, готовый к новым важным свершениям.

В зале по-прежнему звучала тихая музыка, Настя оставалась неподвижно лежать на диване. Она почувствовала облегчение и такую слабость, словно пробежала несколько километров. Невозможно было даже думать о том, что ей теперь делать. Кажется, она даже задремала. Музыка вдруг смолкла, блики под потолком погасли. В чувство ее привел голос женщины, которая неслышно спустилась со второго этажа. Насте было велено сдать полученные вещи, привести себя в порядок и покинуть дом.

Она торопливо помылась под душем, с остервенением терла лицо, смывая с себя оставшиеся следы косметики. Потом нашла в комнате свою одежду, переделалась и опять спустилась вниз. Там Настю ждал вежливый парень, который привез ее сюда.

— Сейчас вас отвезут в город, — сказал он. — Ни о чем не беспокойтесь, но помните, что об этом визите никому ни слова. Никаких подробностей, даже вашему Рафику. И будьте готовы приехать сюда опять в следующий четверг. А вот это вам...

Парень вручил Насте два объемистых пакета и конверт с деньгами.

В этот раз в машине она была только с шофером, и глаза ей больше никто не завязывал. Впрочем, Настя и так не могла толком сообразить, в каком месте она побывала, по каким дорогам они ехали. Время приближалось к полуночи, за окнами машины было уже совсем темно. Немного придя в себя, она не удержалась и исследовала содержимое пакетов. В одном из них она обнаружила дорогой набор французской косметики. Во втором — не менее дорогие комплекты фирменного белья от «Victoria's Secret».

В другое время Настя чувствовала бы себя на вершине блаженства от таких восхитительных, свалившихся на нее даров. Но сейчас ей хотелось зашвырнуть их куда подальше, лишь бы поскорее забыть о том, что ей сегодня пришлось испытать. И только сейчас она вспомнила, что дома ее ждет Макс.

Густая краска стыда залила ее пылавшие щеки и шею.

В тот вечер Макс Калугин допоздна засиделся в своем кабинете. Сотрудники фирмы уже давно разошлись, но он ждал очень важного звонка из-за границы, и это мешало ему уехать домой. Макс отпустил секретаршу и в свою очередь сделал несколько звонков. В том числе уже в который раз набрал номер своего домашнего телефона. Но ему опять никто не ответил. Макс с досадой бросил трубку на аппарат и задумчиво посмотрел на стол перед собой, где в вазе стоял огромный букет красных роз.

Розы конечно же были приготовлены для Насти. В тех случаях, когда он вот так же задерживался на работе и они не встречались с Настей в городе где-нибудь в заранее условленном месте, она обычно сидела дома, в его квартире, занимаясь какими-то своими женскими делами. А Макс всегда привозил ей цветы.

Сегодня Насти дома не было. Во всяком случае, телефон в квартире не отвечал, и это начинало его немного тревожить. Конечно, у Насти могли быть в городе свои дела. Пробежаться по магазинам, посетить косметический салон, неожиданная встреча с подругой, да мало ли что еще могло задержать женщину в городе летним вечером. В конце концов, она могла просто позволить себе побыть в одиночестве, посидеть где-нибудь в кафе, выпить кофе или аперитив, послушать музыку или просто прогуляться по улицам.

Макс посмотрел на часы. Четверть часа до полуночи, не самое удачное время для прогулок в одиночестве. Он уже давно собирался купить для Насти сотовый телефон, чтобы между ними была постоянная связь, но все откладывал или забывал, погруженный в лавину своих забот. Но завтра он это сделает непременно. Макс открыл еженедельник, внес туда пару строк и обвел их жирной чертой.

Он всегда начинал скучать по Насте, когда оставался один. Днем его отвлекали всякие текущие дела, поездки, деловые встречи, совещания, а вот такими вечерами, в одиночестве, не мог думать ни о чем другом, только о ней. Так сразу, легко и просто завязались их отношения. С той первой встречи в загородном коттедже и нескольких бурно проведенных дней наедине они еще ни разу надолго не расставались. Это продолжалось уже три недели, и Макс чувствовал, что их отношения укрепляются с каждым днем. Он думал об этом с замиранием сердца, боясь сплести. Да, они очень скоро сблизились, но ведь это почти ничего не значило в наше время мимолетных связей и легких разрывов. Такое случалось с ним уже не раз, с другими женщинами. Вот и с Юлей ему пришлось расстаться. Макс уже почти забыл о ней. Лишь в глубине души он признавал, что обошелся с этой женщиной, бывшей с ним рядом почти два года, не совсем по-джентльменски. Просто ушел в порыве раздражения, так толком ничего и не объяснив. Надо было найти какой-нибудь способ уладить это дело, но какой?.. Витьку, что ли, к ней подослать? Витька Лежнев когда-то их познакомил... Хотя тоже идея не из лучших. Со стороны это могло выглядеть так, что Макс оказался трусом. Вот черт! Надо бы ей позвонить и попробовать объясниться хотя бы по телефону...

Дверь в приемную была приоткрыта, и там Максусу вдруг послышались шаги. Он только успел подумать, удивиться, кто бы это мог быть в столь поздний час, как дверь распахнулась и в кабинет легкой походкой впорхнула Юля.

«Легка на помине! — невольно подумал Макс. — Так, чего доброго, поверишь в сверхъестественные силы!»

На лице у Макса появилось недовольное выражение. Этот неожиданный визит был сейчас для него совсем некстати.

— Привет, Макс! — сказала Юля как ни в чем не бывало. — Ты в своем репертуаре, полуночишаешь на рабочем месте... А я вот проезжала мимо и решила — дай-ка загляну, узнаю, как он там.

— Хотел к тебе заехать, да вот никак не соберусь. — Макс сделал вид, что раскладывает бумаги на столе. — Днем отвлекают, приходится задерживаться до ночи...

— И что же это тебя отвлекает в последнее время?.. Или это не что, а кто? Можно полюбопытствовать чисто по-женски?..

Она подошла к нему совсем близко. Остановилась, подставив по давней привычке щеку для поцелуя. Но Макс остался неподвижен.

— Ах да, совсем забыла, ты же ведь еще на работе... — Юля, небрежно помахивая сумочкой, прошла мимо него в глубь кабинета.

Невольно бросила взгляд на вазу с розами. Не удержалась, понюхала:

— Какие розы!.. Господи, а запах!.. Макс, тебя всегда отличала фантастическая способность уметь выбрать цветы. Но интуиция мне подсказывает, что эти розы сейчас предназначены не мне, а совсем другой женщине. Я угадала?

Макс, уже полностью овладевший собой, ответил холодно:

— Интуиция тебя не обманывает... А вот скажи мне, пожалуйста... с какой стати ты сюда врываешься в позднее время, да еще без предупреждения и даже без стука?

— Теперь это называется — врываюсь... — с горькой иронией сказала Юля. — Кажется, ты сам мне это когда-то разрешил... «Юлечка, звони или приходи в любое время!.. Я без тебя так скучаю»!.. — передразнила она Макса.

— Правда? Не помню... Но впредь больше так не делай. Все же мы должны соблюдать приличия. Даже если это происходит без свидетелей.

— Как скажешь... Хотя свидетели всегда найдутся, когда о них даже совсем не подозреваешь. Поэтому впредь я стану соблюдать приличия...

— Ты это к чему? — насторожился Макс.

— К тому, что ты абсолютно прав. Всегда надо соблюдать осторожность. И не только в делах, но и в личной жизни... Вот я на какое-то время потеряла бдительность, а жизнь меня за это наказывает.

Она села в кресло, закинула ногу на ногу, высоко подняв при этом юбку. Достала из сумочки пачку сигарет, зажигалку и закурила.

— Надеюсь, ты не против? Раньше мне позволялась эта маленькая слабость...

— Кури. — Макс отошел от стола и включил кондиционер. — У тебя есть ко мне дело?

— А что, просто так нельзя, без дела?

— Но ты здесь явно не просто так, если решилась приехать в полночь. Видать, очень срочное. Говори, я тебя внимательно слушаю.

— Ты же торопишься, и я это чувствую...

Она пускала дым над собой, внимательно наблюдая, как Макс обходит кабинет, тщательно закрывая на ключ ящики стола. Покончив с этим, он подошел к ней. Но не сел в кресло, стоящее напротив, а лишь оперся о стол, скрестив руки на груди:

— Раз ты уже здесь, кончай ломаться. Мы ведь друзья.

— Правда? Это радует... Хотя еще совсем недавно нас объединяло нечто большее.

— Ты явилась сюда, чтобы мне напомнить о наших отношениях?.. Послушай, Юля, я как

раз только недавно думал о наших с тобой отношениях, нам надо объясниться...

— Макс, перестань!.. Все уже давно сказано... Неужели ты себе вообразил, что я приехала уговаривать тебя вернуться?.. Господи!

— Тогда зачем?

— Просто настроение такое... Захотелось тебя увидеть...

— А что на меня смотреть? Я прежний, с ушами и себе на уме... Ну, увидела, убедилась, что теперь?

— Не очень-то любезно с твоей стороны так разговаривать с дамой!

Макс поморщился:

— Юля, я устал... День какой-то выдался суматошный... Наверное, потому я очень плохо выгляжу и начинаю пороть всякую чушь. Извини...

— Нет, Макс, выглядишь ты счастливым. Давно я тебя таким не наблюдала.

— Ты тоже в своем стиле. Энергичная походка, одета с иголочки, глаза излучают блеск, боевая раскраска на лице... Такое впечатление, что нашла нового поклонника или только ступила на военную тропу. Я угадал?..

— Все может быть... Неужели тебе это до сих пор интересно?

— Ну, в некотором роде ты мне не безразлична...

— Хм, «в некотором роде»... — передразнила она.

Юля помолчала, посмотрела сначала на Макса, а потом на сизые колечки дыма, уплывающие вверх от ее сигареты. Она как бы решалась — говорить или не говорить. Решила начать издалека:

— Просто мне... поступило очень лестное предложение от одного очень солидного мужчины...

— Ну и?

— А я вот все думаю, принять его или не принять...

— Выходит, я угадал насчет поклонника... или любовника, как тебе удобней. Не спрашиваю, кто он, но советую тебе — соглашайся.

— Правда? А ты и обрадовался, что теперь ты окончательно свободен и твоя совесть передо мной чиста!..

Она засмеялась, но как-то вымученно, покачала головой:

— Боже, как все-таки примитивно мыслят все мужики!.. Нет, Макс, вынуждена тебя огорчить. Женщина заводит себе любовника, когда она сама к этому подсознательно готова, а не тогда, когда он появляется на ее горизонте. Дело совсем в другом...

— Не говори загадками, лучше излей душу. Что это за предложение и кто он, этот таинственный незнакомец?

— Мы сейчас не в церкви, Макс, а ты не исповедник, чтобы перед тобой душу облегчать... я уж как-нибудь сама...

— Ну, дело твое, тут я не навязываюсь...

Макс подошел к столу, открыл кейс, начал укладывать туда документы. Какое-то время она смотрела на него, потом погасила в пепельнице еще не докуренную сигарету. После поднялась с кресла и подошла к нему. Сначала положила руки ему на плечи, затем прижалась всем телом, закрыла глаза.

— Поцелуй меня... — едва слышно прошептала она.

Их лица и губы на какое-то мгновение оказались совсем близко.

— Послушай, Юля... — он мягко отстранил ее от себя. — Зачем ты себя унижаешь? Мы

ведь уже сказали друг другу положенные в таких случаях слова. Зачем опять выяснять отношения? Зачем ходить по кругу, когда и так ясно, что придем в ту же точку?

Она опустила руки. Медленно обошла вокруг стола, провела пальцем по поверхности. Остановилась, понюхала розы. Опять к нему повернулась и спросила:

— Тебе с ней хорошо?

— Да. И я ее люблю.

— Понятно... И тебе как кажется, это надолго?

— Мне не кажется, я почему-то уверен, что у нас с ней есть будущее...

— А в ней ты тоже полностью уверен, как в себе?

— Конечно, — сказал он. — Иначе бы ее со мной не было.

Юля помолчала. Еще подумала. Зачем-то раскрыла сумочку. Макс показалось, что на глазах у нее выступили слезы и она хочет достать носовой платок.

Но когда она опять подняла на него глаза, они были серьезные и совсем сухие. В них светилась решимость.

— Макс, ты знаешь, я по специальности дипломированный педагог, — сказала она. — Может быть, поэтому меня так и тянет поставить «неуд» мальчику, который очень плохо себя ведет и никак не хочет исправляться. А маленькие шалости иногда приводят к большим неприятностям.

— Ты хочешь сказать, что нашла этого мальчика здесь?

— К большому сожалению, да... Но он меня не слушается.

Она замолчала, только продолжала на него смотреть. Тогда Макс подошел к ней, схватил за плечи, с силой встряхнул:

— Ты не просто так сюда пришла, да?.. Я ведь чувствую, кто-то тебя подослал. Говори, кто? Может быть, Виктор?..

Она отстранилась:

— Пусти!.. Ты опять делаешь мне больно...

— Тогда говори! — продолжал настаивать Макс. — Но только учти, я все равно сделаю по-своему. Для меня это сейчас вопрос всей дальнейшей жизни.

— Хорошо, Макс, — Юля опустила сумочку, поправила прическу. — Мне важно было от тебя самого это услышать. Ты действительно стал уже взрослым мальчиком, и не мне тебя переучивать. Прощай...

Она повернулась и направилась к выходу из кабинета.

— Юля... — позвал он.

Она задержалась, оглянулась на него.

— Ты только за этим сюда приходила?

— Не только.

— А зачем еще?

— Я ведь сказала уже в самом начале — на тебя посмотреть...

Дверь за ней захлопнулась. А Макс остался стоять в задумчивости посреди кабинета.

Виктор Лежнев ждал Юлю за углом, в темном переулке, сидя в своей машине.

— Что так долго? — покосился он на Юлю, когда она опустилась в кресло рядом с ним. — Пришлось выдержать сцену у фонтана? Он рвал на себе волосы? Клялся, что не сможет такое пережить?.. Жаль, что я сам не смог при этом присутствовать. Не томи!..

— Дай мне прикурить, — Юля открыла сумочку. — Зажигалку в кабинете забыла...

Лежнев чиркнул зажигалкой. И только сейчас, в свете вспыхнувшего на мгновение огонька, увидел, что вместе с сигаретами она достала из сумочки желтый конверт.

— Это что? — Он уставился на конверт. — Неужели отказался взять себе на память?

— Витя, я не смогла... — сказала Юля, глубоко затягиваясь.

— Что? Что ты не смогла?..

— Я ему не показала... Это было выше моих сил...

Лежнев молча уставился на нее, как бы еще не веря. А Юля курила и смотрела перед собой в темное стекло, все еще находясь под впечатлением от встречи с Максом.

— Дура, — пробормотал он после некоторого молчания и добавил уже более резким голосом: — Сентиментальная дура!.. Я так и знал, что этим кончится, у меня заранее было такое предчувствие... Черт вас, баб, разберет!.. То бьетесь в истерике, на весь мир вопите, как ненавидите кинувшего вас мужика и хотите ему отомстить. А как до дела, так сю-сю, ля-ля, жалости полные штаны! Правильно говорят, положиться на бабу нельзя ни в чем. Ну, давай сюда...

Лежнев протянул руку, взял лежащий у нее на коленях конверт. Из него выскользнули и упали на пол кабины несколько фотографий, а вместе с ними еще один конверт, только гораздо меньше первого.

— Н-да... — промолвил Лежнев, поднимая фотографии и рассматривая их при тусклом свете уличных фонарей. — Я ее мало знаю, только шапочное знакомство. Но меня всегда удивляло, отчего на эту Настю так западали именно солидные мужики. А как увидел вот это, понял, чего им на самом деле не хватает в жизни... Ты хоть сама успела их посмотреть? Тут есть чему поучиться...

— Какая мерзость! Убери! — брезгливо отодвинулась Юля. — Витя, как ты мог на такое решиться? Ведь Макс твой ближайший друг...

— В первую очередь он мой партнер по бизнесу, — спокойно парировал Лежнев. — Я вложил в это дело свои сбережения. Я отвечаю за репутацию и безопасность фирмы. За сутенером этой барышни тянется криминальный след. Сам по себе он, конечно, пешка, но черт его знает, какие силы за ним стоят. Тут все возможно, от шантажа до прямого наезда и вымогательства... А это еще что? — Он поднял с полу конверт.

— Деньги...

— А, ну да, — вспомнил Лежнев, пряча конверт в карман. — Выходит, ты еще и дважды дура, что от такого гонорара отказалась ради каких-то чувств. А ему на эти твои чувства плевать с высокой колокольни. Вот увидишь, он еще над тобой посмеется...

— Витя, я лучше пойду... — Юля взялась за ручку двери.

— Сиди уж. Поздно, я тебя до дому подброшу, — удержал ее Лежнев.

Юля покорно откинулась на спинку сиденья. Он включил зажигание и завел мотор. Машина медленно выбралась из мрачного ущелья переулка и покатила по хорошо

освещенному проспекту. Когда они проезжали мимо офиса, Лежнев опустил боковое стекло, высунул голову и посмотрел на окна здания.

В кабинете Макса по-прежнему горел свет.

Макс все же дождался звонка и побеседовал с зарубежным партнером сразу после ухода Юли. От разговора с ней у него остался неприятный осадок. Уже на выходе он хотел было снова позвонить домой, но что-то его удержало. Пусть он пока не знает, вернулась уже Настя или нет. Зато как приятно будет увидеть ее в квартире.

Дома он застал Настю лежащей в постели. Она казалось уставшей и совсем разбитой. Наклонился, чтобы поцеловать ее, но она отвернулась:

— Не надо, Макс, я, кажется, заболела...

— Что с тобой?

— Не знаю... Но ты извини, мне очень плохо.

Макс потрогал ее лоб и тут же отдернул руку:

— Да у тебя жар!.. Ты вся горишь. Простудилась? Съела чего-нибудь в городе?.. И где ты была сегодня так долго?.. Видно, я не зря волновался...

— Завтра, Макс... мне действительно очень плохо...

Утром Насте стало значительно лучше, и он не стал вызывать врача. Макс несколько раз звонил ей из офиса или из машины в течение дня. Настя отвечала ему ровным голосом, и он, кажется, совсем успокоился. Настя сама настояла, чтобы они встретились вечером в городе и посидели где-нибудь в кафе. Свое вчерашнее состояние она, немного при этом смущаясь, объяснила тем, что, дескать, у женщин такое случается и ему не следует вдаваться в подробности. Выглядела она совсем здоровой и даже чуть посвежевшей. Макс был рад этому и потому не настаивал. Таким образом, как бы сама собой оказалась закрытой и тема о том, где она провела прошлый вечер.

Они продолжали жить вместе, по-настоящему, как муж и жена. Макс очень ее любил. По-настоящему готовить она не умела, разве что на скорую руку сварить сосиски или поджарить картошку, но как при этом старалась! Это осталось у нее еще от прежнего, совсем недолгого опыта семейной жизни с аспирантом Валерием, вполне удовлетворявшимся тогда скудным студенческим рационом. Поэтому при каждом удобном случае Макс деликатно уговаривал ее поехать с ним в ресторан. Настя хлопотала по хозяйству, убирала квартиру, ходила на ближайший к их дому рынок и в магазины. Этим, казалось, и замыкался ее круг новых знакомств и посещений.

Она вставала раньше него и пила на кухне кофе, не включая свет. Потом она будила его, стянув с себя халат. Он понимал, что пора вставать, когда она уже ровно дышала, отходя от страсти. Макс носил ее на руках по всей квартире. Он обожал эти утренние пробуждения. И не замечал кругов под ее глазами, когда она возвращалась домой гораздо позже него.

Макс грезил ею наяву. Он думал о ней целыми днями, иногда при этом попадая в неловкое положение во время какого-нибудь совещания. Когда у него выдавалось свободное время, а ей не хотелось по разным причинам вылезать из дому, он готовил ей мясо с приправами. Ему нравилось, что она бросила курить. Нравилось, что ее душистое розовое полотенце висит в ванной. Нравилось, что она любит ходить по квартире в его вещах. Ему все нравилось в ней, и это чувство не проходило со временем, а только крепло...

Она сказала ему, что хочет найти работу. Это не каприз, ведь она еще совсем молодая и у нее должна быть какая-то своя жизнь. Его помощь она отвергла сразу и решительно.

Сказала, что сама в состоянии найти для себя работу и не потерпит над собой опеки. Макс не стал возражать, полагая, что она права, и дал ей полную свободу в поисках. Порой ее опять не бывало дома допоздна, раза два или три она и вовсе исчезала до утра. Но всегда звонила ему по сотовому телефону. Причина была одна и та же: встретились со старыми подругами, уехали за город на девичник с пивом и шашлыками. Он может проверить, может позвонить, и она готова ответить ему в любую секунду. Но ему ни разу не приходило в голову звонить и проверять, правду ли она говорила.

Вскоре она объявила, что устроилась на работу. Гидом в экскурсионное бюро. Работа по договору, поэтому не каждый день, но зато очень интересно. Таким образом, она может лучше узнать историю Москвы, увидеть все достопримечательности столицы и встречаться с очень интересными людьми. По ее словам, в основном это были иностранцы — Настя к тому времени уже довольно неплохо владела английским. Потому и зарплата у нее неплохая, а сверх того ей часто преподносили всевозможные подарки. Шкаф в Настиной комнате буквально от них ломился.

Она не просила у него денег, для себя все покупала сама. Потрясающе одевалась. Но однажды она не пришла его будить. И не звонила ему с утра прошлого дня, когда сказала, что вечером, возможно, опять задержится. Он не проспал, но долго лежал в кровати, зная, что опаздывает. Ждал ее. Потом не выдержал, набрал номер ее сотового. Механический женский голос ответил ему, что абонент отключен или сейчас не доступен. Огромный город разделил их так же внезапно, как и познакомил.

Она позвонила ему лишь под вечер, сказала, что уже дома и при встрече все объяснит. И тогда он, весь день страдавший от ревности, намеренно задержался на работе, явился поздно, совершенно разбитый. Она ждала его, улыбалась, сидя, как всегда, на кухне, и пила кофе. Уже без косметики, в шортиках и его рубашке навыпуск, с закатанными рукавами. Что-то лепетала про сломавшуюся за городом машину и севший аккумулятор в сотовой трубке. Он наклонился, чтобы ее поцеловать, и тогда увидел синяк у нее на шее. Он все понял, сорвал с нее рубашку. Тело ее было покрыто синяками и кровоподтеками.

Она плакала, прикрывалась руками.

— Кто? бесцветным голосом спросил он.

Тогда она ему рассказала. Конечно, не до конца все подробности, а в основном про Рафика, который по-прежнему заставлял ее работать на него, обслуживать выгодных ему клиентов. А когда она в который раз попросила ее отпустить, совала ему деньги, Рафик потерял терпение и принялся ее избивать. После Настиного рассказа Макс долго молчал, неподвижно сидя на стуле и глядя в пол.

Настя вытерла слезы, подошла и поцеловала его.

— Извини, Макс... Теперь ты знаешь все. Я шлюха и шлюхой останусь до конца своих дней. Я люблю тебя, но не хочу портить тебе жизнь. Поэтому нам лучше расстаться прямо сейчас. Не надо меня уговаривать. Мне только надо собраться. Я быстро. Закроешь глаза, сосчитаешь до десяти — и меня не будет...

Макс ничего не ответил. Остался сидеть, по-прежнему тупо глядя в пол.

Настя прошла в свою комнату, почти не глядя побросала в сумку вещи, самое необходимое. Проскользнула в ванную, умылась и кое-как привела в порядок волосы. Потом вернулась на кухню и положила перед ним ключ.

— А вот теперь можешь считать до десяти, — сказала она.

Макс, будто очнувшись, схватил ее за руку.

— Послушай, — быстро заговорил он. — Я все знаю о твоём прошлом, оно меня не шокировало и ничуть не меняло моё к тебе отношение, скорее наоборот... Очень плохо, что ты мне сразу ничего не сказала об этом... Рафике. Я бы сразу поставил его на место, сделал так, чтобы он даже имя твоё боялся произносить вслух. Но коли уж с тобой такое произошло, я сделаю это сейчас!..

— Макс! — взмолилась она. — Ты даже не представляешь, с кем имеешь дело... Если бы только один Рафик... У него «крыша», а там бандиты. И такие деньги, что ради них они готовы на все. Ты ведь смотришь телевизор, видишь в хронике, что почти ежедневно кого-нибудь убивают или человек вообще исчезает без следа... Макс, ты можешь в одночасье лишиться всего, что у тебя есть, даже жизни. Это страшные люди, они не отступятся, если им встать поперек дороги. Мне доводилось с ними встречаться...

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — удивился Макс. — Ты что же, считаешь меня совсем наивным, только что вылупившимся из скорлупы?.. Думаешь, когда я начинал свой бизнес, ко мне не подкатывались с предложением взять мою фирму под охрану? О, ещё как! Иногда отголоски тех дней настигают меня до сих пор. Но только лишь настигают и сразу отскакивают, как горох от стены. Кто он такой, этот Рафик?.. Да стоит мне сделать всего один звонок, как его не станет. И не в переносном смысле, а в самом что ни на есть натуральном... Но это уже не просто криминал, а мокруха и годится только на самый крайний случай. Есть масса других хороших способов загнать его в стойло, чтобы он там сидел и не отсвечивал.

— Что ты собираешься делать, Макс? — спросила Настя с тревогой.

Он притянул её к себе, усадил на колени, погладил волосы и нежно поцеловал так, как ей всегда нравилось, — в маленькую родинку за ушком.

— Пусть это теперь тебя не волнует, — прошептал он ей в то же ухо. — Я попрошу, чтобы ему сделали предложение, от которого он будет не в силах отказаться.

— Ох, Макс, я боюсь за тебя,

— Девочка моя, пока ты со мной, ничего не бойся. И только запомни, раз и навсегда. Я тебя больше никому не отдам!..

В эту пятницу Рафик приятно проводил время на одной из подпольных квартир в обществе своих девушек и их клиентов. Веселье было в самом разгаре, когда раздался звонок в дверь. К этому часу ждали прихода еще одного богатенького «пиджака», поэтому звонившему открыли беспрепятственно. Но вместо ожидаемого клиента в квартиру ворвалась бригада милиционеров в масках и камуфляже.

Как водится в таких случаях, всех находящихся в квартире выстроили по стенам, отобрали паспорта и другие документы и начали составлять протокол. Бегло просмотрев паспорта задержанных, главный со звездами капитан на погонах засунул к себе в карман ксиву с фотографией Рафика и отвел его в другую комнату.

Там между ними состоялась такая беседа:

— Значит, девочками торгуете, гражданин... Сафаров?

— Никак нет, начальник. Просто собрались с друзьями немного отдохнуть, а девочек пригласили прямо с улицы. Они сами согласились.

— Ну да?

— Честное слово, начальник! Чтоб мне век мамы не видать, если пену гоню!..

— Маму свою ты и так не скоро увидишь... Заметем тебя по двести сорок первой — «организация или содержание притонов для занятий проституцией». Сам, наверное, знаешь, какой по ней тебе срок светит.

— Хе! На понт меня берешь, начальник!.. — оскалил Рафик недавно вставленные золотые зубы. — А где доказательства? Я тут, на этой квартире, случайно. Сами видите, в паспорте у меня прописка, свой бизнес имею, честным трудом себе хлеб зарабатываю да еще налоги плачу... А за то, что с девочками хотел повеселиться, какой здесь криминал? Правда, у меня строгая теща, не любит, когда ее зять налево ходит. Но мы с ней в нашей большой семье сами как-нибудь разберемся, если штраф пришлете.

И Рафик вальяжно развалился на стуле.

Капитан какое-то время смотрел на него, не мигая, тяжелым взглядом.

— Доказательства, говоришь? — Он вдруг наклонился к Рафику, схватил его за грудки и громко прошипел ему прямо в лицо: — Ты что ж, сукин кот, с прошлого месяца ничего нам в казну не отгружаешь? Порядки забыл? Так мы пришли их тебе напомнить!..

— Так бы сразу и сказали, — Рафик посерьезнел. — А то врываетесь средь бела дня, «маски-шоу» тут устраиваете. Что соседи подумают? Да и клиентов так можно в два счета распугать. Столько шуму по пустякам...

— Ты это называешь пустяками? Тебе уже наша крыша надоела?

— Да я не о том... Я ж вашему кенту только на днях говорил, чтобы отсрочку дал на пару недель. Машину меняю, сейчас пока на мели.

— Ну?

— Ну, ударили по рукам. Свои ведь, который год вам плачу, и без претензий...

— Свои на зоне по спине ползают, — остро глянул на него капитан. — Говори конкретно, кто приходил, с кем у тебя был базар об отсрочке?

— Ну, этот, который обычно от вас приходит, в штатском... Виктор Иванович.

— Бабенко?

— Он самый!.. А в чем проблема? Или нестыковка вышла? Вы ведь тоже будете из этой

ментовки... — Рафик назвал номер районного отделения милиции.

Но тут он опять встретился взглядом с капитаном и сразу осекся.

— Ну вот, парень, ты влип по уши! — улыбнулся капитан, отпуская его и откидываясь на спинку стула. — Мы тоже, как ты выразился, из ментовки, но мы — УБОП. И этот Бабенко, которому ты так регулярно платил дань, сейчас у нас в предвариловке показания дает под протокол. Вот, можешь ознакомиться. Там много чего интересного, но о тебе особенно. Хоть грамоту давай за доблестный труд...

И капитан положил перед ним на стол несколько казенных листков бумаги.

Рафик сначала бегло пробежал их глазами, а потом стал вчитываться более внимательно. И, по мере того как он вникал в строчки протокола, лицо его менялось. На лбу выступил пот, он сразу как-то обмяк. Видимо, струхнул основательно.

— И что теперь? — спросил он, возвращая листки дрожащей рукой.

— Теперь?.. Да теперь ты пойдешь по совокупности. К двести сорок первой пристегнут еще «дачу взятки должностному лицу при исполнении и в особо крупных размерах». А это уже серьезно, лет на десять как минимум.

Капитан замолчал. Повисла пауза, во время которой они посмотрели в глаза друг другу. Рафик был тертый калач в такого рода делах и, кажется, что-то понял.

— Мы можем договориться? — тихо спросил он.

— Можем, — также тихо ответил капитан.

— Сколько?

— Много.

— Ну, например?..

Капитан достал ручку и блокнот. Что-то быстро написал на листке. Вырвал его из блокнота и сунул Рафику под нос.

При виде цифр у Рафика глаза полезли на лоб:

— Да вы че, в натуре?.. Это ж беспредел!..

— Тогда собирайся, — бесцветным голосом сказал капитан. — Карета уже внизу.

Рафик заморгал глазами. Взял у него листок, еще раз пробежал глазами.

— Может, частями? В течение года?

Капитан покачал головой:

— Сразу.

— Полгода?..

— Я думал, ты деловой мужик, а только зря теряю время, — капитан сделал движение, собираясь встать со стула.

— Ну, хотя бы три месяца!.. — взмолился Рафик. — Раньше мне такую сумму не достать. Не потяну, даже если все продам!..

— А у тебя есть что продать? — прищурился капитан.

— Есть, но тогда уж лучше в петлю головой, — Рафик вздохнул. — Не, начальник, я все понимаю... залетел — плати. И я ж не отказываюсь, но только в разумных пределах. А это, извините меня — наезд, самый настоящий. Кто-то хочет меня подставить...

— Ты сам себя уже подставил, — сказал капитан.

— В смысле?.. Не понял!.. — опять забеспокоился Рафик.

— А ты думал, мы здесь просто так?.. Просто так этого Бабенку припасли со всей его районной ментурой, да и тебя с ними заодно?

— А как?

— По сигналу. И исходит тот сигнал оттуда, — капитан ткнул указательным пальцем куда-то в потолок.

— Ну а я здесь при чем? — Рафик проследил глазами за его пальцем. — У меня таких знакомых нет, чтобы меня подставляли. Мои клиенты попроще, раз — и разбежались...

— Ну, ты мне только не гони, ладно?.. Короче, — капитан полез в нагрудный карман, достал фотографию и предъявил Рафику. — Твоя девочка?

С фотографии на него смотрела Настя.

— Ну, моя... а что?

— А то, что ты ее недавно жестоко избил, и она теперь вынуждена ходить с синяками на теле. А хахалю ее это очень не понравилось.

— И что, за это с меня такие бабки? — недоверчиво спросил Рафик.

— Представь себе... У нее там, — капитан вновь показал на потолок, — оказался какой-то высокий покровитель. Запал, одним словом... Увидел те синяки, расшумелся, разорался, позвонил куда следует, нас на ноги поставили. И тут так совпало, что поступил сигнал на эту районную ментовку, дескать, крышу держат, покрывают местных братков и сутенеров. Вот мы всех вас и замели одним дуплетом... Усек теперь?

Рафик глубоко задумался. История, рассказанная ему капитаном, с первого взгляда выглядела правдоподобной. Но что-то в ней не укладывалось в единую цепочку, не сходились концы с концами.

— Ну, хорошо, — сказал он наконец. — Еще раз повторяю. Платить я не отказываюсь, но откуда набежала такая сумма? Ни одна баба в мире этих денег не стоит.

— А это ты пойд и у него спроси, — ухмыльнулся капитан. — У ее хахалю, стоит или не стоит. Наверное, у него на нее хорошо стоит, раз такую волну погнал... Я с ним не знаком, мое дело — приказ. Мне начальство так сказала — я выполняю. Знаю только, что тот мужик уперся. Самолюбие в нем взыграло. Дескать, либо пусть он мне платит эти бабки, ты то есть, либо отдает навсегда девчонку.

— Что-что? — Рафик отказывался верить своим ушам.

— То, что слышал. Теперь решай.

— И что будет, если я ее... отдам?

— Свободен.

— Совсем?

— Совсем. Прямо здесь.

Рафик еще подумал.

— Да что он за хрен с бугра такой, чтобы из-за него УБОП на уши поставили? Можешь мне сказать? У меня прямо в голове не укладывается...

— А это и не твое дело, — отрезал капитан. — Я и так сейчас много лишнего сказал, чего тебе знать не следовало бы. Так что, парень, гляди. Будешь узнавать подробности или, не дай бог, вякнешь лишнее — вырвут язык вместе с горлом и кишками...

— Да хрен с ней! Пускай берет ее себе и трахает, только при этом на здоровье не жалуется! — Рафик сразу повеселел и уже опять чувствовал себя в своей тарелке. — А я взамен еще с десятков новых б..... найду!..

— Я тоже так думаю, — сказал капитан, поднимаясь и отдавая ему паспорт.

А через два дня Настя окончательно переселилась к Макс. Свою роскошную квартиру в центре, которую в основном содержал и оплачивал Рафик, она оставила без тени сожаления. Просто зашла туда с водителем Макса, за полчаса собрала вещи, только самые необходимые, принадлежавшие лично ей, — в основном это была косметика и одежда. И с легким сердцем перешагнула порог своего бывшего гнездышка, как ей тогда казалось, навсегда отринув от себя все, что оставалось от прошлой жизни.

Теперь ее больше никто не тревожил. Они жили с Максом как муж и жена, могли теперь открыто появляться на людях, приглашали к себе гостей, в основном приятелей Макса. Вопрос о том, чтобы окончательно узаконить отношения, был отложен на осень. Летом у Макса был разгар трудовой деятельности, заказы от клиентов поступали в фирму со всех сторон, крепили связи с зарубежными партнерами.

Спустя еще какое-то время Макс собрался лететь в Германию. Это было первое их расставание за время недолгой совместной жизни. Всего на неделю, потому каждый из них делал вид, что все в порядке, все по плану и никаких слез. Хотя в Настиной душе почему-то поселилась тревога. Впрочем, она ничем не выказывала перед ним своих чувств. Оба взрослые, нельзя же постоянно жить привязанными только друг к другу. Оба, кажется, это хорошо понимали.

Макс был против того, чтобы Настя провожала его в аэропорт. Сборы в дорогу были быстрыми и немногословными. На прощание он поцеловал Настю и спустился вниз, к поджидавшей его машине. Настя осталась одна. Бесцельно бродила по их огромной квартире, как бы заново узнавая ее в отсутствие Макса.

А вечером ей позвонил Виктор Лежнев. Извинился, что побеспокоил. Сыпал шуточками, рассказал пару пошлых анекдотов. Потом сказал, что хочет с ней встретиться. Завтра днем, в удобном для нее месте. Свое желание объяснил тем, что хочет кое-что передать для Насти. Дескать, впопыхах забыл сделать это через Макса.

Настя согласилась, хотя встречаться с ним ей было неприятно. Она понимала, что Виктор с Максом не только друзья, но и деловые партнеры. Но с Лежневым у нее связаны неприятные воспоминания о прошлом, в частности о той встрече за городом, когда он был любовником Вероники. За все то время, пока она жила с Максом, из его друзей не побывал у них дома только Виктор. Он как бы намеренно сохранял дистанцию, когда изредка случайно встречался с Настей в офисе фирмы или в иных местах, подчеркнуто вежливо здоровался с ней — и ничего другого. Чисто по-женски Настя чувствовала неприязнь Виктора, не могла понять ее истинного происхождения и потому всегда старалась держаться с ним настороже. Она хотела отказаться от назначенной встречи и в этот раз, но Виктор настаивал, сказав, что дело не требует отлагательства.

Встречу Настя назначила в одном из своих любимых кафе в центре города и приехала туда заранее, чтобы немного посидеть одной. С барменом они были давно знакомы. Тот, как всегда, стоял у стойки и мило улыбался посетителям. Увидев Настю, бармен приветственно поднял руку, затем указал ей на свободный столик, стоящий возле окна. Там, на улице, за витриной кафе, всем правила суэта. Люди куда-то спешили, машины проносились мимо, гудя клаксонами. А внутри все было иначе. Тишина, спокойствие, умиротворение. На фоне тихой мелодии, что доносилась из музыкального аппарата, были слышны лишь редкие негромкие постукивания ложечек о чашки с кофе и едва слышный шепот посетителей.

Настя, как обычно, заказала себе легкий обед, а в ожидании его попросила принести бокал шампанского. На столике перед ней лежал вдвое сложенный рекламный буклет. Нехотя раскрыв его, она стала убивать время чтением рекламной мишуры. То и дело она поднимала глаза и смотрела на входящих посетителей. Невольно бросила взгляд на соседний столик. Там сидели две женщины, пили вино, перешептывались и обсуждали других посетителей. Настя невольно прислушалась к их разговору и улыбнулась.

«Господи, — подумала она. — Какие же мы, женщины, любопытные! Все мы должны заметить, всех должны обсудить, всему должны дать свое объяснение. Но не это ли составляет небольшую долю нашего шарма?..»

Не найдя ответа, она взглянула на только что вошедшего посетителя.

Виктора Лежнева она узнала сразу. А тот какое-то время еще потоптался у входа, обшаривая глазами зал. Наконец увидел Настю, улыбнулся ей издали и направился к ее столику. Сел, не спрашивая разрешения и шумно отдуваясь.

— Фу-у, жара какая на улице, хоть здесь прохладно... Извини за опоздание, в пробку попал... — он беглым взглядом окинул столик. — О, шампанское!.. Меня угостишь?

Насте не понравился его развязный тон и несколько нахальное поведение. Поэтому она ответила подчеркнуто строго, чтобы сразу дать ему понять: они здесь всего лишь по делу и совсем ненадолго:

— А вы всегда привыкли требовать то, что обычно мужчина у женщины просить не должен?

Кажется, Лежнев это почувствовал и сразу переменял тон:

— Извини, это я пошутил. За рулем не пью... Но почему так официально? Насколько я помню, мы давно знакомы и раньше всегда были на «ты».

— Хорошо, — согласилась Настя. — Давай на «ты»... Но тогда скажи мне, с каких это пор ты сам начал водить машину? Или сегодня это ради конспирации?

— Ну вот, уже подозрения! — засмеялся Лежнев. — Можно подумать, что я хочу тебя соблазнить в отсутствие Макса... Если бы такое желание возникло, я бы сумел обставить дело как-нибудь иначе... Шучу, — моментально среагировал он на жесткий взгляд Насти. — Все просто до банальности. Своего водителя я отправил с бумагами, а на встречу с тобой прибыл на своих колесах.

— Тогда давай отставим шутки в сторону и сразу перейдем к делу.

— Давай, — согласился он. — Только вот я никак не могу взять в толк, за что ты меня презираешь? Встретила так, словно я каменный гость?.. А между прочим, я живой, белковый, у меня есть сердце, и я друг Макса. А следовательно, и твой тоже... Потому и

присутствую здесь ради общего интереса...

Весь этот разговор, какие-то странные намеки исподволь, само присутствие Лежнева здесь, рядом с ней, стало Настю уже порядком раздражать.

— Я тоже многого не пойму, — сказала она, уже не пытаясь скрыть от него своего отношения. — Ты хотел мне кое-что передать, назначил встречу. Я приехала. Так в чем дело? К чему тогда все эти улыбочки и странные предисловия?

Какое-то время Лежнев пристально на нее смотрел, потом сказал:

— У меня есть к тебе предложение.

Настя вопросительно подняла брови.

— Только не делай удивленных глазок, — продолжал он. — Прямой вопрос, такой же прямой ответ... Согласна?

— Ну, давай попробуем, — кивнула Настя, выдержав паузу.

— Попробуем... Ты хоть понимаешь, что ему не пара?

— Это кто же так решил?

— Этого не надо решать, это ясно как божий день... Я не буду вдаваться в подробности, скажу лишь одно — своим присутствием ты его компрометируешь. Более того, из-за тебя Макс был вынужден пуститься в сомнительную авантюру, и еще неизвестно, чем это для него, да и всех нас, аукнется в будущем...

— По-моему, Макс сам способен отвечать за свои поступки...

— Да в том-то и дело, что не способен!.. То есть если это касается дела — тогда да, согласен. Но по жизни он так и остался большим ребенком. Он совсем потерял голову, а ты этим пользуешься!.. Хотя прекрасно понимаешь, что все это рано или поздно кончится, и кончится очень плохо.

— А это уже мое дело, — сказала Настя холодно. — Наше с Максом... Спасибо за заботу, Витя, но мы как-нибудь сами разберемся.

Она сделала движение, собираясь встать.

— Нет, ты погоди, — он протянул руку, заставив ее остаться на месте. — Вот тут кое-что есть для тебя интересное, взгляни, пожалуйста...

И он положил перед Настей желтый конверт.

Настя помедлила. Потом осторожно взяла в руки конверт. Достала одну фотографию, другую, следующую... По мере того как она их рассматривала, лицо ее делалось все напряженнее, перед глазами все плыло, хотя внешне она сохраняла спокойствие. Настя заставила себя посмотреть все фотографии до конца. Потом снова сунула их в конверт, положила его на край стола.

Какое-то время оба хранили молчание.

— Хорошая работа, — сказала она наконец. — Видимо, действовал профессионал.

— Да уж, пришлось постараться, — самодовольно ухмыльнулся Лежнев. — А теперь вопрос на засыпку. Представь на минуту, что эти фото попадут в руки Максиму и его реакцию по этому поводу...

— Представляю... Ну и что ты хочешь?

— Хочу предложить обмен. Сделку, если называть это своими именами. Мы ведь с тобой вроде как деловые люди. У тебя свой бизнес, у меня — свой...

— Какую сделку? — она вскинула голову.

— Ты получаешь эти фотографии, Макс ни о чем так и не узнает. Но ты навсегда исчезнешь из его жизни.

— Хм... а тебе не кажется, что такой обмен не вполне корректен? Слишком неравноценны доли. Та, что получаешь ты, и та, которая остается мне.

— Конечно! — с готовностью подхватил Лежнев. — Это далеко не все, что тебе причитается, просто я еще не успел сказать... Деньги. Нормальная квартира, если захочешь, могу добавить к этому еще и машину... Ты получаешь полную свободу, сможешь жить безбедно, в свое удовольствие и заниматься тем, чем сама пожелаешь. Мне кажется, неплохой обмен. Многие девушки в твоем положении могут только мечтать об этом.

— А условия?

— Я тебе их уже назвал. Ты должна исчезнуть. Тихо, по-английски, то есть насовсем. Макс, конечно, бросится тебя искать, но это уже моя забота... И сейчас самое удобное время, пока он в отъезде. Надо пользоваться моментом.

Опять в их разговоре повисла пауза. Подошел официант, неся на подносе заказанный Настей обед. Но она лишь расплатилась и велела отнести все опять на кухню.

Лежнев терпеливо ждал. Смотрел на нее без улыбки.

— Заманчивое предложение, — сказала Настя, устремив взгляд на конверт. — Я вот только одного не пойму... Зачем это тебе? Все эти траты, хлопоты... Ведь, в сущности, дело касается меня и Макса. В чем здесь твоя выгода?

Лежнев вздохнул:

— Я уже устал всем объяснять. Но если хочешь, то коротко... Мы с ним находимся в одной связке. Если в чем-нибудь пострадают интересы Макса, это напрямую коснется и меня. Стало быть, я соблюдаю прежде всего свой интерес.

— Ясно... — Настя посмотрела за окно, на улицу. Потом опять перевела взгляд на конверт. — Я слышала, ты игрок, а все игроки привыкли рисковать... Так вот, мое предложение. Давай сыграем с тобой в рулетку.

— То есть?.. — не понял он.

— Ты отдаешь мне эти фотографии. Я сама покажу их Макс. Конечно, упомянув при этом, как и от кого они мне достались. Посмотрим, как он среагирует... Это и есть рулетка. Если стрелка ляжет так, что мне придется уйти, что ж, такова судьба. Каждый останется при своих интересах. Но при этом ты сильно сэкономишь на расходах. А они, судя по тому, какие блага ты мне посулил, отнюдь не маленькие, даже для тебя.

Лежнев посмотрел на нее растерянно, как бы еще не веря. А Настя, видя это, постепенно обрела былую уверенность.

— Ну что, Витя, устраивают тебя такие условия игры? — спросила она насмешливо. — Мы ведь оба рискуем на равных условиях. А там что выпадет, орел или решка...

Лежнев с удивлением посмотрел на ее слегка покрасневшее лицо, на фанатично горящие глаза, на решительно стиснутые кулачки. «А ведь она это сделает, сучка!» — подумал он даже с невольным восхищением. Потом наклонился через стол, потянул к себе конверт и, словно на пружине, вскочил на ноги.

— Ты об этом еще сильно пожалеешь!.. — успел он выкрикнуть Насте на ходу. — Вы оба пожалеете, но будет уже поздно!..

Настя видела сквозь витрину кафе, как он садится в свою машину. И лишь после того, как Лежнев отъехал, она тоже поднялась, направляясь к выходу.

Виктор Лежнев был единственным сыном в семье дипломата, родился и получил воспитание в основном за границей. Это обстоятельство, казалось, уже заранее предопределило его дальнейшую судьбу. Не без помощи связей отца Виктор поступил в МГИМО, готовя себя к работе на дипломатическом поприще. Но в начале девяностых советская система благополучно рухнула, ей на смену пришли совершенно другие идеалы. Папаша был отправлен с почетом на пенсию и уже не имел прежнего влияния. Виктор быстро сориентировался в новой обстановке и понял, что карьера дипломата уже не так заманчива, как раньше, в советские времена. Открылись новые горизонты для того, чтобы делать карьеру и зарабатывать деньги. Он ушел с четвертого курса института и целиком посвятил себя бизнесу. Пользуясь знакомствами за границей, стал перегонять оттуда подержанные автомобили, на которые в нашей стране появился необычайный спрос. Это приносило ему сказочные барыши, пока в дело серьезно не вмешался криминал. После того как нескольких его партнеров безжалостно расстреляли на границе Белоруссии и Польши, Виктор, будучи по натуре весьма осторожным и даже трусоватым, смекнул, что своя шкура дороже любого наvara за иномарку, и моментально завязал с опасным предприятием. Деньги у него остались на счету в зарубежном банке, теперь ему захотелось их вложить с пользой в более спокойное дело. Тут на горизонте возник Макс Калугин, еще только начинавший свой бизнес. Они познакомились, когда Макс готовил проект дизайна на дачном участке отставного дипломата, Витькиного отца. И сразу почувствовали взаимную симпатию.

Виктор легко сходилась с людьми, чего так не доставало Макс, свободно владел несколькими языками. Он по-прежнему имел широкий круг знакомств за границей, дал Макс ряд полезных советов и свел его с нужными партнерами за рубежом. Макс это оценил. И согласился, когда Виктор объявил, что готов вложить в дело свой капитал. Так они стали не только друзьями, но и деловыми партнерами.

Макса такое сотрудничество вполне устраивало. Витька по своей натуре не отличался задатками лидера, предпочитая находиться у кого-нибудь за крепкой спиной. С самого начала между ними установилось четкое распределение ролей. Стратегию деятельности фирмы определял Калугин, Лежнев внедрял ее в жизнь, делая это с необычайной легкостью и весьма талантливо. Он отвечал за безопасность, находил богатых клиентов, завязывал нужные деловые контакты. И при этом оставался как бы в тени своего партнера, предоставляя тому право решающего голоса. Незаметно для себя Макс почти полностью подпал под его влияние. С легкой руки Виктора он сделался завсегдатаем элитных тусовок, где обзаводился нужными связями. Лежнев подбирал для фирмы персонал, водителей и охранников из числа бывших омовцев и чекистов. Неприхотливый в жизни, Макс снисходительно относился к тому, что Виктор по своему вкусу обставил для него квартиру, одевался он только в тех салонах и магазинах, которые выбирал для него Лежнев. Даже такие мелочи, как авторучка, запонки или галстук, — все это было приобретено по совету Виктора. Лежнев заботился также об интимной жизни своего друга и партнера. Макс не то чтобы стеснялся знакомиться с женщинами — у него на это просто не оставалось времени. Виктор же всегда старался обставить дело таким образом, что нужная женщина появлялась на горизонте Калугина в нужное время и в нужном месте. Когда случался разрыв в

отношениях, Макс долго не оставался без присмотра милой особы.

Получив незримую власть над Максом, Лежнев чувствовал себя вполне комфортно. Партнер, сам того не сознавая, оказался полностью под его влиянием. Макс, принимая решения, всегда поступал так, как это было выгодно Виктору. Такое положение вещей до поры вполне устраивало Лежнева. Он не стремился выйти на первый план, важно было лишь держать Макса под контролем. Но с появлением Насти ситуация могла в корне измениться. Лежнев ясно чувствовал это и потому решил действовать незамедлительно. Но с первых же шагов его ждала неудача. Вначале Юля отказалась выполнить его деликатное поручение, поддавшись, как полагал Лежнев, сентиментальным чувствам. А потом и Настя совсем неожиданно проявила характер.

В конечном счете дело и вовсе оборачивалось против Виктора. После разговора с Настей в кафе он начал всерьез опасаться, что она обо всем может рассказать Максиму. Конечно, можно еще было представить случившееся как досадное недоразумение. Дескать, конверт с фотографиями оказался у него в руках случайно, его просто подбросили в офис. Лежнев хотел лишь предупредить Настю, а девочка не поняла, истолковала его благие намерения по-своему. Возможно, Макс бы ему поверил, а что дальше?.. Ведь основной результат не был достигнут. Настя оставалась с Максом.

Неужели ему придется с этим мириться?.. Лежнев не любил проигрывать. Не нравилась ему ситуация, при которой Макс мог выйти из-под его контроля. Предстояло в ближайшее время, пока приятель не вернулся из поездки, найти выход из положения. Об этом сейчас и думал Лежнев, засидевшись допоздна в своем кабинете.

А так ли нужен ему Макс сейчас, когда их фирма окончательно и давно встала на ноги? Конечно, они друзья, но иногда случаются моменты, когда ради успеха приходится блефовать, многим жертвовать, в том числе и дружескими связями, ради общего дела, достижения нужной цели. Об этом ему уже не раз говорил отец, приводя в качестве примера истории из практики мировой дипломатии. Пришла пора ему, Витьке Лежневу, вылезти, наконец, из коротких штанишек, перебраться из-за кулис на авансцену, чтобы начать играть первую роль. И случай, кажется, вполне удобный. Но кто знает, как Макс воспримет то, что в приступе истерики может рассказать ему Настя. Нет, надо действовать сейчас, потом может быть поздно...

Лежнев протянул руку, снял трубку телефона и набрал номер.

После разговора с Виктором Настя почувствовала себя совсем разбитой и опустошенной. Едва приехав домой, она тут же слегла в постель. Весь вечер ее бил озноб, а утром она проснулась с головной болью. Следующие дни она вовсе не выходила из дому, бесцельно слонялась по комнатам огромной квартиры, изредка присаживалась в кресло, брала в руки пульт и щелкала, переключая телевизионные каналы. Но телевизор не мог отвлечь Настю от подступивших мрачных мыслей. Да, как она не старалась, не надеялась, а прошлое по-прежнему напоминало о себе, удерживало ее своей мертвой хваткой. Теперь только она поняла, что значит в ее жизни Макс.

Макс звонил ей по телефону каждый день. Слова его были одни и те же и в основном сводились к тому, как он любит ее и по ней скучает. Ей казалось, что прошли годы с тех пор, как они расстались, а ежедневного звонка явно было недостаточно, чтобы она успокоилась. В Москве всех знакомых у нее было наперечет, тем более тех, с кем Настя могла бы поделиться своими мыслями.

Единственная подруга, с которой Настя поддерживала отношения, правда в основном по телефону, — это Вероника. Они очень разные как по характеру, так и по восприятию окружающей действительности и собственной судьбы. Вероника с некоторых пор уже не работала на Рафика, вообще не принадлежала никому из сутенеров. Она добилась статуса индивидуалки, сама находила выгодных партнеров и их обслуживала. Как ей это удалось, Настя не знала. Однажды, когда об этом зашла речь, Вероника ответила уклончиво, что ей удалось откупиться, выплатив Рафику довольно солидную сумму. Вот и все. Настя не настаивала на подробностях.

Секс служил для Вероники источником не только стабильного дохода, но и наслаждения. Эти два начала в ней гармонично совмещались, и она была вполне довольна жизнью. Казалось, она создана для этого самой природой. Высокая, с прекрасными темными волосами, спадающими ниже плеч, постоянно широко распахнутыми, с легкой поволокой, зелеными глазами, которые привораживали мужские взгляды. Мужчины на улице вообще частенько на нее засматривались. Веронике это нравилось — смотрите сколько влезет, но спать-то она все равно будет с ними за деньги!..

Образ ее дополняли длинные стройные ноги и высокая грудь, обычно отпущенная на свободу — Вероника терпеть не могла носить бюстгалтеры. Когда ее соски становились твердыми и хлопок маечки обрисовывал их контур, окружающие мужчины начинали нервно облизывать губы. Если бы они только знали, как она занимается сексом! Она могла медленно и нежно соблазнять, а потом, уже в постели, была способна превратиться в дикое животное...

Подруги перезванивались, иногда днем встречались в кафе, где заказывали кофе или мороженое, пили шампанское и болтали о чем придется, ни разу при этом не возвращаясь к прошлому.

Потому Настя очень обрадовалась, когда Вероника ей позвонила и предложила встретиться. Настя, ни секунды не раздумывая, тут же согласилась.

Это было за день до приезда Макса. Настя наконец нашла в себе силы, чтобы заняться уборкой в квартире, а заодно и себя привести в порядок. Она еще собиралась пройтись по

магазинам, посетить салон красоты, но мероприятие пришлось отложить из-за дождя. Конечно, можно было позвонить в офис, попросить, чтобы за ней прислали машину Макса. Но лишь одна мысль о том, что трубку случайно может взять Лежнев, приводила ее в трепет. Настя решила, пусть все остается, как есть. В конце концов, она и без салона сможет предстать нарядной перед Максом. Именно тогда раздался телефонный звонок, а в трубке Настя услышала беззаботный голосок Вероники. Подруга щебетала минут пять о разных пустяках, а потом заявила, что очень соскучилась и поэтому пусть Настя приезжает к ней вечером на квартиру.

На квартире у Вероники, как всегда, царил вечный бардак. Настя представить себе не могла, как такое можно терпеть, и невольно сделала ей замечание. Вероника пропустила ее слова мимо ушей, лишь засмеялась, расцеловала Настю и объявила, что к ней из Германии вернулся какой-то давний ее знакомый, вернее, постоянный клиент. Буквально час тому назад позвонил и немедленно жаждал встречи.

— Его нельзя кидать, обидится, — пояснила Вероника. — Он, как теленок, совсем ручной. И потому он нам не помещает. Поехали, развлечемся вместе...

Настя, пусть с неохотой, но приняла предложение. Макс должен был прилететь только завтра днем, и Настя подумала о том, что вечер, проведенный в приятной компании, немного улучшит ее настроение.

Около восьми вечера немецкий господин по имени Карл-Хайнс позвонил в дверь квартиры Вероники. Расцеловался с хозяйкой, мельком познакомился с Настей и тут же сообщил, что его «БМВ» ждет внизу, у подъезда.

Пока спускались, Вероника на ходу составила план действий.

— Сначала поужинаем, потом поедem, немного покатаемся по городу перед сном, — шептала она Насте на ухо. — Он мужик прикольный. На голову, правда, немного сдвинутый, но они там все такие, — она засмеялась и покрутила пальцем у виска. И тут же пояснила: — Он готов платить только за то, что ты весь вечер будешь слушать его бред!..

Карл-Хайнс оказался закомплексованным мужичком лет под пятьдесят. Он был коротышкой с широкими плечами и лицом, сильно изрытым оспой. За столиком в ресторане он непрерывно курил и глуповато при этом улыбался. Присутствие в их компании Насти его явно не обрадовало. За ужином Вероника и Настя болтали между собой по-русски. Немец при этом все время молчал, только изредка надувал щеки от обиды. Вероника временами вдруг вспоминала о его присутствии и неожиданно чмокала его в щеку, фальшиво улыбаясь, и что-то сообщала ему ободряющим тоном. Одним словом, вечер показался Насте довольно странным. В финале ужина официант принес счет, и немец оплатил его с невероятным пафосом.

— Денег у него, как у дурака фантиков, — нашептывала Насте Вероника. — Думаю раскрутить его на что-нибудь приличное.

— Например? — вяло поинтересовалась Настя.

— Ну... пусть он купит мне машину. Или, на худой конец, свою пусть оставит

— Думаешь, это реально? — удивилась Настя.

— Совершенно реально, — заверила ее Вероника. — Я одну суку знаю, он ей новенький «Фольксваген» в прошлый свой приезд прямо к дому подогнал. Правда, она ему целый год перед этим мозги чистила. И вычистила, надо сказать, напрочь. Совсем рехнулся, идиот! А чем я хуже этой суки?

Настя подумала, что никак не хуже. Они уже достаточно выпили за ужином, и ее

немного потянуло в сон. Да и скучновато как-то стало. Немец, когда они вышли из ресторана, вдруг оживился, начал предлагать какие-то новые развлечения, но делал это довольно пассивно. Понятное дело, прилетел мужик черт знает откуда, ему бы поскорей сграбастать свою девушку и с ней в койку. А тут весь вечер приходится ее развлекать, да еще с подругой.

Перед тем как сесть в машину, Вероника отвела Настю в сторону и заговорщически прошептала, наклонясь к самому ее уху:

— Слушай, а давай его вдвоем, за двойную цену...

— Подруга, ты маленько перепила, — постаралась урезонить ее Настя. — Я уже давно не по этому делу.

— Да ты не понимаешь, мы с тобой это... как будто сами друг друга, ну?.. Он любит такое шоу и только знает, что бабки отстегивать.

— Друг друга?.. Зачем мне это? Настя делала вид, что действительно не понимает, о чем речь. Ей захотелось поскорее уйти. Она отстранилась от подруги и сказала: — Знаешь, я лучше поеду домой. На такси. Вы уж сами там как-нибудь... Извини.

И с этими словами двинулась прочь, даже не попрощавшись с немцем.

День накануне выдался не особенно жарким, дождливым, а к вечеру и вовсе заметно похолодало. Теперь Настя пожалела, что оделась так легко. Подул прохладный ветер, забирая все остатки тепла. «Но ничего, скоро я буду дома, а там горячий душ, теплый чай...» — подумала она.

Она шла вдоль какой-то пустынной улицы, где почти не было машин и слабо светили фонари. Прохладный ветер дул теперь откуда-то сбоку, из подворотен. Настя то и дело останавливалась на обочине, голосовала проезжающим мимо автомашинам, но те мчались мимо.

Настя уже совсем замерзла, как тут, на ее счастье, мигнул фарами и, проехав несколько вперед, притормозил у тротуара старенький, выдавший виды «жигуленок». И следом, лишь немного не доезжая до него, остановилась иномарка темного цвета.

Настя удивилась: вот как, то ни одной машины, а то сразу две откликнулись на ее призыв. Она все-таки отдала предпочтение «жигуленку». Водитель в нем, как Настя успела разглядеть, когда спрашивала его согласия подвезти, был уже довольно пожилой человек. Да и по опыту она знала, что останавливать отечественную машину гораздо безопаснее, нежели иномарку. У богатых чаще возникают какие-нибудь экзотические причуды по отношению к одиноким девушкам, голосующим в ночи на темной дороге.

Настя чуть замешкалась, прежде чем захлопнуть дверцу. Когда садилась, край платья свесился с подножки и она наклонилась, чтобы его подобрать. Как вдруг сзади, из иномарки, выскочили двое крепких парней и в одно мгновение оказались рядом с «жигуленком». Все произошло настолько стремительно, что Настя даже охнуть не успела. А парни уже расположились по бокам, прижав ее с двух сторон на заднем сиденье.

— Пошел! — коротко приказал водителю «жигуленка» один из них.

А другой, когда они тронулись с места, повернулся к Насте и произнес:

— Сиди тихо. Тебе ничего не будет, если только не станешь рыпаться.

Он мог бы и не предупреждать. Настя, уже наученная когда-то горьким опытом, сидела тихо, как мышь. Даже не пыталась запомнить дорогу, которой ее везли. Видать, у нее на роду написано — попадать в подобные ситуации.

Да, все возвращалось к ней уже в который раз...

В бизнес-классе «Аэрофлота» почти трехчасовой перелет из Франкфурта в Москву показался Максу легкой прогулкой по сравнению с несколькими напряженными днями, проведенными им в постоянных встречах с зарубежными партнерами. Услужливые стюардессы постоянно предлагали что-либо выпить, и уже через полчаса жизнь казалась ему прекрасной. Макс листал журналы, которые в изобилии лежали на столике, прихлебывал из стакана коньяк и получал удовольствие от осознания того, что переговоры увенчались успехом.

Но лишь сойдя с трапа самолета, Макс окончательно поверил, что он наконец возвращается домой, а там его уже ждет Настя. Он позвонил ей по мобильному сразу, из аэропорта, как только прошел в зал прилета. Телефон в квартире молчал, но Макс подумал, что Настя, может быть, в ванной или вышла в магазин, поэтому не волновался.

Водитель встретил его приветливой улыбкой, погрузил вещи в багажник машины, и они поехали в город. Тучи после недавнего дождя рассеялись, выглянуло солнце. День обещал быть погожим, теплым, но не жарким. За окном уже мелькали дома на проспекте Вернадского, пробегали мимо рекламные щиты.

Из машины Макс опять позвонил домой, но телефон в его квартире по-прежнему не отвечал. Успокаивая себя, он набрал другой номер. Лежнев откликнулся сразу, будто только и делал, что ждал этого звонка. Голос у Витьки был, как всегда, бодрый и немного дурашливый. Он сообщил, что на работе все нормально, никаких потрясений, дела идут, а шефа все ждут с нетерпением.

Макс пообещал приехать к обеду и выключил телефон.

Дома он застал чисто прибранную квартиру, Настины вещи, разложенные на спинке дивана в ее комнате. Ни самой девушки, ни даже записки от нее Макс не обнаружил. Настин мобильник тоже не отвечал, хотя гудки туда проходили. Все это Макс не понравилось. Наскоро ополоснувшись в душе и побросав вещи и привезенные подарки, он сел в кресло и глубоко задумался.

Настораживало прежде всего то, что Настя действительно совсем недавно готовилась к его приезду. Об этом свидетельствовала ее одежда, тщательно подобранная, вот только надеть ее она почему-то не успела. Оставалась еще надежда, что Настя захотела посетить парикмахерский салон, чтобы порадовать Макса какой-нибудь оригинальной прической, а там, возможно, собралась большая очередь.

Утешая себя этой мыслью, хотя не особенно в нее веря, Макс отправился на работу. Насте он оставил записку на видном месте, чтобы она, как только появится, немедленно ему позвонила на любой телефон в офисе.

Настя медленно открыла глаза. Сознание постепенно возвращалось к ней, она ощутила свет, который проникал в голову какими-то крапинками, цветовыми пятнами, они были светлыми — зелеными, голубыми и белыми. Постепенно эти пятна стали приобретать определенную четкость — некую картину некого мира, который окружал ее. Она сосредоточилась на этом зрительном ощущении мира и стала отождествлять ее с образом, который всплыл из глубины ее сознания. То, что она видела, было лесом. Она лежала под деревом, было утро, небо было голубым, без облачка, солнце радостно сияло...

В голове все начало потихонечку укладываться, она начала приходить в себя. Но тут проснулась одна мысль, которая, казалось, всегда была, только таилась где-то в глубине, и сейчас она снова вспыхнула, отодвинув на второй план все остальное: «Кто я? Где я? И зачем?..»

Она пошевелилась, подвигала руками и ногами, покрутила головой, провела рукой по животу, нащупала уголок смятого платья... И тут же в ужасе подскочила, села на кровати, стала оглядываться по сторонам.

Все плыло перед глазами, как в тумане. Однако она смогла рассмотреть комнату с голыми стенами и узкую, как пенал. Единственное окно, откуда проникал свет, было снаружи забрано ржавой решеткой. Настя сидела, одетая, на железной кровати, без простыней, подушки и одеяла, с единственным грязным матрасом, брошенным прямо на металлическую сетку. Неужели здесь она провела ночь?..

Который теперь час, она не знала. Но, судя по тому, что за окном светло, сейчас уже было утро, а может быть, даже день. Голова сильно кружилась, и Настя опять легла на узкий матрас. Лежала, уставившись в потолок, и пыталась припомнить, как она сюда попала.

Вчера шел дождь... Ей позвонила Вероника... Они ужинали в ресторане с ее немецким другом... Потом Насте захотелось домой, она стала ловить машину на темной улице... И, как вспышка, — вот оно! Ее похитили, увезли на старом «жигуленке»...

Дальше — все, провал в памяти, полная темнота, эти стены, кровать и серый, покрытый трещинами потолок над головой. Что было между этим событиями — неизвестно. Хотя определенно что-то было. Она ощутила легкое покалывание на сгибе локтевого сустава, поднесла руку к глазам и увидела крохотную красную точку, вокруг которой расплылось розовое пятно. Значит, ей вкололи какую-то гадость...

Она сделала над собой усилие, поднялась с кровати и подошла к окну. Серые от пыли, давно не мытые стекла. Помещение, в котором она сейчас находилась, очевидно, располагалось в полуподвале, потому что прямо на уровне своих глаз Настя увидела угол заасфальтированного двора и какие-то мусорные баки. Серый день за окном, напротив — серый забор. Сырость и пыль, больше ничего.

Настя прошла в противоположный конец комнаты. Дверь без ручки и явно заперта снаружи. Из мебели, кроме кровати, больше ничего нет. Вообще ничего нет, даже какого-нибудь предмета из посуды, вилки, например, или ложки, с помощью которых можно было бы попробовать отомкнуть замок.

С ужасом Настя поняла, что отсюда нет выхода. Лихорадочные мысли атаковали мозг. Что делать? Что?.. Взломать единственную дверь у нее просто не хватит сил. Да и наверняка за дверью находится охрана. Остается только разбить стекло в окне и кричать надеясь, что

кто-нибудь ее спасет. Тоже не выход. Кто ее здесь услышит, в глухом дворе? Разве только привлечет внимание похитителей.

Кстати, кто они? Зачем им понадобилось ее похищать? Это как-то связано с ее прошлой жизнью?.. Но ведь Макс сообщил ей, что все улажено. В подробностях рассказал, как было дело и почему она теперь может быть совершенно спокойна. Выходит, Макс ошибался или это как-то связано с его бизнесом?..

В голове у нее опять сделалось совершенно пусто. Настя присела на кровать и принялась смотреть в окно. Это было единственное, что еще привлекало взгляд. Тупое созерцание мусорных баков на грязном асфальте принесло определенную пользу. Она успокоилась, расслабилась и просто ждала, не думая уже ни о чем. И даже когда снаружи послышался щелчок замка в двери, она даже не оглянулась.

— Ну что, куколка, соскучилась без меня? — услышала она сбоку от себя голос Рафика. — Ты уж извини, что так приходится тебя принимать!.. Сама виновата...

Настя медленно обернулась, с презрением посмотрела на него:

— Повторяешься, Рафик. На другое фантазии у тебя не хватает...

Он, словно не обращая внимания на ее тон, присел рядом с Настей на край кровати.

— Наверное, сильно хочешь в туалет, да?.. И покушать тоже?.. Это мы сейчас устроим. Только что раньше, покушать или в туалет?.. Говори, не стесняйся.

Настя не ответила. Она как будто и не услышала вопрос. Она и в самом деле его сейчас не слышала. А он продолжал как ни в чем не бывало:

— И на что ты, собственно, рассчитывала? Сбежать надеялась? От меня?.. Глупая, такое еще никому ни разу не удавалось... Да и не могу понять — зачем бежать? Разве тебе со мной было плохо?

— Лучше ты скажи, зачем я тебе нужна?

— Как это — зачем?.. Станный вопрос. Я очень к тебе привык, привязался душой за все то время, пока мы были вместе. Мне так тебя не хватало...

— Брось, Рафик. Я серьезно.

— Так и я серьезно! Ты мне нравишься... Ты мне очень, очень нравишься, без дураков. Ты приносила мне удачу, а без тебя — сплошная непруха в жизни...

— Я слыхала, ты едва не залетел? — мстительно усмехнулась Настя.

Рафик посмотрел на нее и тоже изобразил усмешку на лице:

— А ты, пожалуй, была бы рада, если б я залетел?

— Да уж слезы лить не стала...

Он покачал головой:

— Ай-я-яй, какая неблагодарность!.. А ведь я о тебе заботился. Я тебя сделал тем, кто ты есть, а ты так со мной обошлась... Нехорошо с твоей стороны.

— Кем ты меня сделал, шлюхой?

— А все бабы по натуре своей шлюхи. Только одни умеют извлекать из этого пользу, а другие трахаются чисто из спортивного интереса, и таких большинство. Но, как говорится, Аллах им судья... Я всего лишь помогаю тем женщинам, которые имеют амбиции, развить свои природные способности и обрести положение в обществе.

— Господи, что ты несешь!.. — сказала Настя раздраженно и устало. — Ты специально меня похитил и держишь здесь, чтобы заставить еще раз выслушивать всю эту чушь? Так я уже давно ученая благодаря тебе...

При этих ее словах Рафик вдруг посерьезнел. Глаза его заблестели.

— Нет, радость моя, тут ты ошибаешься... Это не я, это у меня тебя похитили. И сделал это твой ласковый пиджачок. Он украл у меня то, что по праву принадлежало мне. И не просто кинул, как дешевый фраер, а при этом жестоко унизил, заставил час стоять с поднятыми руками и носом к стене на виду у всех! Я такие вещи не прощаю, он у меня за это ответит. Как пидора опущу, а поможешь мне ты!..

У Насти перехватило дыхание:

— Я?.. Не дожدهшься!..

Рафик усмехнулся, глядя на нее. Наивная дура. Он понял, что надо с нею делать, что ей сказать. Он всегда любил и стремился подчинять своей воле окружающих, именно потому испытал сейчас сладостное чувство торжества. Принудить строптивницу хотя бы из принципа, а не только в интересах дела — вот что ему больше всего хотелось теперь.

— Рыбонька моя!.. — Он схватил ее сзади за волосы, развернул к себе. — Ты не только сделаешь все, о чем я тебя попрошу, ты меня станешь об этом умолять на коленях!..

— Пусти!.. — билась она в его руках. — Никогда!.. Слышишь?.. Можешь делать со мной что хочешь, но в этом я тебе помогать не стану!..

— Хорошо, раз так, — Рафик отпустил ее. — Но мне казалось, что этот человек тебе дорог, что тебе не безразлично, останется он жив или умрет...

— Что?! — Настя осторожно вскинула голову. — Что ты хочешь...

— Этого даже не я хочу, — криво усмехнулся он. — Теперь от меня мало что зависит... Этого хотят другие, которые там, — он указал пальцем куда-то в потолок. — Потому что твой фраерок кинул не столько меня, сколько их разозлил своим поступком... Они люди серьезные, но грубые и решительные. И если возьмутся за дело, сама понимаешь...

Настя поникла головой. Он с удовольствием смотрел на ее сгорбленную худенькую спину, на ладони, стиснутые в кулачки, — она прижимала их ко рту.

— Ты мне не очень-то и нужна для такого дела, вернее, совсем не нужна. Они там сами управятся... Я просто тебя пожалел, хотел помочь, но... Ты сама так решила. Я тебя не держу, можешь уходить... Давай, давай, тебя проводят...

Он встал с кровати.

И тут она сказала глухо, обреченно:

— Я согласна. Говори, что я должна делать?..

Весь следующий день, приехав на работу, Макс старался держаться бодро. В коридорах офиса он энергично здоровался за руку с мужчинами, шутил, с очаровательной улыбкой целовал женщин в щеку, в кабинете отвечал на звонки, выслушивал доклады подчиненных, подписывал горы скопившихся за время его отсутствия документов. Лишь непривычная суетливость и лихорадочный блеск в глазах выдавали его волнение. Но даже те подчиненные, которым удалось заметить перемену в поведении Макса, объясняли это тем, что их шеф был полон энергии и рад вновь вернуться на работу после удачно закончившейся командировки.

Лежнев без стука проник к нему в кабинет, раскованный и вальяжный, как обычно.

— Знаю, уже все знаю, что вернулся ты на коне и со щитом, — весело приветствовал он друга. — Везучий ты человек, Макс! Все тебе в руки так и идет!..

— Под твоим чутким присмотром, — в тон ему парировал Макс.

— Стараемся... — Лежнев присмотрелся к нему более внимательно. — Но вот только видок у тебя... немного того...

— Что тебе во мне опять не нравится?

— Побледнел ты маленько... Пива там много пил или опять голова?

— Она самая, — поморщился Макс.

— Может, от перемены климата?

— Все может быть. В Германии стоит сейчас жуткая жара...

— Дома как? Как Настя, обрадовалась подаркам?

Вопрос о Насте как удар по больному месту. Но Макс сдержанно улыбнулся. Не хватало еще, чтобы Витька о чем-нибудь узнал и начал лезть с расспросами. И без того муторно на душе. Потому ответил немного небрежно:

— А как ты думаешь?.. Все женщины падки на такие вещи, как сюрпризы. И Настя в этом смысле не исключение.

— Ты бы хоть свозил ее куда за кордон. Пусть девушка чуток развеется, на мир посмотрит, а то держишь ее при себе затворницей.

— Да вот, покончу с делами и отправимся с ней в турне, — согласно кивнул Макс.

— Далеко собрались?

— По твоему совету, на Канары.

— О, рад слышать. Только ведь дела у тебя продолжают оставаться на первом месте. Трудно будет тебя выпихнуть куда-нибудь, даже ей.

— А ты тоже меня выпихнуть хочешь?

— Ну это так, образно говоря...

— Не ври, Витя, не ври. Давно спихнуть меня хочешь с этого вот кресла...

Лежнев вскинул голову, словно от удара, с затаенным страхом посмотрел Макс в глаза. Но глаза у того лучились беззлобной иронией. И у Лежнева отлегло от сердца.

— Шуточки у тебя, Макс...

Макс не успел ответить, так как зазвонил телефон. Он снял трубку отвернулся к стене, сразу утратив былую энергию. Глухо проговорил в трубку:

— Я слушаю...

— Максим Афанасьевич, — услышал он голос секретарши. — Директор стадиона

«Вымпел» насчет дерна... Будете говорить?..

— Да, буду — буркнул в трубку Макс.

— Ладно, я пошел, — кивнул головой Лежнев. — Не буду тебя отвлекать. А к вечеру, может, опять заскочу если раньше не уеду по делам...

Лежнев ушел. Макс поговорив по телефону положил трубку, ему захотелось домой. Не покидала надежда, что Настя уже там и ждет его... Но он уже много раз звонил на квартиру и знал, что не ждет. Вот бы, придя домой, увидеть сияющую от чистоты квартиру почувствовать чудесный запах Настиных духов, когда она бросится ему на шею. Но пока было лишь отвратительное чувство ожидания чего-то очень плохого, и вновь начала исподволь подкрадываться головная боль.

Это были уже давно забытые ощущения. Удивительно, но голова у него перестала болеть с того самого дня, как он встретил Настю. Макс тогда поверил в свое чудесное исцеление, решительно выгреб из холодильника все упаковки с лекарством и с чувством глубокого удовлетворения отправил их в мусорную корзину. Но голова болела еще не сильно. Макс начал подумывать о том, что хорошо бы немного развеяться, прогуляться пешком. Впрочем, стоило ему бросить взгляд за окно, как выходить на улицу тут же расхотелось. Там опять накрапывал дождь. Мысль о Насе неотвязно преследовала его, скреблась в висках попеременно с болью, не давая сосредоточиться на текущих делах. А работать еще долго. И уйти сегодня пораньше невозможно.

Услышав телефонный звонок, Макс покрылся холодным потом. Звонок остановил его в дверях кабинета в конце рабочего дня. В два прыжка Макс оказался возле стола, трясущейся рукой поднял трубку и сказал хриплым голосом:

— Алло...

Ответом ему была гробовая тишина. Он хотел уже повесить трубку, когда какой-то очень неприятный голос ледяным тоном отчетливо произнес:

— В полночь жди по этому номеру. Тебе позвонят.

После этого раздались короткие гудки. Все!

За окнами кабинета наступили сумерки, а потом совсем стемнело. Макс ждал. Он выключил верхнее освещение, погасил настольную лампу, и кабинет погрузился во тьму. Теперь единственный свет, который сюда проникал, шел с улицы от окна. Время как бы остановилось, он специально не смотрел на часы. Счетчиком бегущих секунд и минут теперь ему служил светофор, установленный на ближайшем перекрестке, слабый отсвет которого он видел отражающимся в оконной раме. Через равные промежутки светофор переключался с красного на желтый, потом на зеленый, и снова назад по замкнутому циклу, к красному. Макс сообразил, что наступила полночь, когда светофор устойчиво начал мигать только желтым светом. Он откинулся в кресле и посмотрел на потолок. Желтый, пауза, желтый, пауза, желтый...

И тут зазвонил телефон.

— Твоя девочка у нас, — услышал он голос, доносившийся сюда словно из космоса.

Макс облизал сразу пересохшие губы, спросил, стараясь говорить спокойно:

— Что вы хотите?

— Деньги.

— Сколько?

Человек на противоположном конце провода назвал сумму. Цифра показалась Макс

просто астрономической. Но потом он вспомнил, догадался о ее происхождении и торопливо подтвердил:

— Я согласен на ваши условия, только...

— Что?

— Может быть, частями?

Незнакомец хмыкнул:

— А девочку тоже хочешь получить частями?.. Нет?.. Ну смотри, тогда все сразу и наличными. Завтра.

— Завтра? Но это же нереально!.. Мне надо заказать в банке...

— Это твои проблемы! — перебил его голос в трубке. — Завтра в двадцать один ноль-ноль. У тебя куча времени... О месте мы сообщим позже. Тогда же обсудим и некоторые другие детали. Будешь себя хорошо вести — получишь девочку. В противном случае, если приведешь за собой хвост или ОМОН, пеняй на себя. Есть еще вопросы?..

— Есть... Я должен убедиться, что с ней все в порядке... Пусть она сама это подтвердит... Хочу с ней поговорить!..

В трубке слышались какие-то щелчки, шуршание, треск. Потом он услышал очень далекий и слабый голос Насти:

— Макс...

— Настя! — закричал он, теряя голову. — Ты где?.. С тобой все в порядке?..

— Макс, у меня нет времени... Я в порядке, только прошу тебя... Макс!.. Сделай все, что они просят... Я тебя умоляю, Макс!.. Сделай это ради нас...

Это было последнее, что он услышал. На противоположном конце отключили телефон, в мембране слышались короткие гудки. Макс в сердцах бросил трубку на аппарат. И долго еще сидел в темноте за своим столом, опустив голову на руки.

Как ни странно, после телефонного разговора, а особенно после того, как он услышал голос Насти, Макс почти успокоился. К рассвету он был уже дома, но спать не стал ложиться, а заварил себе на кухне крепкого кофе и принялся тщательно обдумывать план дальнейших действий. Ничего особенного он не придумал. Сначала позвонил к себе в офис и сказал секретарше, что его сегодня не будет. Потом набрал номер телефона вице-президента своего банка, с которым был в дружеских отношениях, и попросил, чтобы к вечеру ему приготовили нужную сумму.

Макс сделал еще несколько звонков, в том числе и высокому милиционеру чину, который не раз помогал ему в щекотливых ситуациях. Здесь его ждало разочарование. Оказалось, что в МВД случилась очередная смена руководства. В рядах доблестных стражей порядка последовали значительные изменения. Одних переместили, других уволили, а третьих, чтоб не мозолили глаза, с почетом отправили на пенсию. В числе последних оказался и бывший Максов покровитель.

Макс воспринял эту новость спокойно. Что ж, так оно даже к лучшему. Его предупреждали о возможных последствиях в случае, если он обратится в милицию. Теперь придется рассчитывать только на собственные силы...

Только после этого Макс позволил себе чуточку расслабиться. Принял душ и прилег на кровать с мыслью немного подремать. Но сразу же провалился в глубокий сон. Проспал он так часа четыре, а может, и пять. Его разбудил телефонный звонок. Он узнал голос человека, с которым разговаривал вчера. Тот объявил условия и место встречи. Макс подтвердил свое согласие, но опять настоял, чтобы ему дали возможность переговорить с Настей. Теперь их разговор продлился чуть больше минуты. Настя говорила с ним спокойно, уже без истерики. Еще раз заверила его, что, если он в точности выполнит все условия, ее немедленно отпустят прямо при нем.

После этого Макс почувствовал новый прилив энергии, которая требовала немедленного выхода наружу. Он помахал руками, сделал несколько приседаний, поворачивал головой сначала в одну, потом в другую сторону. Опять принял душ, тщательно побрился, не менее тщательно оделся в строгий деловой костюм. Порывшись в шкафу, достал из его недр завернутый в промасленную материю пистолет Макарова. Проверил обойму и сунул его в боковой карман пиджака. Придирчиво оглядев себя в зеркало, он прихватил «дипломат» и спустился вниз, к машине.

В банке его приятель, вице-президент, объявил, что требуемая сумма уже готова, но чтобы снять ее со счета, требовалось частично воспользоваться уставным капиталом фирмы. Макс был готов и на это. Быстро подписал нужные бумаги, упаковал пачки с долларами в кейс и направился к выходу.

Убивая, время, которое оставалось у него до встречи, Макс посидел в одном из ресторанов. Есть ему не хотелось. Он заказал себе только крабовый салат и маслины. В назначенный час он въехал на своей машине под арку в тихий дворик, расположенный в самом центре Москвы. Два окружающих этот дворик дома были предназначены для капитального ремонта. Работы уже велись, так что жильцы были давно выселены, а от домов остались только остовы, зияющие пустыми оконными проемами. Стужались сумерки, вокруг было тихо, безлюдно.

Дворик оказался проходным. С противоположной стороны в него, спустя минут пять после появления Макса, въехал черный джип. Остановился напротив, шагах в тридцати. Мигнул фарами несколько раз.

Макс вышел из машины, встал рядом с открытой дверцей. Из джипа вылез парень кавказской наружности. Махнул Максу рукой и спросил:

— Деньги с тобой?

— Со мной, — подтвердил Макс.

— Давай, неси их сюда...

— Нет, — возразил Макс. — Так мы не договаривались. Сначала я хочу увидеть девушку. Покажите мне ее, тогда получите деньги...

Тут откуда ни возьмись к нему с двух сторон подступили еще четверо молодых кавказцев. Схватили под руки.

— Давай, дорогой, садись!.. Не заставляй тебя упрашивать лишний раз!..

В дальнейшем все происходило, как в дурном сне или в плохом детективе. Парни, прихватив из машины Макса кейс с деньгами, самого его потащили к джипу и впихнули на заднее сиденье. Джип попетлял закоулочками и выехал на оживленное в этот еще не поздний час бульварное кольцо.

Всю дорогу ехали молча. Макса, конечно, предварительно обыскали и отобрали пистолет. По тихому Осташковскому шоссе проскочили под Кольцевой дорогой. Когда приехали в небольшой поселок, утопавший в зелени садов, над землей сгустилась темнота, на небе засветились звезды.

Джип остановился у небольшого, ничем не примечательного домика, окруженного садом. Макса провели через калитку по дорожке к крыльцу. Входная дверь была настолько низкая, что ему пришлось нагнуть голову, прежде чем войти.

В небольшой комнате под потолком горела люстра, а в самом центре стоял стол, щедро уставленный напитками и закусками. Плов, шашлыки, зелень. Водка и дорогой коньяк. Бутылки с минеральной водой.

За столом сидел только один человек. Макс, щурясь от света после темноты, его сразу узнал. Это был Рафик.

— А... — протянул он, улыбаясь и делая широкий жест рукой. — Молодец, что согласился приехать. Я как раз поужинать собрался. Проходи, садись. Будь моим гостем, составь компанию.

— Спасибо, отказался Макс. — Я тут постою...

— Брезгуешь моим столом? — удивился Рафик и, кажется, даже немного обиделся. — Нехорошо с твоей стороны, невежливо. Я ждал тебя, думал, посидим спокойно, побеседуем, как двое мужчин. У нас ведь есть о чем поговорить, правда?..

— Я не брезгую... — Макс шагнул к столу, отломил кусочек лепешки, подумал, положил сверху зелень, отправил все это в рот. — Вот...

— Так уже лучше, — сказал Рафик и спросил, глядя куда-то за спину Макса. — Он привез, что обещал?..

Парень, стоявший все время сзади Макса, подошел к столу и молча положил перед Рафиком кейс. А на крышку — отобранный у Макса «Макаров».

— Это что? — покосился Рафик на пистолет.

— У него нашли, — ответил парень, кивнув в сторону Макса.

Рафик усмехнулся, покачал головой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Убери, — приказал он парню. — И оставь нас вдвоем.

Тот спрятал пистолет в карман и вышел из комнаты.

Пальцами обеих рук Рафик одновременно нажал на замки. Отбросил крышку и заглянул внутрь. При виде денег глаза его засверкали.

— О! Вот это я люблю больше всего на свете!.. — Он осторожно погладил ладонью пачки с деньгами, потом устремил на Макса лукавый взгляд. — Все тютелька в тютельку?.. Не фальшивые?..

— Можешь пересчитать, если не веришь, — бесцветным голосом отозвался Макс. — И сверху лежит сертификат из банка.

— Вижу, — подтвердил Рафик. — Это я так шучу... Говорят, у меня очень развито чувство юмора. Люблю пошутить над друзьями. Но только, чтобы их при этом не сильно обидеть и не унизить, как это делают некоторые...

Он еще раз посмотрел на пачки с долларами, закрыл кейс и небрежно отодвинул на самый край стола.

И опять поднял глаза на Макса.

— Может быть, присядешь все же?.. Говорят, в ногах правды нет. Я вот проголодался, не стал начинать трапезу без тебя. Да и сейчас кусок что-то не лезет в горло, пока ты маячишь посреди комнаты. Будь проще, садись, угощайся...

Макс подумал немного. Потом молча придвинул к столу табурет, сел и уже тогда сказал:

— Я сдержал слово, выполнил твои условия. Теперь очередь за тобой. Где Настя?

— погоди, сначала давай выпьем... Ты что пьешь, водку или коньяк?

— Мне все равно, — ответил Макс.

— Ну, тогда давай начнем с водки...

Рафик протянул руку за бутылкой, наполнил стаканы.

— Может быть, хочешь сказать тост? — спросил он у Макса.

— Нет, у меня это всегда плохо получается. Давай лучше ты.

— Ну, давай... Выльем за мужскую солидарность.

Выпили. Какое-то время молча закусывали шашлыком.

— У нас на Востоке принято, — опять заговорил Рафик, — если двое мужчин спорят за женщину, они всегда ведут честную игру, не обманывают друг друга. А если кто нарушит этот закон, его ждет всеобщее презрение, может быть, даже смерть.

— Я играл по твоим правилам, — откликнулся Макс. — Привез все деньги, как договаривались. И ничего при этом не нарушил.

— Сейчас — да. Но в прошлый раз ты меня обманул, более того, унизил... Почему ты не пришел ко мне сам? Мы могли бы иначе договориться.

А ты бы ее отпустил?

— Не важно, отпустил или нет, но так дела не делаются... Может быть, и отпустил. Конечно, за деньги, но гораздо меньшие, чем сейчас лежат здесь, — Рафик похлопал ладонью по кейсу. — Это очень большие деньги, даже для тебя, а для меня так и подавно. Не жалко расставаться с такой суммой?

— Нет, не жалко, — мотнул головой Макс.

— Правда? — Рафик уже смотрел на него с нескрываемым любопытством. — Почему? Зачем тебе Настя, скажи? Мне просто интересно...

— Я ее люблю.

— Упс! Вот этого я понять не могу. Баба есть баба. Красивая она или страшная, но всегда с головой, руками, ногами и прочими органами, которые нам, мужикам, так нравятся. Но если бы она одна-единственная была на свете, тогда понятно. Но их много. Говорят, что по статистике даже гораздо больше, чем нас. Почему именно эта, а не другая?.. Или ты врешь? Просто привык получать от жизни то, что тебе хочется. Подвернулась тебе Настя, а тут какой-то черный заявляет на нее свои права. Кто такой?.. Ну-ка давай отодвинем его в сторону, покажем, кто в стране хозяин... Ты вот и на встречу с моими людьми явился с пистолетом за пазухой, дурачок. Вот где и в чем проявилась твоя истинная натура. И при этом — «я ее люблю...». Мозги мне тут полоскаешь, а сам думаешь, поди, была б моя воля сейчас, куда б ты делся, чурка долбаный... Или я не прав?

Некоторое время Макс разглядывал его крепкие сухие руки, красивое острое лицо, бегающие цепкие глаза. Весь он был сухой, подтянутый, как спортсмен. И уверенный в себе. В своей силе повелевать, в мыслях, словах, поступках.

— Нет, не прав, — сказал Макс наконец. — Я действительно ее люблю. А понимаешь ты это или нет — твое дело. Ты просто тварь, подонок. Для тебя женщина ничто, рабыня, которую можно только купить или продать. Вот это ты понимаешь хорошо... Ты меня сам вынудил поступать по твоим, волчьим законам. Я на это пошел только ради Насти. Так отдай ее мне, и расстанемся, забудем друг друга навсегда.

Рафик слушал его и тихо, медленно начал раскачиваться на стуле. Он все качался и качался, не сводя с Макса глаз. А когда тот кончил говорить — перестал качаться, откинулся на спинку стула и сказал тихо, совсем буднично:

— А ведь я могу тебя убить. Пожалуй, так и сделаю.

— За что?

— А ни за что, просто так. Ты мне не нравишься. Деньги при мне, Настя тоже еще пригодится, поработает на меня. А ты отправишься прямиком в рай. Будешь там проповедовать свою любовь. Ну что, как тебе такая перспектива?

Макс промолчал.

Рафик, не отрывая глаз от его лица, полез куда-то под стол, достал пистолет.

— Веришь в Бога?

— Верю.

— Тогда молись. Жить тебе осталось всего ничего.

Он взвел курок. Ствол направил Максу в переносицу:

— Ну? Я жду.

— Нет, — сказал Макс. — Не стану я молиться.

— Почему?

— Не будем беспокоить Господа по таким пустякам. Я, когда ехал к тебе на встречу, был готов к тому, что этим кончится. Стреляй.

— Что, совсем не боишься умереть?

— Боюсь, конечно. Ну а куда теперь деваться?

Рафик чуть прищурил глаз, прицеливаясь, повел пистолетом из стороны в сторону. Макс продолжал смотреть на него, слегка подрагивая при этом ресницами.

— Черт!.. — не выдержал Рафик. — И это ты все ради нее? Нашел из-за кого, этой сучки?.. Ты что, из-за бабы повелся?.. Да на ней же пробы негде ставить!..

— Фильтруй базар, когда о ней говоришь, — грубо перебил его Макс. — Или стреляй,

или отдай ее мне. И покончим с этим делом.

Рафик еще какое-то время смотрел на него сквозь прорезь прицела. Потом медленно опустил пистолет. Затем убрал его под стол.

— Юнус! — громко позвал он.

В тот же миг открылась дверь, и на пороге комнаты возник парень.

— Давай приведи ее, — бросил ему Рафик, не поворачивая головы.

Макс почувствовал сильное волнение и невольно поднялся с места. Сердце его едва не выскочило из груди, когда вошла Настя и тут же бросилась ему на шею.

— Макс!..

— Ну все, все, — он гладил рукой ее волосы, дрожащие плечи, успокаивая. — Я же сказал, что все сделаю и тебя найду... Теперь все будет хорошо...

Они стояли посреди комнаты, слившись в объятиях и, казалось, позабыв обо всем на свете, в том числе и о Рафике, который все это время на них смотрел.

— Ну, хватит! — не выдержал тот. — Забирай ее, и оба поскорей валите отсюда... Давай, давай, пока я не передумал!..

Продолжая обнимать Настю, Макс попятился, и они вместе выскользнули в коридор, а уже оттуда прямо во двор.

Рафик обошел вокруг стола. Потом открыл бутылку с коньяком. Налил стакан почти до краев. Выпил залпом, поморщился.

— Юнус! — опять позвал он.

Парень появился в дверном проеме, молча ждал приказаний.

— Это что? — спросил Рафик, тыча в него бутылкой с коньяком.

— Коньяк. Тот, который ты просил...

— Ты это называешь коньяком?.. — Рафик вдруг взъярился. — Это ослиная моча, а не коньяк!.. А это что?.. — Он принялся брезгливо разбрасывать лежащую на столе снедь. — Кто тебя так учил готовить плов?.. А шашлык?.. В следующий раз я велю затолкать его тебе в глотку!.. Убери это все и отдай собакам, если они захотят такое есть!..

Свою машину Макс увидел на улице, позади джипа. Ключ торчал в замке зажигания. Это говорило о том, что угрозы Рафика оказались блефом. Если бы тот действительно хотел его убить, то парни не стали бы пригонять сюда машину, оставлять рядом с домом такую улику либо позже с ней возиться. Рафику захотелось как следует его припугнуть, вот он и разыграл весь этот спектакль.

Но Макс об этом уже не думал. Он бережно положил обессиленную Настю на пассажирское сиденье, сел за руль и запустил мотор.

Всю дорогу они молчали. Настя лежала у него на плече и лишь изредка едва слышно постанывала. Кажется, после всего пережитого за эти два дня она была не в себе и еще не совсем понимала, где она теперь, что происходит.

Дома он раздел ее и сам вымыл в ванной. Потом уложил Настю на кровать, укрыл одеялом, а ее одежду сложил в пакет и выбросил в мусоропровод. Потом еще долго сидел рядом с ней, смотрел на нее, спящую. Она лежала тихо, едва дыша, но уже не вздрагивала и не стонала. Он даже не заметил, как сам уснул рядом с ней.

Утром он пробудился от звука ее голоса.

— Где я? — спрашивала она, тревожно поводя головой.

— Дома, — ответил он, осторожно смахивая ладонью волосы у нее с лица. — Уже все плохое позади, а я с тобой.

— Правда?... А все, что было с нами, это, может быть, сон?..

— Может быть...

— Увези меня отсюда куда-нибудь, — слабым голосом попросила она. — Мне страшно здесь находиться.

— Увезу, — пообещал он. — Куда ты хочешь?

— Давай поедem на море...

— Поедем... Очень скоро. Только мне нужно еще уладить кое-какие дела.

— Хорошо...

Приехав на работу, Макс первым делом попросил секретаршу заказать для него два билета на Тенерифе с пересадкой в Барселоне.

— Решил все же побаловать девочку? — спросил Лежнев, когда Макс объявил ему, что уезжает в отпуск и оставляет на его попечение все дела. — А что так срочно? Там же в это время еще жара, пекло. Подождали бы хоть до октября.

— Да понимаешь, — уклончиво ответил Макс. — У меня в голове зреет один проект. Я тебе пока ничего не говорил, хотел сам обмозговать на досуге. Так что после будет не до отдыха, потому и решили съездить теперь...

Улучив момент, когда его никто не беспокоил, Макс потихоньку спустился из офиса вниз. На улице он поймал такси и попросил водителя подбросить его к ближайшим авиакассам. Там он купил два билета до Симферополя с вылетом в тот же день, на который ранее им был официально запланирован рейс в Испанию.

Сборы были такими же быстрыми и немногословными, как и те три дня, что предшествовали их отъезду. Багаж оказался совсем небольшим, они с Настей взяли с собой в дорогу только самое необходимое, что могло пригодиться им на море.

По пути в Шереметьево Макс несколько раз бросил взгляд в зеркало заднего вида, и ему показалось, что за их машиной в некотором отдалении следует бежевая «девятка». Он не придавал этому большого значения, так как был готов к такому повороту событий. Лишь в очередной раз мысленно похвалил себя за предусмотрительность.

Когда они прошли таможенный контроль, Макс увлек Настю к едва приметному боковому выходу в зоне вылета. Они спустились вниз по узенькой лестнице, предназначенной для служебного пользования. В складском помещении Макс отвел в сторону какого-то мужика, облаченного в синий комбинезон, и попросил перевезти их в старое здание аэропорта, откуда выполнялись рейсы внутренних авиалиний.

Мужик дико посмотрел на него, но, получив на лапу стодолларовую купюру, велел им сесть с вещами на автокар. И уже без лишних слов перевез через все летное поле, доставив прямо к трапу готового стартовать самолета. Стюардесса, конечно, сделала им выговор, усмотрев на билетах незарегистрированные корешки. Но, тоже получив свое, пропустила в салон на законные места.

К вечеру того же дня они были уже на море. В небольшом рыбацком поселке им без особых хлопот удалось снять комнату на втором этаже белого просторного дома, прилепившегося к склону горы. Здесь, у основания мыса, сразу за дорогой, начинался пустой дикий пляж, открывавший спокойное, светившееся уже по-осеннему море.

От воды к дому вела лестница из грубо обтесанных камней ракушечника. Двадцать четыре ступеньки к счастью — так они называли этот путь. Дом окружал сад, состоявший из виноградника, а также яблоневых, вишневых и абрикосовых деревьев. Изгородью ему служили густые заросли колючего кустарника.

Перед домом — небольшой мощеный двор. На веревках сохнет белье, белеет простыня, надувается ветром, как парус. Толстый котяра спит на капоте старенького, выдавшего виды «Запорожца». Детский мяч под скамейкой. Астры в палисадничке. Все, как в ее родном городе, только много, много, много лет назад...

Насте здесь сразу понравилось. Последние дни августа, а там и сентябрь — ее любимый месяц, бархатный сезон. Жары нет, море прозрачное, синее, как у нее глаза. А листья уже желтеют кое-где на деревьях...

До обеда они обычно лежали на песке, купались в синей, чуть липкой воде, снова лежали, но не на подстилках, а прямо на горячем мраморном песке.

В первый раз, когда они спустились к морю, Макс встал на колени у кромки берега, где песок и галька соприкасались с водой. Нагнувшись, он осторожно зачерпнул ладонями воду, провел ими по лицу и попробовал на вкус.

— Соленая!.. — удовольствием произнес он, зажмурив глаза. — Значит, это и вправду море. А я даже совсем забыл, какое оно на вкус...

Настя, успевшая к тому времени облачиться в голубой купальник и зайти в воду почти по пояс, засмеялась его ребячеству. Обрызгала Макса с головы до ног и, убегая от него, нырнула в прозрачную глубину. Здесь она опять, как давно когда-то, еще в детстве, почувствовала себя свободной.

Счастье этой свободы буквально захлестывало ее, как волны, с головой. Ее душа рвалась навстречу морю. Она чувствовала, как теплая вода прокатывалась по всему телу. Настя любила заплывать очень далеко; она шла навстречу волнам, и они приветливо принимали ее. Руки ее были закинута назад, и она опускалась в воду, не открывая глаз. Потом широко раскидывала руки, и вода поднимала ее, начинала покачивать. Она слышала слабый шум волн, бьющихся о далекий берег, постепенно звук становился все тише. Кромка берега отсюда уже едва виднелась, впереди горизонт сливался с морем. Настя настолько нравилась морю, что оно, казалось, хотело взять ее себе. Волны убаюкивали ее, унося все дальше. В такие минуты ей не хотелось открывать глаза, чтобы можно было бесконечно наслаждаться этой тишиной и блаженством...

Макс неслышно подплывал к ней, сердился, выговаривал за то, что она одна заплывает далеко в море. Она покорно переворачивалась на живот, и они вместе медленно плыли к берегу. Там они еще какое-то время валялись на песке. Их тела были облеплены песчинками с головы до пят, они сплевывали песчинки и долго целовались прямо на берегу. А потом снова забирались в море, но уже недалеко, чтобы перед обедом смыть с себя песок. Возились

в воде рядом с берегом, ныряли с головой, плавали, кто вперед...

Обедали они на террасе, примыкавшей к дому. Готовила им, за дополнительную плату, хозяйка полная румяная женщина... Пища была простая, домашняя. На первое борщ или уха, на второе жареная картошка с мясом, котлетами или рыбой, салат из помидоров и огурцов, обильно приправленный подсолнечным маслом. Все это было вкусно, и они наедались до отвала.

В поселке они покупали у одного мужика красное виноградное вино еще прошлого урожая, прямо в стеклянной трехлитровой банке. Хозяйка опускала эту банку в погреб, а когда садились обедать, доставала оттуда, прохладную, запотевшую, и ставила на стол. Они пили это вино из граненых стаканов, не спеша, смакуя, растягивая удовольствие. Смотрели на море, слушали крики чаек, молчали...

После обеда лежали в комнате на прокладных простынях, настезь распахнув все окна, слушая, как в огороде блеет на привязи коза, как шумит ветер в кронах деревьев. К вечеру выходили из дома, забирались куда-нибудь в горы, пробираясь там крутыми тропками, обходя заросли, изгороди, бьющие прямо из земли родники. Присаживались где-нибудь на холме над кукурузным полем. Отсюда, с высоты, море выглядело уже совсем по-другому — синее пространство, покрытое дымкой на горизонте и чуть выпуклое посередине. Крики чаек сюда не доносились, зато было видно, как вдалеке проплывают теплоходы.

Иногда они гуляли по ночному поселку. Пахло морем и жареной рыбой. Кто может жарить рыбу ночью?.. Так и не получив ответа, они спускались к морю. Они часто ходили купаться среди ночи. Раздевались донага, долго плавали в серебристых волнах, стараясь попасть в середину лунной дорожки. Макс любовался Настей, когда она выходила из моря, — ее стройной фигуркой, облитой фосфоресцирующим светом, и следом изящной ступни на мокром песке. Случалось, они встречали рассвет на берегу. Сидели на влажных валунах, наслаждаясь свежим бризом, ровно дувшим с моря, смотрели, как постепенно меняются, свежеют, наполняются цветом краски в небе над водой.

Вскоре им стало мало пространства возле дома. Они шли вдоль берега, туда, где начинались совсем дикие пляжи. Здесь было чисто и пусто, лишь в дальнем ущелье жили в палатках целые коммуны хиппи и нудистов.

Каждый раз, когда они проходили мимо жилья коммунаров, с гирляндами сушеной рыбы под навесами, мимо брошенной прямо на песок одежды, Макс, чтобы немного подразнить Настю, пытался завести разговор с какой-нибудь из девушек, свободно гулявших по берегу в чем мать родила. Обычно девушки делали вид, что не обращают на него внимания, независимой походкой шли дальше.

Но вот однажды им повстречалась девушка, сидевшая на корточках в воде на дальнем мысу. Загоревшая дочерна, с золотистыми волосами, заплетенными в тысячи маленьких косичек, с кожей, на которой блестели крупинки соли и песка.

— Вы можете сказать мне, старому дураку, — остановился Макс за ее спиной, — как мне преодолеть стыд и тоже вплотную приблизиться к природе?

Девушка все так же продолжала перебирать камешки в воде, даже не обернувшись, лишь чуть приподняла голову, ответила через плечо:

— Проходите. Идите своей дорогой. У вас своя жизнь, у меня своя...

— Ага, получил по заслугам?! — засмеялась Настя и побежала к воде, на ходу сбрасывая с себя одежду.

Она теперь тоже очень редко пользовалась купальником, лишь в тех случаях, когда они

находились недалеко от дома, на виду у всего поселка. А в отдаленных местах снимала с себя все, купалась голой. Голая же валялась или бродила по берегу, совершенно не стесняясь. Она и Макса призывала последовать ее примеру. Тот однажды попробовал, стянул плавки, но почему-то сразу почувствовал себя неловко и, выйдя из воды, натянул их опять. Настя смеялась, дразнила его, грозилась, что как-нибудь улучит момент, отберет у него плавки, и пусть тогда он голым возвращается домой...

Он с трудом уже узнавал в ней свою прежнюю Настю. За дни, проведенные на море и солнце, она, посвежевшая, загоревшая, с побелевшими ресницами, на которые уже давно не ложилась косметика, стала необычайно веселой. Казалось, прошлая жизнь осталась где-то очень далеко позади нее, за тысячи километров отсюда. И ничего больше не напоминало о пережитых тревогах, страданиях, унижениях.

Но тревога все же была. Исподволь, но подступала.

Однажды Макс, оставив ее одну в доме, съездил в город за обратными билетами на самолет. Вернувшись, он застал Настю в комнате, лежащей на кровати лицом к стене. При его появлении она даже не повернулась, не ответила на поцелуй.

— Что с тобой? — шептал Макс, забираясь губами ей под волосы и продолжая целовать ее в родинку за ушком. — Я купил билеты. Ты не рада?

— Не знаю, — ответила она, стараясь при этом улыбнуться. — Это чайки кричат все время, тоску наводят...

Но снова замолчала и только смотрела на него странно.

— Ну, что случилось? — томился он и отходил к окну, с тоже внезапно передавшейся от нее тревогой глядя на туманящееся вдалеке море, на развешанные вдоль берега рыбацкие сети. — Мы ведь должны когда-нибудь вернуться, так не может продолжаться вечно.

— Меня, наверное, ищут... — говорила она тихо за его спиной. — Пока не знают, где мы, но ждут с нетерпением...

— Да кто ищет?! — взорвался Макс. — Кому мы с тобой нужны, кроме нас самих?..

Настя промолчала.

— Думаешь, Рафик?.. Перестань, — Макс вновь присел на кровать, принялся гладить ей волосы, успокаивая. — Он уже давно о тебе забыл. Наверное, уехал куда-нибудь за границу. С такими деньгами ему не до тебя.

Настя не отвечала на его поцелуи, глядела спокойно, но куда-то мимо.

— Ты не знаешь Рафика и всего, что его окружает... А потом, наверное, у меня судьба такая. Я приношу людям несчастье...

— Ладно, кончай хандрить. Давай сходим на море, поплаваем, и все пройдет.

Настя покорно последовала за ним. К вечеру, казалось, от ее бывшего настроения не осталось и следа. Настя ела абрикосы, пуляла косточками в Макса, смеялась, глядя, как он уворачивается и сердится на нее, впрочем, не очень сильно.

Они больше в разговорах не возвращались к этой теме. Обсуждали другое — как дальше устроить свою жизнь. Макс решил, что им вдвоем нужно уехать из Москвы куда-нибудь в глубинку. Ему особенно нравились места в верхнем течении Волги, там, где могучая река еще не сжата тисками плотин. Может быть, в Плес или другое тихое место. Его фирма — черт с ней. Главное, есть деньги, мозги, годы, еще совсем молодые. Он начнет все сначала, ведь теперь с ним была Настя.

Она соглашалась со всем, что он предлагал. Ей тоже казалось, что так будет лучше, а новую жизнь хорошо начинать на новом месте.

С утра перед отъездом они вволю поплавали в море. Когда уже стояли на остановке и ждали автобус, Настя обернулась, посмотрела на море в последний раз. Подумала, что обязательно должна запомнить это море, звезды над ним в ночи, полуденное солнце, волны, песок под своим телом. Все, что она видела и чувствовала так остро, что даже становилось больно. Почему-то она только сейчас осознала, что когда-нибудь, в другом лете, всего этого может и не быть. Вернее, останутся и эти волны в море, и звезды, и песок. Но уже без нынешних Макса и ее. Поэтому надо сделать так, чтобы это мгновение вошло в нее, осталось в ней навсегда. И Настя его запомнила. Запомнила всей своей силой, всей своей любовью. душой, кожей, подсознанием... Бог знает, чем еще...

Осенняя Москва встретила их холодом, сыростью, пронизывающим ветром и мелким, назойливым дождем. В аэропорту они взяли такси, но в город добирались необычайно долго, то и дело застревая в дорожных пробках. Здесь впервые за месяц Макс включил сотовый телефон, позвонил на работу. Вместо секретарши ему ответил незнакомый женский голос. Макс удивился, поинтересовался, где его верная Леночка. Женщина на противоположном конце линии сначала замешкалась, а потом переключила куда-то. И в трубке Макс услышал знакомый голос Витьки Лежнева.

Голос Витьки тоже звучал как-то странно, вяло, без эмоций и обычных для него шутливых интонаций:

— А-а-а, это ты... Явился, не запылел... Куда пропал? Здесь тебя уже все давно обыскались... Ты где сейчас?.. Ну, приезжай... Лучше прямо сюда, есть кое-какие вопросы, не требующие отлагательства... Давай, жду...

И первый повесил трубку.

Максу это сразу не понравилось. Он нутром почувствовал — что-то не так. Первой мыслью, когда они приземлились, было ехать домой. Но теперь Макс изменил свое решение. Настя захотела купить себе плащ и зонтик, он высадил ее возле Пассажа, попросил не задерживаться надолго, а водителю такси велел отвезти его в офис.

Он шел по коридору своей фирмы, здоровался с попадавшимися по пути сотрудниками. Те отвечали ему, но тоже как-то странно, без улыбки, скорее удивленно, нежели радостно приветствовали шефа и словно сторонились его.

Макс прошел к своему кабинету, непроизвольно поднял глаза на висевшую возле дверей табличку с фамилией. И оторопел. Там значилось: «ЛЕЖНЕВ В.С.». Макс решил, что непривычки, за долгое отсутствие, ошибся дверью — их с Витькой кабинеты находились рядом. Но нет, все правильно, дверь его, обита так, как он когда-то пожелал.

Макс нажал ручку, вошел в приемную. Из-за стола с компьютером на него подняла глаза незнакомая молодая девушка. Вскочила, когда он решительным шагом проследовал к внутренней двери кабинета, стараясь преградить путь. Но Макс, не обращая на нее внимания, уже входил в кабинет.

В кресле за его столом сидел Витька Лежнев и просматривал какие-то бумаги. Когда Макс ворвался сюда, он поднял голову, увидел вошедшего и сказал:

Ты уже здесь?.. Здорово, Ну, садись, я сейчас все объясню...

Объяснение длилось около часа. Витька популярно объяснил Максу, что тот подлец и негодяй, без ведома правления запустил лапу в уставный фонд фирмы. А это святая святых любого бизнеса, и вторгаться в закрома вот так, запросто, по велению прихоти не дано никому, даже президенту. Фирма балансировала на грани банкротства, почти все счета в банках были заморожены. Приложив колоссальные усилия, задействовав все возможные и невозможные связи и рычаги, Лежнев, по его словам, сумел кое-как выправить положение и избежать полной катастрофы. Но Макс больше не президент. Его личные счета пришлось ликвидировать в счет погашения долга. И это еще хорошо, большая удача, что так обошлось. Могло дойти и до суда, светила статья — «мошенничество в личных целях и в особо крупных размерах».

— Так что, Макс, — подытожил Лежнев. — Мы, конечно, с тобой друзья, но ты

поступил опрометчиво. И главное — подло. Руку я тебе всегда готов протянуть, несмотря ни на что. Но, сам понимаешь, не все мне подвластно... Такие вот дела...

Макс ехал домой, немного огорошенный тем, что произошло, но, как ни странно, даже с чувством некоторого облегчения. Все решилось как бы само собой, совпадало с его дальнейшими планами. Конечно, без денег начинать все сначала будет необычайно сложно, это существенно меняло первоначальные замыслы. Но ничего, у него есть квартира и машина, которые можно будет выгодно продать. А это немалые деньги, им должно хватить на первый случай, а там — поглядим еще, как все повернется...

Дома Насти не было. Не было ее вещей, из чего Макс заключил, что она в квартиру даже не заходила. Опять неприятное, позабытое уже чувство нахлынуло на него, подступило к горлу. Макс злился, укорял себя за то, что потерял бдительность за время отдыха, отпустил ее одну. Но теперь уж что поделаешь, — оставалось ждать.

Она не явилась к вечеру. Не пришла на следующий день, на другой, третий. Телефон тоже молчал. К исходу недели Макс окончательно понял, что Настя уже к нему не вернется. Что с ней стало, где она сейчас, он не знал. В первые дни он еще пробовал куда-то звонить, чего-то добивался. Но прежние его связи уже не срабатывали. Концы были обрублены вместе с тем, как он лишился своей должности президента фирмы.

Целыми днями он не выходил из дому. Валялся на кровати либо бесцельно бродил по комнатам. Он начал пить, один, сидя на кухне наедине с бутылкой и стаканом. Раньше он этого никогда не делал, а сейчас состояние, в котором он постоянно находился, ему даже начинало нравиться. Алкоголь помогал забыться, не вспоминать о прошлом, не думать о настоящем. Будущего для него уже не существовало.

...Коридор, по которому бежала Настя, был длинный и пустой. Это еще не факт, что теперь для нее открывался путь к спасению, но, во всяком случае, ей удалось вырваться из плена своего мучителя, и здесь ее больше не преследовал ужасный запах, стоявший в номере. Следовало еще избежать встречи с портье и каким-то образом добраться домой. Но как ей показаться на улице в таком виде?

И тут Настя вспомнила, что в этой гостинице снимает номер ее подруга Марина, такая же, как и она, девушка по вызову. Придерживая материю возле плеча, Настя метнулась к лестнице черного входа, одним махом преодолела два пролета вверх и, с отчаянно колотящимся сердцем в груди, остановилась возле обшарпанной двери на пятом этаже.

«Только бы она была дома и одна», — сверлила Настю единственная мысль.

На ее счастье, Марина оказалась у себя.

— Тс-с-с... — приложила она палец к губам, едва открыв дверь и ничуть не удивившись появлению Насти в таком странном виде. — У них проблемы...

— Ты о чем? — немного растерялась Настя.

Марина прикрыла за ней дверь, а ответом с ее стороны послужило лишь многозначительное молчание. Только тогда Настя наконец врубилась в ситуацию.

Марина среди других ее знакомых девушек отличалась не только незаурядной внешностью, но и необычным внутренним миром. Она довольно часто пребывала под наркотическим кайфом и тогда общалась с внеземными существами. В такие минуты Марине было не до клиентов. Вот и сейчас в комнате у нее царил полумрак, горели свечи, пахло благовониями. Это означало, что контакт с пришельцами из космоса уже установлен и хозяйка не станет отвлекаться по пустякам, задавать лишних вопросов. Уже хорошо.

Зеркало у Марины было только в ванной. Запотевшее, оно отразило сильно помятую, с синяками под глазами Настину мордашку. Ладно, хоть ненакрашенную, а то и подмазать нечем. Сумочка ее так и осталась в номере, а пользоваться чужой косметикой Настя не любила, брезговала. Пусть так. Она решительно отбросила в сторону штору и залезла под душ. И даже отважилась вымыть голову. Стало значительно лучше.

Выйдя из ванной, Настя застала свою подругу неподвижно лежащей на полу с раскинутыми в сторону руками. Губы ее что-то лихорадочно шептали. Они, пришельцы то есть, всегда являлись ей в виде голосов. Смотреть было нечего, только слушать.

И Настя присела рядом, тихо спросила, решив ей подыграть:

— Так в чем проблема-то?

— Говорят, что очень хотят домой, — тихо, не поворачивая головы, ответила Марина. — Уже который год торчат здесь, в Германии, а их не пускают назад.

— И кто ж их не пускает?

— Да все эти немцы голимые им пакости разные устраивают... Ну вот, спугнула!.. — Марина села на полу и с недовольным видом уставилась на Настю. — Вечно ты не вовремя и с дурацкими вопросами. Теперь они не скоро появятся...

— Ну, извини. Видно, не любят меня духи, мне бы с живыми разобраться...

— Я тебя умоляю... Не духи они, а пришельцы, сколько раз уже можно повторять... Ты ко мне по делу или как?

— У тебя есть во что переодеться?.. Вернее, одеться. Я совсем без ничего.

Марина лишь покосилась в сторону Насти. Ее ничуть не заинтересовало, зачем и, главное, откуда та к ней явилась в таком виде.

— Посмотри там, — она указала на платяной шкаф. — Выбери, что тебе подойдет, потом вернешь... Или, если понравится, оставь себе.

— Да, и денег я у тебя немного возьму, на такси?..

Марина лишь махнула рукой: дескать, сама знаешь, где что лежит.

Настя выбрала джинсы и батничек. Без зазрения совести разорвала упаковку с новыми трусиками — носить чужое белье, пусть и выстиранное, ей не хотелось. Перед тем как уйти, накинула на плечи куртку с капюшоном — осень на дворе.

— Пока, подруга. Ты меня очень выручила, — сказала Настя на прощание,

Марина не ответила. Даже не повернулась в ее сторону. Настя не обиделась, уходила от нее с легким сердцем. У Марины там свои пришельцы, ей должно быть с ними хорошо. У нее же одна задача — поскорей выбраться из этого логова и постараться сделать это незаметно.

На улице Настя почти сразу поймала такси, назвала адрес дома, где Рафик снимал квартиру. «Наконец двигаюсь, наконец свободна... наконец двигаюсь, наконец свободна...» — стучало у нее в висках, пока они ехали по городу, все дальше уносясь от ненавистного ей отеля.

Настя пока еще так и не успела осмотреть город и теперь невольно прилипла к боковому стеклу. В Гамбурге даже летом не бывало особенно жарко. Река Эльба, впадающая в море далеко за городской чертой, разнообразные каналы, небольшие пруды приносили с собой бодрящую свежесть. По городским улицам, продуваемым легким морским ветерком, можно было спокойно и с удовольствием прогуливаться пешком. Климат здесь мягкий, и даже теперь, осенью, деревья в многочисленных парках и садах не сбрасывали до конца свою листву. А на лужайках, вдоль озера, пробивалась зеленая травка.

Таксист вез Настю по набережной, опоясывающей гавань. На протяжении более километра тянулись вдоль берега фасады из темно-красного кирпича. Она уже знала, что это Шпайхерштад, самый большой в мире комплекс пакгаузов. Потом фасады старых домов сменили белоснежные виллы бургеров, построенные в стиле модерн.

Центр Гамбурга напоминал ей сказку из детства. В озере Аубеналсте плавали лебеди, горел на солнце золотом шпиль ратуши, расслабленная толпа туристов валом валила на прогулочные теплоходы. А рядом с ратушей маячила миниатюрная копия американской статуи Свободы. Копия была живая — молодой итальянец, выкрасившийся зеленой бронзой, зарабатывал таким вот образом себе на жизнь. «Свободу» оведали запахи дорогого парфюма от останавливающихся зевак, экзотических пряностей из расположенного поблизости мексиканского ресторанчика, цветов с соседней клумбы.

Миновав центр, они постепенно углубились в район под названием Гарбург, где на неприметной улице Мариенштрассе, возле старого пятиэтажного дома из красного кирпича, Настя попросила водителя остановить машину. Расплатившись с ним, она подошла к входной двери подъезда и набрала электронный код, который помнила наизусть.

Где-то наверху слабо хлопнула дверь одной из квартир. Бесшумно, почти бегом, перепрыгивая через три ступеньки, она поднялась по лестнице на последний, пятый этаж. Здесь было всего две квартиры.

Настя остановилась, чтобы перевести дыхание, и нажала нужную ей кнопку звонка. Дверь сразу же отворилась, как будто ее здесь заранее поджидали. Но не Рафик, а другой, незнакомый ей человек, впустил ее в квартиру. И не успела Настя опомниться, как оказалась в комнате, где стояли и сидели несколько мужчин. Одни были в полицейской форме, другие в штатском. Они оживленно разговаривали между собой, но при появлении Насти вдруг замолчали и с интересом уставились на нее. А она успела заметить, что все в комнате перевернуто вверх дном. Видно, здесь производили обыск.

Вначале ее попросили предъявить документы, которых, естественно, при ней не оказалось. Лица мужчин сразу сделались суровыми, непроницаемыми. Насте учинили самый настоящий допрос. Она еще плохо понимала немецкий, а никто из присутствующих не знал русский. Но кое-что Насте удалось разобрать.

Суть вопросов поначалу сводилась к тому, кто она такая, откуда родом, как и когда попала в Германию. И чем она занималась в стране все это время. Потом последовали более

конкретные формулировки:

— Вы девушка господина Сафарова?

Настя кивнула.

— Он ваш сутенер?.. Заставлял вас заниматься проституцией?

Настя опять кивнула.

— В чем это конкретно выражалось? Где вы работали?

Она ответила, как могла, с трудом подбирая немецкие слова, что, дескать, клиентов ей поставлял сам господин Сафаров. А больше она ничего не знает.

— А где сейчас может находиться господин Сафаров?

Этого она тоже не знала, так как жила с ним только на этой квартире. А в свои планы он ее никогда не посвящал.

Больше вопросов к ней не было. Во всяком случае, здесь. Настю препроводили вниз, усадили в полицейскую машину и отправили в участок. Там ее еще раз допросили, но уже с переводчиком. Ответы тщательно занесли в протокол. Все это время с ней разговаривали учтиво, не перебивали и не угрожали. А после того как были закончены все формальности и сняты отпечатки пальцев, Настю отвели в одиночную камеру с узкой кроватью, умывальником и туалетом.

Наехав на Макса, потребовав с него за Настю крупную сумму денег, Рафик явно перешел границу своих полномочий. Так, во всяком случае, решили могущественные боссы, которым он ранее беспрекословно подчинялся и регулярно платил мзду «за доверие». Во-первых, он действовал по собственной инициативе, не посоветовавшись с боссами, что уже само по себе являлось нарушением неписаных правил. Во-вторых, полученная сумма ослепила его, и Рафик решил эти деньги целиком присвоить. И даже сумел их переправить за границу в надежное место. Хотел завязать с хлопотным и далеко не безопасным бизнесом и пожить в свое удовольствие. А такое в мафиозных кругах никому еще так просто не сходило с рук. Рафика попросту могли убить в назидание другим.

Настя, конечно, не знала всех подробностей, но кое о чем могла догадываться. Сам того не ведая, Рафик перебежал дорогу тому самому могущественному господину, к которому Настю несколько раз отвозили в «Мерседесе». Господин этот до того, как стать могущественным олигархом, свой стартовый капитал нажил не совсем честным трудом, с помощью криминала. Были там деньги, отмытые за счет торговли наркотиками, полученные в результате сомнительных сделок и махинаций и другим преступным путем. Но господин стремительно вознесся на вершину властной пирамиды, вращался в самых высоких кругах, и робкие попытки завести на него уголовное дело каждый раз терпели неудачу. Хотя было известно, что его состояние до сих пор поддерживалось на плаву благодаря различным криминальным источникам доходов, в том числе доходов от секс-индустрии.

Рафик служил лишь маленьким винтиком в этой огромной и разветвленной индустрии, но в своем отступничестве, как говорится, «попал под колесо». А когда понял, что из жадности совершил величайшую глупость, отступать было поздно. Кто-то из своих же, приближенных «шестерок», «сдал» его. Рафик запаниковал и решил податься в бег. В России и других республиках СНГ спрятаться ему было не так просто — щупальца его господина распространялись далеко. Единственный выход — податься за границу. Но и здесь, по странной иронии судьбы, Рафика ждал неприятный сюрприз. Деньги он вывез, но пользоваться ими открыто не мог. То есть не мог их тратить безнаказанно, чтобы не привлечь внимание полиции и Интерпола. Не мог также на законных основаниях открыть счет в банке. Уже давно канули в Лету те времена, когда из бывшего СССР привозили пару мешков с деньгами и сдавали их на личный счет в зарубежный банк. Слухи о русской мафии и отмывании денег в России стремительно распространились по всему миру. Открытие счета, превышавшего десять тысяч долларов, бралось властями всех цивилизованных стран под пристальный контроль. Да и засветиться перед «своими», навести братков, наемных киллеров на свой след можно было в два счета.

Недели две Рафик, спасаясь от возмездия, прятался, менял адреса. Он чувствовал себя в Москве, словно загнанный зверь, уже был готов явиться к своим боссам с покаянием. Но тут совершенно случайно, проезжая в своей машине по Петровке, Рафик увидел Настю. Шальная мысль тут же пришла ему в голову...

В своих действиях Рафик остался верен себе. Он затащил девушку в машину, вколол ей в вену большую дозу снотворного. И так, на уколах, в полуобморочном состоянии, продержал Настю два дня, пока не добыл для нее заграничный паспорт и краткосрочную туристическую визу в Германию. Самая большая трудность — провести девушку через таможенный

контроль в Шереметьево, ведь Настя едва стояла на ногах и не могла связать двух слов. Но обошлось. Рафик дал «на лапу» знакомому таможеннику, сочинив по ходу дела историю о внезапной болезни, которая «перед самым вылетом вдруг поразила его невесту». Насте поставили штамп в паспорте, во время полета она спала, а уже в аэропорту Гамбурга немного пришла в себя, так что подозрений у местных таможенников ее состояние не вызвало.

Настя по-прежнему оставалась для Рафика единственным источником дохода, курицей, несущей для него золотые яйца, тем более на чужбине, в Германии. Здесь он сразу отобрал у нее паспорт и с первого дня заставил заниматься проституцией, хотя условия, да и конкуренция в чужой стране были гораздо жестче, нежели на родине.

Гамбург — второй по величине город Германии. Его называют еще «ворота в мир». Это город моряков, торговцев и... множества значных мест. Туриста, оказавшегося в Гамбурге впервые, обязательно повезут во всемирно известный Рипербан — квартал красных фонарей, где искусство продажной любви превратилось в развитую секс-индустрию и крупнейшую туристическую достопримечательность. Это «гнездо порока» дает мощнейший энергетический импульс ночной жизни города с его фабрикой развлечений.

Ночью этот район выглядит особенно колоритно. Рестораны, заведения и театры заполнены публикой, всюду переливаются огни иллюминации и слышны выкрики зазывал. К полуночи открываются рок-пивная и секс-театр «Salambo». Тут много лет шел популярный бродвейский мюзикл «Cats». Обычно здесь происходит «разделение полов». Женщины отправляются в музей эротики, а мужчины — на улицу «красных фонарей». Конечно, комнатки за стеклянными витринами куда откровеннее в Амстердаме или Роттердаме, но в этом месте они обставлены гораздо шикарнее: кожаная мебель, гобелены, ажурные занавески, даже парча.

В основном Рипербан и прилегающий к нему район Санкт-Паули живут за счет туристов и особенно моряков, благо до порта отсюда пятнадцать минут ходьбы. Для особо любознательных гамбургское бюро экскурсий организует специальный тур по ночному Рипербану за 170 марок. В стоимость включены посещение трех ночных клубов, три выпивки и познавательная экскурсия. Автобус на этот тур отправляется с привокзальной площади в 11 вечера, а развозит туристов по их отелям рано утром.

Но не в этот сверкающий огнями, респектабельный и богатый мир привез Настю поздно вечером на такси ее бессменный сутенер Рафик. Рипербан промелькнул для нее сверкающей кометой и закончился буквально через пару минут, в одном из многочисленных грязных и темных закоулков неподалеку от порта. Возле едва приметного заведения, с вывеской над входом, выполненной банально и безыскусно — «Lady in Red».

Всю ночь и следующий день Настя отсыпалась в какой-то крохотной каморке, толком не понимая, где она находится. А вечером туда вошел Рафик, потребовал, чтобы девушка привела себя в порядок и спустилась в бар. То, что Насте довелось там увидеть, по пошлости превзошло все ее самые мрачные ожидания.

Заведение было оформлено в красных тонах, на стенах висели картинки неприличного содержания, за стойкой бара суетился одинокий бармен-коротышка, а на диванах восседали в самых невероятных нарядах, сверкая нижним бельем, дамы, человек семь. Все «отечественного разлива», из СНГ, за исключением одной, то ли польки, то ли чешки, Настя так толком и не поняла ее происхождения. Мужчин в обозримом пространстве почти не было. Царила атмосфера похоронного бюро.

Марина была самой нарядной среди них. В кожаных шортах, надетых поверх колготок, и обтягивающей водолазке. И, как и все русские девушки, которые думают, что они уже порядком пообтесались в чужой стране, первой бросилась к Насте с приветствием на смеси двух языков. Эффект типа «забыла, как это по-русски», но я сейчас, доработаю с клиентом и сразу вернусь. А ты тут попей чего-нибудь пока.

Настя уселась за свободный столик и с ленивым интересом стала наблюдать за

происходящий вокруг. Все соотечественницы сидели за одним столиком на диванчике и креслах из красной кожи и бурно что-то обсуждали. К Насте интереса никто особо не проявлял, за исключением дежурных в таких случаях фраз: «Ну, как там, в Москве?.. Сколько теперь стоит трахнуть мужика?.. А минет на что потянет?..»

Девки на первый взгляд были просто ужасные. Ужасной представлялась Насте и их работа. Здесь девушки, помимо прочего, еще и разговаривали с клиентом за деньги. Сеанс такой связи назывался консумация — двадцать минут за десять марок. Час, соответственно, шестьдесят. За время беседы девушка обязана раскрутить клиента на шампанское, которое тут стоило больше ста марок за бутылку. Настя уже давно досконально изучила психологию мужчин, и ей показалось, что, например, в Москве с такими барышнями даже бесплатно охотников поговорить не нашлось бы. Но потом подумала с горечью: «Не мне их судить...»

Между тем Марина закончила консумировать клиента и вновь подсела к Насте.

— А что, клиентов всегда так мало? — интересовалась Настя у нее.

— Да сейчас подвалют, еще рано! — небрежно махнула та рукой.

И действительно, минут через двадцать начала потихоньку стекаться публика. Пришла группа юношей лет по двадцать. Марина сразу определила, что это студенты из провинции. Потом зашли какие-то грубоватые мужички преклонных лет. Пялились время от времени на девиц, словно не понимали, зачем они здесь. А девицы же всячески пытались завлечь клиентов, что-то им выкрикивали, кривлялись, задирали юбки. Одним словом, паноптикум. Но вот от кучки юнцов отделились трое самых смелых и взяли одну из девушек к себе на сеанс.

— У них денег в обрез, поэтому берут одну на троих, — прокомментировала Марина.

Когда девушка вернулась от парней, Настя решила у нее спросить:

— Про что хоть спрашивали или о чем говорили?

— О разном, — девушка пожала плечами. — Один, например, достает член и спрашивает: гут?.. Я ему — гут, гут, ну а если мама узнает?.. Такой вот базар...

— А секс тоже бывает?

— Легально в зале нельзя, только в номерах. Но тут за ширмой есть кабинки. Там можно и потрахаться втихаря от хозяина...

— Да ладно тебе! — опять вступила Марина. — Босс всячески поощряет нас, чтобы мы занимались этим с клиентами за дополнительные бабки. Ему же это выгодно. Но никто нас не заставляет. Каждая работает, как хочет. Либерти!..

А вот и сам хозяин заведения, легок на помине. Это турок, невысокий, лысоватый, с круглым лоснящимся лицом. Подсел знакомиться с Настей. Она уже знала, что этот Ахмет — какой-то давний знакомый Рафика, еще по Москве. Вместе они там обдeldывали темные делишки, связанные, кажется, с наркотой.

Ахмет приветливо улыбается, рот его полон золотых зубов. Сначала коротко выясняет, откуда Настя, что она умеет — неужели Рафик ему не все еще о ней рассказал?.. Потом тихим голосом посвящает ее в правила поведения. Их немного. Главное — говорить с клиентом девушка имеет право лишь в том случае, если тот уже заказал выпивку. Всю выручку должна отдавать в бар, чаевые и подарки может оставлять себе.

Настя слушала, согласно кивала. Пожелав ей удачи и еще раз напоследок сверкнув золотыми зубами, Ахмет ушел. А его место опять заняли Марина и еще одна девушка по имени Наташка.

— Слушай, я, кажись, сегодня видела твоего за обедом. Такой черный, красавчик, но по

глазам видно, что хитрый и противный, да?.. — Наташка еще жестами дополнила описание Рафика. — Ахмет его Ральфом зовет, на местный манер.

— Да, это он, — подтвердила Настя.

— Я так сразу поняла, что он педик.

— Ну, есть маленько... Я давно его знаю, но с виду не скажешь.

— С виду, может, и не скажешь, но Ахмет врать не станет.

— Ахмет что, его уже успел трахнуть? — тут же вступила в разговор Марина.

— Дура ты, Марина! — вспыхнула Наташка. — Тебе все нейдет, шуточки шутишь. Но

Ахмет зря врать не станет.

— Ахмет скотина, беззлобно заявила Марина, потягиваясь на стуле. — Ты хоть раз слышала, чтобы он о ком-нибудь хорошо отзывался?

— Говорил. Про меня, например.

— Чего он тебе говорил? — насмешливо передразнила Марина.

— Что у меня красивые ноги... — не ожидая подвоха, ответила Наташка.

— Он всем это говорит, когда раздевает! — Марина уже откровенно расхохоталась. —

Вот дуреха лохматая!..

— Сама дуреха! — Наташка сразу надулась на нее. — А тебя он когда в последний раз раздевал?

— Когда — не помню. Только помню, что говорил!..

Наташка — еще одна девушка, с которой Настя подружилась в первый же день. У Марины своя история того, как она попала сюда, у Наташки — своя.

Марина была способна вскружить голову любому мужчине из сотен, ежедневно попадавших в поле ее зрения. Высокая, темноволосая, хорошо сложена. Длинные, прямые от природы, черные волосы всегда уложены в какую-то немыслимую прическу. Под блузкой с небрежной свободой покачивалась ее полная грудь, едва скрываемая тонкой, прозрачной тканью. Изящная, тонкая талия чуть ниже внезапно переходила в роскошные формы, и Марине не требовалась мини-юбка, чтобы заверить вас в том, что бедра у нее крутые и хорошо вылепленные. Мужское воображение легко могло бы нарисовать две соблазнительные ягодицы. Что касается щиколоток и пальцев ног, то они довольно выразительно торчали из незамысловатых сандалий. При взгляде на Марину каждый нормальный мужик обязательно заторчит и, естественно, прореагирует та его часть, над которой иногда не властен рассудок.

Марине было всего девятнадцать лет, но и за этот короткий промежуток жизни она успела повидать так много, как некоторым не удастся и в двадцать восемь. Марина — девушка раскованная, родом питерская, из обеспеченной, интеллигентной семьи. Родители — оба врачи-дантисты, так что с малых лет ни в чем не отказывали капризному дитяти. Марина любила экспериментировать, наверное потому девственности она лишилась еще в четырнадцать лет. И с тех пор такого рода эксперименты ее настолько увлекли, что она гуляла налево и направо, с кем попало, но ради собственного удовольствия.

После окончания школы Марина завела небольшой салон, где практиковала контакты с потусторонними силами, чередовавшиеся с банальной групповухой. Но ей уже было тесно в родном отечестве, Марина созрела, чтобы выйти на международную арену. Так она оказалась в свободной стране Голландии, потом в Бельгии. Но, очевидно, не выдержав конкуренции или по другой причине, вскоре переехала в Германию, где обосновалась надолго.

У Марины тоже свой сутенер, Дитер, из местных. И тоже педик. Отламывал себе от е доли «хальбе», то бишь половину. Однако же и комплекс услуг его был пятизвездочный. Клиентов сам доставал, сработал для Марины вид на жительство, обеспечил жильем в более-менее приличном месте, договорился в стремном отеле на комнату для встреч, что чрезвычайно трудно организовать. Дитер буквально боготворил Марину, разве что ноги ей не целовал (а может, и целовал, кто знает?). Но при том все равно продолжал оставаться педиком. Несчастливым каким-то. Марина, как известно, была натурой эксцентричной, любила не только с духами пообщаться, но и выпить, и ширнуться как следует, и при этом устроить дебош. Дитера она по-своему любила и ревновала ко всему на свете. Он же этого не мог понять в силу своей недалекости. И когда после очередного погрома Марина в истерике заливалась слезами, а Дитер беспомощно вопрошал: «О, майн гот, алес капут?», она и сама не знала, «алес» между ними или просто очередной заскок. Но уже через день или два, когда Марина окончательно отходила от кайфа, все у них опять возвращалось на круги своя.

При таком сутенере Марина могла бы и не работать в заведении у Ахмета. Но ей, когда она не находилась под кайфом, было скучно одной. Она приходила сюда, как в родной трудовой коллектив, — потрепаться с подружками, обсудить последние сплетни, обменяться

шмотками. Широкая это была натура, порой скандальная, порой непредсказуемая в поступках, но всеми обожаемая за искренность и простоту в общении.

Наташка — невысокая, плотная девушка лет двадцати двух с рыжими волосами и веселыми, живыми глазами — являлась полной противоположностью Марине. Она не была красивой, но казалась симпатичной, особенно когда смеялась. Говорила немного, но побеседовать с ней всегда приятно. Настя удивилась, когда узнала, сколько песен Наташка знает и как замечательно их поет — совершенно не стесняясь и не ломаясь. Наташка в чем-то совсем как ребенок, ее хотелось защищать, ласкать, делать ей только приятное.

Родом Наташка была с Украины — наверное, этим и объяснялся ее дивный голос, фанатичное пристрастие к пению. Так случилось, что в сексуальное рабство Наташку и с ней еще одну девушку продала собственная тетка. Наташка тогда только закончила школу, работы для нее, да и для большинства молодежи в их маленьком городке не было. А тут залетный московский коммерсант посулил сказочные горы — до трехсот баксов в месяц за работу официантками в его кафе.

Переговоры с ним вела Наташкина тетка, у которой тогда жила девушка, оставшись после смерти матери сиротой. Коммерсант отдал тетке стодолларовую купюру — плату за двоих. И девушки, Наташка и Валя — так звали подругу, — уехали с ним в Москву. Сперва жили в трехкомнатной квартире на окраине. Улыбчивый коммерсант по имени Арсен заявил им: работы пока нет, неувязочка вышла. Но волноваться им не о чем. Потом к ним подселили еще одну девушку, из Донецка. Поначалу землячки обрадовались, что будут жить и работать вместе. Никто не предполагал, чем им придется заниматься. Все раскрылось только неделю спустя.

Их благодетель явился на квартиру пьяным с еще каким-то мужиком и заявил девушкам, что это Вова, отныне он будет их охранять. А когда Валя опять робко поинтересовалась насчет работы, Арсен ударил ее по лицу и сказал, уже не таясь: «Вы будете работать шлюхами. А сколько заработаете — зависит от вас». И отобрал у них паспорта.

Арсен стал возить их по дешевым московским гостиницам, где девушки сами были обязаны находить себе клиентов. Выручку практически всю забирал себе, оставляя подопечным лишь гроши на питание. Так продолжалось примерно месяца два, и неизвестно, чем бы все кончилось, но к девушке из Донецка приехал ее старший брат с друзьями.

Парни быстро смекнули, в чем дело. Рано утром приехали к дому, где Арсен держал своих пленниц. По домофону связались с охранником Вовой и сказали, что познакомились с девушками возле гостиницы, а теперь решили воспользоваться их услугами. Ничего не заподозривший охранник открыл дверь. Парни сначала скрутили его, а потом справились и с Арсеном, который выбежал на шум из своей спальни. Мужчин связали, а жену сутенера заперли в туалете. Обыскав квартиру, парни нашли паспорта девушек.

На следующий день Валя и девушка из Донецка отправились домой, а Наташка осталась в Москве. После всего, что случилось, она не желала больше видеть тетку. Продолжала путанить в гостиницах, но уже самостоятельно.

Наташка имела способность к изучению языков, неплохо знала английский, а еще лучше немецкий. Будучи девушкой общительной, она в одном из ресторанов познакомилась с немцем. Завертелись отношения. Влюбленный Фриц предложил Наташке работу в Германии. Она сразу согласилась, ведь образования у нее нет, а надеяться на хорошо оплачиваемую работу в России тоже не приходилось.

В считанные дни были оформлены документы. И вот она, Германия! Работала Наташка

в ресторане официанткой, жила у своего кавалера. По немецким меркам получала немного, но на жизнь хватало. Когда срок визы истек, девушка осталась в Германии. Однако вскоре полиция устроила облаву. Так впервые Наташка загремела в участок.

С ней долго не церемонились, отправили на родину, в Украину. Наташка помыкалась там без работы какое-то время и вновь отправилась в Германию. Границу пересекла с фальшивыми документами. Наученная горьким опытом, старалась как можно меньше показываться в людных местах, но ускользнуть от правосудия опять не смогла.

Две неудачи подряд не смутили Наташку. После депортации она снова, кружными путями, подалась в Германию и осела теперь в заведении у Ахмета. Здесь она чувствовала себя более-менее в безопасности. Ахмет, несмотря на строгость немецких законов, знал много путей, как да обойти, и всегда умел ладить с властями.

Сама же Настя, пробыв в заведении у Ахмета недели две, была отнюдь не в восторге от такой работы. Ей не нравилось жить в грязной конурке, где даже в душ нужно было идти через весь коридор и только в определенные часы. Противно было обслуживать клиентов, в основном грубых иностранных моряков с заходивших в гавань кораблей. Она поставила перед Рафиком два условия: тот должен снять для нее квартиру и находить более респектабельных клиентов. Рафик обещал подумать.

И вскоре Настя действительно переселилась в небольшую квартирку в доме на окраине за 700 марок в месяц. Клиентами теперь у нее были в основном местные немцы, не особо богатые, так что заработка едва хватало на оплату жилья и самые необходимые расходы. Рафик и здесь оставался верен себе, забирал из Настиных гонораров две трети и совсем ничего не оставлял ей на жизнь. Кормиться и содержать себя ей теперь предстояло самостоятельно.

Вскоре Настя поняла, что от Рафика ей теперь проку мало. В чужой стране, без знания языка и прежних связей он чувствовал себя не очень уверенно. Кроме того, Рафик вынужден был соблюдать правила конспирации, чтобы не светиться лишний раз в людных местах, справедливо опасаясь возмездия за свой проступок. В том, что московские братки продолжают его пасти даже здесь, за границей, он ни минуты не сомневался. То и дело в местных газетах можно было прочесть душераздирающие заметки о том, что русская мафия опять расправилась за какие-то старые грехи с одним из соотечественников. Текст подкреплялся снимками: труп с простреленной головой, преуспевающий коммерсант, задушенный в собственной квартире, взорванная машина...

Рафик прежде всего заботился о собственной шкуре и постепенно начинал терять контроль над Настей. Тогда она решила самостоятельно подыскать себе более выгодную работу. Вскоре такая вакансия ей представилась. Однажды Марина в разговоре с ней упомянула, что в гостинице, где у нее был снят номер для обслуживания клиентов, работает стрип-бар, туда проводится очередной набор девушек. Настя решила попытать счастья, приехала на просмотр, и ее сразу приняли на довольно выгодных условиях.

Принцип деятельности заведения оказался довольно прост. Посетитель приходил в бар и усаживался за столик. При входе плата с него не взималась. Далее он, заказывая коктейль или какое-то блюдо, мог потом наблюдать за шоу с участием стриптизерш. Дотрагиваться до девушки-стриптизерши, находящейся в нескольких десятках сантиметров от него, посетитель не имел права. Единственное, что мог позволить себе разгулявшийся клиент, оценивший достоинства той или иной девушки, это заткнуть за подвязку любую сумму денег. За дополнительную плату ему позволялось пригласить девицу исполнить эротический танец на его столе — не более того.

Настя сразу стала пользоваться успехом в заведении, исполняя популярный, так называемый lap-dance. Она исполняла его, опустившись на колени на подиуме и движениями тела имитируя половой акт. Мужчины, расположившиеся за ближайшими к подиуму столиками, должны были во время исполнения танца сидеть, сложив руки на груди. Никаких вольностей не дозволялось, охрана за этим строго следила и всякий раз выпроваживала вон любителей распускать руки.

Настя получала за вечер пятьсот марок. Рафик тоже стал заглядывать в этот бар и

находил для нее клиентов, которым хотелось нечто большего, чем простое созерцание. Он был достаточно проницателен и сумел завязать нужные контакты с администрацией заведения. Час, проведенный с клиентом наедине, в номере или в джакузи, приносил Насте дополнительно еще 150 марок. Но теперь она поставила перед Рафиком свои жесткие условия — могла отказаться от обслуживания, если клиент ей не нравился. И Рафик вынужден был с этим мириться, ведь Настя продолжала служить ему единственным постоянным источником дохода.

Но все-таки работать в стрип-баре было для Насти гораздо легче и престижней, нежели просто путанить. Удовольствие от шоу получали в основном вуайеристы. Некоторые из них влюблялись в девушку, становились завсегдатаями заведения, лишь бы только на нее посмотреть. Одним из таких постоянных Настиных обожателей сделался Давор — высокий, с довольно впечатляющей внешностью хорват, лет около сорока.

Давор довольно часто приезжал в Гамбург по делам. Он занимался продажей картин и антиквариата, имел здесь крохотную лавчонку на паях с немцем, но сам постоянно проживал в Загребе. Настю он боготворил, называл не иначе, как «мое солнце» или «моя русская царевна», не скупился при этом на щедрые подношения.

Они начали встречаться в каждый его приезд и очень скоро сблизились. Постепенно Настя узнавала о своем поклоннике новые подробности.

Давор, несмотря на респектабельный внешний вид, был неудачником. Неприятности преследовали его с молодости буквально на каждом шагу. Он начал учиться живописи, но как художник оказался бездарен. Потом долго не мог найти своего места в жизни, и в конце концов его бросила жена, прибрав к рукам основную часть наследства. С другими женщинами ему тоже не везло. Причина крылась в его мужской несостоятельности. Давор перенес какую-то сложную болезнь, сказавшуюся потом на его потенции, и Насте в первую ночь их интима пришлось затратить немало усилий, чтобы привести своего кавалера в нужную кондицию. Давор очень стеснялся своего недуга и едва ли не со слезами признался, что она — единственная женщина за много лет, с кем он вновь почувствовал себя мужчиной. Насте же внимание восторженного хорвата было приятно хотя бы потому, что нашлась одна живая душа в этой чужой стране, которая о ней искренне заботилась. Ни о чем другом она даже не мечтала.

Так она жила до той самой ночи, как оказалась в номере с морячком-садистом, а потом на квартире Рафика, где во время обыска Настю арестовала полиция. Рафику тогда удалось скрыться от немецких властей. Что уж он там натворил, каким образом засветился, Настя не знала. Как не знала, куда он мог податься сейчас.

Рафик вообще был человек крайне осторожный и никогда не посвящал Настю в свои планы. О них она могла только догадываться. Наверное, оказавшись в Германии, он хотел выждать какое-то время, год, два, может быть, и больше, пока на родине все уляжется, утрясется само собой, о нем станут забывать и появится возможность воспользоваться хранящимся где-то в одном из европейских банков чемоданчиком с деньгами.

Лишь однажды, в порыве откровения и находясь в сильном подпитии, Рафик рассказал Насте о спрятанном в только ему известном месте чемоданчике с деньгами. При этом вытащил на свет и продемонстрировал ей волшебный ключик от хранилища. На следующий день он спохватился, что сболтнул лишнее, пригрозил девушке, что вырвет ей язык, если она об этом разговоре кому-нибудь даже только намекнет. Где он хранил этот ключик, Настя не

знала. Но во время допроса на квартире Рафика, когда ей позволили сесть на стул возле письменного стола, Настя, отвечая на вопросы полицейских, все время нервно гладила ладонью столешницу. В какой-то момент ее пальцы оказались под столом. Настя нащупала там небольшой пластилиновый бугорок, отлепила его и сунула в карман. Ее уже до этого успели обыскать, но так ничего предосудительного не обнаружили. Повторный обыск в участке не производили. В камере Настя спокойно, во всех подробностях, смогла рассмотреть свою неожиданную находку.

В пластилиновую мякоть был впечатан маленький ключик, который ей когда-то показал Рафик. Настя вытащила его оттуда и спрятала в медальон, постоянно хранящийся у нее на шее вместе с крестиком.

Утро выдалось на редкость холодным. Обычно на старой квартире в это время года уже давно включали отопление, полы тоже были с подогревом, и о наступлении осени с ее дождями и пронизывающими ветрами вспоминалось только на улице. Но в этом доме все было иначе, даже утренние пробуждения.

Он спустил босую ногу на пол. Холодно, но и лежать под одеялом невыносимо... Спустил вторую, отогнул край одеяла и вылез. Стал на пол. В голове гудело, к горлу подкатывал комок. Голый зад тоже мерз без одеяла, поэтому Макс вприпрыжку поскакал в ванную включать горячую воду... Чудесный поток обрушился на голову. Сначала теплый, потом горячий... Минуты летели, двигаться совершенно не хотелось. Глаза открывать тоже. Но надо, время идет, хочешь не хочешь, а на работу идти надо... Решительное движение руки — и струя иссякла. Нет уж, бриться сегодня он точно не будет. Может быть, вообще бороду отрастить? Забот меньше, да и согревает зимой...

Вялые мысли, вялые вождения щеткой по зубам, вялое растирание полотенцем. Бедная головушка... Кофе! Вот он, спаситель, но его же надо еще сварить. Ладно, прорвемся... Или «пробьемся»?.. Откуда у него это выражение?.. Прошло еще где-то минут сорок, и обновленный Макс, уже в джинсах, опять вошел в прокуренную комнату. Натянул поверх майки рубашку и повернулся к окну.

Там был виден серый двор, голые ветки деревьев, невидимый дождик пузырил лужи. Никого, ни единого человека там, на воздухе. Свинцовое небо и вопли телевизора за стенкой у соседей. Нигде не оказалось сигарет, даже в потайном месте, за солидным томом энциклопедии. Зажигалок недобитых штук восемь, а сигареты ни одной... Пустые бутылки, коробки из-под сока. Жуткий запах перегара и перевернувшаяся пепельница на полу. Обычное утро в ставшей с некоторых пор привычной обстановке. Но кроме похмельного синдрома, что-то еще не так. Но что же это?..

Макс еще раз обвел глазами комнату. «Вон в углу грязное полотенце — надо его в ванную, вместе с другим грязным бельем, и вообще, давно в прачечную пора... Бумажки какие-то рассыпались. Это не те, что с работы, их он так и не нашел... Одна подушка валяется на полу, рядом с ковриком. Вторая на месте. На ней, подсунув руку под щеку, спит... как там ее зовут? Валя... Надя... Света... а, какая разница. В его рубашке на голое тело. Пускай спит, будить все равно бесполезно. Надо записку не забыть написать, куда ключ повесить... Так, дальше, стул, на нем висит синий свитер, на подоконнике карандаш и разряженная телефонная трубка... Ладно, где тут куртка? Ага, вот, все, написал, пошел... Ключ, зажигалка... Похлопал себя по карманам. Деньги еще есть, ну и все, потопал, а то уже в ушах звенит без курева...»

Щелкнув замком, он затопал вниз без лифта. Семь этажей — каждая ступенька отзывается в голове. Дверь наружу — и вот он, день, вернее, утро. Холодное, серое. Ближайший ларек маячит на углу. Перепрыгнуть ту лужу, под деревом, потом налево, обойти облезлый «Москвич», вот тут не ступить бы в грязь...

Улица. Сорванные еще сто лет назад ворота беспомощно валяются под дождем. Кто их вообще сюда прилепил когда-то, в проходном дворе? Загадка социализма. Вроде разбитых лампочек в открытых настежь подъездах...

Девочка в синем плащике с мокрой собакой, бабуля со злобным взглядом. Он вспомнил

другую девочку под дождем, из лета. Кажется, ее звали Настя... «Прочь это имя из головы! Зачем? Не надо, ничего уже не вернуть... Ларек, конечно, отстойный, но какая на фиг разница, главное — тут дешево. И пиво тоже есть всегда, несколько сортов, на выбор. Все, какое блаженство! Это так просто — отрываешь полосочку упаковки, открываешь, вытаскиваешь белую трубочку — и вот он, губительный горький свинцовый вкус! Сигарета так быстро закончилась, а пива еще полбутылки, можно не спешить. Зато дождь вроде не такой и противный уже. Время... Ага, еще час. Вот колбасит всего, это ж надо так рано на работу выйти. Значит, можно немного пройтись».

Шагнув в сторону, Макс двинулся в направлении аллеи. Там никого не было. Только груды мокрых листьев на земле и лавочки с грязными сиденьями. По привычке, выработавшейся за это время, он сел на спинку скамьи, облокотился на колени, опустил голову. Голова кружилась, но уже не болела при каждом движении... Как хорошо, главное, ни души тут нет. Только девчонка какая-то сонная с собакой ходит на той стороне. Собрав волосы двумя руками, он пригладил их назад. Теперь долго будут сохнуть. А уши-то как мерзнут. И пальцы. Зима на носу, пора покупать шапку...

Тупо уставившись на носки ботинок, он опять задумался. Не выключил в квартире что-то? Да нет вроде, все проверил. Плита залита кофе, но он ее точно выключил. Видимо, это все-таки вчерашняя пьянка давала о себе знать. Ему стало грустно. Угар вчерашней вечеринки, посиделки до двух ночи. Случайные приятели бегали за пивом раза три. С ними пришла эта девица. Шесть пачек сигарет на четверых курящих...

Дальше все, полная темнота и белый потолок утром. Что было между этим событиями — неизвестно. Но так бывает, хоть и не часто. С тех самых пор, как он продал свою квартиру вместе с машиной и поселился здесь.

Район назывался Свиблово, где-то у черта на рогах. Но это как раз нормально. Ненормально то, что нездоровый организм все еще отзывался на воспоминания о рубашке на голом теле девушки. Его вещи так любила носить дома девушка, воспоминания о которой он гнал от себя, но они все равно приходили, настигали его, в последние дни почему-то особенно часто...

Макс тряхнул мокрой головой.

«А дождь, оказывается, все идет, да еще и сильнее. Время?.. Так, уже надо бежать. Полчаса пролетело. А спал-то всего два с половиной часа, а пил с шести вечера... или даже с пяти?..»

Он соскользнул с лавочки, обогнул ее и в два счета преодолел полуметровое ограждение. Машин здесь обычно мало, пересек улицу наискосок. На углу сел в маршрутку и поехал. Голова была совершенно пустой, мысли закончились еще там, на улице. От волос пахло сыростью. Под расстегнутой курткой виднелось мокрое пятно на свитере. Руки пахли никотином. Крашенная мадам неопределенного возраста недовольно косилась, сидя напротив. Ее мелкие искусственные кудряшки тряслись вместе с машиной на безобразно большой голове. Толстые пальцы с облезлыми ноготками вцепились в ручку сумки, похожую на мешок. Маленькие серые глазки злобно сверлили его лицо.

Макс нагло уставился в ответ. Тогда она быстро отвернулась и стала смотреть через плечо соседа в окно, поджав ноги под сиденье. Девушка рядом надушилась так сильно, что ему захотелось открыть люк на крыше. Но кто же позволит в конце ноября ехать с открытым люком? Не жарко на дворе, скорей наоборот. Хотя, надо заметить, девушка славенькая, пухлые губки, носик маленький. Волосы по плечам завитые и политы лаком. Вся такая

ухоженная, как пудель. Только ленточки не хватает.

Соскочив с подножки, он чуть не ушиб голову. Какой идиот придумал низкие двери в машинах! Как будто их строили японцы или корейцы. Куда тут человеку с ростом выше среднего спокойно зайти и выйти. Угрюмый водитель отсчитал сдачу и покатыл дальше. Дождь на время прекратился. Но опять вспомнилась Настя...

Она бы без хлопот вышла из маршрутки, даже не пригнувшись. У нее такие маленькие, аккуратные ступни. Она обычно ходила в его тапочках, но все время выскальзывала из них. Она любила носить его вещи... Неужели он мог теперь спокойно ложиться в постель и спать там с другой девицей? Оказалось, что мог... И ничего, никаких особых угрызений совести. Наверное, потому, что даже не знал имени этой девицы или не запомнил. Зато в мелких подробностях выплыло для него сейчас воспоминание о том, как это у них было с Настей. Ее глаза, сияющие от счастья, ее шутки, движения...

Он зажмурил глаза и даже застонал.

— Что с тобой, Макс? — спросил сидевший с ним за одним столом парень по имени Кирилл. — Опять вчера случился перебор?

— Да вот, завис, собака!.. — Макс указал на стоявший перед ним системный блок. — Все виснет и виснет, а от чего — второй день не могу понять...

— Компьютер как член, — подхватил беседу сидящий за столом напротив Саша. — Если завис, пальцами теревить бесполезно... Но у тебя, Макс, видать, совсем другое... Неправильный опохмел с утра приводит к непредсказуемым последствиям... Хочешь совет? Даю сейчас совершенно бесплатно, с получки отдашь.

— Не хочу, — мотнул Макс головой, чтобы только отвязаться от него.

— Эй, вы там! — послышался голос из-за перегородки. — Кончайте базар!.. Скоро клиент приедет, а у вас еще ни хрена не готово!..

Это Игорь, шеф. Максу он ровесник, как, впрочем, и остальным ребятам. Но строит из себя фигуру, любит командовать, поучать. Макс устроился на работу в небольшую фирму, где собирали компьютеры на заказ. Работа не пыльная, даже порой отвлекала от лезших в голову назойливых мыслей. И платили прилично по нынешним временам. Хватало на выпивку и сигареты.

На какое-то время в комнате воцарилось молчание, нарушаемое лишь тихим, равномерным гудением приборов. Но Кирилл долго не выдержал, наклонился к Саше как можно ближе и спросил шепотом:

— А что за совет? Может, он мне больше пригодится...

— Почаще улыбайся, наш шеф любит идиотов!.. — охотно поделился сокровенным коллега, едва сдерживая при этом смех.

Кирилл, попавшись на удочку, тоже не остался в долгу:

— Ах ты наша умница! Видеть тебя одно удовольствие, а не видеть — другое...

И вот так каждый день, кроме, естественно, субботы и воскресенья. По выходным Макс предпочитал вообще не вылезать из дому. Заранее запасался водкой, пивом, креветками, другими продуктами и керосинил в полном одиночестве. Если, конечно, не беспокоили друзья. Хотя какие друзья?.. Одно название теперь.

До обеда он работал словно автомат и уже чувствовал себя вполне в норме, только вдруг заныл желудок. Нестерпимо захотелось есть, может быть, даже выпить еще пива. И глаза невыносимо болели от напряжения. Гул голосов в комнате убаюкивал. Игорь, шеф, долбал, как обычно, но в меру. Только Макс был все это время спокоен. Красотка бухгалтерша

заглянула к ним насчет премии. Макс безрадостно выключил компьютер и пошел за получкой. Полпачки сигарет он забыл у себя на столе. Но курить хотелось не сильно. Впрочем, на улицу тоже не хотелось. Там сейчас шел снег вперемишку с дождем. Болело горло, простуженное еще три дня назад.

Под конец рабочего дня Макс уже полностью убедил себя, что если уж пить, то только в одиночку. Тогда можно хоть отоспаться как следует. И вот от этой трезвой мысли его отвлекли, позвали к телефону.

Звонил Федот. Сказал, что есть подвижки по вопросу, в котором у них имеется общий интерес. Поэтому надо встретиться. Лучше не откладывать, а прямо сегодня. Макс, не раздумывая, ответил согласием. Его собеседник уточнил место и повесил трубку.

Федот появился в поле зрения Макса не в самый лучший период его жизни. Смирившись с мыслью, что Настю ему уже не вернуть никогда, Макс дал объявление в газету о продаже квартиры и другого имущества. Федот оказался маклером по недвижимости, причем знал свое дело профессионально. Сделал все от него зависящее, чтобы клиента не «кинули» во время совершения сделки, порекомендовал надежный банк, куда следовало внести вырученные от продажи деньги, также нашел за умеренную цену эту однокомнатную квартирку в Свиблово. Он же помог Максиму подыскать неплохую работу.

Когда обмывали сделку, Макс, что называется, «поплыл» и выложил новому знакомому свою печальную историю. Федот выслушал его внимательно, не перебивая. Потом сообщил, что все это дело рук Рафика и он знает людей, которым этот человек тоже порядком насолил. Они не прочь были по квитаться с прытким сутенером, и Федот готов был Макса с ними свести. Но требовалось немного подождать. В тот раз Макс не особенно ему поверил, подумал только — человек проникся к нему сочувствием и захотел утешить, чтобы он окончательно не разочаровался в жизни. Правда, Федот звонил ему еще пару раз, интересовался, как у Макса дела, но при этом даже не заикался о своем предложении. И Макс окончательно уверился в том, что его новый знакомый таким образом проявлял человеческое внимание, ничего больше. Но сегодня, когда Федот опять позвонил, странное предчувствие, смешанное с непонятной радостью, охватило Макса. Оставшееся на работе время он просидел как на иголках и, едва стрелки на часах показали семь вечера, почти бегом устремился на улицу ловить такси.

Встреча была назначена неподалеку от дома, где он теперь жил. В небольшом питейном заведении, довольно грязном и неуютном, которое местные обитатели, в основном пожилые опустившиеся люди «из бывших», за глаза именовали Бородавкой. Здесь обычно подавали дешевую самопальную водку и пиво в розлив под такую же незамысловатую закуску. Макс изредка, когда уж совсем иссякали деньги, а до полочки оставалось еще несколько дней, забегал сюда с похмелья, чтобы освежиться. Публика была простая, никто не лез с вопросами, не нарывался на конфликт. Здесь не только выпивали, но еще играли в шахматы или домино, ставкой служила порция водки. Иногда, правда, устоявшуюся атмосферу будоражил своими воплями седой бородатый мужичок по кличке Бетховен, местная достопримечательность. Перебрав, он терял над собой контроль и пытался орать арии из опер, слов которых не помнил совершенно, потому в основном брал на голос. В таких случаях целовальник вызывал наряд милиции. Стражи порядка молча брали мужичка под белы руки и отволакивали в воронок. Все опять успокаивалось, жизнь протекала равномерно. Лучшего места для конфиденциальной встречи, чтобы лишний раз не мозолить глаза особо любопытствующим гражданам, придумать было трудно.

Федот уже ждал Макса, сидя у окна за маленьким столиком на двоих. Они заказали себе по пиву с порцией креветок и перешли к делу. Федот без предисловий сообщил, что теперь точно установлено — Рафик с девушкой отправился за границу, в Германию. В каком точно месте или городе они там обосновались, узнать пока не удалось. Но заинтересованные люди хотели бы точнее выйти на след своего обидчика. Здесь у них и у Макса имелся общий интерес. Вопрос лишь в том, захочет ли Макс им помочь разыскать Рафика и заодно вернуть себе девушку?..

Макс ответил согласием. Внезапная решимость пришла к нему. Он сделает все, что в его силах, даже если ради этого придется расшибиться в лепешку.

— Не горячитесь так, выслушайте сперва все до конца, — тихим голосом продолжал внушать ему Федот. — От вас требуется только одно. Поехать в Германию, использовать там свои бывшие связи и попытаться выяснить, где точно этот тип может скрываться. Девушка тоже сможет в этом помочь, ее вам будет разыскать гораздо легче. Сам род занятий, к которым Рафик наверняка ее там принуждает, заставляет вашу подругу постоянно находиться на виду. А жизнь там у нее не сахар, она будет рада вырваться из лап сутенера любыми способами, даже отомстить ему... Это основная причина, которая подвигла моих знакомых обратиться к вам. В случае удачи сами не предпринимайте никаких решительных действий, тем более не обращайтесь в полицию. Рафика это может только спугнуть. Позвоните по этому телефону и ждите сигнала, когда можно будет забрать девушку. Дальше распоряжайтесь своей жизнью, стройте планы, как вам заблагорассудится. Но, естественно, о нашем уговоре, при любом исходе, больше никому ни слова. Девушку тоже не стоит посвящать в детали. Вы не могли без нее жить, отправились на поиски и нашли ее по своим каналам — все...

Макс кивнул, скомкал в кулаке, а потом спрятал в карман листочек с телефоном, который передал ему Федот. Они допили пиво и поднялись.

— Когда вы смогли бы улететь? — спросил Федот уже на улице.

— Когда? — Макс задумался, но совсем ненадолго. — Думаю, в самые ближайшие дни. Мне только нужно будет договориться на работе. Что-нибудь придумаю.

— Хорошо, — кивнул Федот. — Поездку вам тоже оплачивают, вот... — он незаметно протянул Максу небольшой бумажный сверток, который тот сразу спрятал в карман куртки. — Здесь должно хватить на дорогу туда и обратно, перемещение и проживание в Германии, другие расходы. Но особо не шикуйте, чтобы не бросалось в глаза... И вот еще что... Советую вам на время завязать с этим делом, — Федот выразительно щелкнул себя пальцем по кадыку. — Если нам с вами повезет и все получится, как задумано, вы сможете вместе с девушкой начать новую жизнь. Потому лучше совсем забудьте про алкоголь... Ну, все тогда. Остальные детали мы обсудим перед вашим отъездом.

Они пожали друг другу руки и попрощались. Федот сел в свою машину и уехал, а Макс направился к себе домой. Девушки, имени которой он так и не запомнил, уже не было в его квартире. Макс вздохнул с невероятным облегчением. Но тут же прошел в комнату, остановился в углу, где висела икона.

Обновленный Спас Иммануил смотрел на него строго и, как показалось Макс, с некоторой укоризной.

— Господи, — прошептал он, склоняя голову перед иконой. — Ничего ради себя не прошу, но умоляю, помоги мне ее найти...

В камере полицейского участка Настю продержали три дня. Никто к ней больше не навещался, на допросы тоже не вызывали, но продолжали кормить, регулярно, с немецкой педантичностью, три раза в день и довольно сносно. На четвертый день ее заключения Настю отвели к следователю. Тот сообщил, что для нее есть хорошая новость. Среди вещей на квартире Рафика обнаружили Настин паспорт с просроченной туристической визой. Теперь личность госпожи Снежинской окончательно установлена.

Если бы вся ее вина ограничивалась только этим, да еще незаконным занятием проституцией на территории страны, Настю, скорее всего, ждала депортация на родину в самое ближайшее время. Обычная в таких случаях мера, которую германские власти применяли к женщинам из бывшего СНГ, любыми правдами и неправдами проникавшими в ФРГ в поисках работы. Но имелось еще заявление российского моряка в местную полицию. Он якобы провел ночь в номере гостиницы с проституткой, которая его опоила, вколола ему наркотики, а потом обокрала и сбежала к своему сутенеру. Собственно, логово сутенера и обнаружила полиция по горячим следам, но его самого там не оказалось. Но вся эта история для ее участников пахла сроком, и немалым.

Внешность Насти в чем-то совпадала с описанием пострадавшего, а в чем-то нет. Устроить же очную ставку им не могли, так как морячок в тот же день отбыл из порта Гамбурга на своем судне и неизвестно теперь, когда он опять здесь появится, да и появится ли вообще. Одним словом, подозрения имелись, но без веских доказательств. И поскольку Настя все отрицала на допросе, даже связь с пострадавшим, окончательно ее судьбу должен был решить суд. Но вот когда должно было состояться заседание судебной коллегии, это уже не ему, следователю, решать. Потому оставшееся до суда время Насте предстояло провести в тюрьме.

Муниципальная тюрьма города Гамбурга по нашим скромным меркам могла на первый взгляд сойти за дом отдыха закрытого типа или санаторий для больных, с кем врачи не рекомендуют общения. Камеры благоустроены и всегда открыты, днем можно беспрепятственно гулять по территории в ограниченной зоне. Отдельный туалет с французской сантехникой. Ванна, душ, стиральная машина. Настольный теннис для всех желающих. Кормили заключенных тоже довольно прилично, почти каждый день давали фрукты, овощи, мясо. Еду приносили отбывающие срок немки под надзором женщин-полицейских, и помещения убирали тоже зечки. В тюрьме имелся свой магазин, где продавались продукты и практически все, что необходимо женщине в повседневной жизни. В комнате для свиданий стояли автоматы с напитками, конфетами, сигаретами.

Несколько раз для развлечения узниц к ним привозили местных рок-музыкантов. Концерты пользовались невероятным успехом. Женщины, в особенности молодые, на время забывали, где они находятся, и отплясывали под ритмы оглушительного рока не хуже, чем на обычных молодежных тусовках. Прошел даже слух, что к Рождеству, которое было уже не за горами, администрация тюрьмы готовит настоящий костюмированный бал с танцами и подарками.

Камера, куда определили Настю после душа и медицинского осмотра, состояла из двух жилых блоков. В каждом из них умещалось по двенадцать человек. Между блоками — туалет. На ночь камеры запирались на замок. В одиннадцать часов вечера во всех блоках отключали свет. Бывших соотечественниц вместе с Настей было здесь около двадцати. В основном все они тянули срок за одну и ту же провинность: просроченные визы, отсутствие вида на жительство, незаконное занятие трудовой деятельностью, проституция, мелкое хулиганство, воровство. Но были здесь женщины из других стран Восточной Европы, а также немки, сидевшие в основном за воровство.

Неуемная потребность русских всюду оставлять свои автографы привела к тому, что стены временного Настиного жилища напоминали причудливые обои. По ним можно было заново узнавать географию бывшей огромной страны. Женщины из разных уголков России, Украины, Белоруссии, Молдавии, некоторых других республик давали знать о себе, искали знакомых, угрожали кому-то, кому-то передавали приветы, оставляли о себе на память трогательные четверостишия и рисунки. Среди прочих были там предупреждения относительно нравов надзирателей, порядков и тюремного священника: «Девчонки, не верьте попу. Он шестерка». «Девчонки» особо с батюшкой не общались. И местную церквушку посещали не из религиозных чувств, а в основном чтобы украсть свечи. Тогда ночью можно было не сидеть в темноте, а устраивать себе маленькие развлечения. Например, устроить танцы со стриптизом.

«Конечно, если застукают на воровстве, карцера не избежать», — предупредила Галина, девушка с Украины, с которой Настя близко познакомилась в первый же день. У Галины был день рождения, и она попросила Настю помочь ей испечь торт. Сахар, муку, сгущенку для крема и некоторые другие ингредиенты можно было беспрепятственно приобрести в тюремном магазине. Но Галине этого показалось мало. Она набралась наглости и потребовала, чтобы надзирательница достала ей еще пятьдесят граммов коньяка «для вкуса». Удивительно, но коньяк она получила. За деньги, конечно, и по официальному разрешению

начальника тюрьмы. Правда, надзирательница стояла и смотрела, чтобы девчонки употребили этот коньяк по прямому назначению.

Торт они дружно слопали вместе с сокамерницами еще до отбоя. Только трое немок не принимали участия в праздничной трапезе, с каменными лицами сидели по своим углам. А когда погасили свет и в тюремных блоках установилась тишина, девушки повыползали из-под одеял, зажгли свечи и, собравшись в тесный кружок вокруг Галины, с нетерпением стали ждать начала представления. А она, взобравшись на стол, прохаживалась по нему и все рассказывала, как пуганила в Германии в течение полугода, какие наряды при этом носила, как приваживала кавалеров и какие все мужики одинаковые и глупые, их ничего не стоило обвести вокруг пальца.

Галина конечно же была артистка. То, что трудно было выразить словами, она дополняла жестами, не всегда пристойными, но зрительницы буквально покатывались от смеха, глядя на нее. Даже худая, хмурая старуха, неизвестно как и за какую провинность оказавшаяся в тюрьме, тоже улыбалась беззубым ртом, вытирала сухой ладошкой шершавые сморщенные щеки и глядела на Галину умильным взором.

Тут поднялась с кровати одна из немок, направилась к стоящей на столе Галине и что-то зло залопотала на своем языке. Всех слов в этой сердитой скороговорке разобрать было сложно, но смысл протеста немки Насте все же удалось уловить. Ее яростная тирада сводилась к тому, что русские мешают остальным спать, нарушают тюремный порядок и пора бы им уgomониться.

— Да пошла ты!.. — Галина презрительно скривила губы и отпустила в адрес немки витиеватое матерное выражение на родном языке.

Однако немка поняла и взбесилась еще больше. Продолжая выкрикивать ругательства, она ухватила Галину за подол платья и потянула вниз. Материя затрещала и порвалась до самой талии. Галина не осталась в долгу и с ходу двинула немку ногой в плечо. Та завизжала страшным голосом, вытянула руки, стараясь ухватить Галину за ноги. На помощь немке со своих коек бросились ее соотечественницы. А еще через мгновение в центре блока образовалась куча мала. Девицы размахивали руками, колотили друг друга куда попало, визжали, царапались, плевались. В ход были пущены одеяла, подушки и другие предметы, которые попадались под руки. Насте тоже досталось в общей свалке. Вначале ей отдавили ногу, а потом пару раз больно ударили в лицо. Свечи попадали со стола, от их пламени вспыхнул газовый шарфик одной из девушек. Потянуло паленым, и это еще больше усилило панику. Теперь кричали уже все находящиеся здесь. Пробудились и вторили им запертые обитательницы из соседних блоков.

Тут ярко вспыхнул свет, лязгнул замок в двери, она распахнулась настежь, и в камеру влетели надзирательницы с дубинками в руках. Двое из них, широко расставив ноги, остались стоять по обе стороны двери, а старшая, по имени Эльза, ни слова не говоря, рванулась с дубинкой, воздетой кверху, в самую гущу дерущихся и визжащих женщин. Там надзирательница принялась раздавать удары налево и направо, свободной рукой хватала участниц драки и оттаскивала их друг от друга. Через минуту-другую ей кое-как удалось навести в блоке порядок и распихать девиц по разным углам. О недавнем побоище свидетельствовали лишь беспорядочно разбросанные повсюду вещи, ссадины и ушибы на телах сокамерниц, да еще вонь, идущая от дотлевающих на полу тряпок.

Эльза сама вершила свой суд и быстро определила виновных. Галину как организатора торжества и Настю, помогавшую в подготовке события, отправили в карцер. Это была узкая

комната с высоким потолком и льющимя оттуда ярким светом, который никогда не выключали. Иностранцев сажали сюда не более чем на трое суток. И весь этот срок Настя провела вместе с Галиной.

Новая подруга восприняла наказание спокойно. Она сидела в тюрьме уже четвертый месяц и за это время успела побывать в карцере несколько раз. В основном тоже за драки. Потасовки между заключенными случались в камерах довольно часто и главным образом по инициативе немок. Те ненавидели приезжих иностранок, которые, по их мнению, отбивали работу у местных девушек, составляя им конкуренцию в таких видах деятельности, как стриптиз и проституция.

Как правило, девушки из стран Восточной Европы менее привередливы, чем немецкие, соглашались на любую работу, лишь бы им платили и обеспечивали жильем. За последние годы они, таким образом, сильно сбили цены и потеснили с панелей местных путан. Во всей многослойной и запутанной схеме секс-трудоустройства в Германии у приезжих девушек был только один недостаток: иностранки вынуждены были работать там нелегально, что делало их уязвимыми перед законом. А немки этим пользовались, всячески подставляли конкуренток и мстили им при каждом удобном случае. Вражда не утихала ни на мгновение.

Галина охотно делилась с Настей своими наблюдениями относительно местных нравов. Но о своей прошлой жизни рассказывала скупно, не вдаваясь в подробности. Видно было, что ранее она пережила какую-то личную драму, что потом определило ее дальнейшую жизнь. Настя это почти сразу поняла и не приставала к ней с расспросами.

Вообще Галина держалась молодцом и не теряла присутствия духа в любой ситуации. Поэтому Настя очень удивилась, когда, проснувшись, увидела свою новую подругу плачущей. Ее лицо было залито слезами, и слезы капали отовсюду — из глаз, из носу и из небольших морщинок в углах ее губ, которые делали ее рот трагичным.

— Галя, ты чего? — Настя придвинулась к ней, пытаясь успокоить. — Ты такая красивая. А столько восторга у всех ты вызвала, когда танцевала и рассказывала нам в свой день рождения!.. Ты всем нам дала от себя немножечко счастья...

— Ну что ты мелешь?.. — Галина вдруг резко оттолкнула ее от себя. — «Красивая, дала немножечко счастья»... Где ты видишь счастье? В чем оно у тебя?..

Настя сочла за благо промолчать. А Галина перестала всхлипывать, вытерла глаза и сказала, глядя куда-то в пустоту:

— Все на земле неверное, приходит и уходит. Красота тоже. Вот состаришься, и кому ты тогда нужна?.. Не надо привыкать к своей красоте, не в этом счастье. Надо искать для себя выход в чем-то другом...

Уже немного позже Галина призналась ей, что рассчитывает заработать денег, вернуться к себе на родину, поступить в университет на факультет журналистики и когда-нибудь написать обо всем увиденном и пережитом.

Незадолго до Рождества участь Галины решилась. Суд постановил депортировать ее на родину. К удивлению провожавших ее девушек, сама Галина восприняла такую новость без радости. Весь день перед выходом из тюрьмы она ни с кем не перемолвилась ни словом, пролежала на своей койке, отвернувшись к стене.

Утром Настя пошла проводить Галину до вахты. Они попрощались без лишних слов, лишь обнялись. Настя видела, как Галину почему-то провели в мужскую зону. И сразу же туда впустили какого-то парня. Был он какой-то маленький, невзрачный и тоже, как и

Галина, с вещами в руках. Настя, заметив его во дворе, сначала даже не придавала этому значения. Но вот парня подвели к Галине, и оказалось, что тот почти на голову ниже ее, хотя крепок и широк в плечах.

Как только Галина увидела его, с ней началась истерика. Она закричала что-то нечленораздельное и с кулаками набросилась на парня. Тот вяло уклонялся от ее ударов, отступая и затравленно при этом оглядываясь.

Двое охранников тут же повисли на руках Галины, пытаясь ее оттащить. Волосы ее растрепались, и она продолжала орать уже во весь голос:

— Пустите!.. Заберите меня!.. Заберите меня от него!.. Заберите меня!.. Пусть уйдет!.. Пусть уйдет!.. Пусть уйдет!.. Я не хочу, скажите ему, я не хочу его видеть!.. Пусть оставит меня в покое!.. Скажите, пусть уйдет!.. Пусть уйдет с моих глаз!.. Скажите, я ненавижу его, ненавижу!.. Пусть уйдет, скажите... Скажите!!!

Охранники уволокли ее куда-то в подсобное помещение, орущую до беспамятства, рвущуюся из рук. В последний момент Галина оглянулась еще раз, посмотрела на мир с такой беспросветной тоской, что Насте сделалось не по себе. Спустя минуту коротышку парня завели в ту же дверь.

Уже после Настя узнала некоторые подробности истории Галины. Коротышка оказался ее сутенером. На Украине, в своем небольшом городке, Галина была безумно в него влюблена. Как и большинство их сверстников, они были вынуждены прохлаждаться без работы. Парень уговорил Галину податься на заработки за границу. Но едва они пересекли границу Германии, как объект ее пылкой страсти заставил девушку выйти на панель. Их вместе и замели во время торга с клиентом, направили отбывать срок в одну и ту же тюрьму. А сейчас вместе депортировали на родину. Что было дальше, как поступила Галина с предавшим ее коротышкой, — Настя так никогда и не узнала.

Все время, пока Настя находилась в тюрьме, она не переставала удивляться тамошним порядкам. Вольности и льготы, которые по немецким законам предоставлялись заключенным, казались непонятными, а порой даже слишком либеральными человеку, выросшему и воспитанному в нашей стране, при наших законах и всеобщему негативному отношению к зекам.

Например, здесь на счет каждого заключенного ежемесячно перечислялась определенная сумма. Правда, на руки эти деньги не выдавали, лишь вычитали потраченное на продукты в магазине. Остальную сумму можно было снять лишь после окончания срока пребывания в тюрьме. Настя не знала толком, сколько у нее уже накопилось на счету, оставаясь к этому равнодушной.

В комнате свиданий работали телефоны-автоматы для заключенных. Покупаешь телефонную карточку за пятьдесят марок — и звони в любой город Германии. Правда, предоставлялась такая услуга только за наличные.

Поначалу Настя не думала никому звонить. Стыдно было, что кто-нибудь узнает о ее нынешнем месте пребывания. Да и знакомых здесь у нее не было, разве что девчонки из бара. Но что она им скажет?.. Залетела, мол, принесите вещи, продукты, косметику. Так этого добра хватало и здесь, в магазине. А выслушивать лишний раз охи, ахи и соболезнования, причем не всегда искренние, тоже претило. Поэтому Настя до поры никому не давала о себе знать, полагая, что так спокойнее.

Но тут она вспомнила о Даворе. Просто листала какой-то журнал, там ей попалась, заметка о продавцах антиквариата, и в памяти невольно всплыл ее восторженный поклонник из Хорватии. Не то чтобы ей очень хотелось его увидеть. Но Давор был не чужд сентиментальных настроений, вполне мог откликнуться на ее просьбу, приехать на свидание. А там... Можно было попросить его позвонить в Москву, Максу...

Мысль дерзкая, почти фантастическая. Настя уже давно научилась мыслить трезво, понимала, что была нужна хорвату, пока находилась на свободе. Как Давор воспримет ее нынешнее положение?.. У него свой бизнес, хоть какое-никакое, но положение в стране, репутация среди местных партнеров. Захочет ли он этим пожертвовать ради того, чтобы встретиться с девушкой, которая находится в заключении?.. А Макс?.. Вспомнит ли о ней, захочет ли понять, простить, броситься на выручку?..

Какое-то время Настя колебалась. Стоило ли все это затевать, чтобы потом испытать горькое разочарование, а вместе с ним еще один позор и унижение?.. И все же, и все же... Попытка не пытка — решила она. Теперь следовало раздобыть деньги, чтобы выкупить карточку и сделать звонок.

Одалживать деньги в тюрьме у своих товарок по заключению — дело, заранее обреченное на провал. Здесь можно было поплакаться в жилетку, облегчить душу, рассказав свою историю, которую выслушают с пониманием, а заодно дадут добрый совет, столь же щедрый, сколь и бесполезный. Но все, что касалось денег, находилось в этом мире под знаком табу. Потому что те, у которых водились деньги в заключении, попадали в высшую тюремную касту, имея за это дополнительные привилегии.

Настя сразу отбросила этот вариант и принялась обдумывать другие возможности. Она уже знала, что на территории тюрьмы находится церковь, где имелся также православный

приход. Правда, священника заключенные не любили и опасались с ним общаться. Тот служил не столько Господу, сколько являлся для надзирателей дополнительным источником информации, попросту был стукачом. Выслушивал жалобы и тайные просьбы прихожан, а потом скрупулезно доносил обо всем в администрацию.

Настя всего лишь раза два или три посетила церковь. Но вспомнила, что кроме священника видела там пожилую женщину. Она продавала свечи и нательные крестики, помогала убираться в храме, выполняла другую мелкую работу. Заключенные отзывались о ней всегда только хорошо. Добрейшая душа, она как могла помогала заключенным, ведь у многих из них на воле совершенно не было знакомых, им некому было принести сменную одежду, деньги, передать письма родным или знакомым.

В ближайшее воскресенье Настя пришла в церковь. Женщину она увидела сразу, но не стала заводить с ней беседу, лишь купила у нее свечи, поставила их у иконостаса, постояла возле иконы Богоматери. И, лишь дождавшись, когда церковь почти совсем опустела, вновь подошла к женщине.

Настя не стала таиться, подступаться издалека. Она уже решила для себя — будь что будет, и потому сразу, в двух словах, изложила женщине свою просьбу. Ей нужны деньги, чтобы позвонить друзьям. Одалживать она не хочет, но может отработать. Помочь убратсья в храме, например вымыть полы.

Женщина выслушала ее со вниманием, посмотрела своими добрыми глазами и сказала просто:

— Много не говори... Мы, русские, должны держаться друг за друга и друг другу помогать... Вот тебе деньги. Отработаешь за три раза. А если чего еще понадобится, приходи всегда, без стеснения...

Настя спрятала купюру достоинством в пятьдесят марок за лифчик и, как договаривались, вымыла в церкви полы. Покончив с уборкой, она прямиком отправилась в комнату для свиданий и купила в окошке карточку для переговоров.

С сильно бьющимся сердцем Настя набрала номер. Но волновалась она напрасно. На противоположном конце никто так и не взял трубку. Тогда Настя сообразила, что сегодня воскресенье и все конторы в городе закрыты на выходной.

На следующий день она опять подошла к телефону-автомату, но уже спокойно, без внутреннего трепета набрала нужный номер.

Мужской голос ей ответил по-немецки, что господин Давор в настоящий момент отсутствует. С трудом подбирая слова из своего скудного немецкого лексикона, Настя попыталась узнать, когда же будет господин Давор. Но ее собеседник пробормотал что-то невразумительное и бросил трубку.

Первая неудача не смутила Настю. Она знала, что Давор большей частью находится у себя в Хорватии, и решила повторить попытку через несколько дней. Главное, у нее теперь была карточка, с помощью которой можно было разговаривать еще почти двадцать минут. В следующий раз она позвонила и потребовала у невидимого собеседника, чтобы тот назвал точный срок приезда господина Давора.

На этот раз ее невидимый собеседник оказался более словоохотлив.

— О, да!.. — ответил он ей. — Давор будет через три дня. Вы по какому делу?.. Может быть, я смогу ему передать вашу просьбу или заказ?.. Как вас ему представить?..

Настя не стала себя называть, передавать тоже ничего не захотела. Сказала только, что желает сделать господину Давору сюрприз. А сама смотрела на счетчик в аппарате,

отсчитывающий драгоценные секунды. У нее оставалось еще двенадцать минут на последующие звонки, поэтому следовало экономить.

Была пятница. Через день, в воскресенье, Настя опять сходила в церковь, чтобы отработать свой долг. Женщина накормила ее домашним обедом и поговорила с ней более подробно. Сказала между прочим, что если у нее есть знакомые на воле, то они могут внести в магистратуру соответствующую сумму и тогда, возможно, Настю смогут отпустить под этот залог.

В понедельник она опять пришла в комнату для свиданий. Привычно уже набрала номер и услышала в трубке знакомый голос Давора:

— Солнце мое!.. Моя царевна!.. Я так скучал без тебя!.. Как это будет по-вашему... много-много!.. Ты меня бросила, совсем разлюбила?.. О, чем я заслужил?..

Насте даже почудился слабый всхлип на противоположном конце провода. От смеха она удержалась, лишь глядя на мелькавшие перед глазами цифры счетчика.

— Давор, я тебя не бросила, я здесь... Но я сейчас не могу долго говорить, объяснять, у меня мало времени... Так что, если хочешь, приезжай...

— Конечно, я приеду, радость моя!.. А ты сейчас где?

— В тюрьме.

— Где, где?.. Тебя плохо слышно, еще раз повтори...

— В тюрьме... — повторила Настя.

В трубке возникла пауза.

— Ты шутишь? — спросил он совсем тихо, упавшим голосом.

— Нет, Давор, не шучу. Это чистая правда. Я в тюрьме, жду суда. С тобой разговариваю по автомату, и у меня заканчивается время...

Он опять замолчал. Так продолжалось секунд тридцать. Цифры на счетчике неумолимо отсчитывали своей бег. И Настя подумала, что на этом их разговор закончится, но не испытала ни малейшего сожаления, ей вдруг стало все безразлично.

— Я сейчас приеду!.. — словно сквозь вату донесся до нее голос Давора. — Жди меня, мое солнце, я скоро буду!.. Все сейчас бросаю и мчусь к тебе!..

Настя медленно опустила трубку на рычаг. И тут же прислонилась к стене. Она не знала, радоваться ей теперь или, наоборот, печалиться. Но дело уже было сделано. Она решилась на этот шаг отчаяния, и ей оставалось только ждать последствий.

...Перед глазами у Макса маячила гигантская, будто заслоняющая собою весь мир стена серого дома напротив. Окна были наглухо закрыты и за ними ни души. Только в одном слегка приоткрыта створка. Он сосредоточил взгляд на этом окне — ничего примечательного, просто темный квадрат в зыбком еще, утреннем свете с выбивающейся полоской тюля и пустой стеклянной вазой на подоконнике.

Странный, скрежещущий звук послышался снизу. Потом что-то глухо ухнуло, словно обвалилось на землю. Макс подошел вплотную к окну и посмотрел вниз. Он увидел узкий двор, похожий на пенал, и уборочную машину, в которую грузчики ставили мусорные баки. Секунду он оторопело продолжал наблюдать за их работой, потом выпрямился и плотно задернул шторы на окне. Вернувшись к столу в центре номера, Макс уселся в кресло и бросил взгляд на стоящий перед ним телефон. Аппарат молчал уже второй день подряд, с тех самых пор как он спустился по трапу самолета в берлинском аэропорту и поселился в этой гостинице.

В этот раз Германия встретила Макса совсем иначе, нежели в прошлый его визит в эту страну. У него здесь было много знакомых. Большинство просто деловые партнеры, хотя некоторые из них еще недавно признавались ему в своей дружбе. «С тобой приятно вести дело, Макс!.. Ты все понимаешь с полуслова!..», «Ты настоящий парень, я всегда готов пойти тебе навстречу...», «Мой дом — это твой дом!..», «Макс, мы ждем тебя! Приезжай скорей!..» — примерно такие фразы звучали в его адрес на переговорах этим летом или когда немцы провожали «своего русского друга» в аэропорт. Но теперь между ними и Максом словно выросла невидимая, непробиваемая стена.

Конечно, он не ждал, что здесь его опять встретят с распростертыми объятиями. Бизнес есть бизнес, эти люди привыкли ценить свое время, иметь дело с равными и себе подобными, а Макс для них был уже не президент уважаемой фирмы, просто турист, частное лицо, с собственными интересами. Он это хорошо понимал и надеялся только на сочувствие со стороны бывших партнеров, на то, что его хотя бы выслушают и помогут на первых порах разобраться в ситуации. Однако на месте его постигло горькое разочарование.

Макс, едва оказавшись в номере и кое-как бросив вещи, принялся звонить по телефону своим немецким знакомым. Но секретарши отказывались его узнавать, а на просьбу соединить со своим шефом заученно отвечали, что тот в отъезде, либо на совещании, либо просто никого не принимает в этот день, и даже чтобы поговорить с ним, нужно записываться заранее. С теми же, кому удавалось дозвониться напрямую, разговор был и вовсе коротким. «Да, привет... Ты откуда?.. Ах, здесь по делам!.. Рад, очень рад тебя слышать, но понимаешь...» — и далее следовали путаные объяснения с перечислением причин, почему его не могут встретить, принять, просто с ним поговорить по душам. И никто его не пригласил даже пообедать, хотя бы из вежливости.

Но не это сейчас заботило Макса. Он оказался здесь, в чужой стране, в совершенном вакууме, не зная, с чего начать, к кому обратиться. Не в полицию же, черт побери! Но тогда — куда?.. Впереди был полный тупик, как это здание, что напротив его окон.

Оставаться дальше в номере было невыносимо. Макс спустился вниз, наскоро позавтракал в гостиничном кафе, заказав себе кофе с бутербродами, после чего решил немного прогуляться по городу, чтобы привести мысли в порядок.

Моросил мелкий дождь, ветер срывал с ветвей деревьев последние листья. Большая стая ворон вспорхнула над Потсдамской площадью. Вдали виднелось здание библиотеки. Макс миновал цирк Алекан, вышел на набережную Ландверканала. Блики утреннего света отражались на поверхности воды, волны неслышно ударялись о каменный берег.

Макс повернул в сторону старого вокзала. В выплескивавшемся из подземного перехода со станции метро потоке служащих, учащихся и прочего торопящегося по своим делам люда он чувствовал себя совершенно затерянным. Взгляд его случайно задержался на витрине газетного киоска. Люди, нырявшие в подземку, спешили запастись свежими экземплярами утренних изданий. Как же это он сразу не подумал?.. В газетах могла быть хоть какая-то информация.

Макс подошел к киоску и, не глядя на заголовки, попросил у продавца продать ему все сегодняшние номера и даже те, что остались с прошлых дней. Продавец охотно исполнил его просьбу, с улыбкой отсчитал сдачу, которую Макс не глядя сунул в карман.

Вернувшись к себе в номер, Макс отбросил в сторону плащ, разложил газеты на столе и принялся их изучать одну за другой. Язык он знал неплохо и для начала решил сосредоточить внимание на скандальной хронике.

Здесь ему довелось узнать много любопытного.

Так, в федеральном центре по вопросам здорового образа жизни вычислили, что со жрицами любви регулярно сливается в экстазе каждый четвертый гражданин мужского пола благополучной Германии. А ежегодный оборот в сфере «любовной индустрии» составляет двенадцать с половиной миллионов марок, что вполне сравнимо с оборотом такого промышленного гиганта, как концерн «Адидас». Причем среди немецких шлюх немало таких, которые с трудом говорят по-немецки: бульварные газеты в разделе «услуги» захлебывались в экстазе интернационализма — «красавицы из Рио», «лолитоподобные польки», «сладолюбивые чешки», «не ведающие табу сибирские барышни»...

В Гамбурге, по сведениям властей, половина десятитысячной армии городских проституток — иностранки. В других эпицентрах продажной любви, таких, как Берлин, Франкфурт или Кельн, то же самое. Большинство «экзотических» жриц любви живут и работают незаконно, часто при этом попадают под арест. Но больше всего страданий им причиняют свои же сутенеры. Заставляют работать на потоке, обдирают при этом как липку, не редко случаи избиения и даже со смертельным исходом...

И тут сердце у Макса забилося. В небольшой заметке из «Гамбургер абендблатт» сообщалось о том, что полиция Гамбурга разыскивает некоего Ральфа, сутенера, выходца из России. Он заставлял своих девушек не только обслуживать клиентов, но и воровать у них деньги. Полицейские вышли на след этого сутенера, но тому удалось скрыться...

Другие подробности отсутствовали, в том числе и те, что касались девушек. Но в голову Максу запало имя — Ральф. Возможно, что это кличка. Но странное для немцев имя Рафии вполне могло здесь трансформироваться в более привычное для слуха Ральф. И этот сутенер был выходцем из России.

Макс задумался. Конечно, не факт, что ему удалось напасть на след, но попробовать стоило. Тем более что Гамбург значился даже в туристических проспектах едва ли не главным значным местом в Германии. Стало быть, надо ехать в этот город. Макс не очень-то верил в успех, но все равно так будет лучше, нежели томиться здесь, в гостинице, ждать неизвестно чего, у моря погоды...

Зазвонил телефон. Звук был резкий, так что Макс невольно вздрогнул. Первый контакт за два дня, посмотрим, кто это может быть...

В трубке он узнал голос Федота. Тот звонил из Москвы, интересовался, как дела и что удалось узнать. Макс не стал вдаваться в подробности. Сказал только, что есть кое-какие подвижки, но ему предстоит съездить в Гамбург.

— В Гамбург? — переспросил Федот. — Вы уверены, что интересующий нас субъект находится именно там? Откуда такая информация?

— На все сто процентов я гарантии дать не могу, — терпеливо объяснил Макс. — Но для того и еду туда, чтобы на месте убедиться.

— Ну, хорошо, — согласился Федот. — Мы вас не ограничиваем, действуйте на свое усмотрение, но только регулярно ставьте нас в известность о результатах.

На этом их разговор закончился.

И только уже в такси, по пути на вокзал, Макс вдруг подумал: а откуда Федоту стал известен его номер телефона в гостинице?.. Ведь кроме знакомых немцев он больше никому не звонил, тем более в Москву... Макс подумал об этом, но почти сразу же и забыл, погрузившись с головой в другие проблемы.

Настя была очень взволнована предстоящим свиданием с Давором. Если бы кто-нибудь до ареста сказал ей, что такое возможно, она бы рассмеялась этому человеку в лицо. Раньше Давор нисколько не волновал ее как мужчина. Она лишь умело пользовалась своим влиянием на него, как поступали почти все другие путаны со своими поклонниками, чтобы получить хоть какую-то малую долю радости в беспросветной жизни. И это было в порядке вещей. Но обстоятельства, как известно, нас меняют. Они не виделись почти два месяца, и потому Насте очень хотелось предстать перед Давором привлекательной и даже сексапильной, насколько это было возможно в условиях тюрьмы. Девчонки собирали ее на это свидание едва ли не всем блоком. Одна одолжила ей свое платье, другая — косметику, остальные тоже расщедрились по такому случаю. Только немки, как всегда, держались в стороне.

Они сидели друг против друга в комнате для встреч с заключенными, где их разделяла только невысокая деревянная перегородка. Передавать арестованным какие-либо предметы строго возбранялась. Общаться можно было только на словах, да и то не говорить ничего лишнего, за этим следила надзирательница. Но Давор пренебрег правилами. Потянувшись через перегородку, он взял Настины руки в свои ладони и уже не отпускал их все время, пока длилось свидание, нежно поглаживая или чуть сжимая ей пальцы. При этом старался заглянуть Насте в глаза.

После обычных для него сюсюканий, охов и вздохов Давор наконец перешел к главному. Ему удалось навести справки в полиции и префектуре. К делу Насти должен был в самое ближайшее время подключиться опытный адвокат.

— Как жаль, что ты мне сразу не позвонила, уже давно была бы на свободе... Они ничего не могут доказать, поэтому тянут резину. Есть заявление этого моряка, но нет свидетелей. А без свидетелей дело рассыплется, как карточный домик!..

— Надеюсь, ты не поверил всей этой чепухе, что я могла его обокрасть?

— Моя царевна!.. В жизни все случается. Даже если оно так и было, для меня это не имеет значения. Я от тебя не отступлюсь!..

— Нет уж, уволь! Если ты всерьез мог подумать, что я способна на воровство...

— Нет, конечно, нет! Это я так, к слову... О, бедняжка!.. Сколько же тебе пришлось пережить... Но я тебя отсюда вытащу, ничего для этого не пожалею. Внесу залог, и ты окажешься на свободе уже в ближайшие дни.

— Разве такое возможно?..

— Мы в Германии, солнце мое, здесь все возможно... Немцы уважают закон, но это не мешает им любить деньги, — Давор ей подмигнул. — Но все будет на законных основаниях. Наберись терпения, радость моя, уже недолго осталось...

После его ухода Настя почувствовала некоторое облегчение. Теперь, возможно, ей с помощью Давора все-таки удастся разобраться в том положении, в котором она оказалась, и исправить недоразумение. Хотя в то, что она сможет выбраться из тюрьмы с помощью залога, Насте верилось с трудом. Ей казалось, что закон предусматривает эту меру только для граждан Германии и не распространяется на иностранцев.

Но чудеса на свете, хоть и не часто, а случаются. Спустя два дня Настю вызвали в администрацию тюрьмы и объявили, что она освобождается под залог и подписку о невыезде. Насте позволили вернуться в камеру, чтобы собрать свои вещи и попрощаться с подругами. За ворота тюрьмы она вышла на ватных ногах.

И все дальнейшее происходило для нее как во сне.

Давор уже ждал Настю на своей машине и с огромным букетом цветов. Прежде всего он отвез ее в магазин, чтобы Настя выбрала себе одежду и другие необходимые на первое время вещи. Потом они обедали в ресторане. Настя заказала черепаховый суп, рыбные деликатесы, бифштекс с кровью и десерт.

Давор взял в руки бутылку шампанского из ведерка со льдом.

— За твое избавление из темницы, солнце мое!.. — он, как обычно, был верен себе и говорил несколько напыщенно.

— Сегодня ты сделал мне самый прекрасный подарок в жизни! — сказала Настя, беря в руки бокал.

И она не лукавила, потому что была ему искренне благодарна.

— О! Ты заслуживаешь еще большего!.. — чокаясь с ней, воскликнул Давор. — Главный мой подарок ждет тебя впереди!..

— Еще один сюрприз?

— Да! — Он выдержал паузу. — Мы покидаем эту страну!..

— Объясни поточнее.

— Я увезу тебя отсюда в Хорватию, к себе домой!..

— Ты шутишь?..

— Нет, это чистая правда! Мы едем в Загреб! Прямо сейчас!..

— Как это вдруг, — Настя даже растерялась от такой неожиданности. — Я дала подписку, меня просто не выпустят из страны...

— Я все предусмотрел, — перебил ее Давор. — Тебе ни о чем не надо беспокоиться. Только положишься на меня. И будь умницей!

— Ты говоришь мне: будь умницей, а сам толкаешь на преступление. И сам при этом намереваешься нарушить закон.

Он взял ее руку через стол, крепко сжал ей пальцы, заглянул в глаза:

— Моя царица!.. У тебя нет другого выбора. Нет другого пути вырваться на свободу, только ехать со мной... Не бойся, я все сделаю. Ты же видишь, как я тебя люблю...

Приехав в Гамбург, Макс поселился в недорогой гостинице, расположенной недалеко от центра, купил карту города, путеводитель и начал с того, что методически принялся обходить местные кабаки и другие значные заведения. Это было не столь простым делом, как ему казалось поначалу. Знакомых в этом городе у него не было совершенно, Макс действовал наобум, полагаясь в основном на карту и собственную интуицию.

Большинство ресторанов, кафе и стрип-баров в районе «красных фонарей» открывались в конце дня и работали до самого утра. Макс сразу отбросил мысль посещать дорогие заведения. Ему было известно, что иностранному сутенеру и его девушкам, чтобы пробиться туда, надо было покрутиться здесь год, а может, и более. Поэтому он выбирал места попроще и подешевле.

Обычно это было насквозь прокуренное помещение, забитое почти до отказа разношерстной публикой, не отказывающей себе в удовольствии провести ночь в «веселом квартале». Макс протискивался к бару, заказывал себе что-нибудь выпить, а потом осматривался и исподволь начинал свое расследование.

В основном его интересовали девушки, работавшие здесь путанами или консумантками. Он выбирал одну из них, на свой вкус, приглашал к себе за столик либо подсаживался к ней сам, и после этого начиналась беседа «по душам».

Девицы с удовольствием пили за его счет. Обычно они просили заказать шампанское или что-нибудь, отдаленно похожее на шампанское, иногда приглашали потанцевать. Флирт с ними и прочие вольности были возможны и весьма желанны за определенную плату, но Макс всегда ограничивался только беседой. На его осторожные расспросы о человеке по имени Ральф девица, как правило, морщила лобик, честно стараясь вспомнить, довелось ли ей слышать о таком или даже встречать. А потом отрицательно качала головой и предлагала Максиму подняться с ней наверх, чтобы расслабиться.

Макс вежливо извинялся, мотивируя свой отказ тем, что занят, и переходил в следующее заведение. Там все повторялось сначала и с прежним результатом. К утру Макс уже валялся с ног от усталости, голова гудела от выпитого. Он с трудом добирался до своего номера в гостинице, падал в койку, порой даже не раздеваясь, и моментально проваливался в сон. К вечеру он кое-как приводил себя в порядок, крестиком отмечал на карте уже ранее обследованные притоны и отправлялся по новому маршруту.

Так прошла, может быть, неделя. Необследованных мест на его карте оставалось еще раза в три больше, чем отмеченных крестиками, Макс уже отчаялся достигнуть желанной цели и продолжал свои поиски скорее по инерции.

Это заведение не значилось в его списке. Проезжая мимо на такси, он увидел вывеску и решил на всякий случай зайти.

Макс с трудом протиснулся к стойке бара. Заказал себе пива и, пока бармен наполнял для него стакан, огляделся. Заведение было не ахти. Публика в основном арабы и турки. Стриптиз на подиуме и дым коромыслом. Было душновато. Макс снял плащ и перекинул его через руку. В своем костюме и галстукe он выглядел здесь белой вороной, на него уже начали понемногу коситься.

— Вы не знаете Ральфа? — спросил Макс бармена по-немецки, когда тот подал ему стакан с пивом.

— Ральфа? Кто такой Ральф? — бармен изобразил удивление на лице.

— Ну, он такой, вроде этих... — Макс указал на ребят-турок, которые стояли возле стойки чуть поодаль. — Только постарше их будет. И он из России.

— Нет, не знаю такого и даже не слышал, — бармен потерял к Максy интерес, отошел к противоположному краю стойки и стал обслуживать другого клиента.

— А зачем тебе Ральф? — услышал Макс голос слева от себя.

Он повернул голову. Девушка. Симпатичная, только ярко накрашена и одета вызывающе. Впрочем, как и многие другие девушки в этом баре.

— Ты знаешь Ральфа? — спросил он с надеждой.

Девушка пожала плечами:

— Слыхала о таком, но лично не знакома...

— А что ты о нем слыхала? Расскажи! — настаивал Макс.

— А ты меня угости сначала, тогда, может, и расскажу...

— Сейчас... — Он сделал знак бармену и опять повернулся к девушке. Что тебе заказать? Пиво? Шампанское?... Какой ты любишь сорт?

— Я не пью пиво, — девушка скривила губки. — И шампанское тоже терпеть не могу... А ты русский, я не ошиблась?

— Русский. Как ты догадалась?

Она засмеялась:

— Похож!..

— В смысле?

— Ну, похож, и все! Только русские так одеваются и задают дурацкие вопросы. У тебя акцент... Я, между прочим, тоже из России.

— Правда? — Макс посмотрел на нее с надеждой и решил перейти уже на родной язык. — Тогда ты должна мне помочь...

— Я ничего и никому не должна, — перебила его девушка тоже по-русски. — Это ты мне должен выпивку. Забыл уже?

— Извини, — Макс повернулся к бармену. — Будьте добры, для дамы...

— Двойной бурбон, подсказала девушка. — Только льда совсем чуть-чуть...

Макс подождал, пока бармен приготовит напиток. Расплатился с ним за себя и за девушку. Пододвинул к ней стакан и тогда спросил опять:

— Так что насчет Ральфа?

— О, ничего, забирает, — сказала она, пробуя напиток на вкус и косясь при этом на

Макса. — Сначала ты мне ответь на мой вопрос.

— Какой?

— Зачем тебе Ральф?

— Ну, это долго объяснять... С ним еще должна быть девушка.

— Девушка?.. Так тебе кто нужен, он или девушка?

— Девушка...

— Что-то я никак в толк не возьму. То ты ищешь какого-то Ральфа, то мифическую девушку. А я чем не хороша?.. Всего сто пятьдесят марок за час удовольствия. Я тоже давно не трахалась с русским мальчиком и уже успела забыть, как это выглядит...

Макс начал терять терпение:

— Послушай, я здесь не по этому делу, и у меня мало времени... Если ты меня просто расколоть решила, на здоровье! Допивай свою дрянь и отвали от меня!..

— Фу, грубиян! — надулась девушка. — И это называется пообщалась с соотечественником... Хам! Подонок! Сам вали отсюда, пока еще морда цела!..

Назревал небольшой скандал, на них уже стали оглядываться другие посетители, в особенности молодые турки, которые до сих пор молча, но внимательно прислушивались к их разговору. Макс подумал, что ловить здесь больше нечего, а ввязываться в ссору тоже не входило в его планы. Поэтому он потихоньку стал пятиться от стойки.

Кто-то, проходя мимо, нарочно толкнул Макса плечом. Это был один из турецких парней, ранее стоявших с приятелями возле стойки. Турок остановился, посмотрел на него тяжело, исподлобья. Макс тоже посмотрел, но сдержался.

У выхода из бара Макс задержался. Внимательно оглядел небольшой холл, повернул направо, по ступенькам спустился вниз, в грязный туалет. Остановился возле писсуара, закурил, а уже потом, с расстановкой, принялся делать свое дело. Перед этим свой плащ он повесил на перегородку ближней кабинки.

В туалете было пусто, лишь толстый немец стоял в дальнем углу, покачиваясь, и все никак не мог пристроиться к писсуару. Струя беспрепятственно лилась мимо. Макс услышал сзади шаги. Посмотрел в зеркало и увидел за спиной турка. Невысокий, чуть грузноватый, он глядел на Макса внимательно чуть раскосыми азиатскими глазами.

Макс продолжал стоять к нему спиной. Не спеша застегнул молнию. Турок подошел и встал возле соседнего писсуара, слева от него.

— Ты ищешь Ральфа? — спросил он тихо по-немецки, не поворачивая головы.

Макс покосился в его сторону, ответил тоже тихо и по-немецки:

— Ищу. А ты можешь мне помочь?

— Могу... — Турок сплюнул ему под ноги густую зеленоватую массу.

Макс посмотрел сначала вниз, себе под ноги. Потом перевел взгляд на турка. Тот тоже смотрел на него — холодно, зло и решительно. В руке у турка блеснуло лезвие ножа. Какое-то время они продолжали так стоять не двигаясь.

Толстый немец у дальнего писсуара благополучно завершил свое дело, шумно вздохнул и, медленно, пошатываясь, держась за стенку рукой, стал подниматься вверх по ступенькам. Теперь в туалете оставались только Макс и турок.

— Чего тебе надо? — спросил Макс, одновременно перемещая центр тяжести на правую ногу и концентрируя внимание на руке турка с зажатым в ней ножом.

— Мне?.. Мне ничего не надо, это ты здесь ходишь, вынюхиваешь...

Турок сделал едва уловимый выпад ножом в сторону Макса. Но Макс был к этому готов.

Он локтем отбросил руку нападавшего, а другой рукой ухватил курчавую шевелюру и, рванувшись вперед, двинул что есть силы голову противника о кафельную стену. Что-то хрустнуло, нож вывалился у турка из руки и заскользил по полу. Оба замерли не дыша...

Из носа турка вытекла маленькая темная струйка. Он стал медленно оседать на грязный пол туалета. Макс подхватил его под мышки, озираясь на дверь, затащил в кабинку. Заодно подтолкнул туда же нож. Здесь еще раз, для верности, он ударил турка головой о стену. Тот замычал от боли и повалился грудью на унитаз.

Послышались голоса. Макс защелкнул задвижку, отодвинулся как можно дальше от щели между полом и дверью, замер, стараясь даже не дышать.

Несколько человек одновременно вошли в туалет, о чем-то удивленно залопотали между собой по-турецки, потоптались на месте и снова поднялись наверх. Наконец все стихло. Макс осторожно сдвинул крышку бачка, ополоснул руки в воде, а потом тщательно вытер их носовым платком. Человек у него под ногами не двигался.

Прислушавшись, Макс открыл дверь кабинки, выглянул наружу. В туалете было пусто. Он надел плащ и тихо, на цыпочках, прошел к выходу и стал подниматься по ступенькам. Два силуэта молча загородили ему дорогу.

Макс ударил первым, с ходу и почти не целясь. В первого он попал. Человек заголосил, как баба, закрыл лицо руками, прижался к стене. Другой успел отскочить и в свою очередь нанес Максу чувствительный удар кулаком в лицо. Макс почувствовал, как из рассеченной брови хлынула кровь, пригнулся и нанес нападавшему удар головой в живот. Тот охнул, согнулся пополам и рухнул, скатившись по ступенькам вниз.

Путь наверх был свободен. Но Макс не стал суетиться, вышел спокойно, медленно, сдерживая себя, направился мимо вышибалы к входной двери. Тот с сомнением оглядел Макса с головы до ног, но отступил, пропуская к выходу.

Но тут снизу, со стороны туалета, послышался истошный вопль:

— Держите его!.. Не выпускайте!.. Это русский бандит!.. Он убил нашего друга!..

Поднялась суматоха. Из бара тоже начали выбегать люди, среди них были турки, очень решительно настроенные. Макс рванулся к двери, оттолкнул вышибалу, но кто-то все же успел сзади вцепиться ему в спину. Он выскочил на темную улицу, неся на себе противника. Зарывав, Макс развернулся на месте, и нападавший тут же сорвался, упал на асфальт.

Макс дико озираясь по сторонам, ища такси или хотя бы какое-то укрытие. Тут он почувствовал, что кто-то тянет его за руку. Оглянулся, готовый отразить нападение, но увидел перед собой девушку. Ту самую, из бара.

— Пошли, — коротко бросила она, увлекая его за собой.

— Куда?

— Не задавай лишних вопросов!.. — Девушка оглянулась на дверь, откуда уже вываливалась возбужденная толпа. — Ступай за мной. Потом все объясню...

Она затащила Макса куда-то в темный узкий проем между домами, заваленный мусором и наполненный запахами гнилья. Там они еще пробежали шагов пятьдесят.

— Куда ты меня тащишь? — Макс встал как вкопанный, глядя на нее с подозрением. — Сдать хочешь местным браткам?

— Ну, я прошу тебя! Скорее! — Она продолжала тащить его за руку, но Макс стоял на ногах крепко и не двигался с места.

— Сначала скажи куда? — настаивал он.

— Господи! — простонала она. — Ну, к себе. Там нас никто не найдет. Ты доволен?

— Еще пока не знаю, — усмехнулся Макс.

— Черт с тобой! — Она выдернула руку. — Оставайся здесь, пусть турки сделают из тебя зразы себе на ужин!.. У меня и так теперь синяки будут на руке...

— Ладно, веди, — согласился Макс. — Только учти, без фокусов.

Она провела его черным ходом в гостиницу, находящуюся в том же здании, что и бар. Макс понял это, когда девушка завела его в свой номер на втором этаже. Сквозь неплотно прикрытые створки окна снизу доносились музыка и голоса.

Девушка заставила его сесть в кресло и какое-то время обрабатывала рану над бровью. Вытерла кровь, продезинфицировала, наложила пластырь.

— Ловко это у тебя получилось, — похвалил ее Макс. — Наверное, на родине закончила курсы первой помощи?

— Сиди! — Она слегка толкнула его в плечо. — Тебе надо во что-то переодеться. Пятна на плаще я замыла, он темный, их не будет видно... А вот пиджак и рубашка... Ладно, потом что-нибудь придумаем.

Макс уже окончательно пришел в себя и теперь с интересом оглядывался вокруг. В комнате повсюду виднелись огарки свечей, лежали какие-то листы с непонятными знаками или иероглифами. В нос бил резкий запах.

— А чем у тебя так воняет? — поинтересовался Макс.

— Дурак! — обиделась девушка. — Это благовония, специально для пришельцев.

— Каких пришельцев? Вроде меня?

— Нет, они приходят сюда из космоса, — ответила девушка серьезно. — Я с ними общаюсь... Но тебе все равна не понять, а мне сейчас лень это объяснять.

Макс решил, что она с приветом, и потому не стал расспрашивать о подробностях ее космических контактов. Только спросил:

— Думаешь, я такой тупой?

— Ты не тупой, ты любопытный не в меру! Зачем в баре с расспросами пристал? Там этого не любят. Могли запросто тебя кончить по-тихому.

— Могли, да не сумели! — усмехнулся Макс.

— А ты такой храбрый, что всегда лезешь на рожон?

— Может быть... когда мне это очень надо.

— А что тебе надо? Зачем ты ищешь Ральфа? Колись давай!

Макс оценивающе посмотрел на нее, задумался. Определенно, эта девушка кое-что знала. Даже наверняка. К тому же она выручила его из беды. Еще до конца не ясно, зачем она это сделала, но есть смысл ей довериться. Она могла ему помочь.

— Ральф, это его кличка, так? — спросил он.

Девушка кивнула.

— А настоящее имя?

Она промолчала.

— Ладно, я сам тебе его назову... Рафик?

По ее глазам Макс понял, что попал в точку. Но девушка не сдавалась:

— Послушай, ты кто такой? Почему здесь и на кого работаешь?

— Зачем это тебе?

— Если не скажешь, от меня тоже больше ничего не дождешься.

— Ну, хорошо... Я работаю сам на себя. Для меня этот Ральф, или Рафик, не так уж важен, хотя у меня с ним свои счеты. Я уже сказал тебе в баре, что ищу девушку. Это правда. Он должен знать, где она сейчас.

— А эта девушка... ее как зовут?

Вместо ответа Макс достал из бумажника фотографию и показал ей. Это был один из последних снимков Насти во время отдыха на море.

— Так это же... Настя! — Девушка подняла на него удивленные глаза. — Откуда у тебя эта фотография?

— Давай так договоримся. Пока вопросы буду задавать я, а ты на них отвечать. Говори, откуда ты ее знаешь?

— Она приехала сюда с этим... ну, Рафиком. Месяца три назад. Он ее сутенер. Я с ней успела немного подружиться за это время, только...

— Что — только? Говори!

— Она вдруг исчезла...

— Как это? Была и вдруг исчезла?

— Ну, может, и не исчезла, только я ее уже давно не видела. Наверное, месяц прошел, как она больше здесь не появлялась.

— А где она может быть?

— Знаешь, у нас не принято спрашивать о таких вещах, а то быстро язык вырвут... Может, вовсе захотела слиться от своего сутенера, он ее, кажется, сильно доставал. Вот и решила податься домой. Зачем кому-то об этом знать?

— Дома, в Москве, она не появлялась, иначе меня бы здесь не было... А Рафик? Он все еще здесь или тоже исчез?

Девушка помолчала, как бы решаясь, быть ли ей с ним откровенной до конца. Потом спросила:

— А ты точно приехал только за ней, а не по его душу?

— Я ведь уже сказал, сколько раз можно повторять? — рассердился Макс. — И потом, почему тебя так заботит его нетленная душа?

— Мне Настя как-то рассказывала вскользь, что он здесь скрывается. Кому-то там, в России, перешел дорогу и теперь боится, что его найдут и сведут счеты. Вот и велел всем, кто его знает, держать рот на замке.

— Правильно делает, что боится. Он успел порядочно наследить, многие на него зуб имеют, но Настя здесь ни при чем. Это только его дела.

— А Настя тебе кто?

— Какая разница?

— Нет, правда... Она твоя девушка?

— Она моя... почти что жена.

— Ого! А почему почти? Она клевая, я бы на твоем месте давно на ней женился.

— Ты не на моем месте!.. Вот найду ее и тогда женюсь.

— Ладно, не горячись так... Тебя как звать?

— Макс. А тебя?

— Марина. Вот что, Макс. Допустим, я тебе поверю и скажу, где его можно найти. Но сначала поклянись, что ты не из этих, от мафии присланных...

— Бог мой! Выходит, ты меня с самого начала за мафиози приняла?.. — Макс невольно расхохотался. — Говори адрес, не томи!..

— Нет, ты сначала поклянись. Они сейчас нас слышат и скажут мне, правду ты говоришь или нет.

— Кто — они? — насторожился Макс. И даже оглянулся.

— Ну, пришельцы...

— А-а-а... Тогда клянусь, клянусь, клянусь!.. Жаль, Библии нет под рукой. Но этого, я надеюсь, для них будет достаточно?

Вместо ответа Марина легла на пол, раскинула руки по сторонам. Тело ее вытянулось, губы о чем-то шептали. Так продолжалось минут пять, и Макс уже опять начал терять терпение. Но тут Марина села на полу, посмотрела на него и сказала:

— Адреса, где он живет, я не знаю. Он не появлялся здесь какое-то время, но неделю назад вдруг опять появился. Я тебе дам другой адрес. Попробуй его там попасть, может, тебе повезет. Только будь осторожен и не выдай себя ничем. Сегодня ты сам смог убедиться, какие здесь люди за ним стоят. Если что заподозрят, отрежут голову — сначала тебе, потом мне...

И Макс действительно повезло. Весь следующий день он отсыпался в своем гостиничном номере, а под вечер привел себя в порядок и отправился по адресу, указанному ему Мариной. Долго петлял узкими и грязными переулками, спускавшимися к порту, а когда наконец отыскал заведение с вывеской «Lady in Red», то едва нос к носу не столкнулся с выходящим оттуда Рафиком. Макса выручило то, что на дворе было уже достаточно темно, а на голову, чтобы не очень бросалась в глаза рассеченная бровь, он натянул специально купленную по такому случаю кепку.

Рафик лишь мельком посмотрел в его сторону и зашагал вверх по улице, в направлении Санкт-Паули. Макс чуть поотстал и двинулся за ним следом.

Вскоре они вышли на оживленную улицу со множеством ярких, светящихся разноцветными огнями витрин. Рафик шагал неторопливо среди оживленной толпы, обычный, ничем не примечательный молодой человек в бежевом плаще. Макс держался от него на почтительном расстоянии, видел только его спину и затылок.

По пути Рафик зашел в какой-то магазин. Макс закурил, встал вполоборота, искоса наблюдая за входом. А мимо все шли и шли люди, в основном туристы, разношерстная беззаботная толпа. И никто на него не обращал внимания.

Макс повертел головой, ища ближайшую к себе урну. А когда выбросил в нее окурок, замер, застыл на месте, чувствуя, как по спине пробежал легкий холодок. Рафик стоял у входа в магазин, поправлял галстук и внимательно смотрел в сторону Макса. Макс видел его отражение в темном стекле рекламного щита.

Потом Рафик сделал несколько шагов, но снова встал, обернувшись. Макс сделал вид, что внимательно изучает рекламу автомобилей «Фольксваген». Когда он, наконец, решился повернуться, Рафика нигде не было в поле зрения.

Макс занервничал, ускорил шаг, пробежал таким образом целый квартал. Но, не обнаружив Рафика впереди себя, вернулся опять на прежнее место. Он уже почти отчаялся и корил себя за нерадивость, как тут снова увидел мелькнувшую среди толпы его спину в бежевом плаще. Рафик покупал сигареты в киоске и терпеливо ждал, пока продавец отсчитает ему сдачу. И, уже не оборачиваясь, зашагал дальше.

Макс решил, что теперь следует соблюдать осторожность. Перешел на другую сторону улицы и уже оттуда следил за Рафиком. Вскоре тот свернул в переулок, а там снова зашел в магазин. Через витрину Макс было видно, как он зашел в отдел верхней одежды, поговорил там о чем-то с хозяином, скрылся на время за ширмой. А когда вновь появился, то был уже без плаща, в серой, неприметной куртке с капюшоном.

Макс дождался, когда он выйдет, и проследовал за ним проходными дворами в другой переулок. Там Рафик подошел к красному «БМВ», достал ключи и сел на водительское сидение. Макс понял, что это катастрофа, подонок сейчас улизнет.

Рафик завел мотор, но еще долго разворачивался в тесном переулке. За эту минуту Макс успел выскочить на проходящий рядом оживленный проспект и принялся голосовать, ловя такси. Он видел, как «БМВ» притормозил на выезде из переулка, ожидая, когда перед носом у него минует поток машин.

В этот момент рядом с Максом остановилось такси. Он шлепнулся на сиденье и указал водителю на выруливавший на главную дорогу красный автомобиль:

— Поехали. Вот за ним...

Таксист, не проронив ни слова и ничему не удивляясь, включив счетчик, поехал следом за машиной Рафика. Макс, сидя на заднем сиденье, глядел вперед на красные огни «БМВ» лишь изредка оглядываясь, чтобы запомнить дорогу.

Они ехали долго, куда-то на окраину. Макс совсем не знал город и потому пытался хотя бы запомнить названия улиц, мелькавших на табличках домов. Наконец красный «БМВ» свернул к старому десятиэтажному дому и сразу заехал во двор. Макс видел, как фары машины погасли, из нее вышел Рафик, захлопнул дверцу и направился к дому. Макс расплатился с таксистом, выскочил на тротуар и быстро пошел следом.

Рафик как раз подошел к подъезду. Но прежде чем войти, он на секунду задержался, оглянулся через плечо. Макс замер, прислонившись к стене.

Дверь подъезда хлопнула. Макс выждал еще немного, а потом крадучись пробрался к этой двери и тоже вошел в подъезд. Остановился, прислушиваясь в совершенной темноте и ожидая чего угодно. Но пока все было спокойно. Тишину нарушал единственный звук — скрип поднимающегося наверх старого лифта.

Макс поднял глаза и увидел цифры, мелькавшие на узкой светящейся панели. Лифт остановился на предпоследнем, девятом этаже. Вначале стукнула тяжелая металлическая дверь кабины, потом послышался более слабый хлопок двери, ведущей в квартиру. Он еще постоял какое-то время, прислушиваясь. Но было тихо.

Макс достал из кармана зажигалку. Слабый язычок пламени высветил доску на стене с номерами квартир и именами их хозяев. На девятом, этаже находилось три квартиры. Рядом с номерами «32» и «34» значились фамилии их хозяев, по-немецки. Бирка напротив номера 33 оставалась незаполненной.

Макс вышел из подъезда. Со двора он еще раз оглядел дом, нашел окна средней квартиры на девятом этаже. В них горел свет. Макс вышел на улицу и вновь остановился, чтобы закурить и собраться с мыслями.

Рафик наверняка жил в этом доме, в квартире на девятом этаже. Выходит, миссия Макса на этом заканчивалась. Теперь ему оставалось набрать по телефону московский номер и сообщить тем, кто его сюда послал, о своей находке. Это можно было сделать в ближайшем круглосуточном отделении связи. Оно находилось совсем недалеко отсюда, Макс видел вывеску переговорного пункта, когда они на такси свернули на эту улицу.

Он так и сделал. Зашел на переговорный пункт, который в это время был совершенно пустой, купил карточку, зашел в кабинку, набрал код, а следом за ним московский номер. Ответил ему не Федот, а незнакомый мужчина. Макс выложил все, что ему удалось узнать. Назвал улицу и квартиру.

— Очень хорошо, — похвалил его незнакомец. — Вы славно поработали и подтвердили уже имеющуюся у нас информацию. Большое спасибо. Теперь можете ни о чем не беспокоиться. Но лучше вам уехать из города.

Незнакомец первым повесил трубку.

Макс вышел на улицу. Постоял там немного, размышляя, что теперь делать. «Большое спасибо... Вам лучше уехать...», — вновь вспомнились ему слова незнакомца. И что означает это: «Вы подтвердили уже имеющуюся у нас информацию...» Выходит, информация о Рафике поступала к ним также из других источников. Зачем тогда им понадобился Макс?..

Что-то здесь не так. Они следили не только за Рафиком, но и за ним! Контролировали

каждый его шаг! Вот чем можно объяснить внезапный звонок Федота к нему в гостиницу еще в Берлине. Определенно, у них был еще один план действий, но какой?.. И ведь он не сделал главного — не выяснил, где находится Настя!..

Эта мысль, словно током, пронзила его мозг. Как же он мог о ней забыть?.. Пусть эти люди поступают с Рафиком как хотят, но потом. А пока Макс должен добиться от него сведений о Насе. И он сделает это немедленно.

Макс опять оказался во дворе дома, где Рафик снимал квартиру. Задрал голову вверх, посмотрел на окна девятого этажа. В них по-прежнему горел свет. В подъезде Макс вызвал лифт и нажал кнопку нужного этажа. Выйдя из кабины, остановился возле двери с номером «33». Звонка рядом не оказалось. Тогда он решил постучать. Дотронулся до двери костяшками пальцев, и она вдруг сама распахнулась.

Перед ним зиял провалом темный коридор. Свет пробивался из-под двери в дальнем его конце. Макс немного постоял, давая глазам привыкнуть к темноте, потом вошел, стараясь ступать осторожно, на цыпочках. Под ногой скрипнула половица. Макс замер, но в квартире стояла ничем не нарушаемая тишина. Тогда он продвинулся дальше, уже смелее. Взялся за ручку внутренней двери и немного ее приоткрыл.

Вначале он увидел комнату, освещенную светом люстры под потолком. Все в ней было перерыто вверх дном, вещи в беспорядке валялись на полу, ящики комода и письменного стола были выпотрошены до основания. Посреди комнаты, разбросав руки по сторонам, в луже крови лежал Рафик. Голова его была откинута на сторону, грудная клетка рассечена наискось, и внутри ее, насколько можно было понять, теперь отсутствовало сердце. Окровавленное орудие убийства — финский нож с цветной наборной рукояткой валялось здесь же, рядом с телом.

Макс постоял несколько секунд, бессмысленно глядя на остывающий труп, потом очнулся. Дело принимало неожиданный и весьма нежелательный для него оборот, надо было выбираться отсюда как можно скорей.

Макс прошел в коридор и тут услышал, как на этаже остановился лифт. Открылась дверь кабины, и кто-то вышел на площадку. Макс затаился, спрятавшись в угол у самой входной двери. Дверь медленно отворилась, едва не придавив его к стене, и кто-то вошел в квартиру. Человек этот, осторожно ступая, прошел в комнату.

Вот самый подходящий момент, чтобы отсюда исчезнуть незамеченным. Макс выскользнул из своего укрытия и уже потихоньку стал открывать дверь, как в этот момент из комнаты с истерическим криком выбежала какая-то женщина, и они столкнулись друг с другом прямо в тесном пространстве коридора.

Макс невольно схватил ее за руки и тут увидел, что это была Марина.

— Марина?.. Что ты здесь делаешь?..

— Пусти!.. — Она рвалась у него в руках, царапалась, кусалась. — Пусти, а то сейчас закричу и подниму на ноги весь дом!..

Ему с трудом удалось скрутить ей руки и прижать к стене.

— Марина, не бойся, это же я, Максим...

— Что тебе от меня надо?.. Пусти!.. Зачем ты убил Рафика?..

Ему пришлось ударить ее по щеке, лишь тогда она немного успокоилась.

— Ты меня обманул, — заговорила она, тяжело дыша. — Сказал, что тебе нужна Настя, а сам нашел Рафика и убил!.. Зачем ты это сделал?..

— Выслушай меня... Я никого не убивал. Когда пришел сюда, он был уже мертв...

— Ты врешь!

— Нет!.. Тот, кто его убил, просто шел по моему следу. А я никого не убивал. Сама подумай, если бы это сделал я, зачем мне было здесь оставаться? Разве только чтобы вызвать полицию и самому отдаться ей в руки...

Сказанные им слова о полиции подействовали на нее отрезвляюще.

— Нам надо немедленно отсюда уходить, — заторопилась она. — Они могут приехать каждую минуту... Быстрее!..

— погоди, — остановил ее Макс. — А ты как здесь оказалась?

— Потом расскажу... Скорее вниз, там у меня машина...

Они не стали спускаться в лифте, сбежали по лестнице, так и не встретив по пути никого из жильцов. От подъезда Марина вывела его проходными дворами в темный переулок, где до этого припарковала машину.

— Фу-у... — сказала она, усаживаясь за руль и включая зажигание. — Кажется, пронесло... Но ты, парень, теперь мой должник...

— Это с чего же я стал твоим должником? — удивился Макс.

— А с того самого, что ты мог запросто оказаться сейчас на месте Рафика, если бы пришел сюда немного раньше, чем он.

Она вела машину быстро и уверенно, на поворотах закладывала лихие виражи, безошибочно находя дорогу в лабиринте улиц ночного города.

— Ты что-то путаешь, красавица, я не мог... — начал было Макс, но тут его вдруг осенило. — Выходит, ты знала, где он живет?

— Молодец! И как ты догадался? — съязвила она, не отрывая глаз от дороги.

— Ну, положим, охотились-то не на меня, а на него.

— Верно, но могли перепутать как-нибудь невзначай...

У Макса внутри все похолодело от этих слов.

— Ты кому-нибудь еще давала этот адрес?

Она помотала головой:

— Никому больше. Но приходили люди, спрашивали...

— Что за люди? Когда?

— Не знаю, кто они. Зашли в бар уже после тебя, тоже интересовались Рафиком. Двое их было. Опять чуть драка не возникла... Мне сегодня утром бармен сказал.

— Ясно... А мне почему сразу не дала этот адрес? Заставила побегать за Рафиком по городу, высунув язык.

— Заладил, почему да почему?.. По кочану! Боялась. Все же грызли меня сомнения насчет тебя и подлинных твоих намерений.

— И ты решила поделиться этими сомнениями с Рафиком?

— Решила... Ой, я же совсем забыла! — Марина хлопнула себя ладонью по лбу. — Вот дуреха, совсем вылетело из головы!.. Настя наплась...

— Как? — от волнения у Макса сдавило горло. — Где она?..

— В том-то и дело, что в тюрьме... Вот я и приехала к Рафику, чтобы выяснить.

— И ты молчала все это время? Тоже специально от меня утаила?.. Говори, в какой она тюрьме... Или нет, ты сама меня сейчас туда отвезешь!..

Макс схватил ее за плечо, так что она едва не выпустила руль. При этом машину повело в сторону, и ей с трудом удалось ее выровнять.

— Тихо, сиди и не рыпайся! — сказала Марина, сбрасывая его руку с плеча. — Сейчас ты ей ничем не поможешь, а вот сам можешь залететь в два счета. Я сама только сегодня узнала об этом, когда начала справки наводить. У нее там что-то серьезное, пока точно не знаю. Завтра вместе подумаем, как быть дальше...

Макс вжался в сиденье и невидящими глазами смотрел перед собой.

Деревья и дорожные указатели с нарастающей скоростью летели навстречу машине. Их отражение в ветровом стекле распадалось перед глазами Насти на мелкие пятна. Раскручивавшаяся впереди лента шоссе казалась бесконечной.

Давор спешил как можно скорее пересечь границу Германии, и по пути на юг они останавливались только раза три, чтобы залить в бак горючее и наскоро перекусить в кафе на заправочной станции. Такую спешку Давор объяснял тем, что на пограничном пункте у него есть знакомый таможенник, к услугам которого хорватскому бизнесмену частенько приходилось прибегать. Важно успеть попасть в смену этого таможенника.

В пути Давор рассказывал Насте, какой у него чудесный дом в Загребе, рисовал перед ней радужные перспективы предстоящей жизни. Они приедут к нему и сразу оформят официальные отношения. Там Настя сразу забудет обо всех прошлых кошмарах, у нее будет свое уютное гнездышко, любящий муж, готовый носить ее постоянно на руках, и все остальное, чего душа пожелает...

Тем временем сразу за Мюнхеном рельеф местности начал заметно меняться. Ровные германские пространства постепенно перешли в пока еще достаточно небольшие, но вполне крутые и поросшие лесом холмы, вершины которых были покрыты снегом. Ближе к австрийской границе дорога сузилась до двух полос в одном направлении и потеряла схожесть со школьной линейкой, запетляв по склонам холмов, а удлинившиеся подъемы заставляли использовать всю мощность мотора. Чувствовалось приближение гор.

Предположения Давора оказались верными. Знакомый таможенник был на месте. Давор вышел из машины, переговорил с ним, и их беспрепятственно пропустили за шлагбаум без досмотра и даже не проверив документы. На пропускном пункте в Австрии было еще проще. Местный пограничник тоже узнал Давора, улыбнулся ему и махнул рукой дескать, все в порядке, можете ехать дальше.

Чуть позже Давор открыл Насте свой секрет. Такое отношение к нему со стороны таможенников проявлялось отнюдь не бескорыстно. Давору частенько приходилось провозить через границу картины и антиквариат, которые облагались пошлиной либо вовсе были запрещены к вывозу. Поэтому раз в месяц он платил дань своим знакомым на пропускном пункте в размере полутора тысяч марок.

Австрию они пересекли с севера на юг за несколько часов, всего лишь раз сделав короткую остановку на заправочной станции. Но в Граце, куда попали уже затемно, Давор решил переночевать, чтобы, как он выразился, «накопить силы перед решающим броском домой». Они провели ночь в небольшом мотеле на окраине города. В номере Давор захотел заняться с Настей любовью, но она была измочалена дорогой и свалившимися на нее впечатлениями последних дней, поэтому попросила его подождать до того времени, как они приедут домой. Влюбленный хорват скрепя сердце отправился спать на другую кровать.

Утром они пересекли границу южнее Штраса и оказались в Словении. Здесь с местными пограничниками тоже не возникло никаких проблем. Они продвинулись дальше, на юго-восток, не задерживаясь, миновали Марибор. От Птуя прямая магистраль лежала через границу на Враждин, а это уже была Хорватия. Отсюда до Загреба рукой подать.

— Ну вот, осталось совсем чуть-чуть, и мы будем дома, — мечтательно произнес Давор. — Ты увидишь, как хорошо у нас умеют принимать гостей...

Однако здесь он почему-то не стал ехать к пограничному пункту, а свернул с шоссе на едва заметный проселок.

— Что случилось? — спросила Настя. — Мы заблудились?

— Нам будет лучше проехать здесь, — уклончиво ответил он, не отрывая глаз от дороги, петлявшей впереди среди деревьев и густого кустарника.

Они спустились под горку, с ходу проскочили мелкую речушку. Машина выползла на холм, поросший редкими деревьями. Здесь Давор выключил мотор, повернул голову к Насте и как-то странно на нее посмотрел.

— В чем дело? — спросила она, продолжая теряться в догадках.

— Мы дома, — с робкой улыбкой ответил он. — Это Хорватия.

— Я рада. А почему мы здесь остановились?

Давор взял ее за руку, попытался обнять. Настя отстранилась:

— Да что с тобой?

— Я хочу тебя, — тихо произнес он.

— Прямо здесь?

— Да...

— А тебе не кажется, что сейчас не самое подходящее время для этого? Не можешь потерпеть несколько часов?

— Не могу... Я так истомился, так соскучился по твоим ласкам, что решил сделать это, как только мы окажемся на моей родной земле... Ну пожалуйста, уступи мне сейчас...

Настя бессильно откинулась на спинку сиденья. У нее всегда вызывали презрение мужики, не способные сдерживать себя, распуская слюни под влиянием похоти. Давор относился именно к такому типу. А он принял спокойствие девушки за готовность уступить его желанию. Робко обнял бабушку и начал целовать. Она заученно отвечала на его поцелуи, но разжечь в себе страсть так и не смогла. Тем более не захотела помочь ему, когда у него долго ничего не получалось, и он, натужно пыхтя, глядел на нее умоляющими глазами.

Тогда он расстегнул на ней платье, стал целовать ее грудь, стараясь вызвать у нее ответное желание. Настя подняла глаза, посмотрела вдаль поверх его головы. Перевела взгляд в сторону и вдруг вся напряглась.

В нескольких шагах от их машины стояли трое мужчин в камуфляжной форме с автоматами в руках и молча наблюдали за тем, чем они занимаются в салоне. Настя тут же выпрямилась на сиденье, отбросив Давора от себя.

— А?.. Ты что?.. Зачем? — не сразу понял он и уставился на Настю обиженными, как у ребенка, глазами.

Но в следующий момент, проследив за ее взглядом, повернул голову. И сразу отпрянул от нее, словно его током ударило.

Тут же один из незнакомцев подошел к машине и, наклонившись к ветровому стеклу, заговорил с Давором по-хорватски. Видно, интересовался, кто они и что здесь делают, потому что Давор безропотно отдал ему паспорта.

Мужчина в камуфляже, очевидно старший по званию — Настя мысленно успела окрестить его сержантом, — некоторое время придирчиво изучал документы. Потом спросил у Давора еще о чем-то, более резко. Тот принялся что-то объяснять заискивающим тоном. Но, видимо, слова Давора не убедили мужчину.

Он спрятал паспорта к себе в карман, вернулся к своим спутникам и громко кого-то позвал.

Из-за деревьев тут же выехал открытый армейский джип. Неизвестные в камуфляже залезли туда и расположились на сиденьях сзади. Джип тронулся с места, а сержант с переднего сиденья жестом велел Давору следовать за ними.

Они спустились к подножию холма и вскоре выбрались на заасфальтированную дорогу, совершенно безлюдную, окаймленную по сторонам голыми тополями. Руки Давора, лежавшие на руле, заметно дрожали, но он еще пробовал бодриться.

— То плохие люди, — сказал он Насте. — Но ты не бойся. Они тоже любят деньги. Я дам им много денег, и они нас отпустят...

Но в его голосе она не почувствовала прежней уверенности.

По сторонам этой глухой и безымянной равнины, окруженной лесистыми холмами, открывались очень красивые виды. Справа мелькнуло голубое озерко, со всех сторон зажатое в долине отлогими горами. Но Насте было не до красот. Она чувствовала, что судьба готовит ей новое испытание.

Джип притормозил на окраине селения возле облезлого двухэтажного здания с черепичной кровлей. Сержант велел Давору выйти из машины.

— Вот увидишь, это всего лишь досадное недоразумение, и я совсем скоро вернусь, — успел он шепнуть Насте на прощание.

Давора заставили лечь лицом на капот и расставить ноги. После короткого обыска двое в камуфляже взяли его за локти и отвели в здание. Настя осталась сидеть в машине. На нее как будто совсем не обращали внимания, но от этого ей было не легче. Самые мрачные мысли лезли в голову.

Спустя примерно полчаса дверь открылась, но вместо Давора вышел уже знакомый ей сержант. Он открыл дверцу машины и сделал знак Насте, чтобы она вышла. Сержант провел ее внутрь здания, в комнату, где не было окон, а вдоль стен стояло несколько обыкновенных стульев. В центре, под большой лампой с рефлектором, располагалось кресло. Сержант уселся в это кресло, достал из ящика стола Настин паспорт, сличил фотографию в нем с оригиналом и задержал на девушке свой взгляд. То, что она услышала от него в следующий миг, повергло ее в смятение.

— Вы задержаны по подозрению в соучастии незаконного вывоза из страны культурных ценностей, — объявил ей сержант на довольно сносном русском языке. — Ваш сообщник давно находится под подозрением и уже во всем признался.

— Это неправда! — выдохнула Настя. — Я ни о чем таком не знаю...

— Кроме этого, — продолжал сержант, не слушая ее, — вы проникли на территорию Хорватии незаконным путем и по просроченному паспорту. По законам нашей страны вы подлежите аресту. Поскольку здесь нет женщин, я буду сам вас обыскивать...

Настя на мгновение потеряла дар речи. Паника охватила ее, по всему телу словно расползлись мурашки, ее заколотила мелкая дрожь.

— Встаньте лицом к стене, — распоряжался тем временем сержант. — Руки поднимите вверх и обопритесь ладонями о стену!

Видя, что Настя не двигается с места, он подошел к ней, развернул за плечи лицом к стене. Коленом левой ноги он проник между ее ногами и грубым движением заставил развести их в стороны.

Настя непроизвольно напряглась, она почувствовала его ладони на своей груди. Руки сержанта бесцеремонно ощупывали ее. Настя напряглась еще больше, потому что вдруг ощутила прикосновение его рук уже у себя под платьем. Он откровенно трогал ее, тяжело

сопя и, очевидно, получая при этом удовольствие. Настя почувствовала, как краска стыда заливает ей лицо.

— Вы... вы не имеете права!.. — закричала она. — Немедленно прекратите!..

— Все в порядке, можете отойти от стены, — сказал он, с очевидным сожалением отрывая от нее руки.

Настя выпрямилась, обернулась. Смотрела, как сержант прошел к столу и что-то достал, нагнувшись, из нижнего ящика.

— Я должен доставить вас в наш штаб, — сказал он, вновь направляясь к ней. — В пути всякое может быть, поэтому я вынужден надеть на вас наручники.

Опять наручники!

— О, нет! Пожалуйста, не делайте этого! — взмолилась она.

Голос Насти задрожал, начал срываться, но разжалобить сержанта было невозможно. Ее тело в очередной раз напряглось, когда она почувствовала холодную сталь, охватившую запястья. Раздался сухой щелчок механизма блокировки.

Не говоря больше ни слова, сержант вывел ее из здания и через двор повел к джипу. При этом он не выпускал скованные запястья Насти из своих рук и по дороге держал их так высоко, так что ей пришлось идти в полусогнутом положении. Передвигаться так было ужасно неудобно, но еще ужаснее было осознавать свое унижение, ощущать на себе пронизывающие взгляды мужчин, находившихся в это время во дворе.

Сержант подвел Настю к автомобилю, одной рукой распахнул заднюю дверцу и втолкнул девушку на сиденье. Она скорее упала на него, чем села. Скованные за спиной руки не позволяли ей поправить платье. Оно высоко задралось, обнажив бедра и кружевные резинки для чулок. И это тоже было выставлено на всеобщее обозрение.

Сержант сел за руль, а рядом устроился другой мужчина, тоже в форме и, видимо, старший по званию, потому что сержант приветствовал его с явным почтением.

Машина тронулась. Они миновали селение и вновь выехали на безлюдную дорогу, петлявшую между лесистых холмов. Сидящие впереди мужчины громко беседовали между собой. По отдельным фразам и словам, которыми они обменивались, Настя могла догадаться, что речь шла о ней. Давор успел научить ее немного понимать по-хорватски.

— Ну как, что-нибудь нашел у нее? — спросил старший.

— Абсолютно ничего. Все осталось в машине и у того парня.

— А ты уверен, что как следует ее обыскал?

— Я ощупал ее с головы до ног! — усмехнулся сержант. — И, надо признаться, такая работа пришлась мне по вкусу!.. Я бы с удовольствием ее вообще раздел...

— Так в чем же дело? Что тебя остановило в таком случае?

Мужчины переглянулись. Сержант прижал джип к обочине и выключил мотор. Место было глухое и совершенно безлюдное. С двух сторон к дороге подступал лес. У Насти сжалось сердце. Она поняла, что все самое ужасное для нее только начинается... Сержант первым спрыгнул на землю и, неспешно обойдя джип, забрался к Насте на заднее сиденье, снял с нее наручники... И снова Насте пришлось пережить оскорбление, насилие, издевательство.

Через двадцать минут джип развернулся и уехал, скрывшись за поворотом. Настя осталась стоять одна на дороге, совершенно голая, только туфли каким-то чудом остались на ногах. Плечи ее мелко вздрагивали от слез и от холода. Куда ей теперь податься, без одежды, без документов, в стране, где нет ни одной знакомой живой души?

Вокруг, со всех сторон — только безмолвный, угрюмый лес.

...Ночью в горах опять стреляли. Эхо далеких выстрелов докатилось и до одинокого хутора крестьянина Мирко Шарича, затерявшегося в лесах. С вечера все семейство, наглухо закрыв в доме ставни и двери, расположилось на ночлег в большой комнате. Так можно было сэкономить тепло. Марта, жена хуторянина, теперь боялась затопить печь — вдруг дым из трубы заметят ночные люди и повадятся с визитом к ним в дом. От них можно ждать только плохого.

На рассвете набожная Марта проснулась первой и тихо молилась, прося Господа отвести беду от их хутора. Ее руки, загрубевшие в бесконечных стирках и приготовлениях поила для скота, нервно перебирали черные четки, а увлажненные глаза то и дело устремлялись на висевшее в углу распятие.

Сам Мирко, крепкий, жилистый мужчина лет пятидесяти, тоже проснулся, но продолжал лежать в кровати, чутко прислушиваясь к тому, что происходило в горах, за лесом. Но там больше не стреляли. У подоконника ерзала на стуле тринадцатилетняя дочь Кристина, стараясь рассмотреть сквозь щель в ставнях то, что творится за окном. Под ее грузным, не по возрасту располневшим телом стул отчаянно поскрипывал, словно жаловался на свою невеселую участь.

Мирко какое-то время не без досады наблюдал за дочерью. Он понимал ее состояние. Живет здесь с родителями на отшибе, школу пришлось бросить этой осенью — далеко и опасно было ездить в ближайший городок. Сверстников рядом нет, никаких развлечений для девочки, только одна постылая работа по дому и в хлеву.

Мирко встал с кровати, подошел сзади к дочери и слегка шлепнул своей тяжелой, загрубелой ладонью по ее округлому боку:

— Чего там высматриваешь спозаранку?

— Там нимфа вышла из леса, — сказала Кристина, указывая на окно.

— Какая еще нимфа? — рассердился Мирко. — Что ты несешь?.. Лучше бы оделась и помогла матери накормить скотину.

— Самая настоящая, — не сдавалась дочь. — И совсем голая, как на рисунках в книжке. Можешь сам поглядеть, если мне не веришь...

Мирко прильнул лбом к холодному стеклу.

Щель между ставнями была совсем узкая, и поначалу он увидел только с детства знакомую поляну, раскинувшуюся перед домом, за изгородью. Туманный рассвет медленно проникал в лесную чащу за поляной. Постепенно начали проявляться контуры деревьев и кусты, а на самом краю леса маячил бледный силуэт. Приглядевшись, Мирко действительно различил в утреннем сумраке обнаженную женскую фигуру.

— Боже праведный!.. — Он осенил себя крестным знаменiem. — Что же такое творится в последнее время на белом свете?..

В этот момент он увидел, как женщина бессильно опустилась на землю.

— Может ей плохо? — забеспокоился Мирко. — Надо бы сходить, посмотреть...

— Ой, не ходи! — попыталась удержать его Марта. — Еще не известно, кто она такая. Беду накличешь на свою голову, да и на мою с дочкой заодно!..

Но Мирко уже не слушал ее. Накинув на плечи тулупчик, он вышел из дому и напрямик направился к лесу. На жухлой траве, покрытой утренним инеем, перед ним лежала девушка.

Она действительно была совершенно голая, только туфли на ногах и православный крестик с медальоном на шее.

Мирко поднял голову, огляделся вокруг. По следам на траве он сразу определил, что она пришла сюда из леса. И, видно, долго брела сквозь чащобу, потому что лежала теперь без чувств, а ноги были исцарапаны до крови. Других следов или каких-либо предметов, которые могли прояснить загадку ее появления, он не обнаружил.

Мирко взял с травы ее тонкую руку, нащупал пульс. Девушка была жива, о чем свидетельствовало легкое подрагивание у него под пальцами. Тогда он не стал терять зря времени. Снял с себя тулупчик, закутал в него девушку и на руках отнес ее в дом.

— Марта, растопи поскорее печку и поставь воду! — еще с порога распорядился он. — Кристина, достань из погреба бутылку сливовицы!.. Ишь, зачоченела совсем на холоде. Надо будет ее как следует растереть... Чего смотрите? А ну, живо шевелитесь!..

Он уложил девушку на топчан и принялся ладонями растирать ее посиневшее от холода тело. Он не задавался вопросами, кто она такая, как ее зовут и почему здесь оказалась. Перед ним сейчас был человек, попавший в беду. Ему требовалась помощь. И хорватский крестьянин Мирко знал, как следует поступать в подобных случаях.

Макса разбудил протяжный воющий звук электрогитары. Он с трудом разлепил глаза. Из иллюминатора сквозь занавеску на соломенный коврик падала полоска утреннего света, Макс поднялся, плотнее задернул занавеску и снова нырнул в постель.

Не успел он закутаться в одеяло, натянув его на голову, как звук повторился. К первой гитаре присоединилась другая, а потом вступили ударные. Грохот за тонкой переборкой стоял невероятный, и о том, чтобы поспать еще хоть немного, нечего было и мечтать. А ведь эти дремотные утренние часы были самыми прекрасными за те полгода, что ему пришлось здесь прожить.

Он медленно поднялся с крохотного диванчика, почесал голову и громко зевнул. Сунул ноги в штаны, натянул кроссовки и прошел в соседнее помещение. Это был небольшой зал, с помощью подручных средств и фантазии переделанный из корабельного трюма в музыкальную студию. Две гитары и ударник. Все инструменты с усилителем, от их грохота, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. Ребята молодые, азартные, еще не обремененные тяготами жизни. Единственная их страсть — это музыка. Все трое друзья Марины, приехали из Питера в надежде покорить Германию.

По ступенькам узкой лестницы Макс поднялся на палубу баржи и сразу ощутил на лице легкое дыхание ветерка, доносившееся от воды. Баржа была пришвартована в тихом затончике возле берега, куда вели деревянные сходни. Единственная улица, зажатая между берегом реки и железной дорогой, завершалась тупиком с площадкой для парковки автомобилей. Вся она была застроена кирпичными домами, напоминавшими армейские казармы. Макс знал, что это было продолжение портовых складов. На площадке возле железнодорожной насыпи стояли всего три автомобиля.

На корме баржи, под тентом, было устроено небольшое летнее кафе. Ветерок надувал полосатую материю над столиками. Сюда в обеденный перерыв перекусить и выпить пива приходили рабочие из порта, располагавшегося по соседству. Но пока было рано и кафе еще не открылось. Только Юта, буфетчица, уже хлопотала за стойкой, ставила на поднос пивные кружки кверху донышками, складывала бумажные салфетки.

— Привет, Макс! Как спалось? — поздоровалась с ним буфетчица.

— Отлично, Юта! — в тон ей ответил Макс. — Только вот некому было согреть этой ночью!.. Ты опять была с кем-то, но не со мной...

— Знакомая песня! — буфетчица кокетливо засмеялась. — Может, пропустишь рюмочку? Я слышала, это иногда согревает мужские сердца.

— Ну, разве что иногда... И потом, для рюмочки, пожалуй, будет еще рановато. Плесни мне пива. Вот столько, — Макс показал двумя пальцами от венчика на кружке.

Сидя за столиком, он не спеша потягивал холодное пиво. Какие-то подозрительные шорохи слышались за его спиной. Макс заглянул под навес. Трое серебристо-серых кроликов царапали проволочные стенки клеток, стучали задними лапками об пол. Не удивительно, ибо в четвертой клетке, сложив уши на спине и полуприкрыв розовые глаза, сидела крольчиха. Ее привезли сюда накануне вечером.

Пахло капустой, которая была запасена в ящике. Рядом лежал мешок с сухарями. Макс присел на корточки и принялся кормить кроликов, жадно набросившихся на угощение. Какое-то время он молча наблюдал за кроликами в клетках. Потом, чтобы в голове не

возникали мрачные ассоциации, вновь вышел на палубу.

Макс облокотился на поручни и стал смотреть на реку. Эльба здесь расширялась и с монотонной стремительностью несла свои воды в море. Прямо перед Максом раскинулся старый городской пляж, а еще дальше, посреди реки, виднелся островок, куда летними вечерами, в предчувствии острых ощущений, любили вплавь добираться парочки. Справа виднелся лабиринт железнодорожных путей и товарная станция. С тех самых пор, как глубокой осенью прошлого года он приехал в этот город, баржа стала для него, по сути, родным домом. Поселился он здесь с легкой руки Марины. Она настояла на том, что Макс после смерти Рафика и драки с турками, должен на какое-то время затаиться. Он достаточно засветился во время своих поисков, и полиция могла его задержать по подозрению в убийстве сутенера. А на барже, заверила девушка, он будет находиться среди друзей. Это едва ли не самое безопасное место в городе.

Но Макс сам в скором времени отправился в полицейский участок, чтобы получить сведения о Насте. Здесь его ждало разочарование. Следовательно, не вдаваясь в подробности, сообщил Макс, что разыскиваемая им особа грубо нарушила немецкие законы, скрылась от правосудия, дав подписку о невыезде. Сейчас ее местопребывание неизвестно, она объявлена в розыск, и, если вновь объявится на территории Германии, ей уж точно не избежать длительного заключения.

Что оставалось делать после этого?.. Макс решил пока не возвращаться в Россию, а продолжить поиски Насти здесь. С помощью Марины удалось узнать, что Настю увез, уплатив за нее залог, некий Давор Рапаич, хорват по национальности, проживавший в Загребе. Вскоре оказалось, что на родине хорвата они не появлялись, следы Давора и Насти терялись сразу после того, как они покинули Германию. У Рапаича имелся в Гамбурге небольшой антикварный магазин. Но хозяин в нем не появлялся уже несколько месяцев, магазин пришел в упадок, и совладелец вынужден был его закрыть.

Макс остался жить на барже. Чтобы заработать средства к существованию, он помогал в кафе, занимался уборкой помещений и другой мелкой работой. За это его кормили три раза в день, предоставили ночлег в маленькой каюте и выдавали еще какие-то деньги на карманные расходы. Макс был доволен, такая жизнь пришлась ему по душе. В тайном месте он хранил карточку VISA, на которой у него оставались сбережения от продажи в Москве квартиры и другого имущества. Но он не тратил оттуда деньги, полагая, что они могут ему пригодиться, когда отыщется Настин след.

Марина навещала его всякий раз, когда у нее выпадало свободное время. Случалось, она привозила ему продукты, кое-что из одежды и, как Макс не сердился, не отказывался, заставляла его все это принять. Марина, используя свои многочисленные связи, принимала активное участие в поисках Насти. «Пришельцы» сообщили ей во время одного из сеансов, что Настя жива, хотя ей сейчас плохо. Но, как только положение чуточку выправится, она обязательно даст о себе знать. Это смешило Макса, но он делал вид, что относится к «предсказаниям» серьезно. Как-никак, а Марина ему помогала, причем делала это совершенно бескорыстно. Такое отношение не часто встретишь на чужбине. Между тем скоро будет уже восемь месяцев со дня его пребывания в Германии...

— Макс, к телефону!

Он всегда с трудом возвращался к реальности от своих мыслей. Не любил, когда его беспокоили в такие минуты.

— Макс! — снова крикнула ему буфетчица.

Он поморщился. Но делать нечего, его зовут. И медленным, ленивым шагом направился к буфетной стойке, где был установлен единственный на барже телефон.

— Быстрее, Макс! Там твоя подружка, — подмигнула Юта.

Макс взял у нее трубку. Все его ленивое настроение мгновенно улетучилось, как только он услышал там знакомый, чуть взволнованный голос Марины:

— Приезжай, Макс. Мне, кажется, удалось выяснить, где она...

Марина ждала его в своем гостиничном номере, который, казалось, за прошедшее время совсем не изменился. По пути к ней Макс опасался, что «информация» добыта хозяйкой с помощью пришельцев и его в очередной раз ждет горькое разочарование. Но Марина встретила его без ставшего уже привычным для нее лихорадочного блеска в глазах. Лицо у нее было серьезным, слова вполне осмысленными.

В номере Марины находилась еще одна девушка, Наташа, ее подруга. Наташа накануне вернулась из Италии, где собиралась продолжить занятия древнейшей профессией в провинции Равенна, что недалеко от границы с княжеством Монако. Но что-то у девушки там не заладилось. Она вступила в конфликт с местными путанами, те ее жестоко избили, и Наташа была вынуждена уносить оттуда ноги. Но главное не в этом. Девушка утверждала, что встретила там Настю. Будто бы та работала официанткой в одном из баров курортного местечка, что на пути из Римини в Равенну. Наташе даже удалось обменяться с Настей несколькими фразами.

По ее словам выходило, что чувствовала Настя себя там «конкретно упакованной» и не собиралась возвращаться в Россию. Они договорились встретиться на следующий вечер, но судьба распорядилась по-другому. Наташа запомнила название бара, в котором работала Настя, даже показала взятую оттуда фирменную упаковку спичек. Бар назывался просто и без затей, согласно месту, где был расположен, — «Адриатика».

Потом Наташа попрощалась и ушла, а Макс объявил Марине, что немедленно отправляется в Италию. Ему потребовалось лишь полчаса на то, чтобы сходить в магазин и там купить самое необходимое в дорогу.

— Я не стану заходить к себе за вещами, — сказал он. — Пусть никто, кроме нас с тобой, не знает об этой поездке. А ребятам на барже сама придумаешь, что сказать по поводу моего внезапного отсутствия.

— Хорошо, — кивнула Марина. — Я им навешаю лапшу, типа что ты лег в больницу. Лечить застарелый триппер. И очень стесняешься в этом признаться.

— Ничего лучшего в голову тебе не пришло?

— Тебе не нравится моя версия? Тогда придумай сам!

— Ладно, — сказал он примирительно. — Не будем ссориться перед дорогой. Лучше давай присядем и помолчим.

Но Марина долго не могла усидеть на месте просто так.

— Макс, я хочу тебя кое о чем попросить, — нерешительно начала она.

— Валяй, — ответил он, взвешивая в руке дорожный рюкзачок.

— Тебя ведь нельзя отпускать одного. Ты можешь наделать массу глупостей в пути... Возьми меня с собой, я тебе еще пригожусь.

— Я с удовольствием, с тобой, Марина, хоть на край света. Но как к этому отнесется Дитер? — спросил он с преувеличенной серьезностью.

— А что Дитер? — вспыхнула Марина. — Кто он такой, чтобы вечно держать меня при

себе на привязи?.. И потом, мы с ним вчера поссорились!

— А завтра снова помиритесь, — подсказал он. — Но я тебе разрешаю проводить меня на вокзал. И даже поцеловать на прощание.

Он тихо засмеялся, увидев, как вспыхнуло от удовольствия ее лицо.

На вокзале, когда прощались у вагона, Марина вдруг расплакалась.

— Ты чего? — удивился Макс. — Радоваться надо, а ты потоп развела.

— Я радуюсь, — сказала она тихо. — За тебя с Настей. И завидую вам белой завистью. Такая, как у вас, любовь бывает только раз в жизни, да и то далеко не у всех...

Макс чмокнул ее в щеку и вскочил в вагон тронувшегося уже поезда. Боковым зрением он успел заметить, как какой-то парень, до того стоявший на перроне с газетой в руках, бросил ее в урну и поспешно запрыгнул на подножку соседнего вагона.

Макс сделал пересадку в Берлине, а оттуда взял билет на скоростной экспресс до Турина. Парень с газетой все время не выходил у него из головы. В Берлине у Макса оказались свободными несколько часов, и он вдоволь попетлял по городу на такси, а потом сделал несколько пересадок в метро, стараясь таким образом сбить с толку возможных преследователей. Но парня с газетой он больше не встречал. Не заметил ничего подозрительного и на перроне, когда садился в поезд. После этого Макс успокоился. Наверное, просто показалось — нервы.

От Турина до Римини Макс прокатился на рейсовом автобусе, а уже оттуда решил добираться к месту назначения на такси. Ехать нужно было километров сорок.

Если мчаться в вечернее время по шоссе из Римини в сторону Равенны, то где-нибудь после полуночи можно увидеть много девчонок разных национальностей, стоящих на обочине вдоль дороги. Водитель ему попался словоохотливый, знал французский, которым Макс владел почти в совершенстве, и объяснил, что это местные путаны. А увидев неподдельный интерес в глазах пассажира, выступил как настоящий гид.

Начиналось это представление на открытом воздухе сразу после поворота на Чезенатико, где дорога из широкой автострады превращается в узкую старенькую дорожку, которую проложили еще римские императоры. Равенна тогда была столицей империи. Называлась эта дорога «виа Адриатика». Потом Муссолини велел покрыть ее асфальтом, и затем на ней появились путаны. Сначала все они были итальянками. Когда в пятидесятые годы по настоянию папы римского запретили дома терпимости, девушки вышли на улицу, и полиция не слишком их тревожила.

Шли годы... Итальянцы начали прилично зарабатывать, и места путан достались незаконным эмигранткам из стран Восточной Европы и Африки. Сразу же после Чезенатико до Милано Мариттима располагаются «посты». «Постом» жрицы любви называют место, где, собственно, они и стоят в ожидании клиентов. Каждый «пост» стоит денег, которые путана отдает «папикам» или иным, более шустрым коллегам. Нельзя встать где попало — можно нарваться на неприятности.

— Но если ты заедешь на заправку, тебя ждет сюрприз. Вместо путаны к тебе может подрулить здоровенный транс с такими вот сиськами и предложит себя за пятьдесят тысяч лир! — засмеялся таксист. — С клиентами у трансов проблем нет...

Макс вполуха слушал его болтовню и не заметил, как промелькнуло сорок километров пути. Таксист привез его в Лидо Адриано, городок рядом с Равенной. Это оказался совершенно тихий райский уголок, где только летом бывает многолюдно, а в остальное время года — тишина. Теперь сезон только начинался.

Бар «Адриатика» располагался на берегу моря, по соседству с отелем Due Mage. Макс расплатился со словоохотливым таксистом и, подхватив свой рюкзачок, по ступенькам поднялся на открытую веранду бара. Часы показывали около одиннадцати вечера, время, когда народу в заведении уже набиралось достаточно. Гремела музыка. Макс подождал, пока его глаза привыкнут к густой, наполненной запахами моря и южных растений темноте, которую то и дело прорезали разноцветные вспышки света с дискотеки, и, медленно маневрируя между крошечными столиками с расположившимися за ними посетителями,

направился к обитой по бокам кожей стойке.

Бармен любезно ответил ему по-французски, что да, синьорина Настя у них работает, но сегодня не ее смена. Господину, чтобы увидеть ее, нужно прийти завтра днем. На вопрос, где синьорина проживает, бармен лишь вежливо улыбнулся. Пусть господин не обижается, но посторонним они таких справок обычно не дают.

Максу ничего не оставалось, как уйти ни с чем и на ночь снять номер в отеле. Здешние цены его приятно удивили. Переночевать в номере стоило полтора миллиона лир. Но делать было нечего. Перспектива провести ночь на пляже Макса не устраивала. Он заплатил за номер с помощью карточки VISA, и, едва в нем оказавшись, тут же повалился на постель, мгновенно уснул, даже не успев толком оценить шикарную обстановку — просторную кровать с медными шарами и ванну ослепительной голубизны.

Бар открывался в полдень. Сюда можно было попасть двумя путями: прямо с улицы или через холл отеля, спустившись на несколько ступенек вниз. Солнце ослепительно сияло в безоблачном небе, и Макс выбрал для себя отдаленный столик в тени, которая почти полностью скрывала его лицо.

Посетителей в этот час было не так много, хотя народ постепенно собирался, занимая столики по соседству. Внимание Макса было приковано к двери, расположенной рядом со стойкой, откуда то и дело выходили официантки. Однако Насти среди них не было. Так прошло примерно полчаса. Макс начал терять терпение и уже хотел подойти к бару, чтобы навести справки, но тут он увидел ее.

Она шла прямо к нему, щуря глаза от яркого солнца. Один взгляд, всего один мимолетный взгляд вдруг заполнил этот мир. Исчезло все вокруг. На мгновение забылись постоянно лезшие в голову все последнее время докучливые мысли о том, как произойдет их встреча, обрадуется ли Настя?.. словно поток, прорвавшийся через дамбу, свет ее глаз заполнил пересохшее русло реки его жизни, все остальное превращая в ничто.

Да, это была она. Ветер с моря задорно играл ее густыми волосами, развевал и сбрасывал их на глаза, отчего ей приходилось постоянно придерживать волосы руками, что придавало ее лицу милое очарование. Она опять была совсем молоденькой девчонкой, той, что пришла когда-то к нему в оранжерею...

Это была снова она, почти не изменившаяся и по-прежнему желанная. Свет ее глаз, ее губы, ее улыбка. Вот сейчас наступит этот долгожданный миг...

Но он, видимо, сидел за тем столиком, который она не обслуживала. Макс понял это, когда она прошла мимо, совсем рядом, так что он мог коснуться ее рукой. Он не сделал этого, а только сказал, пытаясь догнать ее, уходящую:

— Привет... — Он произнес первое, что пришло в голову, потому что другие слова сейчас застряли в горле.

Она замерла, словно на что-то наткнулась. Медленно повернулась к нему.

Два месяца Настя провела в доме крестьянина Мирко Шарича. Хозяева отнеслись к ней по-доброму, как к близкой родственнице. Выхаживали ее, пока она болела, кормили, снабдили одеждой. Они ни о чем ее не расспрашивали, удовлетворились рассказом, что она из России, а здесь ее настигла беда. Чтобы отблагодарить Мирко и его семью, Настя, как могла, помогала им по хозяйству. Убиралась в доме, ухаживала за скотиной и даже научилась доить корову. Руки у нее огрубели, кожа на лице обветрилась, но Настя не придавала этому значения, так как теперь почти не смотрела на себя в зеркало.

Мирко уговаривал ее остаться, пока, как он выразился, в стране не закончится военная заварушка. А там видно будет. Но ожидание не входило в ее планы. С наступлением весны Настя решила, что будет выбираться отсюда своими силами. Надо было лишь заработать немного денег, а как это сделать, она тоже знала...

Мирко отвез ее на своей развалюхе в Бания-Луку, городок, расположенный в Боснии, где недавно прекратились военные действия. Там размещалась миротворческая база военнослужащих стран НАТО, и те охотно пользовались услугами «ночных бабочек». Однако Насте «не повезло». Только она познакомилась с местными путанами, которые ввели ее в курс дела, как базу срочно прикрыли, а контингент отправили на родину.

Настя поселилась в доме местного жителя Предрага, который превратил свою обитель в подпольный бордель для военных. С ней здесь находились три девушки из Молдавии, украинка и русская. Выходить на улицу без причины девчонкам возбранялось, дабы лишний раз не светится перед соседями. Но к тому времени бизнес у Предрага треснул по всем швам. Он собрал девочек на прощальный ужин, от души напоил ракией и сообщил, что двоих продаст уже завтра, а остальным, увы, работы нет, поэтому «до виджения». Кого продаст — пока не знал. Купцы приедут — выберут сами. Предраг был искренне опечален случившимся, на глазах у него стояли слезы...

Купцы появились у него в доме на следующий день. Один был здоровенный и лохматый, звали его Милорад. А с ним молодой симпатичный парень Желько, шустрый и веселый. Они присоединились к обеденному столу и стали живо общаться с девушками. Желько сразу запал на Настю. Сказал, что работать они станут в Италии, где денег загребут — море. А Насте было все равно. В Италию так в Италию. Ее согревало только одно — там можно прилично заработать и вырваться наконец на свободу.

Милорад выбрал девушку из Молдавии по имени Светлана. В путь отправились через несколько часов. На улице лил проливной дождь, двигались медленно. К утру добрались до Любляны, потом узкими горными тропками до маленького поселка в долине. Там их встретили какие-то мужики, девчонок разместили в стареньком домике, дали выспаться и привести себя в порядок. А наутро, после завтрака, стали инструктировать, как переходить границу. «Пойдем вчетвером, без проводника. Путь неблизкий, через горы, часов шесть. Поэтому кушайте сейчас плотнее, с собой ничего брать нельзя. Вещи тоже здесь оставьте — там быстро заработаете, купите, что душе захочется».

Так и двинулись, налегке. Где была граница, Настя толком не поняла. Шли какими-то горными тропами, долго и трудно. Девчонки сильно устали, и мужчины понесли их на руках. Останавливаться на отдых было опасно. И вот, наконец, после очередного перевала показалась долина, а в долине городишко с черепичными крышами. Италия...

Желько привез ее в Равенну, где достаточно хорошо был знаком с местными условиями. Но в первый же вечер, когда они появились на точке, Желько поругался с албанцами из-за «компенсации». Не придя к компромиссу, те всадили парню нож в живот, и его увезла «скорая» в одну из местных больниц. Что с ним стало дальше, Настя так и не узнала, потому что понятия не имела, где эта больница находится. Оставшись без сутенера, она решила работать одна, на свой страх и риск. Быстро познакомилась с местными путанами, среди которых оказалось немало девушек из России, и ей доходчиво объяснили, что к чему и где удобнее ловить клиентов, а главное — безопаснее.

Самым выгодным типом клиента считался тот, которого путаны между собой называли «меценат». Обычно это мужчина лет сорока пяти. Его можно было подцепить, останавливая пассажжо. Пассажжо — это попутка, которая отвозит девушку домой после работы, так как в Италии общественный транспорт почти отсутствует.

Меценат, как правило, начинал с расспросов: «А что ты делаешь одна на дороге?.. Неужели путана?.. Ах как это плохо!.. А почему?..» Девушка начинала ему рассказывать какую-нибудь жалостливую историю, придуманную тут же, на ходу. Меценат сочувственно качал головой и обязательно интересовался: «Сколько тебе надо денег, чтобы ты бросила эту работу к чертям и уехала в свою Россию? (Украину, Молдавию, Болгарию и т. п.)» Вот тут нужно правильно оценить ситуацию. Много скажешь, подумает — дура. Мало скажешь, тоже ерунда получится. После такого знакомства меценат будет регулярно подвозить до дома после работы и покупать подарки. А через месяц ему это надоест, и он все благополучно забудет. Ну а в общем, клиент всегда оставался клиентом, при всех его странностях.

Вот так однажды Настя ловила на дороге пассажжо, но было поздно и ей не везло. Прохладный ветер дул с моря в лицо, и вообще чувствовала она себя довольно неудобно. Но все-таки одна машина остановилась. В ней сидела шикарная дамочка — итальянские женщины умеют за собой ухаживать.

— Come stai, bella?..

Настя что-то пробормотала в ответ, так как толком по-итальянски пока не изъяснялась. С трудом удалось объяснить, куда и зачем ей надо, и они поехали.

Ее звали Лючия. Она всю дорогу что-то рассказывала, но Насте было трудно разобрать о чем. Но все равно она понимающе кивала в ответ. В конце концов, дамочка положила руку ей на коленку, лучезарно улыбнулась, и Настя наконец сообразила...

Наутро в ее кармане лежала купюра в пятьсот тысяч лир и адрес — бар «Адриатика», где требовалась официантка. Произошло и другое чудо. Используя свои связи, экзальтированная итальянка добилась того, чтобы Насте выдали необходимые документы и вид на жительство. Спустя три недели Лючия уехала в Рим к своему мужу-миллионеру, а Настя теперь могла жить в Италии вполне легально и работать в баре.

Владел этим баром Джованни, маленький итальянец лет сорока, который с самого начала отнесся к Насте очень хорошо и даже к ней не приставал, что было в таких случаях редкостью. Очень многие туристы знали хозяина лично и любили посещать его заведение. Оно отличалось необычайно хорошей кухней и непринужденной обстановкой, а в дискотеке, где всегда гремела самая модная музыка, можно было танцевать хоть до утра. Вечером здесь обычно собирались богатые иностранцы, которые не скупились на чаевые. Но Настя быстро уставала после ночной смены, ей больше нравилось работать в дневные часы, когда

посетителей было не так много. С некоторыми, что приходили сюда постоянно, она была хорошо знакома, и они тоже не скупилась на чаевые. Как, например, эта пожилая пара французов за столиком в дальнем углу открытой веранды, к которым она шла сейчас с приветливой улыбкой на лице.

— Привет. — Глубоко знакомый голос отвлек ее от намеченного маршрута.

Сердце подскочило в груди, дыхание сорвалось, кровь прилила к сердцу. Она еще не обернулась на приветствие, но уже знала, кому оно принадлежит. Оборачиваться сразу не хотелось, словно за спиной притаились детские страхи, когда-то пугавшие ее. Пересилив их, она все же заставила себя медленно повернуться.

— Привет, — сказала она. — Привет, Макс.

— Ну вот, я снова тебя нашел, уже в который раз...

— А я знала, что так будет... я этого ждала...

Она подняла на него взгляд своих красивых глаз, моргнула ресницами, словно приглашая продолжить, и неотрывно начала впитывать в себя все слова, которые лились из его глаз. Их было много, слишком много, чтобы выразиться в нескольких мало значащих фразах. Они были значительнее всех комплиментов на свете. Они были долгими, как сама жизнь, сладкими, как весенний мед, искренними, как сама любовь. Да разве можно описать радость и счастье этих первых минут их встречи?..

Они провели этот день у него в гостиничном номере, в кровати с медными шарами на спинке, разговаривали в перерывах между ласками и не могли наговориться, делаясь воспоминаниями и самыми сокровенными тайнами души. Огонь внутри их, вспыхнувший еще там, на веранде бара, разгорался и пылал все сильнее. Их взгляды сливались в единое целое, а руки крепко держали в объятиях друг друга.

Вечером, когда все самые нужные слова были уже сказаны, а тела насытились друг другом после долгой разлуки, им стало тесно в номере и захотелось прогуляться к морю. Они гуляли под звездами возле самой воды и держались за руки, словно дети. Оба одновременно почувствовали голод, и Настя предложила зайти поужинать в один маленький уютный ресторанчик, находившийся неподалеку.

— Там очень тихо, и нам никто не помешает, — сказала она.

Но побыть в тишине вдвоем им в этот вечер было не суждено. Не успели они сделать заказ, как Макс услышал, что кто-то произнес его имя. Он повернул голову и увидел, что в нескольких столиках от него сидит компания мужчин и женщин, а среди них он узнал бывшего своего компаньона Витьку Лежнева.

Макс сразу помрачнел. Этого им с Настей только сейчас и не хватало. А Витька, напротив, казалось, обрадовался встрече и направился к их столику.

— Батюшки, кого я вижу!.. Макс, Настя... Такие люди и без охраны!..

Он бесцеремонно, без приглашения подсел к ним на свободный стул. По очереди оглядел Макса и Настю:

— Нет, ребята, я тащусь... Правильно говорят англичане, тесен мир...

Настя и Макс напряженно молчали.

— А, понимаю, — сказал Лежнев со значением. — Ты не рад нашей встрече, Макс. Просто не ожидал меня здесь встретить и теперь испытываешь двоякое чувство. А что такое двоякое чувство? Это когда...

— Витя, у тебя там, за столиком, своя компания, — перебил его Макс. — Им, наверное, скучно без твоих приколов. Не испытывай их терпение. Да и наше заодно.

Лежнев продолжал смотреть, и странная улыбка появилась у него на лице.

— А вот я соскучился по тебе, Макс. Нет, серьезно. И тому есть причина... Ты ведь остался мне кое-что должен. А долги рано или поздно надо возвращать.

— Ты выбрал не самое подходящее время и место, чтобы напомнить о долге, — ответил Макс. — Который, впрочем, представляется мне весьма сомнительным.

— Правда? Ты до сих пор еще сомневаешься, что «кинул» бывшую свою фирму, обвел меня, а заодно других сотрудников вокруг пальца ради... — Лежнев не договорил и откинулся на спинку стула. — Ну ладно, обойдемся без подробностей. Я рад, Макс, что ты опять с Настей и вы приятно проводите время вместе. Это как раз кстати. У твоей девушки, Макс, как я догадываюсь, есть кое-что, одна вещица, которая принадлежит мне.

— Что за ерунду ты несешь? — нахмурился Макс. — При чем здесь Настя?

— Я постараюсь тебе доказать, Макс, что это не ерунда, а проза жизни. И Настя имеет к этому прямое отношение... Ты взял деньги из фонда, чтобы отдать их Рафику. Он сейчас, как мы оба знаем, беседует с Аллахом. Выходит, деньги по наследству от него достались Насте. Я всего лишь хочу, чтобы она мне их вернула.

Макс перевел взгляд с Лежнева на Настю.

— Бред! — коротко бросила она и отвернулась.

— Вот видишь, — сказал Макс. — Твои слова — шантаж и наглая ложь. За такие вещи, между прочим, бьют морду.

Лежнев вздохнул:

— Ну, хорошо, дети мои, я вас предупредил. Вы тут сами разберитесь между собой, где ложь, а где правда. Но я не шучу. Между прочим, Макс, тебя давно хотят видеть в прокуратуре, чтобы допросить, а ты скрываешься от правосудия. Это уже пахнет сроком, и немалым. Я тебя покрывал до поры, но всему есть предел. Честь имею!..

Он встал и прошел к столику, где сидели его друзья.

Вечер был безнадежно испорчен. Остаться дальше здесь не имело смысла. Макс подозвал официанта, отменил заказ, и они с Настей отправились к нему в номер.

— И все-таки что Витка имел в виду, когда упомянул о Рафике, деньгах и приплел к ним твое имя? — спросил Макс, доставая из бара стаканы и бутылку вина.

— Может быть, это? — Настя открыла медальон, достала ключ и показала ему.

— Что это? — удивился Макс.

— Наверное, ключ от дома, где те деньги лежат...

И она рассказала, как обнаружила этот ключ под столешницей в квартире Рафика, когда там немецкая полиция проводила обыск. Ключ успел побывать с ней во многих передрягах и только чудом сохранился. А она даже не знала, что с ним делать.

— Лучше его отдать Лежневу, — сказал Макс после некоторого раздумья. — Я хорошо успел узнать Витку за эти годы. Он упертый. И в чем-то, наверное, он прав. Я тогда совсем потерял голову и его здорово подвел...

— Но при этом ты спасал меня! — сказала Настя неожиданно жестко.

— Да, но деньги не принадлежали мне одному. Я как бы брал их в долг, собираясь потом вернуть, не вышло.

— Ты уплатил их Рафику за меня, — продолжала она стоять на своем. — Его больше нет в живых, выходит, эти деньги... принадлежат мне!

Макс оторопело застыл, пораженный ее логикой. А Настя уже шла в наступление:

— Ты подумал, на что мы будем дальше жить, как выберемся из того дерьма, в котором оказались?.. А я постоянно об этом думала. Я хочу найти эти деньги. Ими оплачены все мои страдания. Я хочу взять то, что мне принадлежит!..

Макс поймал себя на мысли, что она сейчас заговорила так, как накануне Лежнев. Но что-то в ее словах показалось ему не лишенным смысла и даже привлекательным. Наверное, по-своему она была права.

— Ты знаешь, где лежат эти деньги? В каком банке? — спросил он.

— Если б знала, то давно ими воспользовалась. Но я не знаю, где их искать. И думаю, теперь ты мне должен в этом помочь.

«Черт побери, как она изменилась!» — подумал он. А вслух сказал:

— Мне понадобится компьютер и подключение к Интернету. Сможешь устроить?

Настя утвердительно кивнула головой.

Весь следующий день Макс провозился у портативного компьютера, который Настя одолжила у Джованни, своего хозяина. А уже к вечеру он непроизвольно стал насвистывать

марш из «Аиды».

— Принеси мне бутылочку кьянти, — потребовал он. — Там, в холодильнике...

Настя достала из холодильника запотевшую бутылку и поставила перед ним. Макс налил себе полный стакан и выпил его залпом. Второй — до половины.

— Не рано ли ты начал праздновать? — спросила она недовольным тоном. — Что-нибудь удалось выяснить?

— Что-нибудь... Этот Рафик успел хапнуть гораздо больше, чем мы с тобой предполагали. И, видать, не одних нас кинул.

— Сколько там у него? — Настя обняла Макса и посмотрела на экран компьютера.

— Много...

— Ну, хоть приблизительно?

— По самой грубой прикидке — что-то около миллиона.

— В рублях?

— Глупенькая... Зеленью!

— А в каком банке?..

Ее вопрос повис в воздухе. Вместо ответа Макс опять склонился над экраном компьютера, принялся щелкать на клавишах. Так продолжалось еще, может быть, час или больше. Настю он просто отгонял, едва она пыталась к нему подступить. От напряжения на лбу у него выступила глубокая складка. Вдруг он замер, глядя на экран примерно полминуты. Потом потянулся на стуле, с удовольствием расправляя затекшие плечи:

— Как обычно любил говаривать мой друг Кирилл, пьяный русский хакер практически непобедим!..

— Ты хочешь сказать... у тебя получилось? — спросила она, недоверчиво и радостно.

— Я хочу сказать... Дольче вита! Что в переводе на простой русский язык означает — собирай шмотки!.. Завтра мы едем с тобой в Швейцарию!

Она вдруг наклонилась к его лицу, поцеловала в щеку, а потом в губы. Он вскочил на ноги, схватил ее в охапку, повалил на кровать. Она визжала, заслонялась руками, извивалась по-звериному в его руках. А потом сама прижалась к нему всем телом, укусила за ухо. Они сплелись, исступленно, в грубой, бешеной ласке.

— Боже! — сказала она потом, тяжело дыша. — Неужели это правда?.. Неужели это не сон, и мы опять вместе?..

Утром следующего дня Настя взяла в баре расчет. Джованни, успевший проникнуться к Насте симпатией, был опечален ее внезапным отъездом, но выплатил всю до последней лиры причитающуюся ей за работу сумму и даже сверх того добавил премию лично от себя. Сборы не заняли много времени. Макс решил взять напрокат машину. Так ему казалось безопаснее. Он остановил свой выбор на «Фиате», но не с автоматической коробкой передач, а с обычной. В дорогу они запаслись продуктами и водой, чтобы зря не терять времени и не останавливаться в пути.

Выезжая со стоянки возле гостиницы, Макс едва не столкнулся с «Ауди» зеленого цвета, неожиданно вынырнувшим из-за поворота. Лицо водителя он разглядеть не успел, но разразился в его адрес всеми бранными словами, которые знал.

Настя чувствовала себя хоть и смертельно уставшей за эти дни, но невероятно счастливой. Едва они выехали за окраину Равенны, как она задремала на заднем сиденье. Иногда, открывая глаза, она смотрела на мелькавшие за окном пейзажи и мечтала. Мечтала, что именно теперь ей повезет. У них с Максом будет много денег, и они смогут жить в свое удовольствие где-нибудь в экзотическом месте.

— Куда бы ты хотел уехать, Макс? — спросила она.

— Пока что мы едем в Женеву, — откликнулся он, не отрывая глаз от дороги. — А там, дальше, как повезет...

— Я о другом. Когда у нас будут эти деньги, куда мы с ними отправимся?

— Их надо сначала получить...

— Какой ты скучный, Макс! С тобой невозможно даже помечтать!..

— Мне сейчас надо думать о дороге, а не мечтать...

— И все-таки? Давай поедem куда-нибудь в экзотическую страну. Где растут пальмы, много солнца и тепло...

— Например?

— Ну-у... Может быть, на остров Пасхи.

— Настя, что у тебя было в школе по географии?

— Не помню уже... Кажется, «хорошо».

— Тебе явно завысили оценку. Остров Пасхи продувается всеми ветрами, которые дуют с океана. И пальмы там явно не растут... Давай еще, с трех раз...

— Отстань! — надулась она, устраиваясь поудобнее на сиденье.

Они проехали без приключений на север до Турина и далее по магистрали А-5, через Аосту до туннеля Мон-Блан, где был расположен контрольный пост на границе с Францией. Здесь надо было уплатить пошлину за проезд. Макс вышел из машины и неожиданно в колонне автомобилей, ждущих очереди на заправке, увидел зеленый верх «Ауди». Это ему очень не понравилось. Он понял, что за ними увязался «хвост».

Насте он ничего не сказал, чтобы не беспокоить ее, но сам то и дело поглядывал в зеркало заднего вида. «Ауди» он увидел опять, когда они вынырнули на противоположной стороне туннеля. Седан зеленого цвета, не снижая скорости, двигался в общей чередe машин метрах в ста позади их «Фиата».

Макс почувствовал уже нешуточную тревогу. Витька Лежнев претворял в жизнь свою угрозу. «Ауди» плотно сидел у них на «хвосте», и намерения сидевшего или сидевших там не

вызывали сомнения. Их хотят проводить до конечной точки маршрута, а уже там действовать по обстоятельствам. Мурашки поползли у Макса по спине, когда он себе представил эти обстоятельства с последующими действиями. Надо было срочно отрываться, уходить от преследования, но как?

Он посмотрел на дорогу впереди. Четырехполосная магистраль уходила вдаль, ровная, как стрела. Посредине и вдоль обочины она была огорожена сплошным барьером из рифленого металла. Случались, конечно, по пути проемы для разворота или ответвления на боковые дороги, но что толку. Водитель «Ауди» видит их «Фиат» как на ладони. Ему не составит труда повернуть вслед за ними. Но все же попробовать стоило...

Макс увидел справа от себя указатель на Шамони. Отсюда магистраль стала постепенно уклоняться влево, в сторону от горной гряды. Надо было точно все рассчитать и не прозевать боковую дорогу.

Он в очередной раз посмотрел в зеркало. «Ауди» держался позади них на прежней дистанции. Очень хорошо. А вот и указатель. Справа должен быть поворот на второстепенную дорогу, ведущую на Шатильон. Макс не знал, что это за городок или просто селение, да ему сейчас это было безразлично.

Уже смеркалось. Он, как и другие водители, включил габаритные огни. Еще один указатель — до Шатильона два километра. Ну, сейчас или никогда!..

Он исподволь начал перестраиваться вправо, рассчитав таким образом, чтобы оказаться в крайнем ряду перед самым поворотом. Ему повезло. Магистраль в этом месте круто загибалась влево, и на какое-то время «Ауди» исчез из виду. А вот и поворот. Макс переключил рычаг на вторую передачу. Мотор взвыл от неожиданности, машину понесло, закружило, но Макс ловко работал рулем и точно вписался в правый поворот, на едва различимую боковую дорогу. Выровняв машину, он помчался вперед на бешеной скорости. Перед этим он выключил фары и габариты и молил Бога, чтобы никто не попался им навстречу, но пронесло.

Проехав еще километра два, Макс остановил машину и выключил зажигание. И только теперь, почувствовав тяжесть в теле, бессильно откинулся на сиденье, но тут же посмотрел в зеркало заднего вида. Погони не было.

Настя была в шоке и лишь сейчас подала голос:

— Ты с ума сошел! Чуть меня не убил!.. Что это было?..

— Все хорошо, — сказал он. — Уже все хорошо... Нас кто-то преследовал от самой гостиницы, но мне удалось от них уйти. Теперь они далеко, а мы здесь.

— Ты шутишь или тебе показалось? — спросила она неуверенно.

Пришлось ей все рассказать в подробностях. Собираясь в путь, Макс рассчитал по карте маршрут таким образом, что к утру они должны были приехать в Женеву. Но теперь решил изменить первоначальный план. Они проехали вперед еще километра три, пока на пути не возник этот сонный городишко Шатильон. К счастью, в нем оказалась гостиница. Маленькая, всего на десять номеров, но им другой и не требовалось.

Макс решил, что они здесь заночуют. На стоянке перед гостиницей было всего две машины. Он загнал свой «Фиат» в самый дальний конец и проверил, все ли дверцы закрыты как следует. Хозяин, даже не спросив документы, отвел им небольшой уютный номер, где они провели ночь. В четыре часа утра Макс разбудил Настю. Пока она умывалась и одевалась, он вышел на стоянку и тщательно осмотрел машину, особенно тормоза. Но повреждений не обнаружил и тогда успокоился окончательно.

Они выпили кофе, любезно приготовленный хозяйкой, и отправились в путь.

От Шатильона до Женевы оставался примерно час езды. Настя опять задремала на заднем сиденье, а Макс, вырулив на магистраль, все время осматривался по сторонам. Но в редком потоке машин в этот ранний час зеленый «Ауди» отсутствовал.

На пограничном пункте в Анмасе он не стал будить Настю, из окна машины предъявил пограничнику документы. Тот бегло их просмотрел и махнул рукой, давая тем самым право на проезд в Швейцарию.

Сразу за кордоном дорога круто пошла вниз, к Женевскому озеру, через густые сосновые леса. По бокам она была огорожена белыми и красными столбиками, которые зимой помогали водителям ориентироваться. Здесь машин тоже было немного, дорога хорошо просматривалась в оба конца, и ничего подозрительного до самой Женевы Макс так и не обнаружил. Теперь можно было вздохнуть спокойно.

Они въехали в город, пересекли мост через Рону и поднялись в Старый город. Здесь, согласно путеводителю, должна была находиться гостиница «Грассхопер». Макс увидел вывеску и припарковал машину рядом со входом. Потом он разбудил Настю, они взяли из багажника вещи и прошли в холл, к стойке администратора.

Документы и здесь им не понадобились. Макс попросил зарегистрировать их как семейную пару из Франции, назвав первую пришедшую на ум фамилию. В номере Настя сразу захотела в душ, а Макс в ожидании ее расположился в кресле у окна. Отсюда открывался чудесный вид на гору Монблан.

Зазвонил телефон. Макс решил, что это портье, и сиял трубку.

— Здравствуйте, Макс, — услышал он уже почти забытые интонации голоса Федота. — Надеюсь, вы хорошо устроились?

— Более-менее... — пролепетал Макс.

— Отлично! Надеюсь, и девушка тоже с вами?

— Да, здесь... Она в душе, — почему-то решил уточнить он.

— Ну конечно, ей надо отдохнуть с дороги и привести себя в порядок...

Макс промолчал.

— А знаете, Макс, — опять заговорил в трубке Федот, — я начинаю думать, что вы гораздо способнее, нежели показались мне сначала. Правда-правда... Я сужу по тому, насколько успешно вы справились с заданием. А вы все сделали блестяще, не ударили лицом в грязь. И девушку получили в качестве приза. Теперь осталась самая малость. Последний штрих. Я думаю, что вы и с этим справитесь не менее успешно.

— Вы о чем? — спросил Макс севшим вдруг голосом.

— Да вы и сами уже, наверное, догадались... Речь идет о небольшой вещице, которую у вас попросил ваш друг Витя Лежнев. Вы ему отказали, и, кстати, правильно сделали. Эта вещь принадлежит... другим людям, и вы мне ее отдадите.

«Вот оно что! — пронеслось у Макса в голове. — Значит, ключик этот действительно волшебный, раз на него претендуют еще одни хозяева. Впрочем, наверняка они и есть главные, а Витка просто шестерка с большой дороги. Но теперь они меня точно прижали, тут уж никуда не денешься... Да, правду говорят, от судьбы не уйдешь...»

— Где и когда вы хотите получить эту вещь? — спросил он в трубку.

— Знаете, где находятся цветочные часы?

— Не знаю, но найду, если надо.

— Правильно, это легко. И не надо будет лишний раз сверять время... Так вот, ровно в полдень подъезжайте на машине к этой местной достопримечательности. И девушку с собой берите.

— А ее зачем? — насторожился Макс.

— Да вы не бойтесь, просто очень хочется посмотреть, ради кого вы проделали столь длинный и тернистый путь... А если серьезно, то вам лучше сразу уехать из города. Куда — это уже ваше дело. Но лучше здесь не светиться лишний раз для вашего же блага. Так что сдайте номер в гостинице и приезжайте.

И Федот повесил трубку.

Ровно в полдень, как и было условлено, Макс остановил машину рядом с площадью, где располагались цветочные часы. Это было действительно уникальное творение — часы из цветов с самой большой в мире секундной стрелкой, длина которой достигала двух с половиной метров, а диаметр циферблата — целых пять. Для создания этих часов местные умельцы использовали шесть тысяч цветов.

В другое бы время Макс с удовольствием показал такое чудо Насте, но теперь он велел ей оставаться в машине, защелкнуть все двери и не открывать никому ни под каким предлогом. А сам отправился на встречу.

Федот опоздал на пять минут. Он появился в поле зрения Макса внезапно, словно и в самом деле выткался из жаркого воздуха. Очень простой и домашний, в потертых джинсах, в какой-то совсем несерьезной маечке и с кофром, в каком обычно фотографы или кинооператоры носят свою аппаратуру. И там у него действительно оказался фотоаппарат.

— Давайте я вас здесь сфотографирую, на память, — предложил он Макс.

— Нет уж, увольте, — отказался Макс. — Давайте сразу перейдем к делу.

— Ну пожалуйста, я вас очень прошу, — заулыбался Федот. — Вы мне мою вещь, а я вам — фотку на память о нашей встрече... Надеюсь, вещьца при вас?

Макс похлопал себя по карману. И в этот момент Федот его все-таки щелкнул.

— Ах, жаль, что девушки с вами нет, — сказал он, вынимая из аппарата фотографию. — Ну да ладно, что ж теперь делать... Нет, нет, как договаривались, сначала вы мне мое, а уж потом я вам фотку, так будет по-честному... Будьте любезны...

— И охота вам комедию ломать? — процедил Макс, отдавая ему ключ. — Очень хочется еще раз унижить напоследок, да?

— Ну почему вы так? Сразу — унижить, — Федот говорил, а сам внимательно рассматривал ключ. Удовлетворившись осмотром, он спрятал ключ к себе в карман и продолжил: — У нас с вами изначально сложился джентльменский уговор. Вам была нужна девушка — вы ее получили и при этом помогли нам. Не за бесплатно, смею заметить... Но я вижу на вашем лице разочарование. Может быть, вы правы... И знаете что? Я хочу вас отблагодарить, а в качестве приза за хорошую работу вручить вот это...

Он достал из кофра массивный футляр с застежкой и передал его Макс.

— Это что? — удивился Макс и собрался было открыть застежку.

— Э, нет, — остановил его Федот. — Только не здесь. Я же сказал, это приз. Вашей девушке. Откроете, когда останетесь с ней наедине. Там очень дорогая, я бы даже сказал, уникальная вещь. Ей она понравится. Пусть для нее это будет сюрприз!..

Макс повертел в руках футляр и хотел его спрятать в карман. Но он туда не поместился,

и Макс сунул футляр в целлофановый пакет.

— Ну что, будем прощаться? — грубовато спросил он. — Но руки я вам не подам!

— Как хотите, — согласился Федот. — Кстати, напоследок. Возможно, это вас несколько утешит... Ваш друг Витя Лежнев теперь у вас в вечном долгу. Если бы вы тогда согласились отдать ему эту вещь, его наверняка уже не было в живых.

На этом Федот повернулся и медленно, походкой скучающего туриста, пошел через площадь. Макс направился в другую сторону, к машине, где его ждала Настя.

Они ехали по дороге, огибающей с севера Женевское озеро. Разговаривать не хотелось, было только одно желание — мотать отсюда как можно дальше и быстрее. Но куда конкретно лежал сейчас их путь, никто не знал. Еще там, возле площади с цветочными часами, они решили, что заберутся тут, неподалеку, в какое-нибудь совсем глухое место, а уже там решат, оправившись от шока, что им делать дальше.

Настя сидела теперь рядом с Максом, на переднем сиденье. Она машинально включила магнитола. Из динамиков полилась какая-то слащавая мелодия.

— Терпеть не могу эту музыку! — Макс раздраженно покосился в ее сторону.

Настя пожала плечами:

— Другой нет.

— Тогда выключи вовсе или достань из «бардачка» кассету.

Настя открыла крышку бардачка. Оттуда ей на колени вывалился целлофановый пакет, а из него футляр.

— Это что? — спросила она.

— Черт, совсем забыл... — Макс только теперь вспомнил о подарке. — Это Федот мне его подсунул, в качестве приза.

— Тяжелый, — Настя взвесила футляр на ладони. — Что там, внутри?

— Не знаю...

— Так давай посмотрим!

— Не здесь, — он отобрал у нее футляр. Остановимся и поглядим.

— Ты мне не доверяешь? — Она фыркнула и надула губы.

Макс ничего не ответил. Он как раз увидел сбоку от главной дороги едва приметный проселок, ведущий к обрыву на берегу реки, и решил, что это самое удобное место для временной остановки. Повернул в том направлении.

— Зачем он его тебе дал? — Настю уже разбирало любопытство.

— Говорил уже — не знаю! — ответил Макс, продолжая возиться с застежкой на футляре. — Вроде как подарок... Вернее, эту штуку он передал для тебя, но мы вместе посмотрим... Сказал, что тебе она понравится... Тугая, зараза!..

Застежка наконец поддалась. Макс приоткрыл крышку. На синем бархате он увидел дешевую ювелирную поделку — череп со скрещенными костями.

— Ну, и этим он хотел меня удивить... — начала было Настя.

Но Макс не дал ей договорить. Он к чему-то напряженно прислушивался.

— Вон из машины! — заорал он что есть мочи, одновременно швырнув футляр на заднее сиденье. — Прыгай за мной, скорее!..

И, увидев, что Настя замешкалась, с силой вытолкнул ее из машины. Выскочил следом, схватил девушку за руку, и они вместе кубарем скатились к подножию обрыва.

Через мгновение яркая вспышка взметнулась у них над головами, а за ней последовал

страшной силы взрыв. Макс пригнул голову Нasti к земле, сам упал сверху, прикрывая ее тело своим. На них обрушился целый водопад земли и срезанных веток соседних деревьев. Буквально в метре от себя Макс увидел, как прокатилось мимо горящее колесо их автомобиля и с шипением упало в реку. Потом раздался еще один взрыв — это рванул в машине бензобак. И все стихло.

Они так и лежали какое-то время, оглушенные, присыпанные землей, не разжимая рук. А потом одновременно подняли головы и посмотрели друг на друга.

— Мы живы, Макс? — спросила Настя, выплевывая землю изо рта.

— Кажется, да... — он тряхнул головой, тоже освобождаясь от земли.

— А что это было?

— Взрывчатка. Мина такая, с секретом.

— А наша машина?

— Там, наверху. Догорает, наверное...

— Черт! Там же остались все мои вещи!.. Сумочка с деньгами, косметика... Абсолютно все! Даже трусы невозможно будет поменять в случае чего!..

— Бедняжка! А ты небось со страху описалась? Ничего, Настя, мы с тобой еще молоды, начнем с нуля. Как все миллионеры. Первое, что я сделаю, когда разбогатею, куплю тебе новые трусы...

— У-у, урод!.. Ненавижу!.. — Она заколотила своими кулачками по его голове и по плечам. — Зачем я только тебе доверилась?.. Зачем отдала этот ключ?.. Ты дерьмо, Макс! Ты полное дерьмо... Но я все равно тебя люблю!.. Не знаю, правда, за что...

Она упала ему на грудь и зарыдала, уже откровенно, не таясь.

— Ну, успокойся, — он погладил ее волосы. — Я ждал от тебя этих слов...

— Что ты дерьмо? — всхлипывая, она подняла голову.

— Нет, других. Что ты меня любишь.

— Это я погорячилась.

— Я тоже погорячился... Насчет ключа. Вот хрен он у меня получил, а не ключ!

Настя перестала всхлипывать и смотрела на него широко открытыми глазами, еще не веря. А он достал ключ и держал его перед ней на раскрытой ладони.

— Это... у тебя откуда?

— От верблюда!

— Нет, я серьезно... Этого не может быть!

— Может. Я ему всучил ключ от ячейки камеры хранения железнодорожного вокзала в Гамбурге. Там остались кое-какие мои старые вещи, я о них совсем забыл. Вот пусть он их теперь сдаст в химчистку.

— Макс, ты все-таки порядочная скотина! — сказала Настя, постепенно приходя в себя. — Почему мне сразу об этом не сказал, а стал с похоронным видом разыгрывать всю эту комедию с отъездом?

— Ну, я сам еще до конца не верил, что этот финт у меня пройдет. Хотел убедиться, что он не бросится нас догонять и не устроит нам маленькую аварию с двумя холодными трупами в салоне. Но про взрывчатку я не знал, честное пионерское!.. Он это здорово придумал! Сразу избавил нас от многих хлопот, связанных с переодеванием и игрой в прятки. Я готов ему аплодировать!..

— Выходит, те деньги теперь наши?

— Их надо еще получить, — напомнил он. — Не сразу, чуть переждем, пока все

успокоится и в Москве эти ффраера вставят в рамочку некролог с нашими именами.

Наверху слышался вой полицейской сирены.

— Мотаем отсюда! — Макс сразу сделался озабоченным и сменил тон. — Уносим ноги.

Мертвецы не должны воскреснуть, не будем их разочаровывать...

— А знаешь, Макс, я тогда перепутала, — сказала Настя, когда они, обдирая руки, карабкались сквозь кусты на противоположный склон оврага.

— Что перепутала?

— Ну, то название. Я имела в виду не остров Пасхи, а Фиджи.

— Правда? Это в корне меняет дело, — ответил он серьезно. — Ты делаешь успехи в географии. На троечку с минусом уже сможешь потянуть...

...И спустя полгода. Где-то в экзотической стране.

Она загорала, совершенно обнаженная, в шезлонге на берегу океана. Над головой ярко светило солнце. Синие горы за ее спиной, покрытые дикой растительностью, своими вершинами упирались в такое же синее небо. Солнечные ванны сделали кожу молодой женщины равномерно смуглой и даже слегка позолотили ее. Брови, ресницы, рыжие волосы (она их недавно красила) и пушистый треугольный островок внизу живота были словно припудрены серебристым порошком. Вид и пейзаж, достойные кисти живописца. Или камеры фотохудожника — это уже как и кому больше нравится.

Она слышала шаги у себя за спиной. Кто-то подходил к ней сзади, невидимый, шлепая подошвами своей обуви по мокрому песку.

— Это ты, Макс?

Молчание.

— Макс, хватит. Я тебя слышу. И знаю, что это ты!..

Опять молчание.

— Так все-таки это ты или не ты?

— Глупый вопрос, — ответил он наконец. — А если я скажу, что это не я, ты мне поверишь?

— Конечно нет.

— Тогда зачем задаешь дурацкие вопросы?

— Чтобы получить не менее дурацкий ответ... Не смотри на меня так, я стесняюсь.

— Неужели?

— Честное слово... Ты пришел меня поцеловать?

— И не только. Я принес тебе подарок.

— Правда? — она приподнялась в шезлонге. — Дай взглянуть.

Он спрятал сверток за спину:

— Ты же меня стесняешься.

— Ради подарка я готова побороть стыд.

Тогда он отдал ей сверток, перетянутый алой ленточкой. Мучимая любопытством, она не стала возиться с этой ленточкой, а просто разорвала упаковку.

— Это что? — спросила она, разглядывая почти воздушный треугольный предмет. Ты принес мне... трусы!

— Я же обещал, — ответил он, скромно при этом потупив взор. — А обещания я привык выполнять. Меня так учили еще в школе...

— Как ты посмел!..

Она вскочила и, как была голая, бросилась на него. Он отпрыгнул в сторону, а потом побежал по кромке берега, в том месте, где ее лизала лениво набегавшая океанская волна. Она бежала за ним. Он давал ей себя догнать, даже коснуться кончиками пальцев, а потом опять убегал от нее, и она догоняла его снова.

Вдруг воздушное марево над ее головой преобразилось чудесным образом. Повалил снег, окутывая ее густым белым облаком. Она остановилась, подняла вверх лицо, подставила ладони. Белое облако повисло у нее над головой.

— Макс, гляди, снег! — закричала она радостно. — Прямо как у нас, в России. Там ведь

сейчас зима... А тут снег среди лета, в самую жару, странно...

— Это не снег, — сказал он, подходя и обнимая ее за плечи.

— А что это?

— Ты разве не видишь? Это же бабочки!

Но она и сама уже это поняла. Бабочки кружились над их головами, присаживались на крышу дома, на деревья и другие экзотические растения, прятавшие в своей зелени этот дом, стоящий на берегу, — названия всех растений она так и не смогла запомнить — и, замерев на миг во влажном тугом воздухе, взмывали вверх и вновь устремлялись следом за женщиной и мужчиной, которые шли у самой воды, взявшись за руки, словно дети.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она предпочла забыть свое имя, чтобы навсегда заглушить боль о прошлом, о несбыточных надеждах и навсегда утерянной ЛЮБВИ. Теперь она МОТЫЛЕК, порхающий среди сутенеров и клиентов, дорого платящих за ее любовь.

Но один-единственный вечер в корне меняет ее жизнь.

Судьба дарит ей шанс. Шанс наконец-то обрести свое СЧАСТЬЕ...

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме

предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.